ОТДЪЛЪ І.

Византійскія Житія Святыхъ VIII—IX въковъ.

I.

Введеніе 1).

Одною изъ главныхъ отраслей церковной письменности является агіографія (святописаніе), т. е. произведенія, написанныя почти исключительно духовными лицами въ память, похвалу и честь святыхъ. Подъ этими произведеніями разум'єются или прозаическія сочиненія, какъ-то: мученичества, житія святыхъ и похвальныя слова имъ, или поэтическія, напр. службы, каноны и другія п'єєноп'єнія. Мы останавливаемся на прозаическихъ памятникахъ главнымъ образомъ потому, что они являются наибол'єє полными выразителями біографій святыхъ,

¹⁾ Изъ общирной агіологической литературы назовемъ здѣсь: a) Tillemont, Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique des six premiers siècles (пять первыхъ TOMOBE), 1694 sq.; b) Dom Pitra, Études sur la collection des Actes des saints, Paris 1850; c) M. de Rossi, Bulletino di archeologia cristiana, 1863-884 и сл.; d) Rossi, La Roma soterranea cristiana, Roma 1864-1877, 3 toma; e) B. Aubé, Les chrétiens dans l'empire romain de la fin des Antonins au milieu du troisième siècle. Paris 1881; f) Le Blant, Les actes des martyrs, Paris 1882 (въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles -- Lettres, XXX part. 2); g) Le Blant, Les Acta martyrum et leurs sources (BE Nouvelle Revue historique de droit français et étranger, 1879 p. 463-469); h) Aubé, Histoire des persécutions de l'église jusqu'à la fin des Antonins, Paris 1875; i) P. Allard, Histoire des persécutions pendant les deux premiers siècles d'après les documents archéologiques, Paris 1885; j) Backhouse et Tylor, L'eglise primitive jusqu'a la mort de Constantin, trad. de l'anglais par P. de Félice, Paris 1886; k) архісп. Сергій (Владимірскій), Полный м'ёсяцесловъ Востока, Владиміръ 1901, т. І (первое изданіє: М. 1875), съ обозрѣніемъ литературы; l) «Studi e testi», римское изданіе; m) «Römische Quartalschrift»; n) Harnack'obo изданіе «Texte und Untersuchungen»; o) H. Delehaye, Les légendes hagiographiques, 2-e éd. Bruxelles 1906.

2 отдълъ і.

тогда какъ напр. службы историко-біографическаго матеріала уже не имѣютъ, содержа часто лишь одни неясные намеки, которые не рѣдко можно истолковать въ разныхъ смыслахъ. Читатель напр. мученичества Саввинскихъ мучениковъ, составленнаго современникомъ, найдетъ много историческаго матеріала; но если онъ обратится къ гимну того-же автора объ этихъ мученикахъ, онъ не найдетъ ничего — ни мѣста страданія, ни даже именъ ихъ.

Агіографія, какъ особый родъ литературы, имѣетъ свою исторію въ связи съ ходомъ исторіи христіанства. Послѣднее сначала подверталось преслѣдованіямъ со стороны римскихъ императоровъ и ревностные прозелиты умирали мученическою смертью: явились мученичества; потомъ, когда со временъ Константина Великаго христіанство было объявлено господствующею религіею, когда преслѣдованія окончились и когда святые люди умирали естественною смертью, — память о нихъ воплотилась въ житіяхъ. Марторіа (Acta, Passiones, или Gesta martyrum) и Віоі (Vitae) — вотъ два главныхъ вида греческой агіографіи, о которыхъ мы и намѣрены здѣсь говорить.

a) Μαρτύρια (Acta).

Первые вѣка христіанской эры, какъ извѣстно, были эпохою многихъ и лютыхъ гоненій на христіанъ. Прозелиты мужественно исповѣдывали имя Христово и, не смотря на мучительныя пытки, смѣло глядѣли въ лице смерти. Съ 64 года, со времени преслѣдованія Нерона, говоритъ Allard, до 313 года, даты Миланскаго эдикта, протекло 249 лѣтъ; церковь провела 6 лѣтъ страданій въ первомъ вѣкѣ, 86 во второмъ, 24 въ третьемъ и 13 въ началѣ четвертаго, а находилась въ покоѣ 120 лѣтъ, изъ которыхъ 28 въ первомъ вѣкѣ, 5 во второмъ и 76 въ третьемъ.

Первымъ св. мученикомъ считается обыкновенно архидіаконъ Стефанъ (πρωτομάρτυς). Иногда византійскіе писатели подымаются выше и первымъ мученикомъ считаютъ св. Іоанна Крестителя: напр. Стефанъ Савваитъ называетъ Предтечу μάρτυς καὶ μαρτύρων ὁ πρῶτος ¹); однако это не совсѣмъ точно: мучениками мы называемъ исповѣдниковъ вѣры, положившихъ животъ свой за истину Бога, а не только исповѣдниковъ нравственности, какимъ былъ по преимуществу св. Іоаннъ какъ мученикъ.

¹⁾ AA. SS. Boll. мартъ, III, § 67.

Юная христіанская община, оплакавъ кончину одного изъ 70 апостоловъ, надо полагать, прежде всего занесла въ свою памятную книгу это имя; и съ того времени ежегодно 27 декабря въ молитвенномъ единеніи воспоминала св. Стефана и въ памяти и въ воспоминаніи о дѣятельности его почерпала новыя силы къ укрѣпленію и утвержденію вѣры.

Ближайшіе свидътели мученической кончины членовъ христіанской общины и въ послъдующее время все заносили и заносили имена новыхъ мучениковъ и день ихъ кончины: памятная книга отдъльныхъ провинцій все разросталась.

Съ теченіемъ времени, какъ естественный шагъ, для нуждъ христіанской общины явилась необходимость имѣть общій календарь съ именами всѣхъ мучениковъ, пострадавшихъ на обширной территоріи Римской имперіи. И число этихъ мучениковъ къ IV вѣку разрослось настолько, что въ календарѣ не оказалось ни одного дня безъ памятей мучениковъ.

Но ранѣе того какъ христіанская религія уже объединила обѣ части Римской имперіи, не сохранилось ни одного такого календаря; старѣйшіе изъ нихъ, Сирійскій и Псевдіоеронимовъ мартирологи, относятся лишь къ V вѣку.

Рядомъ съ голою отмѣткою имени одного мученика писалось иногда μαρτύριον другого, особенно въ томъ случаѣ, когда при казни присутствовалъ какой-нибудь тайный христіанинъ, который нерѣдко и уносилъ тѣло мученика въ сокровенное мѣсто. Конечно, среди бивуачной жизни христіане въ своихъ μαρτύρια не могли преслѣдовать какихъ либо литературныхъ цѣлей. Написанныя наспѣхъ, эти μαρτύρια не отличались должною правильностью рѣчи и въ сущности давали очень мало историческихъ чертъ по сравненію съ краткими календарными отмѣтками: главнѣйшимъ придаткомъ является здѣсь имя императора, епарха, анопиата или префекта и т. д., при которыхъ пострадалъ мученикъ. Но какъ ни слабы были эти μαρτύρια въ литературномъ отношеніи, они тщательно сохранялись, ибо христіанская община хотѣла прежде всего читать или слушать только память мученика, совсѣмъ не обращая вниманія на ея литературную форму.

Мученичествъ, написанныхъ христіанами въ языческое время, имъется очень ограниченное количество. Напр. Тертулліанъ Кароа-генскій цитировалъ акты Перпетуи, которые стало быть существовали уже въ первой половинъ III въка. Но откуда почерпнутъ мате-

4 отдълъ I.

ріаль во всёхъ другихъ памятникахъ этого рода? Aubé предполагалъ, что возможны были со стороны христіанъ, хотя и рёдко, подкупы и похищенія документовъ у легкомысленныхъ, малобдительныхъ и мало рачительныхъ сторожей. Но гораздо болёе, по нашему мнёнію, заслуживаетъ вниманія другое его предположеніе, что источникомъ могли быть свёдёнія самихъ магистратовъ и подсудимыхъ. Такъ или иначе, фактъ тотъ, что въ языческій періодъ актовъ, происходившихъ изъ сффиціальнаго источника, сохранилось очень мало.

Но появление огромнаго количества актовъ въ послѣ-Константиновское время довольно удовлетворительно можно объяснить следую-Мученики первыхъ вѣковъ щимъ образомъ. жили и страдали въ культурномъ Римскомъ государстве и гибли иногда цельими массами не только по одному капризу деспотической власти; нѣтъ, такъ какъ христіане являлись ренегатами римской религіи, они должны были быть судимы и казнены тёмъ или инымъ образомъ по закону. Обыкновенно дело происходило такъ. Къ трибуналу епарха или проконсула области приводили человъка и говорили, что онъ христіанинъ. Епархъ съ соблюдениемъ законной формы задавалъ подсудимому рядъ вопросовъ (ex tabula recitare) объ имени, родинъ, принадлежности къ христіанству 1) и т. д.; получивъ утвердительный отвѣтъ на третій вопросъ, судья старался убъдить христіанина къ возвращенію къ отечественной религіи; и только послѣ отказа принести жертву языческимъ богамъ произносилъ смертный приговоръ²). Приговоръ затёмъ приводился въ исполнение обыкновенно за городомъ, если казнію было отсівченіе головы, и въ самомъ городів, если подсудимый приговаривался къ цирковой аренъ. Мученикъ былъ казненъ и дъло его, т. е. судебный вербальный процессъ съ ответами, помещался въ архивахъ имперіи. Пока христіанство было гонимою религіею, эти дъла лежали въ архивахъ безъ всякаго употребленія. Но когда христіанство сділалось господствующею религіею, когда въ Римі и можеть быть въ другихъ значительныхъ городахъ возникъ институтъ писцовъ, нотаріевъ, на обязанности которыхъ лежало собираніе мученическихъ актовъ, когда христіане получили доступъ къ государственнымъ должностямъ, публичные архивы были открыты для благо-

¹⁾ Проконсулъ Виенніи, Плиній Младшій ок. 105 г. писаль имп. Траяну: interrogavi ipsos, an essent christiani? (Plinii Epistolarum libri decem, X, 96).

²⁾ Confitentes iterum ac tertio interrogavi, supplicium minatus; perseverantes duci jussi (ibidem).

честивыхъ, проконсульские регистры были переписаны и такимъ образомъ пущены въ оборотъ среди читателей.

При опубликованіи мученичествъ работа редакторовъ была крайне несложною, т. е. другими словами она представляла изъ себя лишь переписку судебнаго дѣла. Мученичества начинались обыкновенно словами: «Въ царствованіе императора N и во время игемонства N въ епархіи N приведенъ былъ человѣкъ по обвиненію его въ христіанствѣ». А когда не было извѣстно, при какомъ императорѣ пострадалъ мученикъ, редакторъ начиналъ свою статью словами: «Царствующу Господу нашему Іисусу Христу». Послѣ этого дословно выписывался судебный процессъ, т. е. вопросы епарха и отвѣты христіанина, наконецъ μαρτύριον оканчивалось приговоромъ и сообщеніемъ о кончинѣ мученика. Такимъ образомъ составными частями актовъ служатъ три обстоятельства: событія до мученичества, допросъ и приговоръ судьи вмѣстѣ съ описаніемъ смерти. Никакихъ вступленій, разсужденій, никакихъ особыхъ заключительныхъ словъ не дѣлалось.

Наиболье рельефными представителями этого рода агіографім ранняго времени служать акты: св. Іустина, Кипріана, Августа и Евлогія, Максимиліана, Кристины, Феликса и Цециліи. Сюда же сльдуеть отнести и нъсколько Passiones, составленныхъ современниками мучениковъ и не содержащихъ въ себъ ничего посторонняго кромъ какъ одного судебнаго дъла, напр. passio s. Sperati, Caesarii et Juliani, письмо Смирнской церкви о Поликарпъ, письмо Ліонской и Віенской церквей о 177 мученикахъ, страданіе Пернетуи и ея дружины, письмо св. Діонисія объ александрійскихъ мученикахъ. Но подобныя современныя мученичества очень немногочисленны.

Литература мученичествъ, вполнѣ отвѣчавшая запросамъ и интересамъ времени, пришлась раннему христіанству совсѣмъ на руку: ею зачитытались, ее переписывали, благоговѣйно почитали мучениковъ, особенно цѣнили мощи ихъ, для пріобрѣтенія которыхъ не щадили средствъ, а когда денежныя средства оказывались не дѣйствительными, не почитали за стыдъ и грѣхъ воровать, а въ средніе вѣка даже воевать ради ихъ полученія. Крестоносцы IV крестоваго похода овладѣли Константинополемъ съ цѣлью главнымъ образомъ поживиться богатствомъ его святынь.

Неудивительно послѣ этого, если мы скажемъ, что между христіанами различныхъ національностей являлось иногда соревнованіе. Одна община, одинъ народъ имѣлъ мощи какого нибудь святого му6 отдель і.

ченика: но тъже мощи желала имъть другая община, и вотъ происходитъ литературная подтасовка. Муч. Спевсиппъ, Еласиппъ и Меласиппъ, греческіе уроженцы, жили и пострадали въ Каппадокіи; мощи ихъ въ VI в. были подарены въ Галлію. Съ тёхъ поръ память о мученикахъ на Востокъ забывается, тогда какъ въ Lingonica civitas (Langres), куда он' были положены, память о нихъ оживаетъ: здёсь даже галльскія м'єстности получили свои названія прим'єнительно къ греческимъ названіямъ Каппадокій (напр. Пабрабо — Pêmes), и кончилось это отчуждение тёмъ, что въ появившихся латинскихъ актахъ мучениковъ они названы уже прямо галлами. Мы, издавшіе неизвъстное греческое μαρτύριον, впервые усумнились въ галльскомъ происхожденіи мучениковъ; за нами и независимо отъ насъ къ тому же пришель и H. Grégoire; но французамъ и въ частности лангрцамъ тяжело будеть отречься отъ своихъ върованій, поэтому вопросъ о родинъ этихъ мучениковъ еще долго будетъ разсматриваться въ ученой литературъ рго и contra. Или напр. вопросъ о свв. Космъ и Даміанъ. Одни ученые (Болландисты) признають единую двоицу 1), другіе (Алляцій, Вагнереккъ, Денъ) — даже три пары Космъ и Даміановъ: одна двоица была уроженцами Азіи, другая — Рима, третья — Аравіи. Византійская агіографія можеть насчитать очень много примізровъ подобнаго рода. И освященныя давностью литературнаго преданія имена этихъ мучениковъ причиняють не мало трудовъ и усилій ученымъ для согласованія подобныхъ мученическихъ актовъ.

Рядомъ съ μαρτύριον, т. е. съ сухимъ дѣловымъ отчетомъ о судебномъ допросѣ мученика, уже съ IV и V вѣковъ, съ развитіемъ разныхъ родовъ литературы, появляется особенная литературная форма въ агіографіи, это такъ называемыя похвалы, похвальныя слова мученикамъ (ἐγχώμιον, ἐγχωμιαστιχὸς λόγος). Похвалы произносились ежегодно проповѣдниками въ тѣхъ храмахъ, или въ тѣхъ придѣлахъ, которые были связаны съ памятью мученика. Здѣсь преобладала риторика и краснорѣчіе, сдѣлавшія столь большіе успѣхи со временъ Василія Великаго и Іоанна Златоустаго, кстати сказать бывшаго адвоката, человѣка, владѣвшаго силою своего слова въ высокой сте-

¹⁾ Упрощеніе спорнаго вопроса—повидимому характерная особенность Болландистовъ: недавно знаменитый Нір. Delehaye, разсмотръвъ сказанія о святыхъ воителяхъ, пришелъ къ опредъленному выводу, что Св. Осодоръ Тиронъ и Осодоръ Стратилатъ, признаваемые за два особыя лица, тожественны между собою. См. его Les légendes grecques des saints militaires. Bruxelles 1909.

пени. Точка зрѣнія и задачи агіографіи здѣсь подверглись значительной перемѣнѣ: μ αρτύριον будило религіозное чувство своєю жизненною правдою, $\dot{\epsilon}$ үхώ μ ιον будило его убѣжденіемъ, своєю трогательностью, — конечная цѣль достигалась та же самая. Въ историческомъ отношеніи μ αρτύριον — болѣе важный источникъ, нежели $\dot{\epsilon}$ үхώ μ ιον: если въ первомъ историческаго матеріала, какъ мы видѣли, было немного, то во второмъ онъ еще болѣе сокращенъ; $\dot{\epsilon}$ үх ω μ ιαστ $\dot{\eta}$ ς, произнося панегирикъ, часто и не представлялъ себѣ яснаго отчета обо всѣхъ обстоятельствахъ жизни мученика.

Назидательность чтенія мученичествъ и та легкость, съ какою появлялись они на свѣтъ, были главными причинами большого распространенія этого рода литературы между новыми христіанами. Церковь въ этомъ случав шла на встрѣчу обществу и поощряла какъ появленіе, такъ и чтеніе мученичествъ: она включила ихъ въ кругъ своихъ собраній. Мученическіе акты св. Игнатія Богоносца уже во второмъ вѣкѣ читались въ церквахъ; изъ мученичествъ св. Евстратія видно, что чтеніе μαρτύριον положено было на утрени послѣ пѣнія псалмовъ; месопотамскій еп. Маруеа читалъ акты персидскихъ мучениковъ въ церкви въ великій постъ; 50-мъ правиломъ Кареагенскаго собора (418 г.) положено было во время богослуженій читать мученическіе акты въ дни памяти мучениковъ; Цезарій Арелатскій (VI в.) совѣтоваль слабымъ сидѣть во время чтенія пространныхъ мученичествъ 1).

Подобно тому какъ имена мучениковъ отдѣльныхъ провинцій сводились въ одинъ общій календарь церкви, — и μαρτύρια могли также составляться въ извѣстномъ порядкѣ по днямъ мѣсяцевъ. Такъ появились минеи (μηναῖα). Древнѣйшее извѣстное собраніе было сдѣлано въ IV вѣкѣ современникомъ Константина Великаго Евсевіемъ-Памфиломъ Кесарійскимъ въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ одна объемомъ была больше другой. Меньшее собраніе дошло до насъ въ цѣлости, именно въ VIII книгѣ его «Церковной исторіи»; что же касается до большей книги, она страннымъ образомъ сохранилась не въ греческомъ подлинникѣ, а только въ сирійскомъ переводѣ (изд. W. Cureton'омъ). Однако ученые нашли и опубликовали нѣкоторые отрывки изъ большой книги на греческомъ языкѣ — въ нѣкоторыхъ минологіяхъ и синаксаряхъ: венеціанскомъ, ватиканскомъ, мюнхенскомъ, парижскомъ, вѣнскомъ, сирмондовомъ и т. д. ²).

¹⁾ Сергій, І, 237.

²⁾ Anal. Bolland. Bruxelles 1897, XVI, 113 sq.

До сихъ поръ мы говорили о первоначальныхъ и подлинныхъ μαρτύρια. Но въ послѣ-Константиновское время рядомъ съ чистыми актами стали появляться мученичества уже несамостоятельныя, гдѣ агіографъ, какъ уже не очевидецъ казни, при написаніи мученичества собиралъ относящійся сюда матеріалъ изъ разныхъ, иногда недостовѣрныхъ источниковъ: разсказовъ, преданій, фантастическихъ легендъ и т. д. Въ греческомъ языкѣ и здѣсь сохраняется общее названіе μαρτύριον, какъ въ латинскомъ Асtа.

Позднѣйшіе акты съ теченіемъ времени не только переписывались, но и пересказывались, поэтому иногда текстъ Рюинаровскихъ Асtа не совпадаетъ съ текстомъ Мобильоновскихъ Analecta и оба они опять не сходятся съ переложеніемъ Баронія.

Рядомъ съ несамостоятельными актами стали появляться и подложные. Извъстно, что церковь въ V-VII въкахъ находилась въ постоянной борьбъ. Аріанство, несторіанство, савелліанство, евіонитство, гностицизмъ, манихейство, монофизитство, монофелитство и сотни другихъ ересей не переводились и имъли своихъ горячихъ защитниковъ. Борьба православныхъ съ еретиками велась сначала путемъ полемическихъ трактатовъ и основывалась прежде всего конечно на авторитет в старой церковной письменности. Еретики пытались сражаться темь же оружіемь; но такъ какъ многое здёсь было имъ не на-руку, они не задумывались передёлывать въ рукописяхъ особо важныя для нихъ мъста въ свою пользу. Отсюда явилась порча текста, подчистки и вообще искаженія оригинальнаго сочиненія. Рядомъ съ порчею текстовъ вносились въ мученичества целыя фразы и даже сочинялись сказочныя μαρτύρια, которыя были на руку еретикамъ. Напр. Римскій соборъ 494 г., при пап'є Геласіи I, осудиль ложные акты св. Георгія, написанные аріанами; мученичество Лукіана и мученичество Пароенія Лампсакскаго также носять следы аріанскаго вліянія. Впрочемъ, въ порчѣ книгъ и въ созданіи фантастическихъ актовъ были не безгръшны и сами православные, желавшіе видъть въ старой книге большую ясность, нежели она давала. Напр. по свидътельству Тертулліана и Іеронима, Іоаннъ Богословъ лишилъ священства одного пресвитера въ Азіи, который по неразумной ревности написаль ложныя сказанія о путешествіяхь и мученической кончинѣ св. Павла и св. Өеклы. Порча книгъ и появление фальсифицированныхъ актовъ въ VII в. уже настолько были велики, что для борьбы съ этимъ зломъ понадобился авторитетъ вселенскихъ соборовъ. Правило 63-е шестого собора (691 г.) гласить: «мученическія пов'єсти, лживо составленныя врагами истины для обезславленія Христовыхъ мучениковъ и для приведенія слушателей въ нев'єріе, повел'єваемъ не обнародывать (не читать) въ церквахъ, но предавать ихъ огню; принимающихъ же ихъ или считающихъ ихъ истинными, анаеематствуемъ 1)».

Съ развитіемъ научной мысли, когда пытливый умъ отрѣшался отъ среднев вкового в врованія въ букву писанія, когда явилась критика историческихъ памятниковъ, Acta martyrum послужили обширною ареною, гдѣ западно-европейскіе ученые могли въ волю предаваться своимъ критическимъ работамъ. Они нашли, что не всѣ Acta одинаковой ценности, что они и сравнительно небольшое число изъ нихъ заслуживаютъ вниманія какъ первоисточникъ, а другіе, большинство, являются уже памятниками несамостоятельными и поздними, основанными на темныхъ слухахъ и фантастическихъ преданіяхъ. Эта критическая школа дошла наконецъ до мысли, что общее и старое названіе Аста не совстмъ точное, что это названіе должно быть присвоено лишь первоначальнымъ и подлиннымъ мученичествамъ; что же касается до мученичествъ сомнительной ценности, она предложила называть ихъ Passiones или Gesta martyrum. Эта точка эрвнія была усвоена ученымъ Бенедиктинцемъ Dom Thierry Ruinart'омъ, сдълавшимъ попытку практическаго разграниченія обоихъ видовъ агіографіи. Въ 1689 г. онъ выпустиль въ свёть «Аста primorum martyrum sincera et selecta». Изданіе это обратило на себя вниманіе и выдержало нёсколько изданій 2), причемъ въ послёдующихъ изданіяхъ число чистыхъ и подлинныхъ Acta увеличилось.

Но историко-критическая школа, давъ твердое основаніе къ различенію Аста, къ сожалѣнію увлеклась далѣе въ своей критикѣ Passionum или Gestorum martyrum и стала доходить до того, что отнимала въ нихъ всякое историческое значеніе. Этотъ иперкритицизмъ также нашелъ себѣ поклонника и защитника въ лицѣ ирландскаго критика, знаменитаго комментатора твореній св. Кипріана, Henry Dodwell (1684). Повѣривъ только однимъ подлиннымъ немногочисленнымъ Аста и отвергнувъ всѣ Passiones, онъ пустилъ въ оборотъ мысль о томъ, что исторически достовѣрны только одни Аста, а Passiones (Gesta) martyrum есть вымышленныя пародіи часто фанта-

^{1) &#}x27;Ρήλλη καί Ποτλή, Σύνταγμα τῶν κανόνων. 'Αθηνησιν 1852, ΙΙ, 452.

²⁾ Paris 1689, Amstelod. 1713, Veronae 1731 Ratisbonae 1859, и пр.

10 отдель і.

стическаго содержанія, не им'тющія никакого историческаго значенія, другими словами мысль, что действительных мучениковъ въ первоначальной церкви было мало. Мысль эта поразила ученыхъ какъ громомъ. Болландисты принуждены были считаться съ этимъ мньніемъ и напр. выбросили изъ своихъ «Acta sanctorum» Акты свв. Космы и Даміана и Георгіево житіе Іоанна Златоустаго. Растерянность агіологовъ продолжалась все XVIII-стольтіе. И только со временъ итальянскаго археолога М. de Rossi, изследовавшаго памятники на основаніи археологическихъ данныхъ, многія Passiones Рима и Италіи, считавшіяся вымышленными, оказались заслуживающими вниманія вполнъ. Хотя онъ написаны въ позднее время, но сохранили свой первоначальный видъ: редакторъ не былъ свидътелемъ мученичества, но онъ видълъ могилу, и новъйшія раскопки подтвердили полное согласіе между описаніемъ агіографа и положеніемъ самаго мъста. Историческая критика мало занималась этими памятниками и не особенно довъряла имъ; но археологія оправдываетъ ихъ, а потому они должны входить въ кругъ изследованій и историка и служить историческимъ источникомъ, нуждающимся, какъ и всѣ источники, въ критической разработкъ. Мысль Dodwell'я въ настоящее время отвергнута, и уже только невъжественные люди могутъ теперь думать, что всё эти мученичества-Passiones есть только фикція, не удостовъренная свътскою литературою.

И въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время и церковная и свѣтская исторія вполнѣ согласно учатъ, что свѣтская языческая литература и не могла задаваться цѣлью описанія казней христіанъ, каждаго въ отдѣльности. Христіане погибали рѣшительно по всей обширной Римской имперіи, начиная съ Малой Азіи и кончая Испанією. Совершенно напрасенъ былъ бы трудъ историка, жившаго напр. въ Римѣ, слѣдить за всѣми казнями, тѣмъ болѣе что въ глазахъ добрыхъ Римлянъ не только жизнь, но и казнь христіанина не представляла ничего значительнаго, достопримѣчательнаго. Виеинскій проконсулъ Плиній Младшій ок. 105 г. писалъ имп. Траяну: cognitionibus de christianis interfui nunquam 1). Такимъ образомъ молчаніе языческихъ писателей о жизни и казни христіанъ вовсе не есть основаніе къ утвержденію, что казней и не было. Остаются одни μαρτύρια, какъ памятники страданій мучениковъ. Шаблонность ихъ литературной формы, вселявшая

¹⁾ Plinii Epistol. X, 96.

къ нимъ недовъріе, объясняется, какъ сказано, не досужею, праздною фантазіею агіографовъ IV—V вѣковъ, якобы вымышлявшихъ побольше мучениковъ для вящшаго прославленія правоты христіанства и крыпости выры въ его истинность, а единствомъ и стереотипностью выраженій судебнаго допроса. На одни и тіже вопросы естественно давались одни и теже ответы, и такого рода судебное дело и было единственнымъ архивнымъ документомъ, который читали христіане въ послъ-Константиновское время. Неудивительно, если послъ всего этого мученические акты оказываются составленными на одинъ манеръ. Но и тутъ разница существенная: имя мученика-свое особенное, ничтожныя біографическія свѣдѣнія — свои особыя, родъ мученичества-тоже до нікоторой степени свой особенный. Такимъ образомъ и этотъ второй и последній аргументь противъ подлинности мученичествъ оказывается несостоятельнымъ. И приходится признать за несомивнное, что не говоря о фальсифицированныхъ μαρτύρια, которыхъ впрочемъ очень небольшое число, имена мучениковъ-подлинныя, такіе христіане были, и ніть основанія заподозривать, чтобы они были пріурочены къ той или другой містности неправильно, чтобы имя мучителя (епарха, игемона, или аноипата) было вымышлено, хотя мы очень часто и не можемъ доказать этого просто по недостатку подробностей въ современной свётской анналистикъ.

Въ наше время нѣмецкіе ученые Н. Usener, А. Wirth, А. Ehrhard, Н. Gelzer, L. Deubner, Болландистъ Нір. Delehaye и С. А.
Жебелевъ высказали мысль, что въ нѣкоторыхъ мученичествахъ поразительно замѣтно вліяніе классическихъ легендъ и миюовъ. «Эти переработки (классическихъ сюжетовъ), говоритъ третій изъ нихъ, появились преимущественно въ IV и V столѣтіи и съ такимъ успѣхомъ,
что языческій образъ совершенно забывался и преобразованные образы
почитались въ качествѣ христіанскихъ святыхъ» 1). Многосвѣдующій
и осторожный Usener сдѣлалъ это наблюденіе въ изданныхъ имъ мученичествахъ св. Георгія и св. Пелагіи.

По следамъ его пошли другіе и въ чудесахъ того или другого мученика стали находить совершенно классическія представленія ²). Deubner ³) подвергъ спеціальному разсмотренію данныя, касающіяся совершенія инкубаціи въ храмахъ арх. Михаила, Космы и Даміана,

¹⁾ K. Krumbacher, GBL2 S. 178.

²⁾ Ср. П. В. Никитинъ, Сказанія о 42 Аморійскихъ мученикахъ, стр. 174.

³⁾ De incubatione capita quattuor. Lipsiae 1900, гл. 4-я.

12 отдель 1.

Кира и Іоанна, Өеклы и Өерапонта, муч. Мины: Жебелевъ въ чудесахъ св. Аптемія также нашелъ несомнънное вліяніе античной врачебной инкубаціи. «Сущность инкубаціоннаго обряда, говорить онъ, въ христіанское время сводилась къ слёдующему. Больной являлся провести ночь въ храмѣ того или другого святого, къ его иконѣ или мощамъ; больному во время сна являлся святой и исцълялъ его или силою своей благодати, или путемъ указанія больному техъ или иныхъ, обыкновенно очень несложныхъ, средствъ. Христіанская инкубація, какъ замѣтиль уже Deubner, имѣеть свой прототипь несомнівню въ инкубаціи языческой; перемівнивь одежду, языческая инкубація изъ оракуловъ, гдф она совершалась въ древности, перешла въ христіанскіе храмы; чудеса Артемія не только, такъ сказать, регистрируются, но описывается иногда довольно подробно та обстановка, при которой исцъленія происходили; мало того: самая редакція чудесъ невольно напоминаеть намъ конечно mutatis mutandis ту редакцію чудесъ языческихъ, которая намъ теперь хорощо извъстна по эпидаврскимъ ίάματα τοῦ 'Απόλλωνος καὶ τοῦ 'Ασκλαπιοῦ 1)».

Далье, говорить о. Delehaye, разсказы о перенесеніи мощей святых в живо напоминають классическіе разсказы о перенесеніи реликвій Тезея изъ Скироса въ Афины, Гектора изъ Иліона въ Фивы, Эдипа изъ Фивъ въ Афины и пр.; «эта Плутархова страница кажется безъ большой ретушировки приспособлена ко многимъ перенесеніямъ средневъковья». Обобщая мысль, знаменитый Болландистъ уже прямо выразился (р. 181): il n'y a pas de différence essentielle, en effet, entre les saints de l'église et les héros du polythéisme grec. Даже тезисъ (р. 187): le culte des saints n'est qu'une survivance раїенне соблазняєть ученаго Болландиста: хотя онъ и утверждаєть, что культъ святыхъ произошель не изъ культа героевъ, а изъ культа мучениковъ, но такъ какъ последній основанъ на культъ героевъ, то конечный результать одинъ и тотъ же: агіографія построена на представленіяхъ древности. Өеодорить въ полемикѣ съ язычниками опирался на аналогію мучениковъ съ героями.

Все это должно быть признано в рнымъ, хотя русскій агіологъ (арх. Сергій Владимірскій) и противится такимъ откровеніямъ. Конечно,

¹⁾ Религіозное врачеваніе въ древней Греціи, Спб. 1893, и особенно его же «Чудеса св. Артемія», Спб. 1905 (отт. изъ «Сборника въ честь В. И. Ламанскаго»), стр. 3; греческій текстъ чудесъ изданъ недавно А. И. Пападопуло-Керамевсомъ въ его «Vaia graeca sacra», Спб. 1909, стр. 1—75.

параллели можно проводить — но только съ большимъ основаніемъ и осторожностью, потому что иначе мы будемъ гнаться за миражами, что и дѣлалъ австрійскій ученый Wirth въ его «Danae in den christlichen Legenden» (Wien 1892). Можетъ быть не особенно трудно было бы языческому Богу "Нλιος" у противопоставить св. Илію, Юпитеру Капитолійскому—апостола Петра, Кастору и Поллуксу—Косму и Даміана, Діоскорамъ — Флора и Лавра, Афродить (Aignia, Epipontia, Thalassaia, Pontia, Euploia) — Пелагію и т. д.; но самъ же Delehaye предостерегаетъ отъ увлеченія, восклицая: Que d'érudition dépensée en pure perte!

b) Blot (Vitae).

Дату знаменитаго Миланскаго эдикта (мартъ 313 г.), положившаго конецъ преследованіямъ христіанъ и мученичествамъ, можно считать гранью въ судьбахъ агіографіи. Вспышка язычества при имп. Юліант Отступникт, когда снова повторились пытки и казни, по своей кратковременности (361—363) не могла оставить после себя сколько нибудь глубокихъ корней, и историки обыкновенно не считаются съ этимъ явленіемъ.

Мучениковъ не стало, но въ святыхъ людяхъ, проводившихъ жизнь въ постѣ и молитвѣ и скончавшихся въ мірѣ, не было недостатка. Рядомъ съ агіографами стараго направленія, опубликовывавшими μαρτύρια, нашлись теперь лица, которыя желали почтить память и въ мирѣ скончавшихся новыхъ подвижниковъ.

Здѣсь матеріалъ у агіографа былъ совершенно другого рода, нежели тамъ; тамъ въ основаніе легли письменные судебные протоколы, регистры, здѣсь — личныя воспоминанія о святомъ (если это были непосредственные ученики его), или преданія о немъ изъ вторыхъ и даже изъ третьихъ рукъ. Сообразно съ этимъ и характеръ самаго агіографическаго произведенія и даже стиль его совершенно мѣняются.

Ученикъ, пишущій воспоминанія о своемъ любимомъ учителѣ и руководителѣ въ иноческомъ подвигѣ, съ благоговѣніемъ останавливается на каждомъ фактѣ его духовной аскетической жизни, прославляя святость дѣлъ его. Воспоминанія эти, въ видѣ Віоҳ²а, пишутся для прославленія имени подвижника, слѣдовательно должны отличаться извѣстными литературными пріемами и достоинствами, и

отъ степени образованности и начитанности автора зависитъ большее или меньшее риторическое украшеніе самого изложенія. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда агіографъ писалъ о подвижникѣ отдаленномъ, съ которымъ у него не было уже никакихъ связей, цвѣты краснорѣчія, благодаря усвоенію агіографической схемы, ничуть не были блѣднѣе.

Въ риторикъ византійцы были великими мастерами. Воспитанные на образцахъ Гермогена и Афоонія, они прекрасно усвоили себъ классическую схему и если внесли что либо новое въ старую форму, то только замѣну языческихъ миоовъ мотивами христіанскими; дальше этого средневѣковые греки не пошли; краснорѣчіе и риторика ихъ въ въ V в. въ сущности осталась неизмѣнною и въ XV столѣтіи.

Такимъ образомъ житія святыхъ, какъ видъ агіографіи, основанный на риторикъ и удовлетворявшій вкусамъ византійцевъ, скоро заняли весьма видное мъсто въ литературъ, постепенно вытъсняя прежнюю форму мученичествъ.

Мученичества случались и въ болѣе позднее время, — въ Африкѣ, на Синаѣ, въ Европѣ и въ Азіи греческіе подвижники иногда погибали отъ рукъ сарацинъ, персовъ, болгаръ, даже въ самой Византіи въ иконоборческій періодъ благочестивые иноки платились иногда жизнію за свою приверженность къ иконопочитанію, —и однако $\mu\alpha\rho$ - $\tau \dot{\nu} \rho \iota \alpha$ этихъ святыхъ въ сущности уже ничѣмъ не отличаются отъ житій: та же риторика, та же схема тутъ и тамъ.

Разница между μαρτύρια и βίοι въ поздній періодъ очевидна: когда описывается кончина мученика, погибшаго отъ руки языческаго царя, она воплощается въ μαρτύριον έ; когда описывается кончина мученика, погибшаго отъ руки христіанскаго царя, она воплощается уже въ Βίος έ, примѣръ чему видимъ въ Βίος έ мученика Стефана Новаго, замученнаго при имп. Константинѣ Копронимѣ.

Въ старыхъ μαρτύρια, Acta и даже Passiones допросъ чисто дѣлового характера, кратокъ и точно формулированъ, — очевидно здѣсь замѣтна точность передачи судебнаго дѣлопроизводства; въ позднихъ онъ уже изукрашенъ посредствомъ риторики: на вопросъ мучителей страдалецъ отвѣчаетъ уже длинными разсужденіями о Богѣ, объ истинности вѣры, объ иконахъ.

с) Теорія или схема похвальнаго житія.

Въ виду того, что намъ придется имѣть дѣло какъ съ собственно житіями, такъ и съ похвалами, которыя основаны на одной строго опредъленной схемъ, мы считаемъ необходимымъ изложить здъсь (идеальную) теорію похвальнаго житія, которой мы не находимъ въ ученой литературъ.

Шаблонъ похвалы создался не сразу, онъ-продукть литературной работы многихъ стольтій. Говоря вообще, въ литературномъ отношеніи житіе святого должно было бы быть написано по образцу біографій знаменитыхъ мужей древней Греціи, напр. біографій, вышедшихъ изъ-подъ пера Ксенофонта, римскаго историка Тацита, Плутарха и т. д. Какъ памятникъ литературы, такая біографія всегда состоитъ изъ трехъ основныхъ частей — предисловія, главной части и заключенія.

Классическая литература раннихъ въковъ христіанства, обобщившая литературные пріемы біографій, дала намъ такъ сказать и теорію этого рода произведеній и тімь облегчила послідующимь вікамъ работу по написанію житій замічательныхъ людей. Эти єпτομαί, эти учебники теоріи, дали канву, поставили вѣхи, въ какомъ направленій, въ какомъ литературномъ видѣ должна писаться біографія.

Св. отцы первыхъ въковъ христіанства, задавшись цълью написать житіе какого либо святого, им'ти у себя уже готовые образцы классическихъ біографій. Но тутъ обнаружилась любопытная особенность ихъ. Одни изъ нихъ, порвавъ свою связь съ недавнимъ прошлымъ своей исторіи, отвергнувъ его какъ языческое, всячески избъгали всего, что такъ или иначе могло бы бросить твнь въ смыслв вліянія на нихъ классическихъ образцовъ, и пытались самостоятельнымъ путемъ писать житіе святого. Другіе и наиболе образованные, напротивъ, находя, что древніе образцы представляли совершенно естественный ходъ развитія мысли и данной темы, въ большей или меньшей степени усвоили классическую канву, сдёлавъ въ ней необходимыя изм'ьненія, согласно съ духомъ новыхъ условій и новой обстановки жизни. Къ первой категоріи писателей можно отнести напр. Аванасія Великаго, патріарха александрійскаго, ко второй — Григорія Богослова.

16 отдель і.

Особеннаго вниманія заслуживаеть похвальное житіе, написанное Григоріемъ въ честь св. Василія Великаго. Здѣсь св. Назіанзинъ впервые даль міру такую похвалу Василія, которая сдѣлалась образцомъ для всей послѣдующей византійской агіографіи. Вліяніе этого житія было до такой степени сильнымъ, что византійцы не только усвоили цѣликомъ общее литературное построеніе житія любого святого, но заимствовали изъ него даже и отдѣльныя мысли, отдѣльныя выраженія. Судя по громадности этого вліянія ученые не безосновательно заключили, что это похвальное житіе было въ византійскихъ школахъ настольною книгою въ дѣлѣ образованія юношества, которую ревностно изучали и быть можетъ выучивали наизусть.

Послѣ этихъ предварительныхъ словъ намѣтимъ вкратцѣ агіогра-Фическую схему.

Заглавіе. Обыкновенно прежде всего здісь поміщается названіе мѣсяца и день памяти святого, когда святой скончался, но изрѣдкакогда святой быль погребень. Напр. по Генуезскому списку житія Өеодора Хорскаго память его 5-го, а по Аеоно-Пандократорскому-8 января 1). Затъмъ, если житіе дълового характера, оно носитъ названіе βίος, если украшено риторическими красотами, оно называется βίος καὶ πολιτεία. Впрочемъ сами византійцы не проводили опредѣленной разницы между тъмъ и другимъ названіемъ, и не ръдко и подъ βίος омъ помѣщали риторическое житіе. Равнымъ образомъ агіографы далеко не всегда указывали въ заглавіи на нохвальность и риторич-HOCTЬ ЖИТІЯ; βίος ἐγχωμιαστιχός, βίος σὺν ἐγχωμίφ, βίος ἐγχωμίφ συμπλεхощегос и пр. сравнительно редко встречаются въ заглавіяхъ — читатель самъ долженъ догадываться о характеръ житія не по его заглавію, а по внутреннему его строенію. Когда авторъ сообщаль и чудеса святого, онъ прибавляль въ заглавій еще: καὶ μερική θαυμάτων διήγησις.

Далье следуеть эпитеть святого. Иногда этимь эпитетомь является $\dot{\circ}$ богос, редко $\dot{\circ}$ аугос, но обычное выражение $\dot{\circ}$ $\dot{\circ}$ су $\dot{\circ}$ хугос татур $\dot{\eta}\mu$ $\ddot{\omega}$ $\dot{\circ}$. Разница между этими понятими довольно определенная. Обыкновенно думають, что $\dot{\circ}$ богос есть терминь для обозначения нисшей степени святости, $\dot{\circ}$ аугос — высшей и совершенной степени, а $\dot{\circ}$ $\dot{\circ}$ хугос $\dot{\circ}$ татур $\dot{\eta}\mu$ $\ddot{\omega}$ $\dot{\circ}$ есть только каноническо-церковное выражение для

¹⁾ Chr. Loparev, De S. Theodoro monacho hegumenoque Chorensi. Petropoli 1903, crp. V.

опредъленія этого понятія, что о йуюс есть терминъ для обозначенія нисшей степепи святости, ὁ άγιος — святой, въ чисто субъективномъ смысль, а ό εν άγίοις πατήρ ήμ. ών — святой уже канонизованный, признанный церковью. Но такъ ли это? О обос, о буюс, эпитеты, которые прилагались, какъ и теперь прилагаются, къ живымъ духовнымъ особамъ; напр. въ письмахъ къ духовнымъ лицамъ нередко встречаются выраженія: της όσιότητός σου, της σης άγιωσύνης, что означало и означаетъ только извъстную форму обращенія въ ръчи, какъ у насъ «ваше преподобіе», «ваше святьйшество», «ваше блаженство», независимо отъ того, преподобенъ ли по своей жизни этотъ духовный сановникъ. Настоятели монастырей при жизни назывались въ обращеніяхъ ό бσιος и ό άγιος, — съ этими эпитетами они могли оставаться иногда и послѣ своей кончины; если оставались, они были святы, хотя и тутъ необходима оговорка. Ученикъ, почитатель памяти своего наставника-руководителя въ иноческомъ подвигъ, не ръдко отзывался о немъ мимоходомъ какъ объ о отос, но былъ ли преподобный действительно святымъ, --- вопросъ открытый; если и другіе называли его этимъ же эпитетомъ — да, если нѣтъ — нѣтъ. Но о ѐν άγίοις πατήρ ήμων - понятіе, которое ни одинъ инокъ, ни одинъ игуменъ, ни одинъ епископъ не носиль при своей жизни, этоть эпитеть давался лицамъ уже только послѣ ихъ смерти и при томъ не однимъ какимъ либо лицомъ, а соборомъ епископовъ. Не было крайней необходимости въ созывъ οφφиціальнаго собора для признанія святости діятеля, — ὁ ἐν ἀγίοις πατήρ ήμων могло быть приложено къ покойному и просто, если епископы въ частныхъ бесбдахъ признавали его святость. Напр. діаконъ Игнатій въ житім патр. Никифора называеть его и ό ὅσιος и ό ἐν ἀγίсις πατήρ ήμων, первымъ эпитетомъ—по своему личному отношенію къ архипастырю (Игнатій быль ученикомъ Никифора), вторымъ-по частному сужденію о немъ епископовъ, такъ какъ во времена иконоборческихъ императоровъ, когда скончался патріархъ и писалъ его житіе Игнатій, не могло быть оффиціальнаго собранія епископовъ.

Названіе ὁ δίχαιος (праведный) означаеть, что святой жиль въ мірѣ, быль міряниномъ.

Вслѣдъ за эпитетомъ и именемъ святого иногда ставилось понятіе ὁ νέος. Обыкновенно ὁ νέος значитъ «новый», «другой», но и тутъ необходима оговорка. Агіологи привыкли употреблять «новый», забывая, что ὁ νέος можетъ значить также и «молодой человѣкъ». Когда святой умиралъ въ молодыхъ годахъ, ὁ νέος должно бы было переводиться

Византійскій Временникъ.

18 отдълъ і.

«младый», а не «новый». Напр. Болландисты къ св. Евдокиму (умершему въ возрастъ 33 лътъ) приложили эпитетъ «новый» (junior) и стали въ тупикъ, не зная болъе стараго св. Евдокима: очевидно, здъсь слъдовало бы перевести: Евдокимъ младый, что нами уже и сдълано 1).

Предисловіе. Предисловія къ житіямъ простымъ и дёловымъ очень несложны и необыкновенно просто вводятъ читателя къ самому предмету пов'єствованія. Напр. все предисловіе житія Симеона столиника состоитъ только изъ словъ: «Возлюбленные, у меня, гр'єшнаго ученика Антонина есть желаніе описать странное и дивное житіе, которое въ наши л'єта совершилъ Симеонъ. Ибо сказаніе о немъ исполнено пользы и поощренія. Итакъ приклоните, прошу, уши ваши и услышьте отъ меня, что я вид'єлъ и осязалъ» 2). Наоборотъ, предисловія къ похвальнымъ житіямъ, написанныя очень цв'єтистымъ языкомъ, отличаются сложностью и иногда замысловатостью изложенія.

Представляя вообще говоря оригинальную часть житія, эти предисловія въ большей или меньшей степени все-таки заимствованы изъ прежнихъ образцовъ и не могутъ быть подведены подъ общую норму. Собрать весь матеріалъ, повторяющійся здѣсь у агіографовъ, дѣло очень кропотливое, а отыскать источники заимствованныхъ мыслей — дѣло большой трудности. Полагаемъ, что для нашей цѣли будетъ не безполезно указать хотя бы на нѣсколько такихъ мыслей.

Агіографы, преимущественно или почти исключительно монахи, считали необходимостью смиренно говорить объ убожествѣ своего литературнаго образованія и, хотя не рѣдко были людьми очень образованными, неизмѣнно упоминали о томъ, что они учились, такъ сказать, на мѣдныя гроши.

Затѣмъ иногда проводится мысль, что не смотря на трудность написанія житія святого агіографу тѣмъ не менѣе слѣдуетъ попытаться. Образцомъ въ этомъ случаѣ былъ Ксенофонтъ³). Діаконъ Маркъ, агіографъ Порфирія Газскаго (V в.), повторяя его мысль, только измѣнилъ глаголъ: вмѣсто «попытаться» выразился «отважиться».

¹⁾ Ср. наше «Житіе св. славнаго Евдокима, младаго, праведнаго...» Софія 1908 (Изв. русск. археологич. института въ Константинополь, т. XII). Также теперь надобно говорить объ Иліи младомъ, Вакхъ младомъ и о Маріи младой, о чемъ ниже.

²⁾ Правосл. Палест. Сборникъ, вып. LVII (XIX. 3), стр. 60, 69.

³⁾ Agesil. I, 1: οἶδα μὲν ὅτι τῆς ᾿Αγησιλάου ἀρετῆς τε καὶ δοξης οὐ ῥάδιον ακξίον ἔπαινον γράψαι, ὅμως δ᾽ ἐγχειρητέον.

Говоря о принятомъ рѣшеніи писать житіе, агіографъ припоминаетъ евангельскую притчу о нерадивомъ рабѣ, скрывшемъ свой талантъ въ землю, и боится уподобиться ему; сравниваетъ свой трудъ съ лептами евангельской вдовицы. Можетъ быть, самъ авторъ и не приступилъ бы къ труду, но въ такихъ случаяхъ всегда является почтенное лицо, обыкновенно игуменъ, которое поручаетъ (προτρέπειν) иноку взяться за перо.

Далѣе иногда проводится мысль, что святые, каждый по мѣрѣ своихъ трудовъ, возрастили плодъ добродѣтели или сторицею, или въ шестьдесятъ кратъ, или въ тридцать. Этотъ евангельскій образецъ заимствовалъ Өеодоръ въ житіи Өеодосія палестинскаго (VI в.), агіографъ Евдокима и т. д.

Приступая къ житію святого, авторъ иногда поясняеть, что для собранія св'єд'єній о немъ онъ ходиль по разнымъ м'єстамъ его подвиговъ, разговаривалъ съ благочестивыми людьми, помнившими о святомъ, и записалъ всё эти достоверныя показанія. Древнейшимъ образцомъ этой мысли можетъ служить предисловіе къ Лавсанку Палладія Еленопольскаго (IV — V в.), который повидимому виолив искренне писалъ следующія строки: «я и не образованный языкомъ и слегка только вкусившій духовнаго знанія... (по порученію Лавса) для благочестивой цёли съ великимъ усердіемъ обощелъ пёшкомъ многіе города и весьма многія села, также пещеры и вст пустынныя кущи иноковъ. И послѣ того, какъ иное самъя увидѣлъ и описалъ, а другое услышаль отъ святыхъ отцовъ, изобразивъ въ этой книг в подвиги святыхъ мужей» 1). Въ VI в. этими словами Палладія воспользовался Кириллъ Скиеопольскій, агіографъ палестинскихъ святыхъ, про котораго уже трудно сказать, действительно ли онъ такъ много путешествовалъ. Въ предисловіи къ житію Евенмія Великаго Кириллъ пишетъ: «употребивъ неискусную и неопытную во внёшнемъ образованіи рёчь 2), я составиль этоть трудь, подражая трудолюбивой пчель, собирающей со многихъ цвътовъ необходимое для производства меда: употребивъ стараніе и молитву, я собраль отъ правдивыхъ святыхъ и старъйшихъ отцовъ этой пустыни истекшее временемъ, ходя туда и сюда, соединяя, собирая и беря какъ бы изъ некоей пропасти долгаго времени и забвенія, твердо в руя, что получу отъ мадовоздателя Бога

¹⁾ Migne. Patrol. graeca, XXXIX; русскій пер. (изд. 3-е, Спб. 1871) стр. 2, 3—4.

²⁾ Эта фраза взята изъ конца его предисловія.

награду за обновление памяти о томъ, что достойно цамяти, и за представление читающимъ образца въ этомъ трудолюбивомъ стараніи» 1). Какъ видно, рядомъ съ повтореніемъ основной мысли Палладія Кирилъ привноситъ кое-что и новое, именно сравнение своей дѣятельности съ деятельностью пчелъ. Это сравнение сделалось также очень ходячимъ: его усвоила какъ византійская, такъ и древне-русская, даже и неагіографическая литература. Въ началь IX в. мысль Палладія и Кирилла была повторена діакономъ Великой Церкви Стефаномъ. Въ житіи Стефана Новаго этотъ авторъ говоритъ следующее: я убоялся уподобиться рабу, скрывшему свой таланть, и желаль, чтобы не пришла въ забвеніе жизнь святого отца нашего, хотя я и вкусиль философіи лишь ἄχρφ δαχτύλφ; «какъ облако покрываетъ солнце, такъ время покрываетъ то, что не сказано (τὰ μἡ λαλούμενα); жизнь святого я по порученію (Епифанія) собраль отъ заслуживающихъ довърія мужей и его учениковъ, ходя туда и сюда и собирая съ юныхъ лѣтъ его до старости пріятнѣйшіе и удивительные разсказы о его рожденіи и смерти, и собирая какъ бы изъ нѣкоей пучины долгаго времени и изъ забвенія выбирая, подражавъ трудолюбивой пчель, собирающей со многихъ цвътовъ необходимое для производства меда 2)».

Сверхъ указанныхъ общихъ мѣстъ предисловія не рѣдко встрѣчается мысль, что пріятное и угодное Богу—только работа по силамъ. Это мысль Григорія Богослова: Θεῷ φίλον τὸ κατὰ δύναμιν, повторенная въ житіяхъ патр. Никифора, Іоанникія, Евдокима, Григорія Синаита и Макарія—буквально, или въ свободной передачѣ.

Въ видѣ перехода отъ предисловія къ главной части агіографы также не рѣдко пользуются стереотипными фразами въ родѣ: «уже время слову приблизиться къ святому», какъ въ житіи киновіарха Өеодосія (§ 2), «уже пора намъ идти къ восхваленію святого», или «съ чего начну и какъ разскажу о подвигѣ святого? а подвигъ таковъ, что я не могу не выразить своего изумленія передъ нимъ, прежде чѣмъ приступить къ разсказу о немъ» 3).

Начиная съ предисловія, агіографы очень часто къ имени свя-

¹⁾ Analecta graeca, ed. Monach. Benedict. Lutetiae Paris. 1688, p. 2—3; русск. пер. И. В. Помяловскаго въ «Палест. Патерикъ» (Спб. 1893), II, 2.

²⁾ Ibid., p. 398.

³⁾ Ср. П. В. Никитинъ. Сказанія о 42 Аморійскихъ мученикахъ. Спб. 1905 стр. 40, 188.

того прибавляють эпитеть δ μ έγας, великій, то-есть великій святой. Но въ очень рѣдкихъ случаяхъ были святые, которые въ мірѣ носили фамильное имя δ Мέγας, какъ теперь встрѣчаются фамиліи Legrand, Gross, Великій и пр. Въ этомъ случаѣ ученые, слѣдуя общему шаблону, переводили этотъ терминъ также понятіемъ «великій», хотя, какъ мы уже показали, его слѣдовало бы въ цѣляхъ историческихъ переводить точнѣе «Мегасъ»: напр. Евдокимъ Мегасъ Михаилъ Малеинъ Мегасъ 1).

Главная часть. Эта часть житія—важнѣйшая по своему историческому значенію. Если въ предисловіи можетъ оказаться свѣдѣніе о личности самого агіографа, то вся главная часть посвящена почти исключительно личности святого, хотя она и здѣсь полна общими мѣстами.

Родители. Nóμοι ἐγχωμίων или νόμοι τέχνης καὶ θεσμοὶ ῥητόρων ἀρχαῖοι требовали говорить здѣсь о предкахъ прославляемаго героя. Согласно съ этимъ византійскіе энкоміасты съ IV по XV в. неизмѣнно придерживались этой агіографической схемы 2). Извѣстны ли были имена родителей святого, или нѣтъ, авторы все же помнили литературное предписаніе и такъ или иначе касались его.

Родина. Родина святого должна была быть упомянута; «обычай пов'єствованій, зам'єтилъ агіографъ Өеодоры Солунской, требуетъ говорить, что она была, откуда, какова и чёмъ отличалась въ мір'є, поэтому скажу (и не похвально опустить сіе, § 2)». Дал'є она должна была быть похвалена какъ со стороны климата, своихъ естественныхъ богатствъ, такъ и со стороны святости ея выдающихся подвижниковъ, если таковые конечно были. Н'єтъ нужды, если прозаическіе писатели и дурно отзовутся объ этой м'єстности, въ похвальномъ житіи родина святого должна была быть все таки непрем'єнно восхвалена в). Напр. Каппадокія— «не случайная страна и не малымъ славящаяся — разум'єю: красотою положенія, благорастворенностью временъ, обиліемъ пастбищъ, обиліемъ р'єкъ и обиліемъ плодовъ (хотя и въ этомъ н'єкія многія страны не могли бы состязаться съ

¹⁾ Визант. Врем. 1897, IV, Житіє св. славнаго Евдокима. Софія. 1908 стр. 3. Впрочемъ Болландистъ Peeters все таки не хочетъ върить въ фамилію δ М $\acute{\epsilon}$ ү α ς (Anal. Boll. 1909, XXVIII, 497).

²⁾ Наше житіе Евдокима. Софія. 1908, стр. 72 прим. 24.

³⁾ Ср. ж. Өеодосія (VI в.) § 2, П'алладій, Лавссикъ (предисловіе п воспоминанія о Сисинніи).

нею въ преимуществахъ)» 1); она дала церкви Георгія Побъдоносца, Василія Великаго, Григорія Богослова, Ахиллія Ларисскаго, Федима Амасійскаго, Василиска Команскаго, Өеодосія Палестинскаго, Саву Освященнаго и т. д. Но если мы заглянемъ въ исторію, картина мѣняется. Никита Хоніатъ свидітельствуетъ (р. 46В): «страна Каппадокійская и сама по себ' холодна, климать ея суровь, в' тры пронзительны». Но если климатъ Каппадокіи действительно быль суровъ, то похвала его въ энкоміи совершенно въ духѣ стараго ритора — н пятна пышно изображать свётлыми. Руководства древнихъ прямо указывають, что если человъкъ трусъ, нужно изобразить его воинственнымъ и храбрымъ. Многіе у насъ не любять пышный византинизмъ за его обманъ въ литературъ, какъ хитрость и коварство въ жизни. Это конечно справедливо, но спъшимъ пояснить: когда дъло касается до византійской риторики, необходима крайняя осторожность, чтобы не поддаться на удочку; но исторические труды византійцевъ значительно свободны отъ риторики, и нътъ основанія безъ особой причины сомнъваться въ правдивости ихъ показаній. Но бывали родины совствить ничтить не замечательныя и даже неизвестныя. Въ такихъ случаяхь у агіографовъ выработался особый пріемъ разсужденія: если родина была не замъчательною, то со времени святого она стала знаменитою. Кириллъ Скиоопольскій про родину Өеодосія, Могариссъ, выразился: «не стыжусь худости родины, по горжусь велеродіемъ мужа» (§ 3), или про родину Герасима (§ 2): «селеніе, въ которомъ онъ родился (до его выступленія совершенно неизв'єстное, а послѣ выхода въ свътъ сего мужа даже очень прославленное черезъ него), называемое по мъстному Дросъ».

Въ такомъ случаћ, когда святой или одновременно нѣсколько ихъ (напр. въ мученичествахъ) пріяли кончину, агіографы вслѣдъ за образцемъ Григорія Богослова 2) выражались такъ: святые были родомъ не изъ одного мѣста, но изъ разныхъ епархій.

Подобно тому какъ при незнаніи агіографомъ имени римскаго императора, при которомъ мученикъ скончался, ставилось иногда выраженіе «царствующу Господу нашему Іисусу Христу»—здѣсь обозначалось «градъ (родина) мучениковъ—градъ Бога живаго—вышній

¹⁾ Ж. Евдокима, стр. 49; ср. Петрово житіе Аванасія Мевонскаго § 3 (о Катанѣ и Сициліи).

²⁾ οὐκ ἦν μία πατρὶς τοῖς ἀγίοις ἄλλος γὰρ ἀλλαχόθεν ဪμητο (Η ικ ιι τ ιι τ., 181).

Іерусалимъ»: источникомъ этой мысли является Посланіе къ Евреямъ XII, 22.

Имя святого. Посль родителей и родины святого слъдуетъ имя героя. Византійцы были большими любителями извлекать этимологическій смыслъ изъ личныхъ именъ героевъ; но по слабости своихъ познаній въ филологіи они очень часто извлекали не тотъ смыслъ, который вложенъ въ слово, а другой, имъ угодный и непремѣнно символическій. Такъ напр. имя Вασσόης агіографъ производить отъ βάσις 1), 'Αφροδίτη — отъ ἀφροῦ и καταδύσεως 2), 'Αφουσία— отъ ἀπεῖναι τὴν κατευθείαν 3), 'Ιούδας— отъ ἰοῦ и δαία, а 'Ισκαριώτης— отъ ἰοῦ и κήρ (κηρὸς, καρός), νουμία— отъ Нумы Помпилія 4), Тарасій (патріархъ, умирившій церковь)— отъ ἐκταράξας и пр. Но въ такихъ простыхъ по составу именахъ, какъ Өеодоръ, Никифоръ, Евдокимъ, агіографы умѣли разобраться и извлекать правильный смыслъ.

Восхваленіе родителей и родины святого требовалось для возвышенія его самого: τῶν ἐπαινουμένων ἐχ τούτων δοχοῦντες ἐξαίρειν αὐτούς 5).

Посвященіе. Въ житіяхъ мы не рѣдко встрѣчаемъ указанія, что родители посвящали сына Богу въ случаѣ появленія его на свѣтъ или вскорѣ послѣ его рожденія. Церковно-религіозный укладъ византійской жизни былъ такъ крѣпокъ, что и міряне иногда посвящали сына тотчасъ по его рожденіи. Напр. имп. Василій І родившагося сына Стефана предназначилъ церкви. Иногда ясно указывается, что благодать Божія вселилась въ сердце малютки, что онъ былъ предызбранъ Богомъ для иноческой жизни, поэтому онъ отказывался отъ питанія его даже материнымъ молокомъ, или, какъ Николай Мирликійскій, не принималъ молока по средамъ и пятницамъ, quod ecclesiasticis pie disserendum, non criticis relinquamus.

Имущественное положеніе. Въ житіяхъ мы то и дёло встрёчаемъ избитую фразу, что родители святого были со значительными средствами, которыя по смерти ихъ были имъ розданы бёднымъ. Это житійное данное не должно признаваться безусловно вёрнымъ, ибо это значило бы, что святые могли являться только въ богатой средё.

¹⁾ П. В. Никитинъ, стр. 208.

²⁾ Авва Ноннъ у Migne, P. Gr. XXXVI, 1069.

³⁾ Ж. Макарія Пелекитскаго § 15.

⁴⁾ Византійскій Временникъ, IV, 390.

⁵⁾ Ж. Аванасія Мевонскаго § 3.

Въ дъйствительности же здъсь замътна нъкоторая подтасовка фактовъ, чтобы исполненіемъ Христовой заповъди можно было возвысить святого. Святость не есть принадлежность класса, святые были изъ разныхъ классовъ населенія; а такъ какъ бъдныхъ всегда и вездъ болье, нежели богатыхъ, необходимо а priori допустить, что святыхъ изъ бъднаго класса было болье, нежели изъ богатаго. Однако мы вовсе не хотимъ удариться въ другую крайность, что всъ они были люди бъдные. Нътъ, нъкоторые изъ нихъ приходились родственниками царей, патріарховъ, выходили изъ служилой аристократіи, были помъщиками и т. д., и всъ эти святые могли быть людьми состоятельными. Въ тъхъ ръдкихъ случаяхъ, когда святые умирали еще при жизни своихъ родителей, агіографы путались. Воспитавшись на агіографической схемъ, они и въ этомъ случать говорили, что святой роздалъ родительское имущество бъднымъ, что мы видимъ въ житіи Евдокима.

Обученіе. Византійскій, такъ и древне-русскій обычай требоваль отдавать ребенка грамоть въ возрасть семи льтъ. При этомъ руководствовались книгами древнихъ грековъ, Платона и Аристотеля, Иппократа и Галена, у которыхъ человъческая жизнь дълилась по семильтіямь: до семи льть-младенець, до 14-отрокь, до 21-дьтише, до 28-юноша, до 35-мужъ, до 42-средовъче, до 49стеръбль 1), до 56—старецъ, послѣ 56—матерство 2). Въ одномъ старомъ русскомъ руководствъ, источникомъ котораго были безъ сомнфнія греческія книги, о первыхъ трехъ семилфтіяхъ говорится такъ, что въ первомъ младенецъ долженъ находиться подъ вліяніемъ родителей и пріучаться говорить одну правду, не лгать и быть скромнымъ; во второмъ отрокъ долженъ изучать какое либо художество, которое давало бы со временемъ насущный хльбъ, въ особенности онъ долженъ быть отвлекаемъ отъ всякихъ гадкихъ и безиравственныхъ зрѣлищь; въ третьемъ семильтіи дьтище должно быть обучаемо страху Божію и мудрости, жить по Богу, усовершенствовать свой разумъ и искусство и честно гражданствовать въ мірѣ 3).

Житійный шаблонъ требовалъ говорить, что святой въ юношескомъ возрастъ не любилъ ни дътскихъ игръ, ни зрълищъ, ни конскихъ

¹⁾ στρέβλη — винтъ, поворотъ.

²⁾ А. Востоковъ, Описаніе Румянцовскаго Музеума, стр. 4; Н. Лавровскій, Памятники стариннаго русскаго воспитанія (Чт. Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1861, III, 40, прим.).

³⁾ Лавровскій, тамъ же, стр. 39-40.

ристалищъ, ни свётскихъ пѣсенъ, ни плясокъ, а усердно изучалъ псалтирь и вообще св. Писаніе, и наука давалась ему очень легко. Шаблонъ этотъ шелъ въ разрѣзъ съ природою дитяти и искусственно заставлялъ вѣрить, что св. Духъ открываетъ и озаряетъ умъ святого мальчика къ уразумѣнію книжной премудрости. Къ счастію, мы имѣемъ примѣры и противоположнаго. Өеодоръ Едесскій при ученіи грамотѣ былъ сначала очень неспособнымъ, за что подвергался насмѣшкамъ товарищей и побоямъ учителей. Агіографъ Евдокима также былъ тупъ и много тяжелыхъ воспоминаній вынесъ изъ времени школьной жизни. Никита Пафлагонянинъ опять былъ битъ за свою неспособность. Всѣмъ имъ дарованіе явилось какъ-то сразу, чудеснымъ образомъ. Изъ длиннаго ряда святыхъ VIII и IX столѣтій мы знаемъ три случая тупости святыхъ, но безъ всякаго сомнѣнія ихъ было несравненно болѣе. Быстрое просвѣтленіе мальчика — это довольно частое явленіе, знакомое педагогамъ нашего времени.

Отношеніе къ браку. Подавляющее число святыхъ бъжало брака, даже всякихъ сношеній съ женскимъ поломъ и жило полными аскетами. Впрочемъ, здёсь замечаются большія уклоненія изъ общаго правила. Одни святые, избѣгая общества женщинъ и отроковъ 1), допускали сношенія только съ одною матерью, что мы видимъ на примъръ Евдокима; но были и такіе, которые избъгали сношеній даже и съ матерью 2). Другіе жили въ обществѣ пожилой женщины, напр. Василій Новый жиль, имья въ услуженій почтенную Өеодору. Третьи женились, но послъ свадьбы убъгали изъдома (Алексъй Человъкъ Божій), или приживали дътей, но потерявъ ихъ въ раннемъ возрасть, давали себь объть воздержанія, проводили богоугодную жизнь и удостоивались святости. Четвертые после рожденія одногодвухъ дътей бросали мать, жену и дътей и удалялись на путь подвижничества (Евоимій Новый). И вообще старые благочестивые греки пользовались соитіемъ очень умфренно: обыкновенно они порывали плотскую связь после одного-двухъ детей, что видимъ на примере родителей Өеодора Студита. Еще любопытнъе пятая варіація: святой обыкновенно противъ своей воли вступаль въ бракъ съ дѣвушкою, но по взаимному соглашенію молодые проводили жизнь въ совершенномъ воздержаніи, напр. Аммунъ, Хрисаноъ и Дарія, Меланія млад-

¹⁾ Достопамятныя сказанія, стр. 234; ж. Стефана Савваита § 25.

²⁾ Достопамятныя сказанія, стр. 200.

26 отдълъ 1.

шая, Магна, Өеофанъ Исповъдникъ, у насъ: Макарій Калязинскій, Евфросинія Полоцкая, Юліанія Лазаревская ¹). Въ наше время, если угодно, сравнительно не ръдко вступаютъ міряне въ бракъ послъдняго рода, «по закону любви совершенной» (по выраженію Лъскова), но этотъ примъръ не примънимъ для объясненія браковъ древнихъ святыхъ. Послъдніе воздерживались отъ брачнаго соитія во цвътъ лътъ и силъ, тогда какъ нынъшнія пары вступаютъ въ бракъ уже въ почтенномъ возрастъ: супругъ, обыкновенно мягкаго, добраго сердца, женится на доброй, преданной, но бъдной дъвушкъ съ намъреніемъ обезпечить ея старость своимъ имуществомъ, своею пенсіею, и тъмъ отблагодарить ее за все то добро, которое она дълала для него въ теченіи длиннаго ряда лътъ.

Сюда же можно отнести сватаніе святой дівицы молодымъ императоромъ, незавершившееся однако бракомъ. Въ основъ лежитъ чисто историческій фактъ: имп. Константинъ V женился на внучкѣ св. Филарета Милостиваго Маріи. Въ IX (или лучше X в.) появились на этой почвъ двъ легенды; во-первыхъ имп. Өеофилъ, обходившій приглашенныхъ во дворецъ невъстъ съ яблокомъ въ рукъ, хотълъ было отдать яблоко девице Кассіи (или Икасіи), и только после краткаго разговора между ними (Өеофилъ: «все эло въ мірѣ-отъ женщины»; Кассія: «но отъ женщины и все доброе въ мірѣ») молодой императоръ остановилъ свой выборъ на пафлагонянкъ Оеодоръ, которая и сдълалась императрицею. Кассія удалилась въ монастырь, жила здёсь подвижнически и стала извъстною своимъ пъснопъвческимъ творчествомъ 2). Дальн в шая литературная обработка этой легенды повидимому свидътельствуетъ, что историческаго здъсь уже ничего не осталось. Өеофиль будто бы посътиль келію Кассіи (значить уже будучи женихомъ или даже мужемъ Өеодоры?), но Кассія заблаговременно вышла изъ своей келіи, оставивъ на стол'є р'єшительную отпов'єдь императору. Во-вторыхъ св. Ирина, настоятельница монастыря Хрисоваланта, въ молодости была будто бы въ числъ невъстъ молодаго имп. Михаила III. Это уже прямо досужій вымысель монастыря, ибо оказывается, что Ирина была на много лётъ старше Михаила.

¹⁾ Подробиће объ этомъ въ нашей «Повъсти объ имп. Өеодосіи ІІ» (Виз. Врем. 1898, V, 81).

²⁾ Ср. К. Кгит вас h е г., Kassia (München 1896); Филаретъ, Историческій обзоръ піснопівневъ греческой церкви (Черниговъ, 1864, стр. 328 и сл.); И. А. Карабиновъ, Постная Тріодь (Спб. 1910 стр. 184); О. Н. Ермаковская, Византійскія образованныя женщины («Женскій Вістникъ», 1907, мартъ, апріль и май).

Аскеза. Подвижничество святыхъ было разнообразное. Одни удалялись въ глухія м'єста и жили въ полномъ уединечій, изб'єгая всякой извъстности, носили на тълъ жельзныя вериги, немного спали на камняхъ или въ сидичемъ положении, не бли хлеба, чрезмфрно постились, то-есть по просту добровольно голодали по цфлымъ днямъ и даже недълямъ 1); иногда питались исключительно сырыми овощами, каждую ночь орошали постелю своими слезами. Другіе, поселившись въ монастыръ, исполняли сначала самыя черныя работы до очистки отхожихъ мъстъ включительно, усердно посъщали службы и постоянно имъли въ умъ св. Писаніе, въ особенности Псалтирь; пророчество и чудеса, которыя они творили, привлекали къ нимъ массы народа; святые, тяготясь этимъ, уходили изъ монастыря въ обществъ одного-двухъ иноковъ и ставили себъ келью гдъ-нибудь вдали отъ обители; но слава о подвижник тналась за нимъ по пятамъ; когда и здёсь святого осаждаль (ємох дейм) народь, онъ опять мёняль мъсто своего пребыванія. Третьи, въ особенности наиболье славные святые, посъщались царями и особами императорской фамиліи, а равно военачальниками и высшими сановниками имперіи, и для каждаго изъ нихъ святые находили слово утъщенія, или пророчествовали, или наконецъ совершали чудо ²).

При переходѣ отъ радостнаго разсказа къ печальному у агіографовъ была обычная фигура—введеніе въ разсказъ таинственной силы въ образѣ—у классическихъ трагиковъ—deus ex machina, у агіографовъ — μισόχαλος δαίμων. Такія выраженія какъ «ненавидяй добра діаволъ», «ненавидяй исперва врагъ рода человѣческаго діаволъ» становятся наиболѣе обычнымъ терминомъ для объясненія причины всякой помѣхи и воздвигаемыхъ препятствій на пути святого. Этотъ діаволъ наводитъ на аскета то варваровъ, то дикихъ и лютыхъ звѣрей, и святой или преодолѣваетъ эти препятствія, или дѣлаетъ ихъ менѣе вредными.

Въ отношеніи подвижничества св. женъ очень распространеннымъ былъ разсказъ о женѣ, много лѣтъ жившей въ пустынѣ или на безлюдномъ островѣ, не видѣвшей людей и жившей въ совершенной наготѣ. Однажды, когда въ пустыню случайно заходилъ охотникъ, а къ острову приставалъ случайный путешественникъ и встрѣчалъ нагую женщину, она прежде всякаго разговора просила у посѣтителя его

¹⁾ Напр. Сим. Столпн. § 6.

²⁾ Ср. ж. Кирилла Филеота: въ «Визант. Врем.» 1897, IV, 385 сл.

одежду для прикрытія своей наготы. Облекшись въ ризы, она вкратцѣ передавала ему разсказъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, чѣмъ приводила его въ неописуемый трепетъ. На прощаніи она просила принести или привезти ей Св. Даровъ для пріобщенія. Путникъ черезъ нѣкоторое время дѣйствительно являлся къ ней со Св. Дарами, но такъ какъ жена оказывалась уже умершею, то онъ тутъ же и хоронилъ ее. Въ этомъ общемъ видѣ сюжетъ вошелъ въ житія Киріака отшельника (§§ 18—19), Маріи Египетской, Мартиніана, Өеоктисты Лесбосской, съ нѣкоторыми несущественными разностями 1).

Историческая часть. Историческая часть въ житіяхъ не дается какъ нѣчто обособленное и цѣлое, а является въ видѣ отдѣльныхъ, не рѣдко вскользь брошенныхъ историческихъ замѣчаній, разсѣянныхъ по всему житію. Но, вообще говоря, сумма историческихъ свѣдѣній, извлекаемая изъ отдѣльнаго житія, очень не велика и стоитъ въ прямой зависимости какъ отъ личности святого, отъ обстановки его жизни, такъ и отъ большей или меньшей современности его агіографа. Особенно выдающійся святой всегда имѣетъ своего современнаго ученика-агіографа; святой заурядный часто не имѣетъ современнаго житія, а если и сохранился позднѣйшій его βίος, то онъ уже не блещетъ фактами, отсутствіе которыхъ замѣняется пустымъ фразерствомъ или, выражаясь книжнымъ языкомъ, риторикою.

Нѣтъ возможности да и надобности въ перечисленіи всѣхъ чисто историческихъ замѣчаній агіографа, тѣмъ болѣе, что въ разсматриваемыхъ житіяхъ всѣ они приведены и по мѣрѣ возможности оцѣнены. Но здѣсь будетъ не безполезнымъ указать на нѣсколько общихъ мотивовъ или вѣрнѣе пріемовъ для изложенія чисто историческихъ свѣдѣній.

Къ числу такихъ пріемовъ относятся напр. сны, которые будто бы видёли святые и въ которыхъ имъ будто бы было дано объясненіе будущаго. «Въ ІХ в., говорили мы ранёе, Николай воинъ разсказалъ слушателямъ свой пророческій сонъ о греко-болгарской войнё 811 года ²); въ Х вёкё Михаилъ Малеинъ такимъ же образомъ предсказалъ исходъ греко-болгарской войны 917 года, а Василій Новый—

¹⁾ Ср. Филаретъ, Подвижницы; ср. еще проложныя слова подъ 1 ноября и 30 мая; и еще Ф. А. Терновскій, Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Кіевъ 1883, стр. 82.

²⁾ V. S. Nicolai Studitae (Combefis, Hist. haeres. monothelitarum, II, 920—925; Μηνατον Βενετία 1843, декабрь, стр. 203—204).

исходъ греко-русской войны 941 года 1); въ XI в. Кириллъ Филеотъ точно такимъ же образомъ предсказываетъ исходъ греко-норманнской войны 1108 года. И Михаилъ и Кириллъ, быть можетъ верне ихъ агіографы Өеофанъ и Николай Катаскепинъ, усвоили себ'в даже общую литературную форму, выводя на сцену собакъ: черныя и кровожадныя собаки означали враговъ, все бълое и блестящее знаменовало небесную помощь или грековъ. Въ 917 г. черные псы (Болгары) пожрали бълыхъ (Грековъ), а въ 1108 г. блестящій воинъ притащилъ кровожаднаго пса (Боэмунда) и бросилъ его къ ногамъ имп. Алексѣя» 2). Сны оправдывались. Посредствомъ сновидѣній предвъщается иногда смерть (обыкновенно нечестивыхъ) императоровъ и будущая мученическая кончина святого. Илія младый говориль въ тюрьм' в своимъ братьямъ: «возв' щу вамъ также, что я вид' въ видъніи минувшею ночью: я видъль себя сидящимъ въ пастофоріи на почетномъ мѣстѣ, и нѣкій другой чертогъ, сплетенный мнѣ изъ различныхъ цвътовъ, и вънды, висящіе надо мною; и обратившись увидълъ я нъкоего чернаго зейона, предстоящаго мнъ, показывающаго мет крестъ, грозящаго мет смертію и выставляющаго противъ меня мечи и огонь и другія многія страшилища... И теперь говорю вамъ, братья мои, что или распнутъ меня, или сожгутъ огнемъ, или я имѣю претерпѣть все вмѣстѣ» 3).

Сонное видѣніе измѣняетъ рѣшеніе настоятеля (Сим. Столпн. § 10). Въ числѣ пріемовъ для прославленія святого агіографы не рѣдко прибѣгаютъ къ разсказу, что во время избранія патріарха голоса всѣхъ подавались за святого, но что онъ отклоняль отъ себя эту честь по разнымъ причинамъ. Такъ въ патріархи будто бы прочили одного изъ Аморійцевъ, Каллиста, Михаила Синкелла, Симеона Митилинскаго и пр. Патріархъ въ дни своей невзгоды обыкновенно говорилъ, что онъ принялъ патріаршество недобровольно, что онъ лично и не помышлялъ о престолѣ, но уступилъ только насилію свѣтской власти; такъ говорили патріархи: Тарасій, Никифоръ, Фотій, у насъ митрополитъ Климентъ Смолятичъ.

Если святому предлагали епископскую канедру, онъ долженъ былъ бъжать отъ нея и скрываться; если онъ уже былъ епископомъ, ему, по схемъ, рекомендовалось выкупать плънниковъ на волю.

¹⁾ А. Н. Веселовскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1889, І, 83-86.

^{2) «}Визант. Врем.» IV, 389.

³⁾ Ирав. Палест. Сборникъ 1907 г., LVII (XIX. 3) стр. 50, 58 § 12.

Въ томъ случать, когда нужно было объяснить появление у святого необычайнаго дара пъсненнаго творчества, агіографы съ Х стол'тія усвоили себ'є библейскій образецъ: будто бы н'ткій святой даваль этому мужу събсть свитокъ; мужъ проглатывалъ его и-преисполнялся чуднаго дара творчества. Въ пророчествъ Іезекіиля (II, 8-10) читаются следующія строки: «отверзи уста твоя и снеждь, яже азъ даю тебъ. И видъхъ, и се рука простерта ко мнъ, и въ ней свитокъ книжный. И разви его предо мною, и въ томъ писана быша предняя и задняя: и вписано бяще въ немъ рыданіе и жалость и горе». Въ памяти Романа Сладкопъвца, знаменитаго церковнаго поэта V-VI въка, по славянскому рукописному Прологу XVI в. (1 октября) В. Гр. Васильевскій и мы прочитали слідующее: «явившуся ему (Роману) пресвятьй Владычицы нашей Богородицы во снъ, и свитокъ книжный тому въдавши и повель спъти: «отвръзь (у) уста моя»; и поглотивь харатію. Біше же праздникъ Рождества Христова. І абіе въшедъ въ церковь възыиде на амбонъ и нача пъти: «Дъвая днесь пребогатаго рожаетъ». Равнымъ образомъ о св. Ефремѣ разсказано следующее: сонмъ ангеловъ, по повеленію Божію сходить съ неба, и въ рукахъ у нихъ свитокъ (χεφαλίς), то-есть книга, написанная извнутри и снаружи. И сказали они: кромѣ Ефрема никто не можетъ принять сію, и книгу отдали Ефрему. Послѣ этого святый сталь учить такъ, какъ будто источникъ текъ изъ устъ его; тогда всѣ познали, что исходившее изъ устъ Ефрема есть отъ Духа Святого 1). Наконецъ діаконъ Великой Церкви и риторъ Іоаннъ (не ранъе Х в.) въ пересказъ житія Іосифа Пъснописца (§ 22) также разсказываетъ, что когда св. Іосифъ сидълъ въ Критской темницъ, въ ночь на Рождество Христово явился ему св. Николай Мирликійскій, предсказаль смерть Льва Армянина и вельль ему съвсть κεφαλίδα, βραχύ τι βιβλίου άπότμημα. Восхищаясь красотою письма свитка, на которомъ было написано: «потщися, щедрый, и поспѣши, яко милостивый, на помощь нашу, яко можеши хотяй», и произнеся: «какъ сладки написанныя буквы во внутренней гортани души»! Іосифъ проглотилъ свитокъ, и воть онъ очутился безъ узъ и шейная цёпь лежала у его ногь 2).

Предсмертное наставленіе. Въ случать, когда идетъ ртво о святомъ настоятелт монастыря, риторическія руководства полагали

¹⁾ Migne, LXV, 168; Достопамятныя сказанія, Спб. 18714, стр. 105.

²⁾ Романова легенда очень удачно подогнана къ Іосифу: имп. Левъ Армянинъ былъ убитъ какъ разъ въ ночь на Рождество Христово.

необходимымъ говорить, что святой, чувствуя близость кончины, собиралъ къ своей постели братію и преподавалъ ей наставленіе и завъщание о томъ, какъ надо жить, молиться, въ точности исполнять уставъ монастыря и пр. Здёсь Өеодоръ Петрскій влагаеть въ уста Өеодосія Палестинскаго между прочимъ слѣдующія не очень осторожныя слова (§ 45): «если вы увидите, что послѣ моей кончины мъсто это увеличивается еще болье, знайте, что я имью дерзновение у Бога и это будеть такъ, какъ я вамъ говорилъ; если же нътъ, ясно, что не будетъ». Въ настоящее время монастырь Өеодосія — очень крохотная обитель; значить ли это, что святой не имфеть теперь дерзновенія у Бога? Въ перенесеніи мощей св. Олимпіады несравненно лучше сказано: «я, гръшная, смъло говорю вамъ, что если я обръту тамъ дерзновеніе, я не перестану просить милостиваго Бога, чтобы Онъ покрылъ и управилъ васъ всёхъ въ настоящей жизни, да и послё исхода отсель удостоиль своего небеснаго и безсмертнаго царствія» 1). Съ греческихъ образцовъ эта мысль была занесена и на русскую почву. «Аще обрѣлъ буду благодать предъ Богомъ, говорилъ Зосима Соловецкій, то обитель сия по смерти моей умножится величествомъ и наиболье разширится» 2), или «аще буду обрь (лъ) благодать предъ Богомъ, говорилъ Стефанъ Комельскій, то монастырь сей и по моемъ преставлении не оскудфеть, но паче распространится» 3). Въ самомъ дълъ, секуляризація монастырей въ царствованіе имп. Екатерины II много монастырей вырвала изъ жизни; монастыря не стало, но значить ли это, что святой основатель, произносившій упомянутыя слова братіи, не обрѣлъ у Бога ни милости, ни благодати?

Кончина. Весьма многіе святые, по ихъ житіямъ, желали своей кончины, желали «разрѣшитися и со Христомъ быти»; часто они предсказывали день своей кончины, иногда за нѣсколько лѣтъ впередъ, и предсказаніе это сбывалось. Послѣ напутствія братіи онъ умиралъ обыкновенно съ евангельскими словами на устахъ: «въ руки Твои предаю духъ мой». Отъ тѣла распространялось благоуханіе и надъ тѣломъ почившаго съ наступленіемъ ночной темноты появлялся свѣтъ 4), иногда слышалось ангельское пѣніе. Весь городъ или всѣ

¹⁾ Anal. Boll. XVI, 51 § 16.

²⁾ Рук. И. О. Л. Н. Ө. L, 221.

³⁾ П. Д. П. 1892, LXXXV, 18.

⁴⁾ Огненный столиъ надъ мощами: въ 3-мъ обрът. главы Предтечи, въ ж. Давида и Константина 730, Іоанникія Великаго, Бориса и Глъба 1000, Іоанна Непомука 1393 г. и пр.

иноки и жители окрестныхъ весей стекались на погребение святого и многіе изъ недужныхъ тутъ же получали испеленіе. Очень часто здёсь приводится точная дата, число и мёсяцъ кончины святого; непосредственные очевидцы смерти называють также и день недёльный. Часто здісь же приводится и годъ, конечно годъ міровой. При этомъ надобно имѣть въ виду слѣдующее 1). По обще-византійскому счету, промежутокъ времени между Сотвореніемъ міра и Рождествомъ Христовымъ равнялся 5508 годамъ, по александрійскому счету 5500-мъ и по палестинскому — 5492-мъ; Газскій счетъ времени повидимому не употребляль мірового года, а пользовался годомъ Христовымъ, хотя и въ своеобразномъ разсчетъ: онъ шелъ впереди общевизантійскаго на 59 летъ: напр. по житію Порфирія Газскаго († 421) святой скончался въ 480 году²). Подобно тому какъ въ актахъ мучениковъ, при незнаніи агіографомъ времени кончины святого, употреблялось общее выражение «царствующу Господу нашему Інсусу Христу», —и зд'єсь въ вид'є пережитка стараго преданія агіографы прибъгаютъ иногда къ тому же опредъленію. Напр. Кириллъ Скивопольскій о кончинъ Іоанна Молчальника († послъ 557 г.) выразился: «скончался въ седьмой день мѣсяца декабря въ царство Господа нашего Іисуса Христа» 3), въ житіи іерусалимскаго епископа Киріака говорится (§ 12): скончался «въ день субботній, въ часъ восьмой, мѣсяца октября 22-го, въ царствование Господа нашего Іисуса Христа».

Чудеса. Приступая къ изложенію чудесъ святого при жизни и по смерти, агіографы не рѣдко употребляютъ слѣдующія риторическія фигуры: ἄτινα ἐὰν γράφηται καθ' ἔν, οὐδὲ αὐτὸν οἶμαι τὸν κόσμον χωρῆσαι τὰ γραφόμενα βιβλία, «у меня не достанетъ времени, если я захочу разсказать всѣ чудеса, сотворенныя святымъ» 4), «если бы я сталъ разсказывать подробно...., то у меня не достало бы времени для разсказа» 5), «если кто пожелалъ бы предать письму каждое изъ чудесъ святого, у него не достало бы и времени и слова, могущаго изобразить это» 6), «не достанетъ ни времени, ни слова, устанутъ и руки, приспособленныя для письма, если бы мы захотѣли все разсказать» 7).

¹⁾ Ср. AA. SS. Boll. мартъ, III, Exegesis I praevia, nº 11.

²⁾ Ж. Порфирія § 103.

³⁾ Ж. Іоанна: Палест. Патерикъ, III, 26 § 28.

⁴⁾ Ж. Пларіона Великаго § 24.

⁵⁾ Палладієвъ Лавсаикъ, стр. 10 (объ Исидоръ).

⁶⁾ Меводій, ж. Өеофана Сигріанскаго § 6.

⁷⁾ Метафрастово ж. Евдокима (П. Д. П. 1893, XCVI, 13).

Курьезно, что къ этой фигурћ преувеличенія прибѣгають иногда писатели и въ томъ случаѣ, когда перечисляють всего не болѣе десятка чудесъ.

Связь между двумя смежными чудесами можеть быть или временная, напр. «вскорѣ послѣ того случилось новое чудо», но это опредъленіе времени не имѣетъ историческаго значенія, это только извѣстный пріемъ для перехода отъ одного чуда къ другому 1), или риторическая, напр. «это чудо, если бы и не было другого, по моему мнѣнію и одно только достаточно для прославленія и возвеличенія имени (святой) во всемъ мірѣ» 2).

Въ перечнѣ чудесъ обыкновенно указывается: имя больного, рѣже его происхожденіе, и дается неясное опредѣленіе болѣзни: δαιμονίφ (χαλεπῷ) πνεύματι κάτοχος, δαιμονῶσα, χαλεπῷ πάθει πιεζομένη, ἀπόρρητόν τε καὶ δεινὸν πάθος ἔχουσα и безчисленное множество подобныхъвыраженій.

Чудеса, по словамъ Васильевскаго ³), «вообще не допускаютъ объясненій». Конечно, но обстановочная сторона чуда: имя, фамилія, родина больнаго, точное обозначеніе его бользни, наконецъ бытовыя подробности чуда—все это можетъ служить предметомъ исторіи. Что касается напр. до чудесъ древнихъ мучениковъ, въ нихъ находятъ иногда совсьмъ обычную обстановку: бани, купальни, колодцы, пластыри изъ масла и воска, компрессы изъ уксуса съ разведенною въ немъ солью, гостинницы съ врачами и т. д., то-есть «бывшіе у св. Артемія не оставляемы были совершенно и безъ настоящей медицинской помощи» ⁴).

Для нашей цѣли достаточно будеть упомянуть здѣсь нѣсколько чудесь, встрѣчающихся въ житіяхъ святыхъ разнаго времени, и что. еще важнѣе, разныхъ агіографовъ: святые ходили по водамъ 5) или переносились по морю дельфинами (Мартиніанъ § 16, Василій Новый); воскрешали мертвыхъ 6); прекращали бури чрезъ отверженіе пассажиромъ ереси 7); исцѣляли болѣзни чрезъ возложеніе руки святымъ на больное мѣсто 8); какъ кровоточивая исцѣлилась отъ прикосновенія

¹⁾ Ж. Евдокима (изд. Лопарева, Софія 1908) стр. 42.

²⁾ Ж. Өеодоры Солунской (изд. Арсенія) § 46.

³⁾ Ж. М. Н. Пр. 1878, I, 150.

⁴⁾ Жебелевъ, стр. 19.

⁵⁾ Ж. Стефана Савваита § 63, 76.

⁶⁾ Палладій, Лавсаикъ, стр. 385; Достопамятныя сказанія, стр. 74, 358.

⁷⁾ Ж. Порфирія § 56.

⁸⁾ Ж. Стефана Савванта § 26, 124.

къ ризъ Господа, такъ женщина испълила свой сосецъ отъ прикосновенія его къ рясь Стефана (§ 34); дуновеніе подвижницы обращаетъ врага въ параличное состояніе (§ 95); святой наводить сліпоту на варваровъ (§ 17): лица враговъ перевертываются; передъ святымъ двери храма отворяются сами собою (§ 87) 1); святые сообщають о кончинъ другого святого, который дъйствительно въ тотъ моментъ и умираетъ (§ 32) 2); предсказываютъ бользнь человъка совсъмъ въ другой странь (§ 59); становятся невидимыми, когда не желають встречаться съ народомъ; во время молитвы отделяются отъ земли, какъ-бы вися въ воздухъ. Наиболье обычнымъ чудомъ является испъление бользни посредствомъ намазывания масломъ отъ лампады святого 3). Даръ чудотвореній святыхъ иногда обозначается посредствомъ указанія на близость къ нимъ дикихъ звітрей и птицъ; напр. Герасиму Іорданскому служиль левь, голуби получали пищу прямо изъ рукъ Антонія новаго и Стефана Савваита, которому садились на голову и на плечи 4); именемъ святого дань нозволила поймать себя 5); кобыла поджидаетъ разбойника (§ 20), и т. д.

Еще болье удивительными являются чудеса, когда животныя говорять человыческою рычью, какь въ басняхъ 6), по библейскому образцу Валаамовой ослицы: въ ж. Космы и Даміана говорить верблюдь, въ муч. Ирины—конь, въ муч. первомуч. Стефана—мьсхы, въ ж. Зосимы и Аванасія—левъ и т. д.

На ряду съ этимъ уже въ старыхъ житіяхъ начинаетъ появляться сравненіе чудесъ новозавѣтныхъ святыхъ съ чудесами Ветхаго Завѣта; мы скоро увидимъ, что не въ мѣру расходившееся воображеніе грековъ заносило ихъ и гораздо далѣе этого. Өеодоръ Петрскій въ житіи Өеодосія по поводу предсказанія Симеона Столиника замѣтилъ (§ 5): «это чудо, какъ мнѣ кажется, можно обрѣсти не на много уступающимъ чуду относительно Іоанна, о которомъ засвидѣтельствовалъ Христосъ, что онъ болій всѣхъ рожденныхъ женами». Тотъ же агіографъ далѣе писалъ (§ 35): «это чудо не уступитъ чу-

¹⁾ Ср. житія Модеста Іерусалимскаго, Константина Синнадскаго.

²⁾ Ср. ж. Герасима § 5.

³⁾ Палладій, Лавсаикъ, стр. 172; ж. Өеодоры Солунской.

⁴⁾ Ср. мученичество св. Неофита.

⁵⁾ Симеонъ Столпникъ § 15.

⁶⁾ Cp. τίς τῶν ὀρνέων τὴν γλῶτταν ἐστόμωσεν ὀργάνου δίκην, ὡς καὶ νομίζειν τοὺς κενοὺς μυθογράφους εἶναι παρ' αὐτοῖς γνωστικὴν ὁμιλίαν; (Γεορτία Πисида: Hexaem. v. 929-932: P. G. XCII, 1505).

десамъ Елисея: тотъ прокормилъ немногими смоквами и хлѣбами ячменными сто мужей, а этотъ, дѣйствіемъ св. Духа, наполниль изъ одного пшеничнаго зерна весь домъ пшеницею». Равнымъ образомъ агіографъ Стефана Савванта пишетъ (§ 103): «Другой изъ учениковъ богомудраго старца разсказалъ мнѣ нѣкое чудо, не уступающее чудесамъ законодателя Моисея»; этотъ святой «подобно Моисею ударомъ въ землю извлекалъ воду» (§ 104). Агіографъ Өеодоры Солунской говоритъ (§ 61): «это не уступаетъ чудесамъ свѣтильника и верховнаго изъ апостоловъ: тотъ призываніемъ Христа и поднятіемъ за руку исцѣлилъ хромого, а эта прибывшую къ источнику чудесъ уврачевала чрезъ помазаніе масломъ»; названная святая пуѣла дерзновеніе къ Богу равное дерзновенію Иліи (§ 46).

Эта часть агіографической схемы оканчивается также риторическими фразами: «куда обратить мн слово?» 1); «но пора уже кончить свою р такъ какъ я не могъ бы въ отд такъ не речислить твои доброд тели» 2).

Заключеніе. Посль обозрынія посмертных чудесь έγκωμιαστής часто начинаетъ свою рачь словами: вотъ тебь, отче святый, отъ многаго малое, и затъмъ обыкновенно прибъгаетъ къ σύγχρισις'у, то есть проводить параллель между своимъ героемъ и святыми ветхо- и ново-зав'тными: Авраамомъ, Моисеемъ, Іисусомъ Навиномъ, Давидомъ, Соломономъ, Іоанномъ Крестителемъ, ап. Петромъ, Павломъ и т. д. Эго литературное правило введено было въ старое время, ибо подобная параллель встрачается уже въ житіяхъ V вака и ранбе, напр. у Григорія Богослова. Авва Іоаннъ персъ даже о себъ, тоdestia neglecta, говориль: «и почему мнь не надыяться (на царство небесное)? я быль страннолюбивь какь Авраамь; кротокь какь Моисей; свять какъ Ааронъ; терпъливъ какъ Іовъ; смиренъ какъ Давидъ; жилъ въ пустынъ какъ Іоаннъ; плакалъ какъ Іеремія; былъ учителенъ какъ Павелъ; въренъ какъ Петръ; мудръ какъ Соломонъ» 3). Но следовавшіе за нимъ агіографы, характеризуя личность своего святого, темъ более не могли стесняться параллелями. Напболее неумеренные изъ нихъ осмѣливались сравнивать чудеса своихъ героевъ съ чудесами даже Інсуса Христа 4)! Но при этомъ безстыдство литера-

¹⁾ Ж. Өеодосія § 14.

²⁾ Ж. Стефана Савваита § 188.

³⁾ Άποφθέγματα τῶν πατέρων (Migne P. Gr. LXV); Достопам. сказанія, стр. 172.

⁴⁾ Примѣры этого σύγκρισις'а указаны П. В. Никитинымъ въ «Сказаніяхъ о 42 Аморійскихъ мученикахъ», стр. 176.

36 отдель I.

турнаго законодавца все же не доходило до апогея: чудо святого не уступало чуду Елисея, но ни одинъ еще агіографъ не доходилъ до такой разнузданности, чтобы говорить, что чудо святого не уступало чуду самого Христа! ·

Вслѣдъ за личнымъ σύγκρισις омъ слѣдовало также сравненіе безличное и общее: святой приложился къ (библейскимъ) патріархамъ какъ патріархъ, къ мученикамъ какъ мученикъ, къ преподобнымъ какъ преподобный, къ отцамъ какъ отецъ. Эта параллель необязательна была именно въ концѣ сочиненія, она могла помѣщаться и въ началѣ житія—но другого святого. Напр. діаконъ Игнатій въ житіи патр. Никифора, упомянувъ въ началѣ о кончинѣ патр. Тарасія, прибѣгъ къ этому безличному σύγκρισις у, но за то въ концѣ житія Никифора обошелъ его уже молчаніемъ.

Наконецъ слѣдовало молитвенное обращеніе агіографа къ святому о помощи «благочестивымъ царямъ нашимъ». Это стереотипное выраженіе рискованно понимать и толковать въ томъ смыслѣ, что тутъ разумѣется соправительство двухъ императоровъ. Подъ этимъ выраженіемъ часто долженъ подразумѣваться и одинъ царь 1). Схема оканчивается моленіемъ агіографа о ходатайствѣ святого предъ Богомъ въ разныхъ тяжелыхъ случаяхъ жизни—при посѣщеніи смертоносной язвы, труса, огня и меча варваровъ.

d) Общія критическія замічанія о житіяхъ.

Здъсь мы желали бы обратить внимание на нъсколько существенныхъ вопросовъ, необходимыхъ для изучения житий какъ памятниковъ историческихъ и литературныхъ.

Личность агіографа. Мы далеко не всегда знаемъ агіографа по имени, тѣмъ болѣе не знаемъ мѣста, которое онъ занималъ въ современной ему средѣ; но чаще всего это былъ инокъ, писавшій житіе святого по порученію старшихъ.

Изъ наблюденій надъ житіями выносимъ уб'єжденіе, что агіографъ, назвавшій себя, — личность бол'є или мен'є изв'єстная, житіе, написанное имъ, отличается литературными достоинствами; напротивъ, анонимное житіе часто страдаетъ несовершенствомъ литературной формы

¹⁾ См. напр. Ioannis Hagioelitae de Passione S. Basilii presbyteri Ancyrani narratio ed. M. Krascheninnikov. Jurievi Livonorum 1907 p. 11. 33; наше житіе св. Евдокима. Софія 1908, стр. 101, прим. 212.

п очевиднымъ п обыкновенно неудачнымъ, дътски-наивнымъ сочинительствомъ подробностей для вящшаго прославленія святого.

Для объясненія этого посл'єдняго обстоятельства необходимо остановиться на половинѣ IX столѣтія, на той грани, которая отдѣлила иконоборческій періодъ отъ послёдующато иконодульнаго.

Въ иконоборческую пору монастыри предавались или огню, или приспособлялись къ чисто свётскимъ цёлямъ (напр. превращались въ гостинницы); монахи, эти носители образованія и писатели, подвергались преследованіямъ, изгонялись и иногда даже погибали мученическою смертью; монастырская письменность находилась въ самомъ жалкомъ состоянія, школьное д'бло совершенно замерло. Послі 842 года, съ возстановленіемъ иконопочитанія, въ Византіи повъяло новымъ духомъ — духомъ свободнаго преподаванія и свободы духовной письменности. Школы начали свою д'вятельность съ т'ємъ большимъ рвеніемъ, чемъ более оне были подавлены въ предшествующее время. Съ цёлью усовершенствованія річи и слога въ школахъ, во время прохожденія учениками риторическихъ правиль, задавались письменныя работы по пересказу прежнихъ образцовъ. Пересказывались преимущественно житія святыхъ, какъ любим вйшій предметъ литературы въ то время. Каждый ученикъ долженъ былъ литературно изложить житіе того или другого святого на основаніи уже существовавшаго его житія.

Оригинальныя же житія писались уже по окончаніи высшей школы на соисканіе ученыхъ степеней риторовъ и философовъ, въ род'в нашихъ магистровъ и докторовъ. Напр. Никита — Давидъ Па-Флагонянинъ для полученія степени ритора (литературы) защищалъ свое «житіе св. славнаго Евдокима», Константинъ въроятно для полученія степени философа защищаль свое «Слово объ обрѣтеніи мощей св. Климента». Это были такъ сказать диссертаціи, свидьтельствующія какъ о полномъ знаніи авторомъ риторическихъ правиль, такъ и о знакомствъ его съ произведеніями классиковъ, хотя бы и въ отрывкахъ. Диссертацій сохранилось до нашего времени очень ограниченное число; въ большинствъ же случаевъ мы имъемъ дъло съ обыкновенными ученическими упражненіями, если достаточно пышными, то только благодаря усвоенію пересказчикомъ агіографической схемы.

Въ разсматриваемыхъ житіяхъ можно не редко подметить школьную работу; но вообще говоря, опредъленіе личности анонимнаго агіографа всегда сопряжено съ большими трудностями. Нужно очень 38 отдълъ і.

хорошо владъть греческимъ языкомъ средпевѣковья, нужно быть Крумбахеромъ, Курцемъ, П. В. Никитинымъ и пр., чтобы произносить приговоръ, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ сочиненіе солиднаго писателя, или упражненіе какого нибудь школьника. Крумбахеръ, Никитинъ и Delehaye напр. близко подходили къ мысли о школьномъ происхожденіи нѣкоторыхъ пересказовъ; по ни они, ни тѣмъ болѣе остальные учепые еще не рѣшались высказаться на этотъ счетъ опредѣленно. На основаніи изученія языка анонима и его особенностей рѣчи мы нашли возможнымъ приписывать одно анонимное житіе перу извѣстнаго писателя 1).

Не рѣдко можно наблюдать, что основное житіе святого такъ и погибло, а сохранилось только это ученическое упражненіе, которому мы однако вѣрили, несмотря на ребяческіе пріемы агіографа для приведенія доводовъ въ пользу святости героя.

Если стать на ту точку зрѣнія, что среди житійной литературы часто встрѣчаются ученическія упражненія, то и ороографическія погрѣшности житія можеть быть слѣдовало бы иногда относить на долю не переписчиковь, которые вѣроятно туть не очень ужъ виноваты, а самихъ авторовъ. При этомъ мы исходимъ изъ того соображенія, что житія, написанныя высокообразованными авторами (напр. діакономъ Игнатіемъ), имѣютъ ороографическихъ ошибокъ непзмѣримо менѣе, нежели житія, написанныя школьниками. Нѣмецкая по преимуществу наука безпощадно обезличиваетъ подобные памятники исправленіемъ ороографіи житія; но если это — ученическія работы. погрѣшности въ нихъ характеризуютъ физіономію агіографовъ, которую желательно было бы сохранять, а не ретушировать.

Мѣсто дѣятельности агіографа. Вопросъ этотъ въ большинствѣ случаевъ также въ высшей степени трудный. Иногда изъ житія совершенно ясно, что агіографъ паписалъ Віос тамъ, гдѣ покоятся мощи святого (напр. Стефанъ савваитъ); иногда драгоцѣнными указаніями являются такія замѣчанія какъ оотос и пр. въ отношеніи царицы (городовъ—Византіи), или монастыря съ мощами святого. Но когда никакихъ указаній не имѣется,—а это наблюдается уже въ пересказахъ,—вопросъ о мѣстѣ написанія житія очень затрудняется.

Но занятія надъ житіями святыхъ, думается, не обманули насъ въ той мысли, что Зіог и обыкновенно сначала писались тамъ, гдѣ

¹⁾ Болландистъ Р. Peeters (Anal. Boll. 1909, XXVIII, 497), несмотря на строгость своей критики, все же долженъ былъ признать, что это возможно.

покоятся мощи святого. Къ мощамъ стекались вѣрующіе для поклоненія; здѣсь особенно интересовались біографіею святого, и если послѣдній происходилъ родомъ изъ другой страны, провинціи, области, а подвизался въ третьей, то все-таки суммированіе устныхъ біографическихъ извѣстій происходило именно здѣсь, у гроба. Далѣе: одержимые разными недугами не рѣдко получали здѣсь исцѣленіе. Какъ теперь, и тогда велась регистрація чудесъ: заносилось въ книгу имя больного, его происхожденіе, общее опредѣленіе болѣзни и наконецъ чудесное его исцѣленіе. Все это и заносилось агіографомъ въ посмертныя чудеса святого. Ясное дѣло агіографомъ могъ быть только мѣстный житель, въ распоряженіи котораго находились какъ устные разсказы монастырской братіи, такъ и книга для записей чудесъ.

Но когда житіе написано, пересказы его могли составляться гдѣ угодно. И такъ какъ въ Византіи образовательныхъ средствъ въ видѣ школъ было болѣе, пежели въ любомъ провинціальномъ городѣ, слѣдовательно было болѣе учениковъ и болѣе письменныхъ упражненій, то мы и думаемъ, что пересказы житій святыхъ могутъ быть больше всего пріурочены къ Константинополю. Даже знаменитый Метафрастъ, пересказывавшій подобнаго рода памятники, — и тотъ жилъ въ Византіи: очевидно, въ этомъ центрѣ просвѣщенія легче всего было заниматься всякими литературными работами.

Анонимный пересказъ житія узнается по отсутствію субъективныхъ чертъ агіографа, по полной абстракціи автора, по сухости и безжизненности его пэложенія.

Ученый иногда не можетъ опредълить, имъетъ ли онъ подлинное анонимное житіе, или уже только сохранившійся его анонимный пересказъ. Въ этомъ случать по языку сочиненія едва ли можно опредълить съ точностью мъстность, въ которой агіографъ жилъ и писалъ. Въ такихъ случаяхъ послт долгаго колебанія мы все-таки останавливались на Византіи, этой лабораторіи агіографической письменности.

Время жизни агіографа—новый камень преткновенія для изсліздователей.

Ученый находится въ счастливыхъ условіяхъ, если авторъ случайно связаль свое имя съ какимъ либо императоромъ, патріархомъ, которые хронологически точно пріурочены, или епископомъ; но если этого иѣтъ, усилія изслѣдователя не приводятъ ии къ чему опредѣленному. Если мы очень часто не въ состояніи точно пріурочить ко

40 отдълъ 1.

времени какого нибудь поименнованнаго писателя, то тёмъ болье мы безпомощны пріурочить анонима.

Для этого пріуроченія ученые ищуть каких влибо внашних вли постороннихъ основаній: если это хроника, смотрять, какимъ царствованіемъ она оканчивается, и отсюда выводять, что авторъ жиль въ эпоху последняго, названнаго имъ царя, какъ будто бы сочинитель умеръ съ послъднею написанною имъ строкою; если это одинъ изъ пересказовъ житія, сличають всь пересказы и установленіемъ связи ихъ съ современнымъ житіемъ или вообще со временемъ кончины святого дёлають робкое заключеніе о появленіи такого пересказа «въ такомъ-то или следующемъ столети»; если это легенда, ищутъ параллелей къ ней въ другихъ, точно опредъленныхъ, памятникахъ и отсюда заключаютъ, старъе, или новъе искомая извъстной, и т. д., и во всёхъ случаяхъ не пренебрегаютъ такимъ постороннимъ соображеніемъ, какъ палеографическая дата старъйшаго списка искомаго сочиненія, позже которой авторъ не могъ жить. Всв эти основанія не особенно точны и потому выводы науки, на нихъ опирающіеся, не должны претендовать на какую либо определенность.

Въ отношеніи писателей, сочиненія которыхъ сохранились, важнѣйшимъ критеріемъ для опредѣленія времени ихъ жизни должень былъ бы считаться языкъ; но вопросъ о греческомъ языкѣ, какъ онъ послѣдовательно жилъ въ теченіи вѣковъ, настолько трудный, что даже Крумбахеры не взяли бы на себя отвѣтственности въ точномъ пріуроченіи анонимнаго памятника—напр. къ ІХ, или Х столѣтію.

Отношеніе пересказчиковъ къ первоначальному житію. Если первоначальное житіе было написано простымъ языкомъ или въ простыхъ, недостаточно красивыхъ выраженіяхъ, то при школьномъ употребленіи оно служило канвою, по которой ученики учились облекать простоту выраженія въ пышныя, риторическія формы.

Къ несчастію для византійской литературы, до насъ сохранилось слишкомъ много школьныхъ пересказовъ житій, которые, къ стыду византійскаго общества, не только обращались рядомъ съ ихъ оригиналами, но и пережили ихъ, сохранившись до нашего времени, тогда какъ самые оригиналы, служившіе субстратомъ для пересказовъ, погибли. Мы говоримъ здѣсь именно о школьныхъ упражненіяхъ, а не о пересказахъ извѣстныхъ писателей. Достопочтенный Болландистъ о. Нірр. Delehaye пробовалъ было приложить характеристику: funestissimus homo, qui rem hagiographicam penitus vastavit — къ Си-

меону Метафрасту. Но когда Krumbacher, а потомъ мы дали понять, что такое сужденіе далеко не можеть разсчитывать на общепризнанность, благородный іезуить отказался отъ своихъ словъ. Къ Метафрасту эти слова совершенно не примѣнимы, но они вполнѣ пригодны именно къ школьнымъ упражненіямъ.

Школьныя переложенія начинаются уже со второй половины IX въка, какъ видно изъ любопытнаго въ этомъ отношении житія св. Іоанна Психаита. Мюнхенскій списокъ этого житія, представляющій изъ себя ученическое упражненіе по перелицовкъ, интерполированію и разукрашенію житія, относится къ Х или даже къ IX вѣку. Это особенно наглядно сказывается при сравненіи его со спискомъ Оксфордскимъ (Barocc. 240), хотя и болъе поздняго времени, но сохранившимъ въ себѣ основной текстъ житія. При разсмотръніи этихъ списковъ обнаруживается прежде всего, что начальный школьникъ пытался перелицевать оригиналъ, замѣнивъ его выраженія синонимами. Это-первый шагь школьника на литературномъ поприщъ. Вмъсто оригинальнаго σχεδόν онъ поставиль παραμικρόν, вм. εὖ -- καλῶς, ΒΜ. δεῖ -- πρέπει, ΒΜ. Ενεκα -- χάριν, ΒΜ. ὡς οἰόν τέ ἐστι -- ὡς δυνατόν ὑπάρχει, ΒΜ. τεμένη—ναούς, ΒΜ. ἴσον—ὅμοιον, ΒΜ. οἴκαδε—εἰς τάς οίκίας и множество другихъ. Замѣна эта иногда не безынтересна, напр. вм. λεωφόρον стоить όδὸς δι' ής φέρεται πρός την πόλιν ό λαός. Въ общемъ, какъ кажется, ученикъ держался не книжнаго языка, все еще напоминавшаго классическій, а разговорнаго, съ примісью церковнаго.

Но въ Мюнхенскомъ спискъ (Мопас. 366) видна кромъ того работа и болбе эрблаго школьника, который, воспроизводя тексть оригинала, вставляль цёлыя риторическія фразы для приданія большей пышности изложенію. Возьмемъ для прим'єра предсмертную річь Іоанна братіи, какъ она читается въ оригиналь и въ пересказь. «Пребывайте, дети, въ подвигахъ за благочестіе, храните веру непоколебимо до конца; считайте себя гостями міра сего; храните любовь другъ къ другу; соблюдайте неумаленнымъ цёломудріе, черезъ которое мы приближаемся къ Богу: оно делаетъ насъ храмами Бога; именте милостыню къ бъднымъ, смиреніе, мягкость, воздержаніе, бодрствованіе въ молитвахъ — (все) это храните до конца, чтобы, сдёлавшись совершенными, вы получили и совершенный вънецъ подвига». Здъсь просто, безъ затви, изложена такъ сказать фактическая часть бесвды. Но вотъ къ последней прикасается интерполяторское перо ученика

42 отдель г.

и-что мы видимъ? «Пребывайте, дѣти, въ подвигахъ за благочестіе, храните въру непоколебимо до конца, не предпочитая тълесной крѣпости исповѣданія во Христа: будьте готовыми за нее претериввать все. Пусть это будеть первымь стремленіемь вашихъ подвиговъ, это-глава ваша: при здравіи ея вы легко пріобратете п остальную добродатель. Затамъ считайте себя гостями міра и пе считайте ничего общаго въ настоящемъ, но, будучи насельниками на земль, думайте такъ, зная, что отечество наше есть градъ вышній Іерусалимъ: къ нему стремитесь, въ немъ жить старайтесь. Пусть пребывание въ настоящей жизни не отдъляеть вась отъ въчнаго блаженства: нбо невозможно получить его тому, кто относится апатично къ здъшнему, какъ невозможно кому либо переселиться въ другой городъ, прежде чёмъ онъ не выселится изъ своего. При этомъ храните любовь другъкъ другу, зная, что существуетъ связь добродьтелей, по божественному апостолу 1): когда нътъ связи, по необходимости постройка непрочна, и не только не прочна, но и грозить паденіемь; постройки-добродътели: если кто, какъ говорится, строитъ на этомъ основаніп, связью служить любовь, связующая, единящая ихъ и не позволяющая (имъ) расходиться. Соблюдайте неумаленнымъ цъломудріе, черезъ которое мы приближаемся къ Богу; храните его до конца незапятнаннымъ: опо дълаетъ васъ храмами Бога; этодерзновение ваше къ Нему: когда цъломудрія нътъ, нечисто остальное дёло, хотя бы оно и было похваляемо. Ибо вы преслёдуете миръ, какъ говорится, и освящение, безъ котораго никто не узритъ Господа. Милостыню къ бъднымъ, смиреніе, кротость, воздержаніе, бодрствованіе въ молитвахъ, -- (все) это до конца храните, чтобы, сделавшись совершенными, вы получили и совершенный вънецъ подвига».

Житія святых какъ историческій источникъ стоять въ тѣсной связи съ церковно-политическими теченіями данной эпохи, являясь матеріаломъ для детальнаго ея изученія. Чѣмъ болѣе обостренный характеръ носила эпоха, чѣмъ интенсивнѣе церковь отзывалась на явленіи жизни, тѣмъ болѣе появлялось житій святыхъ и тѣмъ болѣе эти житія носятъ историческій характеръ. Это и понятно. Дѣятели,

¹⁾ Колосс. III, 14.

принимавшіе горячее участіе въ церковной борьов, изъкоторой вышли побъдителями, и содъйствовавшіе успъху церкви напр. противъ ересей. всь удостоены были ореола святости и почти всь они имьють свои житія. Война родить героевъ, ересь выдвигаетъ святыхъ апологетовъ. Наоборотъ, чъмъ монотоннъе шла церковная жизнь, чъмъ глубже царилъ миръ, тъмъ житій святыхъ менье, тъмъ житія исторически малоцьнье, не выходя за предълы простой и краткой біографіи, наполненной примърами лишь созерцательной жизни аскетовъ.

Въ IV и V въкахъ церковь пережила много треволненій,—за эти стольтія мы имъемъ по 50 приблизительно житій святыхъ. Въ дальнъйшемъ количество житій все падаетъ—вплоть до иконоборческой эпохи: отъ «Юстиніанова въка» мы имъемъ 20 житій, отъ VII стольтія—13 житій. Эпоха VIII—IX стольтій дала огромное количество житій, посль чего идетъ вновь постепенное паденіе житійнаго дъла: X в.—11, XI в.—18, XII в.—6, XIII в.—8, XIV в.—9, XV в.—5 житій.

Мы спеціально взялись за разсмотр'вніе житій святыхъ эпохи VIII—IX стол'єтій, поскольку они могутъ служить для ц'влей исторіи.

ГЛАВА І.

Константинополь вообще.

Житіе Андрея въ Судѣ. — Өеофаново слово объ изгнаніи патр. Никифора. — Ж. Іуліана. — Ж. Лазаря. — Ж. Иларіона Грузина. — Ж. Өеофаніи. — Слово о главѣ Предтечи. — Перен. мощей Өерапонтія Кипрскаго. — Аморійское мученичество. — Меоодієво и иное ж. Өеофана Сигріанскаго.

Житіе или Мученичество Андрея «въ Судѣ» (ὁ ἐν τῆ Κρίσει), написанное, повидимому, во второй половинѣ IX вѣка, мало знаетъ біографическихъ чертъ и исполнено риторства. Андрей названъ здѣсь—святымъ славнымъ исповѣдникомъ и чудотоворцемъ¹). Парижская рукопись Житія относится къ IX в., позже котораго оно стало быть не могло быть написано. Впрочемъ Болландисты полагаютъ, что это Житіе не есть все-таки оригинальное произведеніе, что оно представляетъ пересказъ болѣе ранняго несохранившагося сочиненія: на это наводитъ разсмотрѣніе Метафрастовской передѣлки; однако заключеніе автора какъ будто говоритъ о самостоятельности сочиненія. Въ пачалѣ авторъ

¹⁾ Act. SS. Boll., οκτябρь, VIII. 135—142. Μέγα μὲν ὡς ἀληθῶς.

говорить о пользъ чтенія и изученія Св. Писанія (§ 1), а равно п житій пророковъ, апостоловъ, св. отцевъ и въ особенности мучениковъ (§ 2). Изъ лицъ, прославившихся мученичествомъ, особенно извъстенъ Андрей, пострадавшій за почитаніе иконы Христа отъ жестокаго и развращеннаго царя—Константина, «слуги сатаны», «котораго благочестивые люди того времени (ἐν τοῖς τότε χρόνοις) заслуженно назвали Копронимомъ» (§ 3). - Это не точно. Прозваніе «Копронимъ» и «Каваллинъ» имп. Константинъ получилъ лишь во второй половинъ IX стольтія, ранье чего не могло появиться и настоящее житіе.— Описываются въ общихъ чертахъ иконоборческие подвиги императора (§ 4) и его преслъдованія за почитаніе иконъ Христа, Богородицы и святыхъ: клирики и монахи убивались, народъ изгонялся и осуждался на заключенія (§ 5). Андрей жиль въ такъ называемой крыпости (Каотром) Крита; въ Житіи Андрея Критскаго быть можеть она же названа крвпостью του Δριμέως; географы находять близь Кандіи Castelpriotisa. Услышавъ о безбожін царя, онъ прибыль въ Византію (тур Βύζαν, очевидно Βύζαντος) и узналь, что Константинъ живетъ внѣ города, во дворцѣ св. Маманта 1). Онъ явился сюда въ то время, когда императоръ производилъ допросы и судъ надъ иноконопочитателями, которыхъ велёль бить до полусмерти, жечь, ослёплять, лишать языка и рукъ. Видя это, Андрей вознесъ молитву къ Богу (§ 6) и обратился съ вопросомъ: «царь, ты христіанинъ? народъ, ты христіанинъ?» Константинъ взглянулъ на него, по своему обыкновенію, драконски и убійственнымъ взглядомъ, наклонилъ голову и велёлъ схватить и представить къ нему святого. Слуги царя потянули его, кто за волосы, кто за шею и лобъ, кто за спину, причемъ разорвали на немъ одежду (§ 7). Царь поманилъ его къ себъ, отослалъ своихъ слугъ и спросиль Андрея: «человъкъ, развъ такъ императорскіе законы учать противиться государямъ вселенной, называть ихъ безбожными и чуждыми верныхъ?» Андрей ответилъ: «царь, никто не ошибается, обличая беззаконнаго царя; я вижу, что вы ничего не делаете такого, что свойственно истинному христіанину: убиваете людей, проповѣдуете безбожіе. Какъ же мнѣ назвать тебя, царь? христіаниномъ? вёдь христіане правили престоломъ человіколюбиво. Константинъ отвътиль: человъкъ, мы христіане, дълаемъ все хорошо, по христіански; чтобы показать всёмъ истину вёры, наша держава постановила уни-

¹⁾ p. 137: ἐν τοῖς πέραν βασιλείοις τοῦ πανευφήμου μάρτυρος Μάμαντος.

чтожить (έξαφανίζεσθαι) изъ церквей и другихъ мѣстъ тыесныя изображенія, какъ идоловъ противныхъ Богу» (§ 8). Въ дальнъйшемъ разговоръ святой назваль царя бъшенною собакою, говорящею изъ вонючаго (хотробетос) сердца, и заявиль, что почтение иконъ переходить на первообразь (§ 9); разгиванный императорь приказаль его бичевать; слуги растянули его и связали ему руки. Константинъ предлагалъ ему покориться царскимъ опредъленіямъ, но Андрей отвергъ это, замѣтивъ: «ты оставилъ борьбу противъ варваровъ и управленіе государственнымъ строемъ 1) и возсталъ вм'єсто того противъ христіанъ; я готовъ умереть за Христа, ділай, что хочешь: убей, сожги, казни, изгони, заключи въ тюрьму». По метнію Болландистовъ, Андрей намекаль здёсь на Болгарскій походъ имп. Константина 766 года. Царь взглянувъ на своихъ служителей и воскликнулъ: Я презрѣнъ моими слугами! вы видите, что онъ обвиняетъ вашего государя? (§ 10). Слуги тотчасъ бросились на святого и одни хотели мечами разрубить Андрея на части, другіе побить святого камнями, третьи, подобравъ (анахонвойная) свои одежды и засучивъ рукава, скрежетали зубами и намфревались схватить Андрея. Но царь собственноручно отклонилъ ихъ отъ убійства, и велёлъ двумъ слугамъ растянуть святого и бить ремнями по спинъ и по груди. Куски мяса отлетали и земля обагрялась кровью (§ 11). Наконецъ императоръ велѣлъ прекратить пытку и призвать къ себѣ святого. Андрей едва двигался. Подойдя къ Константину, онъ сказалъ: «царь, убѣдился ли ты въ непреклонности моей въры? знаешь ли, что если бы всъ убійственныя орудія твоей жестокости ты приложиль къ моему тілу, то и тогда не могъ бы побороть моего твердаго духа». Константинъ велѣлъ слугамъ схватить камни и бить святого по челюстямъ (σιαγών). Андрей палъ на колени и молился (§ 12). Затемъ онъ, по приказу царя, быль заперть въ вонючую темницу (по догадкѣ Болландистовъ, въ тюрьму Фіала), гдѣ прославлялъ Бога (§ 13). На другой день императоръ, сидя передъ загороднымъ дворцомъ (ἐπὶ τοῦ πέραν παλαтіоч), вельть опять привести къ нему святого передъ трибуналь и, видя его непреклонность, приказаль раздёть его и бить ремнями. Полумертвого онъ велёль тянуть по землё за голову среди безчисленнаго народа и затъмъ отправить въ Константинополь и тамъ таскать его за веревку по всѣмъ дорогамъ (πλατείαις) и площадямъ (λεωφό-

¹⁾ p. 139: εἴασας τὴν κατὰ τῶν βαρβάρων πάλην καὶ τὴν τῆς πολιτικῆς εὐταξίας διοίκησιν ...οὕτως βούλει... ἐν εἰρήνη τὰ τῆς βασιλείας σκῆπτρα διέπειν.

ဥဝး၄). По каменистымъ и шероховатымъ мѣстамъ, по улицамъ (ခံခ်ုံးဆန) и площадямь его, обагреннаго кровью, притянули «въ мъсто такъ называемаго Вола» (είς τὸν τόπον τοῦ λεγομένου Βοός, § 14). Одинъ изъ тамошнихъ мелкихъ рыболововъ (τη τέχνη της άλείας ενδιατρίβων), принесшій на площадь для продажи уловъ, увидівъ влекомаго человъка, полюбопытствоваль узнать причину его наказанія, и затьмъ схвативъ топоръ (την άξίνην του μακέλλου), который обыкновенно употребляють рыболовы, наступиль на правую ногу святому и отрубиль ее, послѣ чего Андрей скончался; это было 20 октября (§ 15), по мнѣнію Болландистовъ, 767 года. Лица, тянувшія мученика, бросили его тёло въ вонючемъ мёстё и объявили убійцё, что онъ заслуживаетъ награды какъ со стороны ихъ, такъ и императора. Ночью нъкоторые православные тайно похитили тъло Андрея (по догадкъ Болландистовъ, съ Пелагіева кладбища) и погребли его въ мъсть, называемомъ «Судъ» (Κρίσις, § 16). Монастырь Суда или Розолистный извъстенъ изъ Житія Филарета, гдь онъ названъ женскимъ монастыремъ; таковымъ онъ оставался и въ XIII в., когда его расширяла протовестіарисса Анна Раулена. Агіографъ замічаеть: воть тебі похвала отъ насъ; хотя я и не могъ сочинить похвалу (έγκώμιον) по достоинству, но любовь моя къ тебъ заслуживаетъ достоинства похваль (§ 17).

Небольшое слово пресвитера и игумена Өеофана объ изгнаніи патріарха Никифора и о перенесеніи мощей его ¹) не выходить изъ рамокъ обычнаго церковнаго слова и прямо заканчивается молитвеннымъ обращеніемъ къ св. Никифору; едва ли эта часть не есть первый опытъ службы патріарху. Въ общемъ статья исторически малопѣнная, хотя Ө. И. Успенскій придаетъ ей большое значеніе: въ вопросѣ о торжествѣ православія этотъ ученый видитъ въ словѣ цѣнность, не уступающую хронистамъ ²); разсказывается въ общихъ чертахъ, чего нельзя было ожидать отъ лица близкаго по времени къ названному патріарху. И въ литературномъ отношеніи слово это не можетъ служить образцомъ изложенія; такъ напр. Өеофанъ совершенно не кстати и совсѣмъ не на мѣстѣ говоритъ о VII вселенскомъ соборѣ; здѣсь онъ кажется обмолвился, имѣя въ виду соборъ 842 года,

¹⁾ Латинскій переводъ въ Act. SS. Boll., мартъ, II, 318; Θ. Ἰωάννου. Μνημεῖα άγιολογικά, 115—128 (по cod. Marc. 359, XII вѣка). Поправки къ изданію— П. В. Никитина въ «Зап. Имп. Акад. Наукъ» (Mémoires, VIII-e série, cl. hist.-philol. І. 1). Спб. 1895, стр. 54.

²⁾ Очерки, стр. 29-31.

что ему и следовало по ходу разсказа; а между темъ вследствіе обмолвки получается странное представленіе: черезъ четыре года послѣ Никейскаго собора 1) патр. Менодій уб'єдиль царицу Өеодору перенести мощи св. Никифора (§ 9). Фактическая сторона слова сводится къ немногимъ даннымъ, и прежде всего для біографіи Никифора. Онъ прожиль въ ссылкъ 14 летъ, умеръ 13 марта, тело его хранилось нетленнымъ 19 летъ и перенесено черезъ 4 года после собора, 13-го же марта: ясно, что перенесеніе мощей патріарха состоялось 13 марта 846, кончина 13 марта 827, сверженіе съ престола 814 года. Но обычное мнѣніе, что Никифоръ удаленъ 20 марта 815 и скончался 13 марта 828 года, какъ засвидетельствованное Өеодоромъ Студитомъ и другими, все же кажется заслуживаетъ более вероятія. Өеофанъ приводитъ еще одну дату: онъ говоритъ, что иконоборческое зло, очевидно во второмъ его періодѣ, продолжалось около 30 лѣтъ, и совершенно справедливо: 842 - 30 = 812, что близко къ іюлю 813 года, времени вступленія на престолъ имп. Льва Армянина. Но не столь в розгенъ разсказъ автора, когда онъ пишетъ о сверженіи Никифора, будто патріархъ «вышелъ изъ церкви унылый, со слезами на глазахъ, и укрѣплялъ народъ приличными божественными словами» (§ 4). Өеофанъ, писавшій лѣтъ 50 спустя, долженъ уступить въ этомъ отношеніи діакону Игнатію и Өеодору Студиту, какъ современнику и другу Никифора. Студійскій игуменъ свидітельствуєть, что патріархъ былъ схваченъ ночью, дабы не возбудить народа, и немедленно же перевезенъ черезъ Босфоръ. Игнатій, правда, разсказываетъ, что Никифоръ молился въ церкви, но и онъ умалчиваетъ о присутствій народа. Если мы ко всему этому прибавимъ еще, что починъ въ дъл возстановленія иконопочитанія сдълала царица Өеодора, что патр. Іоаннъ дъйствительно воспользовался своеручно (для оскорбленія иконы Христа) и за это едва не поплатился жизнію, что наконецъ въ Өеодоровскій монастырь, который быль построенъ патріархомъ, въ которомъ онъ жилъ и скончался (§ 5), тадилъ за мощами Никифора лично патр. Меоодій соборне съ духовенствомъ (§ 11) и перенесъ ихъ въ храмъ Апостоловъ (§ 12), то исчерпаемъ всю сумму имфющихся въ словф фактическихъ данныхъ.

Житіе или върнъе мученичество Іуліана и дружины, иначе 10 (13) мучениковъ цареградскихъ, представляетъ интересъ не столько

¹⁾ Θ. Ἰωάννου 124: ἡ ἐν Νικαία τὸ δεύτερον οἰκουμενική Σύνοδος ὑπὸ Εἰρήνης καὶ Ταρασίουκροτηθεΐσα... Χρόνου τοιγαροῦν ἐκ τούτου τετραετοῦς παροιχομένου.

для вопроса о сверженіи иконы Спаса на М'єдныхъ воротахъ, первомъ иконоборческомъ распоряженіи имп. Льва Исавріянина 726 г. 1), сколько для вопроса объ обр'єтеніи мощей ихъ. О жизни святыхъ авторъ знаетъ очень мало и поименно называетъ лишь патрикію Марію, главное лицо разсказа, и протоспаварія Григорія. Что у него интересно, то несамостоятельно; единственное значеніе мученичества—въ разсказ объ обр'єтеніи мощей ихъ въ 869 году; зд'єсь авторъ, повидимому, современникъ событія, даетъ н'єчто новое и показаніе его любопытно.

Витіевато распространившись о св. Троицѣ (§ 1) и кратко упомянувъ затемъ о паденіи язычества и о построеніи храмовъ, авторъ говорить наконець о безбожномъ цар'в Льв'в, уроженц'в Германикійской страны (έх τῆς Γερμανικίων χώρας), на самомъ же дёлё вышедшаго изъ Исаврійской ереси (έх της των Ίσαύρων αίρέσεως). Свідініе это взято изъ Өеофана (І. 391), которому онъ следуеть, рабски повторяя его тексть и только иногда его сокращая или риторически пополняя отрывистыя рачи, приводимыя Өеофаномъ. Въ первое царствованіе Юстиніана Ринотмита (той Ричохот диєчои, 685—695) онъ съ родителями былъ переведенъ въ Месимврію Оракійскую, а во второе царствованіе (705—711), когда онъ шель съ Болгарами (очевидно съ болгарскимъ княземъ Тервели), Левъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ даромъ въ 500 овецъ²). Обрадованный этимъ, царь сдёлалъ его спанаріемъ и близкимъ своимъ другомъ и взяль его съ собою въ Византію. Многіе потомъ доносили на Льва, что онъ стремится къ престолу, — Өеофанъ замѣчаеть, что наряжено было слѣдствіе, результатомъ котораго было посрамление доносчиковъ; но эту подробность агіографъ выпустилъ. Юстиніанъ не хотёль вредить ему открыто, а послаль его «къ нъкоему народу, называемому Аланами ('Адауоі), съ дарами, чтобы они подъ благовиднымъ предлогомъ его погубили»; но божественный судъ решиль иначе (§ 2). Өеофань обстоятельно разсказываеть о странствованій Льва по Аланій, Лазій, Апсилій и Кавказу и о томъ, какъ Левъ остался невредимымъ, — все это нашимъ авторомъ опущено. Руководясь Өеофановою системою хронологіи, анонимъ пишетъ, что Левъ занялъ престолъ въ 6209 или 709 (то.

¹⁾ Τοῦ τῆς πανυμνήτου καὶ παντούργου ζωαρχικῆς τριάδος: Act. SS. Boll., августъ, II, 434-447.

²⁾ προβάτων φ', въ латинскомъ: quinquaginta ovium. Что это? опечатка ли въ греческомъ (вм. ν'), или ошибочность перевода въ латинскомъ (вм. quingentis)?

есть 717) году, и сначала казался благосклоннымъ; но вскоръ задумаль злой умысель, думая многихь обмануть убъжденіемь. Потерпъвъ неудачу, онъ круто измънился. «Предложимъ небольшой полезный историческій разсказъ (τῆς ίστορίας διήγημα), хотя и придется мнъ отступить въ исторіи и пояснить ее»; — онъ имъеть въ виду выдержку изъ хроники Өеофана (І. 401). Въ 6214 или 714 (то-есть 721) году, на 7-мъ году царствованія прибыль одинь іудей, уроженецъ Лаодикіи, что въ приморской Финикіи, вошелъ къ Изиду (Ίζίδ), тогдашнему правителю Сиріи (της Συριάτιδος), и объявиль ему, что онъ будетъ царствовать 40 лётъ, если уничтожитъ иконы въ церквахъ во всей его странѣ (§ 3). Изидъ послушался его и издалъ указъ противъ иконъ, но въ томъ же году умеръ, и ученіе его еще не дошло до всъхъ. Левъ заразился этою ересью, найдя единомышленника себъ въ лицъ нъкоего Висира (Βησήρ), христіанскаго плынника въ Сиріи, ренегата, вскоръ получившаго у арабовъ свободу; дальнъйшая фраза Өеофана: «и прибывшаго въ Ромейское жительство» здесь пропущена. Въ виду телесной силы и эловерія Левъ сделаль Висира патрикіемъ; последнее слово есть простая догадка агіографа, ибо у Өеофана сказано только: ἐτιμήθη παρὰ τοῦ αὐτοῦ Λέοντος. Висиръ сдёлался для царя причиною зла; съ нимъ одинаково мыслилъ и епископъ Наколійскій: Θеофаново Νακωλείας ό ἐπίσκοπος здісь превращено въ ό δίοπος Νακωλείας. Но царь, зам'ьчаеть нашъ авторъ, не узаконилъ злаго совъта (§ 4).

Вслѣдъ затѣмъ неожиданно и некстати является на сцену дружина святыхъ. Одни побуждали себя къ мученичеству, и во главѣ ихъ стояла благороднѣйшая красавица Марія, происходившая изъ царственнаго рода (β ασιλιχωτάτου γένους καταγομένη), рѣчь которой приведена авторомъ (\S 5). Всѣ воодушевились и каждый изъ нихъ молилъ Бога о дарованіи имъ терпѣнія доблестно противостоять безбожному; остальные, объятые страхомъ, разсѣялись по селеніямъ, островамъ и морскимъ пещерамъ (\S 6).

Далье опять следуеть выписка изъ Өеофана: на 9-мъ году царствованія Левь началь говорить объ уничтоженіи иконъ. Узнавь о томъ, Григорій, папа стараго Рима, воспретиль посылать ему подати изъ Италіи и Рима и написаль догматическое письмо Льву, говоря, что царю нельзя разсуждать о вере. «Случилось тогда страшное знаменіе». Въ часъ жатвы, 9-го индикта (726 года) изъ глубины морской между островами Өнрою и Өнрасіею (въ Критскомъ море)

50 отльль і.

какъ бы изъ расплавленной цечи выступиль паръ, который, остывая, обращался въ камень; дымъ и воздухъ пропитались огнемъ и изъподъ земли въ течение многихъ (у Өеофана: τινας) дней вылетали изверженія, какъ камни, по всей Малой Азіи, Лесбосу, Авиду и Македоній до моря. Среди огня островь оторванный отъ материка и ранбе не существовавшій, соединился съ островомъ «Священнымъ» ('Іερά, § 7). Но какъ нѣкогда клокотали Опра и Опрасія, такъ клокочетъ и этотъ (островъ Іера) нынѣ (νῦν), во времена жалкаго богоборца Льва. Анонимово убу объясняется заимствованіемъ изъ Өеофана, но такъ какъ и въ устахъ знаменитаго хрониста оно неумъстно, то приходится допустить, что Өеофанъ пользовался какимъ-то современнымъ событію разсказомъ. Левъ воздвигъ войну противъ иконъ, имѣя помощникомъ Висира; оба они были грубы и невѣжественны. И въ разсказ о патр. Герман агіографъ не освободился отъ вліянія Өеофановой хроники, но сочиняеть болье обстоятельныя рычи Льва и Германа. По его словамъ, царь прежде всего призвалъ во дворецъ блаженнъйшаго патр. Германа и сказалъ ему: «какими преданіями или опредъленіями руководствовались наши предшественники на престоль, узаконивъ изображенія иконь? Думаю, что они были идолопоклонники, ибо «ни у одного изъ древнихъ мы не находимъ чего либо такого»; посему прошу твою отечность (πατρότης) прекратить поклоненіе иконамъ и не отказать изложить это всёмъ. Я не считаю справедливымъ, чтобы мы, называющіеся христіанами, поклонялись идоламъ и оказывали почтеніе мертвымъ костямъ» (§ 8). Патріархъ отвътиль: «царь, мы, называющіеся народомъ Христовымъ, не настолько хромаемъ въ въръ, какъ ты говоришь; мы не язычники, почитающіе матерію; мы чтимъ Творца всего; честь иконъ, по Василію Великому, переходить къ первообразу; мы пишемъ икону Спаса вещественными красками, но воздвигаемъ честь не матеріи, а тому, кто написанъ матеріально; изображенія царей пишутся золотомъ, но мы питаемъ почтеніе не къ золоту, а къ царю; прошу тебя, государь, отказаться отъ такового намфренія; мы слышимъ, что будеть уничтоженіе иконъ, но только не въ твое царствованіе». Императоръ спросиль: при комъ же? и получиль въ ответъ: при Кононе. Царь сообщиль патріарху, что онъ именно крещенъ былъ подъ именемъ Конона (§ 9). Германъ останавливаль его; по Өеофану (І. 407), онъ напомниль царю о его клятвь не волновать церкви, но авторъ опустиль это замычание. Левъ хотъль поймать въ западню Германа и изгнать съ престола, имъя

единомышленника въ лиц'в Анастасія, лженменнаго 1), ученика его; онъ объщалъ Анастасію престолъ, еслп онъ сумбетъ оклеветать патріарха; тотъ началь (§ 10). Когда Германъ вошель во дворецъ, Анастасій не побоялся попрать ногами его омофоръ. «Что это? спросилъ Германъ, не спъши въ затъъ, ты уже слъдуещь въ Діиппій» (Διίππιν Θεοφαна, Διίππιον автора). —Дішппіемъ называлась містность въ Константинополъ около храма св. Фоки, иначе Іоанна Богослова, съ двумя мраморными или каменными конями. Είσελθεῖν εἰς τὸ Διίππιν значило, повидимому, «погибнуть»; Анастасій, по словамъ Өеофана, не поняль пророчества, но какъ повторяеть и агіографъ, оно исполнилось черезъ 15 лѣтъ: сынъ (κέλωρ) Льва (очевидно имп. Константинъ въ 743 году) прибилъ Анастасія, посадилъ его на осла задомъ напередъ 2), провель διὰ τοῦ $i\pi\pi i$ ου (y Θe ο Φ ана $\Delta i i\pi\pi i$ ου) $\dot{\epsilon}$ ν $i\pi\pi i$ χ $\ddot{\phi}$, Γ д $\dot{\delta}$ народъ бросалъ въ него камни, вывелъ въ Кинигій ($\dot{\epsilon}$ ν $\tau \ddot{\phi}$ Κυνηγί ϕ) и обезглавилъ его. Германъ вышелъ изъ дворца, прибылъ въ храмъ, собралъ паству и произнесъ слово о стойкости въ въръ и о сопротивленіи злу (§ 11).

Слыша эти слова, патрикія Марія, опять съ замѣчаніемъ ѐξ αίματος ετύγχανε βασιλικού, вибсть съ дружиною въ домь, припала къ ногамъ патріарха и просила благословенія для борьбы съ «тиранномъ». Германъ благословилъ ихъ; вст вернулись по домамъ; только сіи святые вмёстё съ Маріею остались у Германа (§ 12). Эти замёчанія принадлежать нашему автору и опять мало в роятны, ибо показывають, что Марія съ дружиною подготовлялись къ подвигу, основаніе котораго было еще неизвістно. Въ дальнійшемъ опять пользованіе Өеофаномъ.

Прошло много (οὐκ ὀλίγων) дней; царь созвалъ селентій въ трибуналь 19 акувитовъ (ἀκουμβίτων, у Θεοφαна: ἀκουβίτων), призвалъ Германа и потребоваль отъ него отреченія отъ иконопочитанія. Патріархъ передаль свой омофоръ и сказаль: «если я-Іона, бросьте меня въ море, но безъ вселенскаго собора я не могу вводить новшества въ религію». Съ этими словами онъ вышелъ изъ собранія, прибыль въ Платаній, называемый нынѣ монастыремъ Хора» в), и нашель эдесь покой. Отмеченная разрядкою фраза приведена только

¹⁾ Άνάστασις—воскресеніе.

²⁾ Обычай этотъ унаследованъ Византією съ Востока—изъ Персіи и Грузіи, где сидение на осле считается самымъ тяжелымъ унижениемъ.

³⁾ p. 441: ἐν τῷ λεγομένω Πλατωνίω (γ Θεοφαία Πλατανίω, βъ οτιοβικί μομό εβοй), ήτοι έν τη μονή τη νου καλουμένη Χώρα.

52 отдель і.

въ Житіи и любопытна вотъ въ какомъ отношеніи. Монастырь Хора, по одной версіи, построень патр. Киромъ (706—711) около Сухопутной стѣны, не далеко отъ монастыря Предтечи і); но, повидимому, старое названіе мѣстности «Платаній» долго еще было преобладающимъ и даже въ ІХ в. Өеофанъ все еще держится его; и только во второй половинѣ ІХ столѣтія оно отходитъ на второй планъ, вытѣсняясь названіемъ «Хоры».

Тогда царь вельль разбить (κατεάξαι) и сжечь икону Христа на Мѣдныхъ воротахъ (ἐπὶ τῆ χαλκῆ πύλη), чтобы въ имперіи его пе было ни одной иконы; обнародовано было, что кто будеть обличень въ иконопочитании, будетъ обезглавленъ. Воины царя пришли къ Мѣднымъ воротамъ и поставили лъстницу для уничтоженія иконы, въ присутствіи Висира (Βεσήρ, § 13). Узнавъ о семъ, Марія прибыла «витеть со святымъ Григоріемъ протоспаваріемъ» и другими святыми къ Міднымъ воротамъ, разломали (διαρρήξαντες) лістницу, сбросили на землю разрушителя --- спанарія, повлекли его и умертвили, затымъ прокляли царя и исповъдали себя христіанами. Поднялось волненіе по всему городу. Сбъжавшись къ Мъднымъ воротамъ, всъ были поражены случившимся и воскликнули «Господи помилуй» (§ 14). Царь, узнавъ о томъ, послалъ 500 солдатъ съ мечами схватить и умертвить всъхъ кромъ сихъ святыхъ. Воины умертвили мечами на мъстъ Мѣдныхъ воротъ множество женщинъ, мужчинъ, священниковъ, холостыхъ, монахинь, начальниковъ и подчиненныхъ, «ихъ же число и имена въдаетъ одинъ Господь»; избіеніе случилось 19 января; по Болландистамъ 730, но кажется правильне полагать 726 года, ибо событіе это, на основаніи житія Стефана Новаго, происходило въ патріаршество Германа. Тѣла ихъ, по приказанію царя, были брошены въ Кинигіи и отчасти въ Пелагіевь (ἐν τοῖς Πελαγίοις). Затьмъ Левь призваль Марію съ дружиною и сказаль: вамъ, знатнымъ, не следовало смішиваться съ толпою необразованною и подымать бунть въ городъ; если вы дошли до такой смълости, что оказываете сопротивленіе царямъ, кланяетесь идоламъ и полагаете надежду на мертвыя кости, какъ на Бога, то, если вы не отстанете отъ этого, я велю казнить васъ мечемъ (§ 15). Марія въ ответъ назвала царя безумнымъ, сатаною и предтечею Антихриста и замѣтила, что царю воздаютъ почтеніе, будеть ли изображень на печати, воскъ, или въ иномъ изо-

¹⁾ Болландисты почему-то пом'вщали «Хору» in Ponto.

браженій (§ 16). Царь велёль разрёзать имъ поясы, биль ихъ по плечамъ ремнями, а Марію отправиль въ ея домъ, «ибо опъ не могъ вредить ей какъ царской родственницѣ, почитаемой всѣмъ городомъ». Мучениковъ били и заперли въ тюрьму каждаго отдельно, на цепяхъ, и царь велѣлъ епарху $(\tau \tilde{\phi} \ \upsilon \pi \acute{\alpha} \rho \chi \phi, \ \dot{\epsilon} \pi \acute{\alpha} \rho \chi \phi)$ бичевать ихъ ежедневно по 500 ударовъ (§ 17). Черезъ восемь мъсяцевъ царь, сидя у Мъдныхъ воротъ, велълъ привести святыхъ передъ трибуналомъ. «Докол'в вы, спросилъ царь, останетесь идолопоклонниками и будете поклоняться мертвымъ костямъ»? Тѣ въ отвѣтъ назвали его жалкимъ орудіемъ сатаны и сыномъ дьявола. Левъ приказалъ бить ихъ палками четыремъ палачамъ (χουαιστιονάριοι) посмѣнно. Святые уже перестали говорить и только произносили «Господи помилуй». Принесены были раскаленные рожны (σοῦβλαι) и обожжены были имъ лица, наконецъ они были обезглавлены въ Кинигіи, откуда ихъ поволокли въ Пелагіево (ἐν τοῖς Πελαγίου). Узнавъ о томъ, Марія пришла на мѣсто; и она вмѣстѣ со святыми скончалась 9 августа (726 года, § 18). Довольно нескладно авторъ говоритъ далее, что царь велель обезглавить патрикію Марію съ 10 мужами и тела ихъ бросить въ Пелагіеве, но Богъ не далъ теламъ ихъ погибнуть въ томъ озере (λάχχος). Въ день кончины святыхъ поднялась буря съ молніею; всё говорили, что городъ будетъ поглощенъ. Христолюбцы, узнавъ о подвигѣ патрикіи, прибыли въ Пелагіево, спустились въ ровъ, извлекли тѣла ихъ и принесли въ монастырь преподобнаго чудотворца Анины (τοῦ ἀνίνα), гдѣ обмыли ихъ и погребли въ новомъ гробъ «въ храмъ Димитрія (є̀ и тф иаф Δημητρίου), всеславнаго мученика» (§ 19).—По мивнію Болландистовъ, монастырь Анины былъ посвященъ во имя Анина, Ананіи или Аніана Евфратскаго; храмъ Димитрія — очевидно Солунскаго. — Столько лътъ они лежатъ во гробъ нетлънно, какъ живые, творятъ чудеса и исцёляютъ болёзни. Съ возстановленіемъ иконопочитанія (842 года), по кончинъ Менодія (842-846), патріархомъ быль избранъ фурф θεία Игнатій, «при благополучномъ царствованіи православнаго и благочестиваго Василія» (867—886). — Игнатій правиль престоломъ дважды: съ 846 по 857 и съ 867 по 877 годъ; очевидно здёсь имъется въ виду вторичное его патріаршество. — Случилось тогда столь сильное землетрясеніе, продолжавшееся 40 дней, какого никогда пе бывало; храмы и дома пали; Игнатій денно и нощно служиль литію о прекращеній гитва Божія (§ 20); разумтется землетрясеніе 9 января 869 года, о которомъ говорится въ Житіи Игнатія, у продолжателя Георгія и другихъ. Однажды вернувшись съ литіи въ Великую Церковь, онъ легъ въ постель, уставши отъ слабости и старости. Во спѣ онъ увидѣлъ красивую жепу въ одеждѣ патрикіи съ золотымъ платкомъ п съ нею великаго мужа съ другими девятью, изъкоторыхъ одинъ съ двумя дътьми былъ въ одеждъ священнической. Мученица коснулась головы патріарха и сказала: «вынеси тёла наши изъ-подъ земли; мы убиты за икону Спаса на такъ называемыхъ Святыхъ Мѣдныхъ воротахъ» и погребены «близь святого Мокія въ монастырѣ преподобнаго Анины, - такъ монастырь называется въ патріаршихъ свиткахъ» 1). — Чтобы помирить это извъстіе съ предшествующимъ, необходимо, какъ кажется, допустить, что близь св. Мокія стояль монастырь св. Анина съ храмомъ или приделомъ св. Димитрія. — Игнатій проснулся и не зналъ, что дълать. Святые еще разъ явились ему и снова просили о томъ же; но Игнатій, занятый другими ділами, забыль о томъ (§ 21). Наконецъ святые явились въ третій разъ и пригрозили Игнатію: «если ты скоро не исполнишь просьбы нашей, то мы сдълаемъ такъ, что ты будешь изгнанъ съ престола» 2). Игнатій проснулся, велёль явиться своему архидіакону Льву и спросиль его: «правда ли, господинъ Левъ (χύρι Λέον), вблизи тебя есть монастырь τά Άνίνα, гдв лежать мученики халкинскіе (ἐν τῆ Χαλκῆ)? Левь отвътиль: «владыко, есть монастырь такъ называемый, но лежать ли тамъ святые, это мит совершенно неизвастно». Обратились съ запросами къ монахамъ. Тогда одинъ благочестивый инокъ Іосифъ, скевофилаксъ св. Софія (который зам'єтимъ, в'єроятно тожественъ съ Іосифомъ Гимнографомъ), явился къ Игнатію и сообщилъ: «владыко, я знаю и видель святыхъ тамъ подъ землею, ибо церковь упала во времена даря Өеофила (829-842), и много тамъ совершается чудесъ, о которыхъ разсказываль мив одинь изъ друзей, который браль меня съ собою для обозрѣнія монастыря; такимъ образомъ я и знаю о томъ, что мнѣ разсказано, что святые находятся подъ землею» (§ 22). Игнатій всталь съ престола, паль лицемь на землю, исповедаль Бога, обнаружившаго чудо въ дни его. На другой день онъ велъть собраться ко храму св. Софін всёмъ клирикамъ церквей и монахамъ, и отсюда съ народомъ отправился къ ракъ святыхъ. Сильное колебание земли прекратилось и буря утихла. Въ монастыр Анина каждый почувство-

¹⁾ πλησίον τοῦ ἀγίου ἰερομάρτυρος Μωκίου ἐν τῆ μονῆ τοῦ όσίου καὶ θαυματουργοῦ ἀνίνα· οῦτω γὰρ ἐν τοῖς πατριαρχικοῖς κώδιξιν ἡ μονὴ ἀναγράφεται.

²⁾ p. 446: τοῦ θρόνου σε ἀπελαθήναι ποιήσομεν.

валъ благоуханіе; когда подняли доску, разлилось благоуханіе мура (§ 23). Мученики обрътены были цълыми и невредимыми, въ одеждахъ. Нужно было спуститься въ могилу и достать мощи. Всъ указали при этомъ на Іосифа (П'еснописца), какъ на достойное для этого лицо. Госифъ спустился и нашелъ Марію лежащею сверху святыхъ (υπερθεν πάντων κειμένην), вблизи же ея протоспаварія Григорія, а внизу ихъ остальныхъ святыхъ съ двумя дітьми (§ 24). Патріархъ велѣлъ возложить на мучениковъ одежды, принесенныя пзъ разныхъ церквей, и потомъ положилъ мощи въ кипарисовой ракъ 31 января (869? года)—въ томъ видъ, въ какомъ онъ лежали въ могиль, «ибо такъ повельла святая». По совершении здысь службы, Игнатій вернулся на престолъ (§ 25). — Уже Болландисты указали на противоръчіе въ памятяхъ Маріи дъвицы съ дружиною и Өеодосіи дъвицы съ дружиною, пострадавшихъ въ одномъ и томъ же году (726), въ одномъ и томъ же мъстъ (у Мъдныхъ воротъ) и по одному и тому же поводу (разрушенія иконы Спаса), но не допустили тожества объихъ дъвъ. Положимъ, не легко поддерживать различіе этихъ женъ, но тогда является вопросъ, Марія ли съ теченіемъ времени создала себъ матеріальное подобіе въ лиць Өеодосіи, или наобороть? Въ 807 году діаконъ Стефанъ не зналъ имени отважной дъвицы, — имя ея было забыто. Въ 869 году были обрътены ея мощи, и вотъ авторъ 870-хъ годовъ называетъ ее Маріею, а авторъ повъсти о Оеодосіи — Оеодосією. Въроятно, и то, и другое имя есть всетаки настоящее; между женщинами были міряне, и патрикія Марія могла быть въ числъ ихъ; были инокини, въ числъ которыхъ могла быть и Өеодосія. Различіе мощей объихъ (Маріи έν τοῖς Ανίνα, какъ значится въ Апостоль Моск. Дух. Академін XI-XIII в., а Өеодосін έν Δεξιοχράτει) также указываеть на различіе имень обыхъ дывь.

Житія св. Лазаря иконописца не сохранилось и даже нѣтъ прямыхъ указаній на это; но съ одной стороны минейно-синаксарные тексты, а съ другой литература XI и XII стольтій несомньно указываютъ, что житіе существовало. Анастасій Библіотекарь въ Жизни папы Венедикта III (855 — 858) между прочимъ разсказываетъ: «Имп. Михаилъ послалъ блаж. апостолу Петру въ даръ евангеліе, писанное рукою монаха Лазаря, чрезвычайно искуснаго въ иконописи (pictoriae artis nimie eruditi), родомъ Хазара 1)», и другія вещи.—

¹⁾ Genere vero Chazai. Вслёдъ за Бароніемъ Болландисты (AA. SS. Boll. Февраль III. 392) полагаютъ, что надобно читать Chazarum, Chazarorum, или Chazariae.

56 отдълъ і.

Папа Николай въ 60-хъ годахъ IX стольтія желаль имѣть Лазаря (Lazarus presbyter et monachus qui dicitur Cazaris) у себя представителемъ по дѣлу патр. Игнатія: очевидно Лазарь былъ недругъ Фотія. Мы увидимъ нѣсколько случаевъ порчи текстовъ игнатіанами, здѣсь видимъ обратное явленіе — уничтоженіе памятниковъ фотіанами.

Любопытное житіе Иларіона Грузина знакомить насъ съ бытомъ странствующаго монашества и проливаетъ новый свътъ на монастырскую жизнь и событія византійской исторіи IX въка. Оно написано по порученію имп. Василія Македонянина (867—886) ученикомъ святого инокомъ Василіемъ на греческомъ языкѣ 1). Грузинъ родомъ, сынъ богатаго дворянина, Иларіонъ²) еще въ утробъ благочестивой матери быль обречень на служение Богу. На основании того, что онъ умеръ въ 880 году на 53 г. жизни³), следуетъ полагать, что онъ родился около 827 года. Шести лътъ отъ роду (ок. 833 г.) онъ былъ отданъ къ одному іерею для изученія Св. Писанія. Отецъ, посъщая своего сына, задумаль построить обитель для наставника и ученика и облечь последняго со временемъ въ монашескій образъ; скоро онъ осуществиль свою мысль, построивъ храмъ и братскія кельи, куда собралось 16 иноковъ и гдѣ наставникъ сдѣлался игуменомъ; Иларіонъ былъ постриженъ имъ въ монахи. Въ возрастъ 154) льть ок. 842 г. Иларіонь пожелаль вести болье уединенную жизнь. Братія давры жила въ высъченныхъ въ скаль кельяхъ, пила дождевую воду и часто нуждалась въ хлебе: Иларіонъ поселился въ тесной кельи въ полугоре, где проводиль целыя ночи безъ сна въ молитьт, питался чечевицею, полевой зеленью и только изръдка хльбомъ. Слухъ о подвижничествъ его распространился по всей Грузіи, и многіе приходили послушать его наставленія. Зд'єсь Иларіонъ прожилъ 10 лътъ (до 852 г.). Братія лавры ежедневно открывала ему свои помыслы и многіе принимали исціленіе отъ своихъ душевныхъ недуговъ; такъ онъ утвшилъ и ободрилъ одного инока, обуреваемаго

¹⁾ Грузинскій патерикъ; Мартирологъ Антонія; Сабининъ, Полное жизнеописаніе святыхъ Грузинской церкви. Спб. 1872, И. 105—125. Сначала мы изложили житіе Иларіона по Сабинину, но теперь, когда получили новый переводъ (въ спискъ о. архим. Августина Мовійона), очень отличный отъ Сабининскаго, мы сочли нужнымъ многое изъ текста «Иверійца» выбросить. Вообще незнаніе грузинскаго языка не позволило намъ отнестись къ задачъ вполнъ самостоятельно.

²⁾ По Сабинину: изъ княжеской фамиліи Донаури (Вачнадзевыхъ).

³⁾ По Сабинину: въ 882 г. на 78 г. жизни.

⁴⁾ По Сабинину: 16.

внутреннею борьбою; епископъ Руствійскій, удостоенный пророческаго дара, посѣтилъ Гареджійскаго аскета, устроилъ престоль въ его кельѣ, возвелъ подвижника въ діакона, а на другой депь за литургіею — во священника. Вскорѣ Иларіонъ избранъ былъ братіею въ настоятели, но оставался не долго. Окрестные жители, лишившись своего епископа, настойчиво просили игумена занять его каеедру, но святой, избѣгая славы человѣческой и поставивъ вмѣсто себя настоятелемъ одного изъ братіи, отправился въ Палестину на поклоненіе святымъ мѣстамъ.

Въ предблахъ Палестины на него напали Арабы и уже обнажили мечи, но, волею Божією, поднятыя на святого руки немедленно окаменфли. Злодфи пали ему въ ноги, прося избавленія отъ приключившейся біды; святой помолился, приложиль руку къ пораженнымъ членамъ и исцълилъ ихъ. Благодарные Арабы предложили ему хлъба и финиковъ, а одинъ изъ нихъ даже объщался быть ему проводникомъ на гору Өаворъ. Поклонившись мъсту Преображенія Господня, Иларіонъ отправился въ Іерусалимъ, поклонился на Голговъ Гробу Господню и другимъ святымъ мъстамъ; оттуда отправился въ Виолеемъ, гдъ видълъ «подобную небу пещеру, гдъ родился Господь нашъ»; далие онъ посетиль Іордань и омылся его святою водою; побываль во всёхъ монастыряхъ святыхъ пустынь; а затёмъ (чрезъ Юдоль Плачевную) пошелъ въ лавру св. Савы, въ пустыню Іорданскую и жилъ нѣкоторое время въ пещерѣ прор. Иліп 1). Получивъ въ сонномъ виденіи откровеніе о близости кончины своего родного отца и повельніе идти на родину, Иларіонъ покинуль берега Іордана и черезъ Іерусалимъ отправился въ Грузію.

На родинѣ святой устроилъ изъ родного дома монастырь, въ которомъ постригъ мать и сестру въ монашество, и оставался при немъ до кончины матери. Затѣмъ часть оставшагося имущества онъ отдалъ Давидогареджійскому монастырю, другую же роздалъ нищей братіи; кромѣ женскаго монастыря Иларіонъ основалъ также монастырь мужской, въ которомъ поселилъ 76 иноковъ и который также надѣлилъ имѣніями. Въ Гареджійскомъ монастырѣ онъ па собственныя средства расширилъ пещерную келію св. Давида и обратилъ ее въ храмъ. Въ Житіи св. Давида (І. 136) объ этомъ замѣчено: «потомъ преподобный и богоносный отецъ Иларіонъ расширилъ и украсилъ

¹⁾ По Сабинину: Иларіонъ жилъ въ Палестинъ 17 лътъ.

58 OTATA 1.

перковь для богослуженія, и въ ней съ южной стороны устроиль раку, гдв нынв почивають мощи св. Давида». Дядя его по матери, военный человькъ, вознегодовалъ, что имьніе отдано не ему, а монастырю, напаль со своими единомысленниками на обитель и разграбиль ее. Братія горько жаловалась Иларіону на обиду его дяди, но святой просиль ихъ молиться. Между тымь съ грабителемь случилась падучая бользнь. Больной покаялся и просиль у племянника прощенія; святой изобразиль на немь крестное знаменіе, помолился и исцълиль его; тогда дядя пожертвоваль все свое имущество Гареджійскому монастырю и самъ облегся въ монашескую рясу. Слава объ Иларіон' распространилась по всей Кахетін; изъ дальнихъ странъ къ нему приходили больные и святой не оставлялъ никого своими поученіями и милостынею. По смерти епископа, поставившаго его во священника, царь со всёмъ народомъ желали возвести на канедру (по мпѣнію Сабинина: Ниноцминдскую) 1) Иларіона; святой, считая себя недостойнымъ такого сана, пожальль, что оставиль Іорданскую пустыню; поставиль настоятелемь Гареджійскаго монастыря одного инока, а самъ, простившись съ братіею и взявъ съ собою двухъ самыхъ близкихъ лицъ, отправился для обозрѣнія монастырей, «построенныхъ имъ еще до путешествія въ Іерусалимъ», а равно монастыря, поставленнаго для его матери. Такъ какъ мать святого умерла, Иларіонъ направился въ столицу греческой имперіи—Константинополь. «во времена върнаго царя Михаила, царствовавшаго послъ отца своего Өеофила» (842—867). Онъ прибыль сначала на г. Олимпъ. Сабининъ ошибочно полагаль, что святой прибыль на Олимпь Өессалійскій, здъсь имъется въ виду Олимпъ Виоинскій. Однако Иларіонъ въ лавру не вошель, а посттиль лежавшую близь ея маленькую церковь Это было въ субботу масляницы и святой съ учениками пожелалъ провести здъсь въ безмолвіи весь великій постъ. Въ субботу вечеромъ изъ лавры пришель въ церковь монахъ, зажигатель лампадъ въ лаврѣ, для приготовленія и здісь къ воскресенію. Увидівь незнакомых ему странниковъ безъ пищи, онъ принесъ имъ изъ лавры несколько сухарей и моченыхъ бобовъ; черезъ недёлю онъ снова пришелъ сюда и удивился. что сухари у странниковъ были цёлы: они питались одними бобами. Иларіонъ попросиль у монаха только просфоръ и вина для служенія литургій, что и было исполнено. Игуменъ лавры, узнавъ о пришель-

¹⁾ Сабининъ, І. 136.

цахъ, разсердился, что странники, не знающіе греческаго языка, осмѣлились служить литургію въ малой церкви, и приказалъ эконому выпроводить ихъ оттуда. Иларіонъ, умѣвшій нѣсколько говорить по гречески, просилъ эконома позволить имъ провести въ церкви еще одиу ночь, объщая на другой день отправиться въ дальнъйшій путь. Въ эту ночь настоятель увидълъ сонъ: будто ему предстали два страшныхъ видомъ мужа, которые начали влачить его по землѣ и втащили въ храмъ, на престолъ котораго сидъла Богородица. Пресв. Дъва спросила игумена: зачёмъ ты поступилъ такъ грубо съ этими странниками? Ты думаешь, что одинъ только Греческій языкъ пріятенъ Богу? Или не знаешь, что любезны Господу всѣ, любящіе в славящіе Его? Испуганный настоятель утромъ отправился въ малую церковь, припалъ къ ногамъ Иларіона и со слезами просилъ у него прощенія, предлагая ему остаться при церкви. Святой согласился и сталь ежедневно получать отъ игумена хлъбъ и все нужное, а потомъ попросилъ у него для каждаго воскресенья просфоръ и вина. Племянникъ настоятеля, приносившій Иларіону припасы, страдаль сухоткою правой половины тёла и руки, кром того по временамъ у него гноился правый глазъ и правое ухо. Однажды онъ упалъ и сильно расшибся. Иларіонъ, видя страданія юноши, взяль масла изъ лампады, крестообразно помазаль имъ больныя части, помолился и исцелиль его, прося никому не говорить о томъ. Однако чудо не осталось тайною. Множество народа изъ разныхъ мъстъ потянулось ко святому; даже изъ Константинополя прі вжали къ нему для духовной бесёды и благословенія; дары, приносимыя ему, не принимались, но зато лица, желавшія иноческой жизни, постригались Иларіономъ охотно. Черезъ пять лътъ иноческой жизни на Олимпъ (ок. 845-850 гг.) святой предъ праздникомъ Воздвиженія Креста простился съ братією, покинулъ гору и прибылъ съ учепикомъ своимъ Исаакомъ въ Константинополь, гд 14 сентября поклонился честному и животворящему Древу Креста. — Личность этого Исаака очень примъчательна: онъ сопутствоваль святому въ Византію, Солунь, Римъ и снова въ Солунь; послъ кончины учителя Исаакъ вернулся въ Константинополь, гдъ и сообщиль біографическія свідінія о святомь агіографу Василію.

Изъ Цареграда Иларіонъ собрался въ Римъ для поклоненія гробамъ ап. Петра и Павла и дорогою завхалъ въ Солунь. Здёсь передъ дверями одного випоградника увидёлъ онъ сторожа и попросилъ у него кисть винограда; но сторожъ 13 лётъ страдалъ сухоткою ногъ

60 отдълъ 1.

п едва двигался, а потому просиль странника самому войти и сорвать виноградь. Иларіонь, тронутый его бользнію, сотвориль кресть и именемь Господа вельль ему встать, идти вы садь и принести винограду. Калька испылися, съ радостью побыжаль вы садь, выбраль лучшую кисть, но вернувшись къ дверямь, уже не нашель своего испылителя. Съ кистью винограда въ рукь онъ побыжаль по городу и распрашиваль прохожихь, не видаль ли кто человыка, наружность котораго онъ описываль. Между тымь святой отправился въ Римь. Здысь первымь долгомь онъ поклонился гробамь ап. Петра и Павла, затымь всымь другимь святынямь города и прожиль здысь два года (851—853)¹). Затымь онъ отправился снова въ Константинополь.

На пути въ столицу онъ опять остановился въ Солуни. Не имъя пристанища, Иларіонъ сълъ передъ дверьми преторіи солунскаго правителя, единственный сынъ котораго Прокопій страдаль сухоткою правой руки и ноги и былъ покрытъ струпьями. Нянька, ходившая за больнымъ, вынесла его на крыльцо на солнце. Святой, сжалившись надъ юношею, попросиль у няньки воды и, когда та ушла, помолился, осънилъ крестнымъ знаменіемъ отрока и исцёлилъ его. Выздоровёвшій молодой человекъ побежаль къ матери въ домъ, а Иларіонъ посившилъ скрыться. Отецъ Прокопіевъ немедленно велёлъ своимъ слугамъ запереть городскія ворота и не выпускать челов ка, примьты котораго онъ имъ сообщилъ. Блаженнаго нашли въ восточной сторонъ крѣпости у воротъ Апостольскихъ, построенныхъ въ память ап. Павла, и доставили его къ градоначальнику. Мужъ съ женой и исцеленный отрокъ вышли къ нему на встречу, бросились ему въ ноги, прося молитвъ и благословеній. Вельможа просиль его, между прочимъ, осмотръть городъ и выбрать себъ мъсто для всегдашняго жительства, объщая построить для него обитель. Иларіонъ выбралъ мъстечко на восточной сторонѣ города, гдѣ стояла запущенная келья недавно умершаго пустынника, и просилъ градоначальника не трудиться часто навъщать его, а только по временамъ присылать ему сухого хлъба и моченыхъ бобовъ. Люди разнаго сословія приходили къ нему и постригались въ ангельскій образъ. Одинъ благочестивый діаконъ церкви св. Димитрія отправился однажды за городъ для обозрѣнія своихъ пашенъ и, пройдя довольное разстояніе отъ города, вдругъ быль за-

¹⁾ По Сабинину: «во все это время онъ претерпъвалъ большія оскорбленія отъ датинянъ». Но этого нъть въ новомъ переводь; не вставка ли это «иверійца»?.

хваченъ Скиоами и уведенъ ими въ плѣнъ. Варвары повели его въ свою страну, предварительно связавъ ему руки и взваливъ на него довольно большую тяжесть; дорогою не щадили б'єднаго пл'єнника и страшно его терзали. Въ третью ночь, по взятіи его въ пленъ, онъ вспомниль объ Иларіонъ и помянуль его въ молитвъ. Во снъ ему предсталь святой и просиль безпрепятственно идти домой. Діаконь, проснувшись, увидёль, что руки и ноги его разрёшены отъ оковъ и Скиоы вокругъ него спали кръпкимъ сномъ; онъ потихоньку всталъ и безъ вреда достигъ Солуня, гдф разсказалъ гражданамъ обо всемъ случившемся. Черезъ три года своей жизни въ Солуни Иларіонъ почувствоваль приближение смерти. За 40 дней онъ пригласиль къ себъ градоначальника, передаль ему наставленіе, просиль не оскорблять пришельцевъ, ненавидъть взяточничество, не присваивать чужой доли и достоянія; потомъ далъ наставленіе своей братіи, пріобщился и скончался черезъ три дня, 19 ноября, въ субботу, въ пять часовъ дня, на 53-мъ году отъ рода. - По Сабинину, Иларіонъ умеръ на 78 г. жизни въ 882 г., но 19 ноября падало на субботу въ 880 году. - Погребеніе совершаль солунскій архіепископь (в'вроятно Павель) при громадномъ стеченіи людей изъ города и окрестностей. Тъло его опущено было въ каменный склепъ въ кельи, въ которой онъ подвизался. Черезъ 40 дней по кончинъ святого у градоначальникова сына Прокопія открылась водянка, которой не могли излічить врачи. Тогда отецъ принесъ сына и положилъ его на гробъ Иларіона. Ночью Прокопій увид'єль старца, который безпокоился о погибели его души и вельть ему вести жизнь нравственную; больной объщался, и тогда Иларіонъ положилъ руку на чрево юноши и исцелилъ его.

Слухъ о чудесахъ святого дошелъ до столицы. Имп. Василій пожелалъ подробно и обстоятельно знать объ этомъ. Архипастырь Солунскій, по его приглашенію, лично явился въ Константинополь и разсказалъ ему подробно о чудѣ святого. «Чтобы подробно узнать о жизни и подвигахъ блаженнаго, государь пригласилъ въ свою палату настоятелей обителей, расположенныхъ вокругъ Константинополя; призванъ былъ также настоятель Олимпійской лавры». Послѣдній разсказалъ царю о чудесномъ исцѣленіи своего племянника и о всѣхъ подвигахъ пришедшаго изъ Грузіи незнакомаго имъ человѣка. Императору угодно было знать, есть-ли еще кто нибудь въ живыхъ изъ учениковъ святого, — оказалось въ живыхъ только трое старцевъ. Императоръ принялъ ихъ какъ небесныхъ ангеловъ и просилъ ихъ

62 отдълъ 1.

остаться въ столицѣ и построить себь кельи по близости царскихъ палатъ; послалъ ихъ для представленія патр. Фотію. ---Въ спискѣ о. Августина сказано: «святому патріарху Игнатію», но Игнатій умеръ еще въ 877 году. — Но иноки не пожелали жить въ многомятежномъ городъ и просили государя имъть жилища за городомъ въ пустынномъ мъстъ. Василій отправиль съ ними одного протоспаоарія для отысканія удобнаго мъста; такимъ мъстомъ оказалось Романово ущелье, въ которомъ изъ-подъ небольшого холма струился родникъ холодной воды. Приготовлены были матеріалы къ постройкѣ; самъ императоръ пожаловаль туда и положиль первый камень въ основание храма, который быль окончень черезь семь мъсяцевъ и освящень въ честь Апостоловъ. Въ это время въ Константинополь проживалъ отставленный отъ должности правитель Солуни, саномъ аночнатъ. Имп. Василій пожаловаль ему прежнюю должность и послаль его въ Солунь съ приказаніемъ немедленно перенести въ столицу мощи св. Иларіона. Солуняне подняли бунть, но были усмирены правителемъ, который ночью вынуль изъ склепа благоухающія мощи и перевезъ ихъ въ Константинополь, —по Сабинину, въ концъ 882 года. Корабль бросилъ якорь на Босфорф; Царь и граждане съ честью встретили мощи святого; на вопросъ императора, что значить распространившееся по городу благоуханіе, царедворцы отв'єтили, что благоуханіе исходить отъ мощей Иларіона. Василій хотель было поместить раку въ царскихъ палатахъ. но святой явился царю въ сонномъ видении и велелъ поставить мощи въ новоустроенномъ храмѣ св. Апостоловъ. Рано на зарѣ 9 ноября императоръ съ патр. Фотіемъ 1), съ царедворцами, градоначальникомъ и со множествомъ знатныхъ мужей, сёли въ лодки и съ опміамомъ и псалмопъніемъ приняли мощи съ корабля и перенесли ихъ пока въ храмъ Архангела Михаила въ Сосоеніи; затымъ, когда все было приготовлено въ новомъ храмѣ Апостоловъ, изъ храма Архангела они подняли мощи на себя и по Романовому ущелью внесли ихъ въ новый храмъ, поставили на серединъ собора и съ великимъ торжествомъ отслужили всенощное бденіе. — Сабининъ отожествляль Романово ущелье съ воротами св. Романа (І. 136), но кажется ошибочно: ворота Романа находились собственно въ Константинополь, тогда какъ Романово ущелье, повидимому, — за Золотымъ Рогомъ, въ Перъ.

¹⁾ Martinov, р. 283, говорить о патр. Игнатіи, но онъ, какъ сказано, умеръ въ 877 году.

На другой день патр. Фотій освятиль новоустроенный храмь и заложиль въ престоль часть мощей апостоловъ. Послъ освященія императоръ приступилъ къ ракъ, открылъ ее виъстъ съ сыновьями Львомъ и Александромъ, поклонился честному тълу. Послъ того, какъ всѣ присутствующіе воздали поклоненіе святому, царь собственноручно закрылъ раку и запечаталъ ее своею печатью; затемъ мощи были положены въ склепе, нарочно устроенномъ подъ алтаремъ, «гдф почиваютъ и до ныпф». Императоръ велфлъ повфсить туть же, при себъ, надъ могилою три неугасимыя лампады, а шесть другихъ велѣлъ повъсить предъ иконостасомъ, и на освъщение этихъ лампадъ велёлъ ежегодно выдавать 12 драхамъ (18 рублей) изъ царскихъ палатъ, а также просфоръ для литургіи; въ день храмового праздника вельлъ отпускать обители на одежду для монастырской братіи по два литра золота, а для матеріальной поддержки братіи пожертвовалъ монастырю часть винныхъ сборовъ въ столицѣ и близь лежащій лісь.

Слухъ о чудесахъ Иларіона достигъ Грузіи. Иверская церковь отправила въ Константинополь избранныхъ лицъ для удостовъренія этихъ слуховъ. Послы легко убъдились въ дъйствительности чудесъ и, заручившись в рными свид тельствами, вернулись и передали всей Иверіи видінное и слышанное о святомъ въ Цареградъ, посль чего и Грузинская церковь причислила Иларіона къ лику святыхъ съ установленіемъ празднества 19 ноября.

По истеченіи нікотораго времени, одинь грузинскій затворникь Евоимій написаль имп. Василію посланіе, въ которомъ изложиль свое сновидьніе: будто онъ видьль раскаленную печь, откуда слышались рыданія, и отрокъ въ світлыхъ одеждахъ объясниль, что это пламя возжегъ имп. Василій своими грахами, но что онъ имаетъ теперь предстателя предъ Богомъ въ лицѣ Иларіона; будто послѣ того явился старецъ и водою изъ сосуда залилъ огромное пламя, осталось лишь нъсколько тлъющихъ углей; «возрадуйся, христолюбивый царь, писалъ Евоимій, и преуспъвай въ добродътельной жизни, чтобы погасли и остальные угли души твоей». Императоръ воспрянулъ духомъ и съ того времени все чаще и чаще ходилъ на поклонение мощамъ Иларіона; онъ вельль даже построить себь келью близь обители и часто приходилъ сюда для уединенной молитвы.

Существовали современныя описанія чудесь св. Өеофаніи, но они нынъ неизвъстны. Уже близкій современникъ событій, агіографъ патріарха Евенмія, указываеть, что Левь и Өеофанія имѣли отношеніе къ загородному храму Богородицы «Живопоснаго Источника» (р. 21 и 10); какія это были связи—обнаруживается въ позднѣйшихъ разсказахъ, о которыхъ скажемъ ниже.

Итакъ основное Житіе Өеофаніи погибло; описанія чудесъ ея сохранились въ позднихъ, подвергшихся уже наслоеніямъ, пересказахъ. Въ какомъ же видѣ представляется біографія царицы подъ перомъ другого, тоже современнаго агіографа? 1) Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, все-таки довольно скудны, да и освѣщены иногда ложнымъ свѣтомъ. Авторъ вообще мало знаетъ о внѣшней жизни царицы и предпочитаетъ заполнить пробѣлъ разсказами собственно о ея супругѣ. Обѣщая говорить о святой правду, онъ, однако, обо многомъ умалчиваетъ, иногда является наивно незнакомымъ съ дѣломъ. Въ общемъ біографія его, заключая въ себѣ нѣсколько живыхъ подробностей о родителяхъ автора и о родителяхъ царицы, все-таки не оправдываетъ тѣхъ ожиданій, которыя мы возлагали на современное Житіе Өеофаніи.

Несомнѣнно, существовало анонимное Житіе Өеофаніи первой редакціи, второпяхъ написанное современникомъ ея по просьбѣ дяди св. царицы, Мартина; оно хотя и не сохранилось въ первоначальномъ своемъ видѣ, но слѣды его остались во второй редакціи.

Два канона въ честь Өеофаніи, составленные тѣмъ же анонимомъ и по просьбѣ того же Мартина. Въ нихъ должно было находиться выраженіе ὁδηγήσαντα πάλαι θεοφανείας λαμπτῆρα φωτοειδῆ ἔθετο τῆ ἐχκλησία σε Χριστός. Нынѣ они, повидимому, утрачены.

Анонимное Житіе Өеофаніи второй редакціи. Содержаніе его слідующее:

Многіе, говорить агіографъ, писали о чудесахъ царицы, — одни какъ очевидцы, другіе со словъ постороннихъ ²), но жизни ея не касались; поэтому, называя себя ничтожнѣйшимъ и недостойнымъ всякаго слова, авторъ и рѣшился написать ея біографію. Современникъ Михаила Влахернита, онъ, конечно, не зналъ, что въ это же время живописецъ написалъ и собственно Житіе царицы; онъ, очевидно, читалъ только разсказы о чудесахъ ея, объ исцѣленіи царя

¹⁾ Ἐπειδήπερ πολλοὶ ἐπεχείρησαν (Ed. Kurtz, 1—24). Разборъ этого изданія въ Ж. М. Н. Пр. 1899, X, 343—361.

²⁾ Ctp. 1: α μέν αὐτοὶ ἐθεάσαντο, διηγήσαντο, α δὲ καὶ ἐξ ἄλλων ἀληθῶς παρειλήφασιν συνεγράψαντο •

Льва и ея самой, но, какъ увидимъ ниже, ими не воспользовался. Будучи другомъ отца Өеофаніи (πάτριος αὐτῆς φίλος τυγγάνων), авторъ объщаетъ разсказать о ней правду и проситъ върить его словамъ (§ 1). Родиною ея былъ Константинополь. Она происходила будто бы изъ царскаго рода нъкогда знаменитыхъ Мартипакіевъ 1), отъ отца Константина, иллустрія и потомъ патрикія, и матери Анны, уроженки Востока (ἐκ τῶν ἀφ' ἡλίου ἀνατολῶν). Родъ Мартинакіевъ, какъ ранъе Константинакіевъ и позже Өеодотакіевъ и Василакіевъ, быль кореннымь византійскимь и отличался именитостью. Изв'єстень Анастасій Мартинакій, одинъ изь ближайшихъ сановниковъ императора Льва Армянина, иконоборецъ, который въ 816 году бадилъ по порученію царя въ Малую Азію для наказанія томившагося въ ссылкъ Өеодора Студита 2). Затымь извыстень Ингерь ("Іγγερ) Мартинакій, быть можеть, сынь Анастасія, игравшій при двор вимператора Өеофила очень видную роль и имъвшій такое вліяпіе въ государствь, что предсказательница-сарацинка въ 842 году прочила его даже въ преемники Өеофилову сыну Михаилу. Царь, конечно, вооружился противъ своего вельможи и, чтобы отнять у него возможность къ престолонаследію, постригь его въ монахи. Такимъ образомъ Ингеръ считался лишь кандидатомъ на престолъ, и то неизвъстно, насколько добровольнымъ, а потому сказать, что потомки его были царскаго происхожденія, какъ это делаеть агіографъ, -- очень наивпо.

У Ингера было два сына—Константинъ (родился 838?) и Мартинъ (родился 839?) и одна дочь—Евдокія Ингерина (родилась 841?). Невиновные въ замыслахъ отца, они продолжали занимать видное мѣсто при дворѣ. Молодой и распутный царь Михаилъ III (родился въ 839 г.) обратилъ вниманіе на Евдокію и вступилъ съ нею въ незаконцую связь, а потомъ, пресытившись, въ 865 г. передалъ свою молодую любовницу своему любимцу, 53-хъ лѣтнему Василію, отъ котораго будто бы та родила Льва (родился въ 866 г.). Братья Евдокіи, конечно, пошли въ гору: Константинъ получилъ санъ иллустрія, потомъ патрикія. Мартинъ также занялъ выдающееся положеніе въчиновной бюрократіи. Выйдя въ люди черезъ позоръ своей сестры, они, казалось, не должны были отличаться высокими нравственными

¹⁾ Ctp. 2: ἐξ αἴματος δὲ βασιλιχοῦ γένεσιν ἔχουσα, ἐχ τῶν πάλαι περιβλέπτων Μαρτιναχίων ἐξέφυ.

²⁾ Migne, Patr. gr. XCIX. 196, 204, 292 гл. 88, 98, 40: τοῦ γένους τῶν Μαρτιναχίων.

66 отдълъ і.

качествами. Чувствуя силу во всемогущемъ Василіп Армянинѣ п, очевидно, запскивая у него, Константинъ женился, по всей вѣроятности. на армянкѣ 1). Разумѣется, агіографъ тщательно скрываетъ все, что такъ или иначе могло бы бросить тѣнь на его пріятеля.

Константинъ довольно долго не имълъ дътей. Со своею супругою онъ часто ходилъ въ Васскій храмъ Богоматери и молился о разр'ьшенін неплодія, прося д'ятища для продолженія рода и пасл'єдованія жизни (§ 2). Однажды ночью они увидели во спе старца, который предрекъ имъ рождение дочери. Роды Анны были очень трудные, она сильно страдала и стояла на краю смерти. Константинъ отправился въ Васскій храмъ, взиль оттуда поясь съ одной изъ колониъ и велълъ положить его на бедро беременной. Боли утихли, и Анна разрѣшилась отъ бремени дочерью, которая, какъ говорятъ (ώς фаст), сладко улыбалась (октябрь 867?) 2). Въ этотъ моментъ появился орелъ. коснулся кровли дома и пытался влетьть въ него (§ 3). — Последняя подробность, какъ показалъ г. Куртцъ, ведетъ начало изъ классической древности. Орелъ появился при рожденіи Александра Македонскаго, орелъ защищалъ своими крыльями отъ солнечнаго зпоя малолътняго Василія (Македонянина); появленіе его должно было означать, что рожденный сдёлается обладателемъ царства 3).

Вскормивъ Өеофапію своимъ молокомъ, Анна скоро умерла. Константинъ хотѣлъ было кормить дочь молокомъ отъ другой, но ребенокъ не пожелалъ этого, а привыкъ къ сосцу одной изъ служанокъ (§ 4). Отнятая отъ груди, она по достиженіи шестилѣтняго возраста (октябрь 871 г.) была отдана отцомъ для изученія св. писанія и вскорѣ изучила псалтирь, вечернія и утреннія пѣснопѣнія. Константинъ, видя особенную красоту дочери, распорядился пе выпускать ее изъ дому, а когда и отпускалъ ее утромъ или вечеромъ, то не-

¹⁾ Симеонъ Метафрастъ (Migne CXVI. 956): αὐτὸς (Амфилохій Иконійскій) τῶν ἀφ ἡλίου ἀνατολῶν, καππαδόκης τὸ γένος, но извъстно, что вторая епархія Каппадокіи по обилію здъсь армянскаго населенія называлась даже 'Арμενιακόν.

²⁾ По митнію г. Куртца (S. 32), Өсөфано родилась въ 865 году.

³⁾ Ср. у Діонисія Ареопагита (Migne, III, 337, 361): τὴν δὲ τοῦ ἀετοῦ, τὸ βασιλικόν, фигура орла означаеть царскую власть. Георгій инокъ объ императорѣ Маркіанѣ разсказываеть слѣдующее (ed. Muralt, 506): ἀναπαυσάμενος ὕπνωσεν ἔξυπνοι δὲ γενόμενοι οἱ αὐτάδελφοι ὁρῶσιν ὑπνοῦντα αὐτὸν ἐν ἡλίφ, ὑπὸ ἀετοῦ δὲ περισκεπόμενον. Ἐκπλαγέντες οὖν, διϋπνισθέντι λέγουσιν αὐτῷ· εἰ βασιλεύσεις, τί ἡμῖν χαριεῖς: ср. Ф. Терновскій. Изученіе византійской исторіи. Кіевъ, 1875, стр. 59. Магомета на времи солнечнаго дня закрывали своими крыльями два ангела (р. VIII trad. de Kasimirski).

премѣнно въ сопровожденіи многочисленной прислуги (§ 5). Однажды подъ вечеръ Өеофапію на дорогѣ около воротъ Васскаго храма застигъ необычайный дождь. Она вбѣжала въ церковь, приблизилась къ стоящей направо иконѣ Богоматери и поцѣловала ее. Вздремнувъ передъ образомъ, она услышала, что икона Богородицы повелѣла другой иконѣ взять изъ лампады масло и помазать голову и все тѣло дѣвочки, послѣ чего Өеофанія заблистала какимъ-то особеннымъ свѣтомъ. Вернувшись домой вмѣстѣ со служанками, она разсказала обо всемъ отцу (§ 6). Съ достиженіемъ возраста, она развилась тѣлесно и духовно; возлюбила постничество, чистоту и дѣвство, раздавала милостыню, обращалась съ прислугою какъ съ братьями.

Но вотъ настала пора выдать Өеофанію замужъ, пбо ей исполнилось 15 летъ (880 г.). Много знатныхъ лицъ сваталось за нее, но они не имѣли успѣха (§ 7). Вскорѣ послѣ того, въ царствованіе «нашего великаго и славнаго Василія самодержца царя», происходило «искапіе красивыхъ и славныхъ добродѣтелію дѣвицъ для избранія изъ нихъ одной въ сочетаніе Льву, мудрому царю, первому сыну Василія и его помощнику».—Г. Куртцъ подробно останавливается на вопросъ о дътяхъ Михаила и собственно Василія. Константинъ царевичъ, котораго житіе не пазываетъ, былъ, несомивно, сыномъ Михаила; есть нёсколько исторических всидётельствъ, утверждающихъ, что и Левъ былъ сыномъ собственно Михаила; онъ родился мъсяца черезъ два или три послѣ того, какъ Михаилъ, бросивъ Евдокію, передаль ее Василію. Левь считается сыномъ Василія спеціально; но ясно, что до половины XI стольтія на византійскомъ престоль сидьли цари и царицы аморійской, а не армянско-македонской династіп, какъ принято думать. -- Императоръ Василій, продолжаетъ агіографъ, разослалъ «начальниковъ, сатраповъ и экзарховъ тайной палаты (той диστιχού χουβουχλίου) въ каждый городъ и въ каждое намѣстничество искать девушки, достойной красавца Льва-царя, и каждый изъ нихъ привезъ отовсюду въ столицу дъвушекъ — одну другой краше (§ 8). Августа Евдокія желала выбрать для своего сына въ нев'єсты дівицу изъ ея собственнаго отечества (то-есть, изъ Константинополя). Въ числъ таковыхъ находилась и Өеофанія. Изъ всъхъ приглашенныхъ невъстъ было выбрано лишь двънадцать, которыхъ долженъ быль посмотрёть царь. Свиданіе происходило во дворцё Магнавру (Μαναύρας). Одна изъ невъстъ, родомъ авинянка, предложила своимъ подругамъ не смотръть на царевича Льва, а потупить глаза долу, и

это было принято всёми. На слёдующій день Василій и Августа Евдокія вышли въ дворцовую залу для обозрѣнія невѣстъ. Өеофанія первая поклонилась царственной четь (§ 9). Евдокія, замытивь ее, тотчасъ подошла къ ней и начала распращивать ее о родъ и родинь; узнавъ, что она-отъ царскаго корня. Августа отослала всёхъ другихъ девушекъ, наградивъ ихъ подарками, а Өеофанію съ упомянутою авинянкою и дочерью одного трибуна повела къ императору Василію. Затьмъ, видя все-таки превосходство Өеофаніи передъ двумя ея подругами, Евдокія одёла на нее царскія одежды, привела къ Василію и провозгласила ее невъстою Льва. Императоръ вынулъ изъ-за пазухи кольцо съ ямшовымъ камнемъ и надълъ его на руку Өеофаніи (§ 10).—Такимъ образомъ выборъ невъсты совершился помимо самого Льва; присутствіе жениха было, повидимому, не обязательно. Мы знаемъ нъсколько случаевъ избранія невъстъ, знаемъ, что формальность соблюдалась: вывозились невъсты отовсюду, но при дворъ всегда существовали интриги и протекція, при чемъ главное вліяніе на выборъ имѣла царица-мать жениха. Анинянка Ирина, у которой была родня въ Пафлагоніи, устроила такъ, что Ставракій выбраль царевичу въ невъсты пафлагонянку; бракъ, заключенный по постороннему расчету, быль несчастливь, и Константинь позже развелся съ Маріею. Царица Ефросинія намітила для Өеофила Икасію, но царевичь, лично смотръвшій невъсть, подаль яблоко пафлагонянк в Өеодорѣ; это былъ бракъ по любви. Евдокія провозгласила женою своего сына свою племянницу; бракъ, между двоюродными братомъ и сестрою, также быль не изъ счастливыхъ. — Агіографъ и здёсь обощель молчаніемъ близкое родство брачущихся, наивно разсказывая, что Евдокія не знала совствиъ Ософаніи и разспрашивала ее о родт и происхожденіи. Вскор'є состоялось бракосочетапіе Льва и Өеофаніи, сопровождавшееся пиршествами, раздачею подарковъ, устройствомъ стола для бъдныхъ, помилованіемъ осужденныхъ и плыниковъ; дъти столицы съ вънками на головъ пъли пъсни царю. — Извъстно, что Левъ, жалуясь впоследстви Евоимію на свое житье-бытье, между прочимъ сказаль: «всѣ сенаторы знають, что я женился на ней (Өеофаніи) не по своему желанію, а потому, что боялся отца, совс'ємъ удрученнаго» 1); агіографъ опять скрылъ эту подробность. Вскорт послт женитьбы сына

¹⁾ Vita Euthymii, ed. de Boor. Berlin 1888, S. 21.

(882 г.) ¹) Августа Евдокія скончалась, будучи оплакана царемъ Василіемъ, Львомъ и его молодою женою Өеофаніею (§ 11).

Далье разсказывается, что монахъ Өеодоръ Сантаваринъ (уроженецъ фригійскаго города Сантавариса) втерся въ дов'єріе царя Василія и оклеветаль Льва, будто этоть покушается на жизнь своего отна. Василій немедленно арестоваль Льва и заключиль его въ одномъ изъ дворцовых в покоевъ, запретивъ, чтобы кто-либо имълъ съ нимъ сношенія, кром'є жены съ ребенкомъ (§ 12).—Изв'єстно, что дочь Льва отъ Өеофаніи называлась Евдокіею, безъ сомнінія, въ честь своей бабки и въ утѣшеніе вдовому императору. — Молодая царица всячески старалась утьшить своего супруга (§ 13): рычь ея занимаеть самую большую главу въ Житій (§ 14). Однажды ночью имъ предсталъ нъкій юноша въ воинскомъ одъяніи, съ копіемъ въ правой и щитомъ въ лѣвой рукѣ и объявилъ, что они заставили его явиться къ нимъ изъ Солуни (дълается намекъ на св. Димитрія Солунскаго); успокоилъ царевича и утъшилъ, что онъ сдълается наслъдникомъ царской власти. Вскоръ Оеодоръ Сантаваринъ, воспользовавшись бользнію Василія, покинулъ столицу и прибылъ на свою родину. Тогдашній протоспаварій и этеріархъ Стиліанъ Зауда, бывшій вм'єсть съ тымь и тылохранителемъ царя, очень горевалъ и казался неутъшнымъ § 16). На вопросъ Василія о причинь горя Стиліанъ началъ дылать какіе-то намеки, которыхъ царь не понялъ (§ 17); наконецъ сообщилъ, что всѣ въ государствъ недовольны поведеніемъ царя, заключившаго невинно царевича, по ложному доносу монаха Өеодора (§ 18). Съ наступленіемъ Ильинскаго праздника (20-го іюля) царь Василій решился показаться передъ народомъ со своимъ сыномъ Львомъ. Въ драгоцинныхъ одеждахъ оба императора въ сопровожденіи Стиліана вы вхали въ храмъ св. Иліи и въ храмъ Безплотпыхъ, къ общей радости всего населенія, послів чего Левъ получиль снова власть вмість со своимъ отцомъ (§ 19). — Вскорѣ Василій захвораль, призваль трехъ сыновей: Льва, Александра и Стефана и, сдълавъ имъ наставленіе, поставиль на царство Льва вмёстё съ Александромъ (§ 20).

Өеофація, къ которой возвращается теперь агіографъ, вмѣстѣ съ мужемъ и Александромъ стала править царствомъ; Стиліанъ получилъ титулъ василеопатора. Супруга Льва презрѣла житейскую роскошь, проводила время въ молитвахъ, подавала милостыню, подъ цар-

¹⁾ По Muralt'y, въ 883 г, по другимъ, зимою 881-882 года.

скими одеждами посида власяницу, вкушала лишь хлёбъ и овощи, раздавала деньги и одежды бёднымъ, заботилась о вдовахъ и сиротахь, обогащала монастыри, заботилась о слугахъ какъ о братьяхь, никого не называла простымъ имспемъ, а всегда съ прибавленіемъ хоэ, никогда не сердилась, не завидовала, никого не презирала, не говорпла неправды (§ 21). Днемъ постель Өеофаніи была покрыта златотканными коврами, а на ночь царица разстилала на полъ власяныя цыновки, на которыхъ и спала, при чемъ съ часу на часъ вставала и молилась. — Близкіе современники свидътельствують, что сластолюбивый царь подъ часъ тяготился своею святою и скучною супругою и измъняль ей. Авторъ Житія Евоимія разсказываеть, что Левь передаваль Евоимію, сколько горя опъ перенесь чрезь Өеофанію: последняя однажды явилась къ Василію и «возвела на меня клевету, будто я сошелся съ дочерью Зауцы Зоею, за что отецъ выдралъ меня за волосы и избиль до крови». Тоть же авторь прибавляеть, что, когла Левъ подружился съ Зауцею, Өеофанія покинула дворецъ и поселилась во Влахернской церкви, потомъ посътила храмъ въ Пиги: со слезами она умоляла Евоимія явиться во дворецъ спасти душу императора и позаботиться объ обидимыхъ. Во дворит Оеофанія разсказала Евоимію о своемъ несчастіи, что она, лишившись дочери, рѣшила навсегда покинуть дворець и избрать мъстопребываниемъ Влахернскій храмъ; я, прибавляла она, готова дать разводную, лишь бы добиться желаемаго. Евоимій едва уговориль ее не д'блать этого, говоря, что это было бы причиною прелюбодъйства для обоихъ 1). Итакъ Өеофанія ревновала и требовала развода. — Агіографъ, разумфется, опять обходить все это молчаніемъ. Такимъ образомъ Өеофанія изнурила свое тело и впала въ болезнь (§ 22). Она предвидела свою кончину, вельта поцьловать всьхь, пригласила къ себь мужа, цьловала со слезами ему щеки и руки, просила его за своихъ родственниковъ, друзей и слугъ и, скрестивъ на груди руки, скончалась (894 г., § 23). Авторъ Житія Евенмія разсказываеть, что передъ смертью она совсьмъ больная явилась во Влахерны, гдь ее утышалъ Евоимій, и что по слухамъ Өеофація умерла не своею смертію, а отравлена Зоею, дочерью Зауцы (р. 24); — агіографъ обо всемъ этомъ умалчиваетъ.

Тъло ея царь съ сенатомъ перенесъ въ храмъ Св. Апостоловъ. Несмотря на зимнее время, когда тъло изъ дворца Халки появилось

¹⁾ Vita Euthymii, p. 20-21, 10, 19-20.

на открытомъ воздухъ, заблистало солнце и сдълалось такъ тепло, что носильщики даже вспотьли; но когда тьло было ноложено въ храмь, наступиль прежній зимпій туманный день. Черезь 40 дней послѣ ея погребенія «во всемъ мірѣ творились ея чудеса». Многіе получили исцъленія и явились свидьтелями ея чудесь; «изъ пихъ, продолжаеть агіографь, и я несчастный (ό τάλας), получивь испыленія отъ честной ея раки, почель несправедливымъ предать забвенію ея пеобычайныя чудеса» (§ 24). Мой отецъ, говоритъ опъ далье, страдалъ погами; это было въ іюль мьсяць, когда празднуется память св. Иліп. По обычаю, изъ напбол'є видныхъ церквей собирали драгоцънныя ризы для покрова св. пророку; этимъ занялся теперь кандидатъ Миронъ, скорописецъ моего отца. Взявъ ризы съ мафоріемъ Өеофаніи, онъ отнесъ ихъ въ храмъ св. Иліи и верхомъ вернулся къ моему отцу. Одна женщина, страдавшая злымъ духомъ и жившая въ мъстности Вона (къ съверу отъ храма Апостоловъ), начала дорогою поносить его разными непристойными словами. Тогда Миронъ ударилъ ее по головь мафоріемъ Өеофаніи, — та упала и пемедленно выздоровћиа; отъ этого мафорія исцілился и мой отецъ (§ 25). Вскорь моя мать Ирина, содержавшая убъжище для бъдныхъ въ Арматіяхъ, упала въ эпплепсій и казалась бездыханною. Тогда мой отецъ призвалъ священника своей церкви и велълъ ему принести изъ храма Апостоловъ кольцо св. Өеофаніи; кольцо онъ положиль въ воду и затемъ даль вынить этой воды Ирине, после чего моя мать выздоровѣла (§ 26) Черезъ два года послѣ смерти моей матери отецъ вышелъ въ отставку и, чувствуя себя нездоровымъ, поручилъ веденіе хозяйства своему сыну, моему брату протоснаеарію Михаилу. Отецъ вельлъ Михаилу сдълать какое-то нужное дёло, тотъ въ свою очередь поручиль его своему слуге; самъ Михаилъ забылъ, а слуга не исполнилъ порученія. Мой отецъ сдізлалъ выговоръ Михаилу; последній въ совершенномъ раздраженія такъ толкнулъ слугу, что самъ упалъ и лишился сознанія. Отецъ испугался, рваль на себт волосы и, почитая его мертвымъ, сталъ уже думать о похоронахъ (§ 27). Врачи ничего не могли сдълать для приведенія юноши (παῖς) въ чувство. Пока мой отецъ отправился въ церковь, Михаилъ вдругъ поднялся съ постели, разорвалъ на себъ одежды и, подойдя къ церковнымъ дверямъ, торжественно заявилъ народу объ исцеленіи его Богородицею и св. Өеофаніею (§ 28), которыя явились ему во снѣ вмѣстѣ съ его матерью: послѣдняя умолила ихъ, и тъ исцълили Михаила (§ 29). Самъ я было не върилъ въ чудеса Оеофапіи, говорить авторъ. Однажды во снѣ явплся мнѣ дядя Өеофаніи, Мартинъ артоклинъ (чиновникъ для приглашенныхъ къ столу гостей), мой другъ, и просилъ меня прославить святую песпопвніями и составить въ честь ея канонъ. Я возразиль, что Өеофанія не есть ин подвижница, ни мученица, ни чудотворица. Но Мартинъ велёль мий взять перо и бумагу и писать то, что онь будеть диктовать. Выслушавъ отъ него фразу: ποίησον πρός το 'Οδηγήσαντα πάλαι θεοφανείας λαμπτήρα φωτοειδή έθετο τή έχχλησία σε Χριστός, я проснулся, сёль за столь и быстро написаль ея житіе, а равно составиль и два канона на 4-й тонъ (§ 30). Потомъ я снова впаль въ невъріе, подвергся извурительной бользии (образованію камия въ почкахъ) и страдаль 27 дней. Врачи были безсильны, тысячи лакарствъ оказались безполезными. Наконецъ братъ Михаилъ посовътовалъми взять воды изъ храма и отъ мощей Апостоловъ, помазать гробъ «преподобнаго отца нашего Меоодія» и раку Өеофаній, взять масла изъ лампадъ и выпить его. Я такъ и сдълалъ. Боли прекратились, и камень вышель (§ 31). Последній параграфь заканчивается прославленіемь и моленіемъ агіографа къ св. Өеофаніи.

Въ виду того, что авторъ Житія съ одной стороны называетъ себя ό ἐλάγιστος καὶ παντός λόγου άμοιρῶν, а съ другой сообщаетъ, что отецъ его по выход въ отставку поручилъ ведение хозяйства не ему, а болбе младшему сыну Михаилу, г. Куртцъ склоненъ къ догадкъ, что агіографъ былъ монахомъ. Но на эти два соображенія можно представить два другихъ, которыя какъ будто не позволяютъ считать автора инокомъ. Агіографъ пе разъ называетъ сановниковъ Константина и Мартина своими друзьями, — но монахъ такъ не выразился бы 1). Затыть онъ заявляеть, что онъ дважды подвергался невърію насчеть святости Өеофаніи, --- но отъ монаха нельзя было ожидать такого признанія; напротивъ, все указываетъ на близость между собою обоихъ братьевъ. Для разъясненія загадки слёдуетъ имёть въ виду заявленіе автора, что онъ написаль Житіе съ двумя канонами въ честь Өеофаніи тотчасъ посл'в явленія ему Мартина; посл'в того агіографъ снова впаль въ неверіе и снова получиль исцеленіе оть святой. Изъ этого следуетъ, что нашъ авторъ писалъ Житіе дважды,

¹⁾ Своимъ искреннимъ другомъ (φίλος γνήσιος) Палладій Еленопольскій называль авву Αφθοнія, но такъ выразилсм епископъ объ инокъ (Migne, Patr. gr. XXXIV. 1102).

и что мы имѣемъ въ рукахъ вторую редакцію Житія. Возможно, однако, предположить, что въ изданномъ текстѣ мы имѣемъ соединеніе обѣихъ редакцій вмѣстѣ: слѣды первой, при написаніи которой авторъ былъ міряниномъ, сказываются въ выраженіяхъ: мой другъ Мартинъ, я не вѣрилъ въ чудеса, юноша Михаилъ; слѣды второй, при написаніи которой агіографъ былъ уже монахомъ, видны изъ выраженій: я самый послѣдній, веденіе хозяйства поручено моему брату протоспаварію Михаилу, и пр.

Последияя часть агіографической трилогіи о главе Предтечи, производящая впечатльніе современнаго памятника 1), разсказываетъ, что святыня эта долгое время хранилась въ Емесь и источала чудеса приходящимъ съ върою; но когда «руками варваровъ были взяты мъстности въ Емесъ и самая Емеса», то одинъ благочестивый унесъ главу въ Команы (Корача, § 167). Однако граждане не знали, когда она унесена отъ нихъ, и «никто и намъ о томъ не передалъ»; да и въ Команахъ не знали, что здъсь хранится глава Предтечи. Съ появленіемъ иконоборчества почитанію мощей не было міста, ибо иконоборцы жгли ихъ, и глава все время оставалась неизвестною (§ 168). По возстановленіи православія и гибели иконоборчества Предтеча объявиль свою главу и благоволиль быть ей въ Цареградъ. Въ то время царствовали имп. Михаилъ и Өеодора, а патріархомъ послѣ Меоодія быль Игнатій; ими и перенесена глава въ Константинополь, Это третье обрътение произошло слъдующимъ образомъ (§ 169). Однажды ночью этому свягителю 2), молившемуся Богу, явилось видъніе, что глава Предтечи, скрытая въ серебряной ракъ въ священномъ мѣстѣ, находится въ городѣ Команахъ, что прилично перенести ее въ Византію. Архіерей объявиль о томъ императору. Наряжено было посольство за святынею. Прибывъ въ Команы и узнавъ, по описанію архіерея, гдв лежала глава, посланцы взяли и принесли ее въ Константинополь. Царь, патріархъ, придворные, іерен и монахи вышли изъ города съ муромъ и лампадами; воины-копьеносцы образовали аллею, по которой процессія вошла въ городъ; глаза и сердца всёхъ устремлены были къ святыпе (§ 170). Дрожащими руками

¹⁾ AA. SS. Boll. 24 імня, IV. 731—736 (по опечаткѣ). Вопросъ о первомъ и второмъ обрѣтеніи главы Предтечи, не входящій въ область нашего изученія, представляєть непреодолимыя трудности для изслѣдователя и кажется никогда не будетъ рѣшенъ окончательно.

²⁾ Неясно выраженіе τῷ κατὰ τὸν θεορόρον τούτῳ καὶ ὁμωνύμῳ καὶ ὁμοτρόπῳ ἀρχιερεῖ,—вѣроятно здѣсь патр. Игнатій сравнивается съ Игнатіемъ Богоносцемъ.

архіерей взяль главу 1) и положиль ее вь дворцовомь храмѣ ($\tau \tilde{\varphi}$ èv $\beta \alpha \sigma i \lambda \epsilon (\tilde{\varphi}) v \alpha \tilde{\varphi})$; установлень быль 25 мая праздникь третьяго обрѣтенія или положенія главы, а вѣрнѣе того и другого вмѣстѣ (§ 171). Распространившись о значеніи цифры трехъ (§ 172), агіографъ оканчиваеть Слово моленіемъ къ Предтечѣ о сохраненіи жителей (§ 172 sic) 2).

Житія св. Өерапонтія еп. Кипрскаго, священномученика временъ Ліоклитіана и Максимиліана, до пасъ не сохранилось, да едва ли оно и существовало, хотя иконы его уже въ Х в. считались древними, но о Житіи его и тогда не было извістно. Для насъ важень другого рода памятникъ, написанный пеизвъстнымъ лицомъ IX въка по поводу перенесенія мощей Өерапонтія съ о. Кипра въ Константинополь: это разсказъ о чудесахъ святаго, совершившихся по перенесеніи мощей его 3). Разсказчикъ, усвоившій классическое образованіе по крайней мёрё въ объеме тогдашнихъ школъ, имевшій понятіе о Панавинеяхъ, Герахъ, Өесмофоріяхъ, Елевсинскихъ, Артемисійскихъ и Олимпійскихъ празднествахъ, быль человіть наблюдательный и чутко отзывался на красоты природы. Что онъ списывалъ чудеса едва ли не съ книги для записей, явствуетъ изъ того, что онъ тщательно отмінаеть, сколько дней каждый изъ нихъ передъ тімь страдаль. Основанія къ пріуроченію перенесенія мощей Өерапонтія къ ІХ вѣку сводятся къ следующему: агіографь свидетельствуетъ, что это случилось въ то время, когда Агаряне την έφαν πάσαν και Αίγυπτον τῷ τόξω και τη ρομφαία εληίζετο..., ήπείλει δε και τάς νήσους ταχώς επέρуεσθα:.-- Нъчто подобное мы можемъ указать изъ времени имп. Ираклія: въ 634 г. Сарацины заняли Египеть, а въ 648 г. напали на Кипръ 4); затъмъ въ 691 г. императоръ Юстиніанъ порвалъ перемиріе съ Арабами, и о. Кипръ оказался открытымъ для нападенія 5).— 'Ως δε τό δεύτερον, продолжаеть агіографь, εἰς τὴν Κύπρον ὁ των άθέων στόλος άνήγετο, το островитяне спросили святого, и онъ повелёль имъ перепести его мощи въ Копстантинополь. Это второе

¹⁾ Вь Службѣ (Минея Мѣсячная, Синод. изд. 1876 г., л. 187): «священникъ же божественный богоносца тезоименитый предтече, дланми сію обдержа.

²⁾ Похвальное слово въ день третьяго обрѣтенія (АА. SS. Boll. 24 іюня, IV. 736—739 §§ 173—180) ничего историческаго въ себѣ не содержитъ.

³⁾ Πο cod. Florent. Laurent. № 14 nº 19 (Bandini, I. 410) изд. въ AA. SS. Boll. 25 мая, VI. 681—392 (Πολλή μοι).

⁴⁾ Theoph. Chron. cd. Boor, I. 338, 343, Muralt, p. 288 (633 r.), 297.

⁵⁾ Theoph. I. 365; Muralt, p. 317 (690 r.).

пашествіе Арабовъ на Кипръ можетъ быть пріурочено п къ 790 п къ 806 году: адмиралъ Ааронъ съ флотомъ напалъ тогда на Кипръ, разрушилъ его церкви и разсѣялъ островитянъ 1). Къ этому вѣроятно времени и можетъ быть отнесено перенесеніе мощей Өерапонтія изъ Кипра въ Константинополь. Событіе это было очень незначительно; при встрічь мощей не присутствовало ни патріарха, ни императора, ни сколько пибудь видныхъ сановниковъ, по крайней мъръ агіографъ не упоминаетъ о нихъ совершенно. — Мощи св. Өерапонтія были по мѣщены въ храмѣ Богородицы: τουτονί τὸν τῆς θεοτόχου νεων ἐκλεξάμενος (р. 685), замѣчаніе, которое указываеть, что слово о чудесахъ св. Өерапонтія произнесено было въ этомъ самомъ храмѣ. Въ дальнъйшемъ, какъ кажется, на тотъ же храмъ дълается указаніе въ сльдующихъ выраженіяхъ: πρός τὸν εὐκτήριον οἶκον τῆς θεομήτορος εἴτω, ὅστις τῆς Ἐλαίας προσονομάζεται (p. 686).—Γμ \upbeta находилась м \upbeta Сτность Елея (Олива), досель не знали: Дюканжъ, отмътившій 49 церквей Богородицы въ Константинополь, не знаеть этого молитвеннаго дома. 'Ελαΐα, иначе называлось Συκαί, Περαΐα, то-есть Пера, за Золотымъ Рогомъ, по выраженію Сократа, καταντικρύ τῆς πόλεως; впрочемъ Συχαί относилось также и къ Галать 2). Изъ другихъ болье или менье любопытныхъ чертъ слова можно указать на слёдующія: въ военномъ въдомствъ существовали должности декарха (р. 687: δέκαρχος), экскувитора (р. 689: έξχουβήτωρ τὸ στράταγμα) и схоларія (689); солдаты подъ часъ занимались общественными работами и буйствовали; такъ одпажды нікоторые изъ нихъ (των δημοσίων έπιταγμάτων έργοδιωχται καί έπιστάται των έργων) избили палками одного старика до полусмерти (р. 690); около 806 г. въ Константинополъ стоялъ военный армянскій отрядъ (р. 688: τὸ στῖφος τῶν ᾿Αρμενίων). Изъ топографическихъ названій упоминается Влахернская стіна (теїдом) и містечко или городъ Виксія (Βιξύη); посліднее имя нигді боліве не встрічается; не есть ли оно искаженіе имени города Визы (Βιζύη)? Бользни, исцьленныя заступпичествомъ св. Өерапонтія, суть следующія: помешательство тихое и буйное (р. 686, 689), сухотка (р. 687, 683), параличь простой и съ отнятіемъ языка (р. 687, 689), ракъ (р. 688), кровотеченіе (р. 688), лихорадка (р. 689), водянка (ύδροπικήτις р. 689), нарывы (р. 689), проказа (ὁ λεπρός р. 689), боли желудка (р. 689).

¹⁾ Theoph. I. 465, 482.

²⁾ Путешествіе Антонія, изд. П. Саввантова, ст. 59.

До сихъ поръ мы видѣли можно сказать необыкновенную простоту въ разборѣ и въ оцѣнкѣ агіографической письменности: о томъ или другомъ святомъ имѣлся только одинъ современный житійный текстъ— нужно было контролировать только его одного. Но теперь передъ нами нѣсколько агіографическихъ намятниковъ, посвященныхъ одному событію, современныхъ и написанныхъ всѣ приблизительно въ одно время: разумѣемъ мученичество 42 Аморійскихъ мучениковъ.

Здѣсь надобно идти уже не только путемъ историческимъ, но и литературнымъ, то есть устанавливать связь и взаимоотношеніе между всѣми этими сказаніями.

Падепіе въ августь 838 г. фригійскаго города Аморія, родины царствующей Аморійской династій, произвело большое впечатльніе на умы современниковъ. Не говоря уже о хронистахъ, которые всь отмътили это событіе, —даже агіографы, писавшіе совсьмъ посторонніе сюжеты, не рыдко упоминали о взятій Аморія: разумыемъ житія Іоанникія Виейнскаго и царицы Өеодоры, въ которыхъ также объ этомъ говорится. Впечатльніе это усиливалось особенно тымъ, что паденіе города сопровождалось мученичествомъ многихъ людей и въ особенности 42 именитыхъ военачальниковъ, изъ которыхъ ныкоторые находились въ свойствь съ самимъ императоромъ.

Если угодно, въ мученичествахъ VIII и IX въковъ не было недостатка: въ 789 г. пострадаль савванть Христофоръ, въ 796 г. погибло 20 мучениковъ саввинскихъ, въ 811 г. пострадали мученики Болгарскіе и т. д.; но только о второмъ мученичеств в мы имбемъ агіографическій тексть, объ остальныхъ иміются лишь одні минейныя памяти. Спрашивается, чёмъ особенно прославились мученики Аморійскіе, такъ дружно привлекшіе современную духовную письменность? По ознакомленій со всёми ими мы выпосимъ очень неопредёленное впечатлъніе: ничъмъ особено опи не прославились, — таковъ отвътъ на этотъ не историческій вопросъ. Другое дело, если мы спросимъ себя: какія условія благопріятствовали появленію такого множества сказаній? Съ VIII-го до половины IX въка въ Византіи царило иконоборство, когда подавлялась всякая духовная мысль, преслыдовались всякіе литературные труды монастырской братіи. Агіографическое дёло, находившееся въ тискахъ, не могло развиваться, современники за этотъ періодъ оставались безучастными эрителями подвиговъ замъчательныхъ лицъ, не смъя взяться за перо. Съ 842 г., съ окончательнымъ возстановленіемъ православія, пов'яло новымъ

духомъ—духомъ свободы въ области слова, проповѣди и литературы. Агіографія расцвѣла. Великое множество исповѣдииковъ иконоборческаго періода постепенно вышло на свѣтъ и обнаружилось въ ихъ житіяхъ. Но съ 842 г. не было еще мученичествъ, этого любимаго рода византійской письменности. Событіе 845 г. въ глубинѣ Азіи было первымъ, въ которомъ современники усмотрѣли мученичество, и вотъ они облюбовали эту тему, пересказывая ее на разные лады. А В Г Δ Е Z—вотъ сколько версій только дошло до нашего времени, по песомнѣнно, что въ свое время ихъ было несравненно болѣе.

Изученіе этихъ сказаній потребовало бы много времени, если бы они не появились въ превосходномъ изданія П. В. Никитина ¹), который отнесся къ замыслу В. Гр. Васильевскаго съ такою любовію, эрудицією и тщательностью, что оно должно служить русскимъ византинистамъ образцомъ и идеаломъ ученаго изданія. Акад. Никитинъ такъ много сдѣлалъ для вопроса объ Аморійскомъ мученичествѣ, что работа изслѣдователей облегчилась теперь въ высокой степени. О, если бы и другіе агіологическіе памятники когда нибудь па русской почвѣ появились въ подобной же обстановкѣ!

Въ такомъ множествъ памятниковъ первымъ дѣломъ изслъдователя было бы—разобраться въ авторахъ сказаній; однако это сопряжено съ пеоборимыми трудностями. Въ самомъ дѣлѣ, два анонима — два лица, ничего намъ не говорящія; Михаилъ Синкеллъ хотя и хорошо извѣстная личность, но агіографомъ разсматриваемаго мученичества былъ не онъ, а можетъ быть какой то другой Михаилъ Синкеллъ; Софроній Кипрскій—личность совершенно неизвѣстная; инокъ Еводій равнымъ образомъ неизвѣстная величина, для раскрытія которой ученые дѣлаютъ впрочемъ вѣроятное сближеніе съ другимъ Еводіемъ.

При такомъ неутѣшительномъ состояніи свѣдѣній объ агіографахъ приходится искать нѣкоторой точки опоры въ самихъ памятникахъ — въ ихъ указаніяхъ на личность автора. Но и этотъ путь не обѣщаетъ намъ особенной удачи. Всѣ эти мученичества, какъ сказано, производятъ впечатлѣніе современныхъ, но и только. Написаны они въ разныхъ стиляхъ—начиная съ простого, дѣлового изложенія, кончая пустою риторикою, — и это обстоятельство мало говоритъ для

¹⁾ В. Васильевскій и П. Никитинъ. Сказанія о 42 Аморійскихъ мученикахъ. Спб. 1905 (Зап. Имп. Ак. Наукъ, VIII серія, VII № 2).

78 отдълъ і.

пользы д'ыла. Немпого помогають и другія данныя сказаній, присутствующія въ однихъ и отсутствующія въ другихъ. Такимъ образомъ изсл'єдователь сразу же становится въ затрудненіе при разбор'є этихъ мученичествъ. Кром'є всего этого, ученые, разсматривавшіе сложный вопросъ о взаимоотношеніи между разными текстами, пришли къ печальному выводу, что первоначальной редакціи сказанія до нашего времени не сохранилось, что мы им'ємъ св'єд'єнія уже только изъ вторыхъ или даже изъ третьихъ рукъ. Конечно возможно, что в'єсть о катастроф'є 845 года дошла до Византій въ н'єсколькихъ разсказахъ, н'єсколько отличныхъ другъ отъ друга, какъ и всегда бываетъ со всякими крупными событіями.

По нашему мнѣнію, Васильевскій совершенно правильно поняль, что изученіе этого комплекса мученичествъ должно начинаться съ ред. Δ^{-1}), то-есть съ той, въ которой содержаніе изложено въ простой, дѣловой формѣ. Трудъ этотъ оригинальный и вполнѣ независимый (стр. 103). Въ самомъ дѣлѣ, 42 военачальника 6 марта 845 г. были казнены на берегу Тигра. Вѣсть о мученичествѣ могла достигнуть до Византіи отъ тамошнихъ христіанъ только въ простой формѣ, въ сообщеніи самого факта: это мы и видимъ въ Δ ; когда же свѣдѣніе это было получено въ Византіи, разпые сочинители старались пересказать его каждый на свой ладъ—простую форму разсказа облекли въ риторическія красоты; это уже послѣдующая стадія развитія.

Въ греческомъ и древнеславянскомъ переводѣ Супрасльской рукописи ²) мученичество это анонимно, но въ Макаріевской минеѣ четін оно приписано перу св. Софронія, архіеп. Кипрскаго. Дѣйствительно, Софроній, архіеп. Кипрскаго города Константіи, существоваль, онъ былъ преемникомъ Даміана, но время жизни обоихъ было совершенно неизвѣстно. Le Quien относилъ обоихъ примѣрно къ VI вѣку, но безъ всякаго видимаго основанія; если бы онъ зналъ, что въ славянскомъ Софронію приписано Аморійское мученичество, онъ отнесъ бы его къ IX вѣку ³). Какъ кажется, А написано въ Константинополѣ въ началѣ 70-хъ годовъ IX в. аморійскимъ уроженцемъ Софроніемъ и представляетъ изъ себя повидимому ученическое сочиненіе, прочитан-

¹⁾ Тамъ же, стр. 38-56 (' $E\pi$ і та μαρτυρικά έπαθλα), вмѣстѣ со старославянскимъ переводомъ.

²⁾ С. Северьяновъ. Супраслыская рукописы. Спб. 1904, стр. 54-68.

³⁾ Ср. Васильевскій, стр. 103.

ное авторомъ для полученія одного изъ ученыхъ титуловъ. Позже Софроній быль архіепископомъ Кипрскимъ и прославился святостію.

Въ отношенія содержанія Софроніева редакція А составлена изъ слъдующихъ источниковъ: 1) изъ оффиціальной хронологической записи о походахъ имп. Өеофила противъ агаряпъ; 2) изъ сведеній аморійскаго происхожденія о взятіи Аморія и объ отвод 42 военачальниковъ въ Персію, и 3) изъ разсказа персидскихъ христіанъ о мученической ихъ кончинь. При этомъ въ видь побочнаго источника на изложение ред. Δ оказало вліяніе содержаніе мученичества Негранскихъ мучениковъ (Аревы и др.); что же касается до литературной формы, А носить на себ'в сл'яды вліянія языка Василія Великаго, Григорія Нисскаго и пр., —на все это указано акад. Никитинымъ. Д переведено было въ старое время и на славянскій языкъ, но вовсе не потому, что переводчикъ также находилъ, что оно наиболее основное; пътъ, для переводчиковъ важнъйщимъ вопросомъ былъ языкъ и стиль греческаго автора: чёмъ онъ быль проще, тёмъ менёе предвиділось трудностей въ переводі, и наобороть, то-есть мы хотимъ сказать, что переведено было именно Δ какъ наиболѣе легкое для перевода.

«Авторъ этого сказанія, говорить акад. Никитинъ (стр. 274 сл.), быль ли онъ Софроній Кипрскій, или кто другой, располагаль значительнымъ запасомъ падежныхъ сведеній. Та ихъ часть, которая касается военныхъ дёлъ, подтверждается арабскими извёстіями; та, что относится собственно къ мученію и его героямъ, сама въ своей незамысловатой точности носить признаки достовърности. Недоставало ли автору умѣнья и талапта, или онъ вынужденъ былъ слишкомъ спѣшить своей работой, но ему не удалось совладать съ набранной имъ пестрой мозанкой фактовъ и готовыхъ выраженій и привести къ сколько-нибудь гармоническому единству. Его изложение, то чрезмфрно изысканное, то до наивности безформенное, часто по той или по другой причинъ оказывается безсильнымъ ясно выразить мысль автора». Любопытио отмътить, что нъкоторые списки одной изъ редакцій этого сказанія находятся уже подъ вліяніемъ ред. Z, то-есть здъсь замъчается та литературная контаминація, которая извъстна и въ другихъ литературахъ, когда первоначальная редакція подвергается вліянію послѣдующихъ.

Предисловіе, обнимающее собою первые пять абзацовъ въ академическомъ изданіи (стр. 38-40), говоритъ о новоявленныхъ (vεοφα-

80 отдъль 1.

νῶν ἀρτίως) мученикахъ, разсказъ о которыхъ агіографъ и хочетъ предложить христолюбивой «аудиторіи» (ἀκροατήριον, auditorium), подъ которой едва ли разумѣется собраніе въ церкви, какъ предполагалъ Васильевскій (стр. 104), и конечно не «православное христіанство» (какъ думалъ Б. М. Меліоранскій: Георг. Кипрян., 28) 1), а скорѣе можно думать, что это было собраніе въ залѣ для духовныхъ собесѣдованій, гдѣ напр. читалось и житіе св. Евдокима.

Въ главной части агіографъ говорить: «Царь нашъ Өеофиль, отправившись походомъ, пошелъ на скверную агарянскую страну; и выйдя, онъ достигь того, чего желаль, и разрушивь замічательные агарянскіе города, гдѣ жилъ родъ тогдашняго измаильскаго правителя, онъ вернулся въ свой царствующій градъ, принеся поб'єдные знаки: золото, серебро и великое множество связанныхъ агарянъ. Узнавъ о томъ, что онъ пострадаль, амерумнъ (άμιρμαννής, эмиръ, халифъ), исполнившись ярости и гивва, а кромв того не перенося стыда пораженія, въ следующемъ году отправившись походомъ, вышель на возлюбленный (τῆς ἡγαπημένης) городь Аморій; и быль возлюбленный и славный городъ (настолько), что после царствующаго града онъ быль вторымъ. Вышеупомянутый царь, услышавъ о дёлё, самъ отправившись походомъ, повелёлъ войти въ названный городъ ромейскимъ воеводамъ для укрѣпленія и утвержденія его. Немного дней спустя явился къ городу безбожный со всёмъ своимъ всеоружіёмь, въ самомъ началь августа, перваго индикта, и тотчасъ началь осаждать (городь)». -- Изв'єстіе это представляеть несомнівню чисто хронографическое извлеченіе, хотя мы и не можемъ сказать, откуда оно взято. Подробность и точность извъстія (напр. о прибытіи халифа 1 августа) свидътельствують, что источникомъ его были свъдъція, исходившія отъ самихъ аморійцевъ. Арабскій историкъ Масуди (у Васильева, I, 74) также писаль: «и это (Аморій) быль самый большой изъ греческихъ городовъ послѣ Константинополя», а Табари (тамъ же, стр. 30) преувеличено говориль объ Аморіи: «она—глазъ христіанства и его основаніе; у нихъ (грековъ) она почетнъе Константинополя». — Среди защитниковъ города нашелся одинъ изм'внникъ, который вошелъ въ тайные переговоры съ халифомъ и прельстившись почестями, ему объщанными, убъдилъ грековъ не оберегать особенно опасной башии 2). Воспользовавшись этимъ, халифъ ворвался

¹⁾ Ср. Никитинъ, 187.

²⁾ πύργον, въ славянскомъ (стр. 43, 20): с(ы)нъ; не «сопъ» ли? ср. «на спѣ».

въ многолюдный (μυρίανδρος) городъ и произвелъ жестокую бойню 1). Насытившись убійствами, агаряне добрались до новоявленныхъ, схватили, связали имъ руки и ноги и вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ грековъ ввергли въ тюрьму. «Нынѣ завоеванный городъ сталъ для меня другой Эеіопіей», замѣтилъ агіографъ, выражая этимъ весь ужасъ погибели города и быть можетъ находясь подъ вліяніемъ Негранскаго мученичества. — Сопоставляя въ связь съ этимъ предыдущее замѣчаніе о «возлюбленномъ» городѣ, мы могли бы пожалуй думать, что Аморій былъ родиною агіографа.

Казалось бы, плѣнники были посажены въ аморійскую тюрьму, по нѣтъ: въ дальнѣйшемъ авторъ пишетъ, что связанные шли по назначенному пути. Въ $\Pi \alpha \gamma \kappa \acute{\alpha} \lambda \lambda i \alpha$ (обширной равнинѣ къ востоку отъ Аморія ²) халифъ велѣлъ обезглавить однихъ, отдать своимъ вельможамъ другихъ, а всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ съ 42 военачальниками запереть въ темницу. Но вотъ наконецъ плѣнники прибыли въ обманчивую (ἀπατηλή) Сирію и здѣсь опять были заключены подъ стражу.

По прошествій семи літь (έπταετους δέ χρόνου διεληλυθότος) халифъ потребоваль, чтобы плённики или покорились ему, принявъ исламъ, или были казнены. Воеводы отвергли первое предложеніе. Разгитванный халифъ приказаль отвести ихъ на р. Тигръ, гдт они опять были заперты ёν τινι καταλύματι. Прибывъ самъ къ нимъ на суднъ и на конъ, онъ произвелъ допросъ. Одинъ изъ 42 воеводъ былъ по имени Өеодоръ, по прозванію ό Καρτερός, протоспаварій саномъ и евнухъ по природъ. Не только отказавшись отъ принятія ислама, но обозвавъ халифа лютымъ псомъ, Өеодоръ выслушалъ следующій приговоръ: «сего, не повинующагося моимъ словамъ и противящагося моимъ повельніямъ, приказываю обезглавить мечемъ». Өеодоръ былъ казненъ, остальные сидъли въ тюрьмъ, утъщая и обадривая себя. Между ними былъ именитый родомъ Вασσόης, который особенно ободряль союзниковь; онъ быль прежде участникомъ конскихъ ристалищъ и быть можетъ получалъ вънки отъ народа, но теперь онъ просиль вынцовь отъ Бога за стойкость въ выры. Вслыдь за Өеодоромъ быль казнень патрикій Константинь 3), далье протоспаварій Өеофиль

¹⁾ Подробности объ убійствѣ 6,000 человѣкъ, извлеченныя изъ арабскихъ хроникъ, сведены у Никитина, стр. 199.

²⁾ Никитинъ, 198.

³⁾ Замѣтивъ, что хронисты въ разсказѣ объ Аморійскомъ взятіи упоминаютъ нѣкоего Βαβούτζιχον, не говоря о Константинѣ, а агіографы говорятъ о Константинѣ, византійскій временникъ.

82 отдълъ і.

п спаварій Каллисть, по прозванію Мелиссинь; за ними быль обезглавлень Вассой и остальные 37 человѣкъ. Надъ мучениками возсіяль свѣть, и по этому свѣту оставшіеся въ живыхъ узнали, что 42-е скончались. Одниъ изъ 42 заключенныхъ впрочемъ оказался ренегатомъ: онъ отрекся отъ христіанства и готовъ былъ принять исламъ. Халифъ сначала обрадовался этому, но затѣмъ по совѣту своихъ приближенныхъ велѣлъ казнить и его. «Скончались же святые 42 мученика 6 марта 8 индикта 6353 года, въ царствованіе ромейскаго императора Михаила, Өеодоры и Өеклы, христіаннѣйшихъ и православныхъ великихъ царей». — О совмѣстномъ царствованіи и Өеклы (матери, сына и дочери) упоминается и въ надписи (С. І. G., IV 8683).

Тѣла казненныхъ были брошены въ р. Тигръ. Тѣло ренегата тотчасъ же погрузилось на дно, тогда какъ тѣла 41-го виднѣлись на рѣчной поверхности въ видѣ какъ бы судовъ, причемъ каждая голова пристала къ своему туловищу. Они проплыли довольно миль и остановились въ одномъ рѣчномъ заливѣ. Здѣсь они были взяты христолюбцами и положены въ одномъ замѣченномъ мѣстѣ (ἐν τόπφ ἐπισήμφ)— обычное выраженіе мученичествъ.

Оканчивая статью, агіографь обращается къ слушателямъ съ моленіемъ къ «нынѣ утвердившимся въ царствѣ небесномъ» святымъ
объ отвращеніи землетрясеній и варварскихъ нашествій. — Судя потому, что о σεισμοί говорится на первомъ мѣстѣ, можно думать, что
мученичество было написано въ началѣ 70-хъ годовъ ІХ столѣтія
когда греки находились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ,
трусовъ 860, 865 и 869 годовъ. Выраженіе τοὺς βασιλεῖς ἡμῶν χρατύνατε конечно не должно означать непремѣнно совмѣстность двухъ
императоровъ, хотя въ указанный періодъ имп. Василій царствоваль
вмѣстѣ съ Константиномъ († 880 г.).

На второмъ мѣстѣ полагаемъ анонимную ред. В. 1). Мы видѣли, что Δ , написанное простымъ языкомъ, только разсказываетъ о мученичествѣ, но не прославляетъ воителей. По мѣрѣ того, какъ память о нихъ завоевывала себѣ все бо́льшую и бо́льшую извѣстность, а еще

не упоминая Вавуцика, Пикитинъ (стр. 212 сл.) высказалъ вѣроятнѣйшее предположеніе, что Константинъ носилъ фамилію Βαβούτζικος. Онъ быль женатъ на Софіи, сестрѣ имп. Өеодоры. Арабскіе источники среди защитниковъ Аморія называютъ еще Аетія, дядю царя (Өеофила). Поэтому хронисты Генесій, Өеофанъ Продолженный и др. правы, говоря, что среди защитниковъ были царскіе родственники.

¹⁾ Ταμτ же, ctp. 8-21 ('Eμο': δοκούσιν οἱ μάρτυρες).

върнъе, по мъръ того, какъ являлся спросъ на большую изящность литературной отделки сочиненія, и агіографическій памятникъ долженъ быль являться въ пріукрашенномъ видѣ, съ цвѣтами риторики и краснорьчія. Такая риторизованная "Аддусц и появилась въ ред. В. Вообще можно сказать, что этоть агіографъ пользовался предыдущими разсказами и не далъ ничего существенно новаго для вопроса о мученикахъ. Именъ столько же, только въ пъсколько иномъ порядкъ, время ихъ кончины пом'ьчено почти такъ же (царствованіе Михаила и Өеодоры); но въ разсказъ объ Аморіи есть кое-что такое, что какъ будто свидътельствуеть о знанім агіографомь города: ύπτίω δὲ αυτη έν πεδίω κειμένη καὶ οὐδαμοῦ όχυρώματι φυσικῷ τινι περιφραττομένη ἢ τῷ τειχίσματι μόνφ (стр. 11). И дъйствительно, по описанію Гамильтона, нынёшнія развалины Аморія лежать въ долинё, а по срединё ея, у соединенія двухъ малыхъ долинъ, подымается отдёльный им'єющій около полумили въ окружности холмъ, на которомъ можно еще признать часть стенъ акрополя. Холмъ, по словамъ А. А. Васильева, вообще не высокъ и въ одномъ месте очень отлогимъ скатомъ сливается съ долиной 1).

Характерною особешностью редакціи является благосклонное отношеніе агіографа къ имп. Өеофилу, посліднему иконоборцу. Изъ житія Георгія, Давида и Симеона Митилинскихъ и изъ житія царицы Өеодоры видно, что тотчасъ по смерти Өеофила, подъ вліяніемъ императрицы поднять быль вопрось. объ отпущеніи грѣховъ еретику, послѣ нѣкоторой борьбы рѣшенный въ положительномъ смысль. Съ этого времени въ извъстныхъ кругахъ императоръ сталъ прославляться; ему стали приписываться разнообразныя добродьтели: мужество, справедливость ко всёмъ людямъ и даже благосклонность къ монахамъ. Воспитанный на этой литературф, агіографъ также проникся уваженіемъ къ памяти иконоборда и выразился о немъ такъ: «величайшій самодержецъ Өеофиль, мужъ благородный во всёхъ отношеніяхъ и очень д'ятельный». Софроній говориль о семильтнемъ заключеній аморійцевъ, — ред. В даеть цифру 6 (έξαετή γάρ χρόνου, стр. 13); ни то, ни другое свѣдѣніе не точно, правда лежить по средин $-6^{1/2}$ льтъ (августъ 838—мартъ 845). Выше мы видъли, что Софроній опреділенно говорить, что Аморій взять сарацинами благодаря измене одного грека; В определенно не говорить объ этомъ, но все же даеть понять, что предательство ему извъстно (стр. 12).

¹⁾ Никитинъ, 136.

Равнымъ образомъ по Δ одинъ изъ 42 аморійцевъ оказался ренегатомъ; такъ какъ онъ долженъ былъ потерять небесную награду и земную почесть. Софроній, причтя его къ лику 42-хъ, все-таки лишаеть его дара чудесь. Анонимь В, какъ болье осторожный, не говорить о ренегатствъ, чтобы не впасть въ коллизію, хотя и замъчаетъ въ концѣ (стр. 21): ἐνός τινος ἀπολείψαντος, то-есть не столь рѣзко и на этотъ разъ говоритъ объ отступничествъ. Упомянувъ въ заглавін имена пяти мучениковъ (Константина, Өеодора, Өеофила, Каллиста и Вассоя), агіографъ въ самомъ текстѣ говоритъ только о второмъ и последнемъ. Это и понятно. По Δ только Өеодоръ и Вассой произносять монологи; нашь агіографъ, чувствующій большую склонность къ пересказу именно чужихъ ръчей, назвалъ только этихъ лицъ какъ говорившихъ, вложивъ имъ по своему соображенію пространные монологи-бледные и не характерные. О присутстви на месте казни христіанъ, которыхъ прямо не называетъ Софроній (однако τινες φιλόγριστοι, стр. 54), В упоминаетъ не разъ; ό ἐσμός (ὄγλος) τῶν καθ' ήμων (ήμως), стр. 16, 20. Существенною особенностью В сравнительно съ Δ является конечное зам'вчаніе агіографа: по Δ тыла скрыты христолюбцами έν τόπφ έπισήμφ, здѣсь они обнаруживались ночнымъ свътомъ надъ водою и обрътены «божественнымъ онымъ игуменомъ (ποιμνιάργης) монастыря», который положиль ихъ въ ракахъ (стр. 21). Агіографъ, сверхъ ожиданія, допустиль прибавку, исходя очевидно изъ того соображенія, что если въ Персіи было много христіанъ, то тамъ были церкви и монастыри. Но онъ не подумалъ о томъ, что если христіанство тамъ пользовалось свободою, то почему же именно плінные принуждались къ принятію ислама? Ред. А какъ будто говоритъ о томъ, что христіанство было здісь тайнымъ, -В ділаеть его явнымъ.

На третьемъ мѣстѣ мы ставимъ ред. Z съ именемъ монаха Еводія 1). Дюканжъ относилъ время жизни Еводія приблизительно къ 850 году, быть можетъ исходя изъ \S 35: γυνἡ (Θеодора) γὰρ τῆς 'Ρωμανίας σήμερον βασιλεύει, ошибочно имъ, какъ и А. А. Васильевымъ понятаго. Современные ученые отодвигаютъ его къ нѣсколько болѣе позднему времени—къ царствованію имп. Василія I (867—886) 2). Исходя

¹⁾ Рукописи даютъ чтенія: Εὐώδιος и Εὐόδιος. Арх. Сергій, толкуя это имя въ смыслѣ «благопутный, благоуспѣшный», очевидно, придерживался второго чтенія. Однако правильнѣе первое написаніе, сообразно съ чѣмъ Еводій будетъ означать «благовонный» или «доброгласный». Васильевскій и Пикитинъ, Сказанія, стр. 61-78; $A\Lambda$. SS. Boll., мартъ, I, 880-885 (Фхіδρὰ μὲν τῆς πανηγύρεως ἡ ὑπόθεσις).

²⁾ Никитинъ, 273.

изъ той мысли, что Іосифъ П'Еснописецъ († 883) написалъ канонъ Аморійскимъ мученикамъ и что Еводій паписалъ канопъ Іосифу, акад. Никитинъ (стр. 259, 279) высказаль въ высшей степени в роятную догадку, что Еводій и Іосифъ писали свои агіографическіе труды въ одно время и по одному поводу, именно по случаю освященія храма, построеннаго Василіемъ въ честь Аморійскихъ мучениковъ-стратилатовъ. Еводій-писатель-полемисть и апологеть, избравшій своею спеціальностью защиту евангелія передъ кораномъ, борьбу православія съ исламомъ. Его «Опроверженіе Магомета» (Άπάντησις πρὸς Μωάμετ) отмъчено Миллеромъ въ одной изъ рукописей Эскуріальской библіотеки (№ 459); выписки изъ его трактата противъмагометанства (ἐχ τῶν τοῦ ἀγίου Εὐοδίου) приведены писателемъ XI—XII в. Евеиміемъ Зигавиномъ въ его Панопліи 1). Въ виду того, что и мученичество Аморійскихъ мучениковъ представляло собою борьбу православія съ исламомъ, Еводій, какъ надо думать, съ удовольствіемъ взялся за тему и изобразиль подвиги ихъ по преимуществу какъ богословскую борьбу воеводъ съ сарацинами о въръ. Историческія подробности здёсь отходили на второй планъ, для Еводія на первомъ мёсть стояла діалектическая борьба; и надо ли говорить о томъ, что мученики победили мусульманъ въ догматахъ веры силою своей діалектики?

Источникомъ для Еводія служили разсмотрѣнныя выше редакціи, пособіемъ былъ трудъ Никиты Византійскаго «Опроверженіе Магомета», на общее содержаніе мученичества оказало вліяніе мученичество 40 Севастійскихъ мучениковъ. Любопытно, что послѣднее написано было также Еводіемъ, но только епископомъ Кесарійскимъ. Послѣ указанныхъ Никитинымъ (стр. 119 — 120) дефектовъ, характеризующихъ литературную его манеру, надобно признать, что ред. Z есть можетъ быть одно изъ раннихъ произведеній Еводія, когда авторъ не былъ еще ни изящнымъ стилистомъ, ни точнымъ передатчикомъ мыслей, ни вообще литературнымъ талантомъ.

Одънка ред. Z сопряжена съ большими затрудненіями. Ученые (A. Ehrhard, о. H. Delehaye, П. В. Никитинъ) полагаютъ даже, что въ томъ видъ, въ какомъ она издана, она уже не принадлежитъ Еводію, а написана Метафрастомъ. Мы не раздъляемъ такой точки зрънія и въ слъдъ за учигелемъ болье склонны къ усвоенію того положенія,

¹⁾ Migne, Patr. gr., CXXX, 1341.

86 отдъль і.

что Еводіева ред. Z и принадлежить Еводію; но что касается до ред. А, разсмотрѣніе которой предлагается во второй части сочиненія, она не можеть быть приписана Метафрасту, представляя только дальнѣйшую стадію въ развитіи мученической легенды.

На первый взглядъ выходитъ, что ред. А произошла изъ ред. Z, но Никитинъ предостерегаетъ отъ увлеченія. «Текстъ A, говоритъ онъ (стр. 121), нельзя безъ пѣкоторыхъ натяжекъ выводить изъ текста Z, приходится предполагать, что оба они произошли изъ нѣкотораго третьяго». Этотъ третій текстъ, по мнѣнію русскаго классика и византиниста, и былъ первоначальнымъ текстомъ Еводія: Метафрастъ, слегка переработавъ его изложеніе и, можетъ быть, измѣнивъ заключительную часть эпилога, создалъ текстъ Z, а неизвѣстный эпитоматоръ, сильно сокративъ текстъ Еводія и кое-гдѣ замѣнивъ его выраженія своими, далъ то, что мы называемъ текстомъ А. Такимъ образомъ выходитъ, что подлиннаго сочиненія Еводія или не существуетъ, или онъ еще не отысканъ, что редакцію Z надобно считать произведеніемъ Метафраста, какъ редакцію А—произведеніемъ неизвѣстнаго.

Противъ перваго положенія можно и должно выставить слідующія соображенія. Всѣ три московскія рукописи 377, 379 и 384, XI вѣка, называють авторомъ Еводія и только двѣ-мюнхенская и напечатанная Болландистами анонимны: выводить отсюда, что ред. Z принадлежитъ Метафрасту-въ высшей степени рискованно. Во-вторыхъ, агіографъ Z, человъкъ сравнительно близкій ко времени мученія, находившійся все еще подъ впечатльніемъ событія 1), при всемъ своемъ спокойствій все-таки не выдерживаетъ тона и по временамъ восклицаеть: $\mathfrak{cl}\mu\mathfrak{cl}$ (\S 2), $\mathring{\omega}$ $\mathring{\alpha}\pi\mathring{\mathfrak{d}}$ $\tau \tilde{\eta} \varsigma$ $\mathring{\alpha}\pi \mathfrak{lo} \tau \tilde{\iota} \alpha \varsigma$ (\S 18), $\mathring{\omega}$ $\vartheta \iota \sigma \iota \alpha$, $\mathring{\omega}$ $\vartheta \iota \sigma$ ματα (§ 43): отъ Метафраста, жившаго полуторомя стольтіями позже событія, мы не ожидали бы такихъ выраженій. Въ третьихъ, замізчаніе личнаго свойства: ώς οἰοί τέ ἐσμεν, συντομώτερον ἰστορήσωμεν (§ 3), умъстное въ устахъ Еводія, предпринявшаго самостоятельный трудъ по обличенію мусульманства, не можетъ принадлежать Метафрасту, какъ «только пересказавшему Еводія», такъ какъ никакого труда въ этомъ отношения ему не предстояло. Наконецъ въ-четвертыхъ, неточность, даже безсмыслица выраженій, зам'ьчаемая въ ихоторооч в 2), опять говорить, что эта редакція не могла выйти изъ-

^{1) § 1:} μηδεὶς κατηφείτω σκυθρωπόν ἀγγελίας ἀκούσας.

²⁾ Никитинъ, 119-120.

подъ пера Метафраста. Такимъ образомъ, разсматривая Z самъ по себѣ, мы не находимъ достаточныхъ основаній отнести его къ числу произведеній знаменитаго пересказчика.

Но почему же все-таки говорять здібсь объ участіи Метафраста? Потревожена тібнь его по поводу разсмотрібнія ред. А, представляющей изъ себя сокращенный пересказъ ред. Z. А, какъ замітиль Ehrhard, представляя собою типъ миней-четіихъ или минологієвь, находится въ зависимости отъ Метафрастовскаго свода; если А есть минологій этого свода, то первоисточникъ его, ред. Z, и есть произведеніе Метафраста; если же Z связанъ съ именемъ Еводія, то это свидітельствуетъ только о томъ, что Метафрастъ слегка пересказаль ред. именно Еводія.

Текстъ А, вопреки П. В. Никитину, выводится изъ текста Z; существенныя отличія его, если мы не ошибаемся, слідующія: 1) въ заглавін А пять именъ мучениковъ, въ Z ни одного. Но агіографическое заглавіе — вещь крайне не надежная: ред. А, не встрѣтивъ имень въ ред. Z, могъ выписать ихъ изъ современной минейной памяти, что признаеть и самъ Никитинъ (стр. 117). Вообще надо отказаться отъ мысли, что эпитоматоры были люди совстмъ близорукіе; близорукость мы охотно допускаемъ у копистовъ, у переписчиковъ, но нельзя же думать, чтобы и литераторы, хотя бы и пе изъ важныхъ, дальше своего носа не видъли. 2) Въ А про Аморій сказано (§ 2); πόλις δὲ αὕτη τῶν πρὸς ἀνίσχοντα ἥλιον χειμένων, чего нѣтъ въ Z; по эта ничтожная прибавка свидетельствуеть только, что arioграфъ имътъ понятіе объ Аморіи какъ о городъ, лежащемъ къ востоку отъ Византіи; для этого ему не было надобности выписывать это свѣдѣніе изъ чужихъ киигъ. 3) Въ А χρόνος παρῆλθεν οὐχὶ συγνός (\S 5)—въ Z γρόνος παρήλθε (\S 22). Опять разница слишкомъ несущественная и шичтожная, чтобы на ней останавливаться: въ пересказахъ она не имъетъ никакого значенія 1). 4) Наконецъ въ А потарій Константинъ названь ό καλός (§ 7), въ Z є ήγιασμένος, замѣна, правда для насъ непонятная, но едва ли также говорящая о пользованій ред. А непремінно агіографическим текстом в, отличным в оть Z. Итакъ мы полагаемъ, что ред. А пользовался ред. Z и ничемъ более.

Не достаточно обоснованное пріуроченіе апомимной ред. Z, изданной Болландистами еще въ XVIII в., перу Метафраста, если

¹⁾ Ср. наше Житіе св. славнаго Евдокима. Софія 1908 стр. 42.

88 отдълъ і.

угодно, и досель еще находить себь защитниковь въ наукь; но если бы издань быль сначала Z съ именемь именно Еводія, судьба вопроса была бы другая.

Намъ пѣтъ особой надобности пересказывать ред. Z, тѣмъ болѣе, что она почти точно изложена акад. Васильевскимъ (стр. 96—101); ограничимся лишь дополненіемъ нѣкоторыхъ историческихъ подробностей въ виду сокращенности ихъ передачи. Еводій говорить о мученикахъ Өеодорѣ Кратерѣ (вм. Картерѣ), Васоѣ и двухъ Константинахъ — патрикіи и нотаріи и мѣсто кончины ихъ пріурочиваетъ не къ Тигру, а къ Евфрату и г. Самарѣ: таковы главныя особенности этой редакціи.

Безсмысленную, болье того — христоотреченную (άρνησίγριστος) ересь, уничтожавшую образъ Христова воплощенія, эту зв роименную ящерицу вызвала къ жизни Исаврійская область 1) (намекъ на имп. Льва III Исавріянина): «появились божественные ужасы и средства защиты, столкновенія небесныхъ свътиль и паденія ихъ на землю, безпрестанныя землетрясенія, уничтожающія все лучшес, что было въ царствующемъ градъ, всяъдствіе этого гибель огромнаго числа людей, преждевременная смерть по всему царству, а въ особенности въ столицѣ; уничтоженіе границъ, отдѣляющихъ Ромеевъ и Измаильтянъ, гибель всего ромейскаго воеводства въ Киликіи и овладѣніе ромейскою территорією до самой Каппадокій; ко всему этому до самой столицы достигаетъ флотъ не только измаильтянъ, но и Аваровъ и другихъ языковъ, наполнивъ собою всю Пропонтиду и всъ бухты внутри Авидоса, — и они осаждали столицу втеченіе цёлыхъ семи льтъ» (§§ 8—9). Къ оцънкъ нарисованной здъсь агіографомъ картины опустошенія Романіи при имп. Львѣ III мы обращаемся въ третьей части этого сочиненія.

Но и соименный оному безбожнику (Левъ V Армянинъ) и едино-i нравный, обратившійся на его блевотину и пріобщившійся къ нечистоть той же ереси, изгоняеть всьхъ православныхъ іерарховъ, сжигаетъ божественные драгоцьные сосуды и священныя одежды на площадяхъ (хατὰ τὰς λεωφόρους). Но вотъ противъ него выступаетъ нашествіе онаго тирана Өомы, губящее внутреннею войною ромейскія господства 2), и самъ онъ (Левъ) горькимъ концомъ погубивъ душу

¹⁾ Игра словъ: σαύραν— Ίσαυρίας.

²⁾ Агіографъ спуталъ событія, какъ замѣтилъ уже П. В. Никитинъ (стр. 242): бунтъ Өомы случился не при Львѣ V, а при Михаилѣ II.

при самомъ алтарѣ ($\beta \tilde{\eta} \mu \alpha$), всаживаетъ въ христіанское жительство христоненавистное свое безуміе. Когда принялъ власть лжеименно названный Θ еофилъ, ересь еще болѣе увеличилась. Сколько военныхъ пораженій вынесъ опъ отъ измаильтянъ, сколько странъ, городовъ и острововъ, черезъ гордость по отношенію къ Христовой иконѣ, обратились въ пустыню, — не возможно намъ описать» (§ 11).

О взятіи Аморія сказано очень кратко: «При немъ (Өеофиль) протосимвуломъ (халифомъ) измаильскаго народа былъ оный Ависакъ (Άβησάх = Αбу -- Исхакъ =- Мутасимъ, 833 -- 842). Съ тяжелою силою онъ выступиль противъ славнаго города Аморія, въ теченіи 13 дней разрушиль стѣны стѣнобитными орудіями, опустошиль городъ, взяль въ плѣнъ вождей семи военныхъ отрядовъ (τους δέ των έπτα θεμάτων καθηγεμόνας) и распорядился умертвить мечемъ подчиненные имъ легіоны вмёстё съ жителями города и бёжавшими оттуда людьми. Вернувшись въ свою страну, онъ заключаетъ въ тюрьму названныхъ начальниковъ войскъ (§ 12). — По греческимъ известіямъ, арабы подошли къ Аморію въ четвергь 1 августа 838 г.; по Табари, Ашнасъ во главъ одной колонны прибыль въ четвергъ, стало быть 1-го августа, а на другой день, въ пятницу 2 августа 838 г. явился и самъ халифъ Мутасимъ. По греческимъ извъстіямъ, городъ палъ во вторпикъ 13 августа, по Якуби — въ понедельникъ 12 августа. Разница въ одинъ день несущественна: если городъ палъ въ ночь съ понедъльника на вторникъ, то одни могли говорить о паденіп въ понед'єльникъ 12-го, другіе-во вторникъ 13-го, смотря по тому, кто какъ считалъ конецъ сутокъ 1). Акад. Никитинъ въ чрезвычайно содержательномъ и ценномъ экскурсе о семи военныхъ отрядахъ (стр. 244-247) предполагаетъ, что въ защить Аморія участвовали одни только заморскія вемы (τὰ περατικά θέματα) и думаєть, что это были вемы: вракисійская, арменіакская, вукелларская, пафлагонская, анатолійская, опсикійская и каппадокійская. Тогда какъ для өемъ στρατηγοί были офиціальнымъ титуломъ, хадηγεμόνες (или άρχηүсі) было названіемъ общимъ какъ для стратиговъ, такъ и для другихъ болье пизшихъ ранговъ — протоспаваріевъ, спаваріевъ и т. д.; отсюда и понятно, что изъ семи оемъ могло выйти 42 мученика.

Во время бесёдъ плешинковъ съ мусульманами выяснилось, что

¹⁾ Ср. Никитинъ, 243—241. По нъсколько ошибочному вычисленію П. В. Никитинъ 1-е августа полагаетъ на пятницу и четвергомъ считаетъ 31 іюля.

среди грековъ были родственники императора (οὐ συγγενεῖς βασιλέων); что болѣс 70,000 взятыхъ ромеевъ передапо халифу (§ 18).—Извѣстіе это, вложенное агіографомъ въ уста мусульманамъ, очень преувеличено. По Масуди, въ Аморіи было убито 30.000 человѣкъ: «въ это число, говоритъ Никитинъ (стр. 250), могутъ, повидимому, входить и солдаты и граждане, а пожалуй—и тѣ, которые были сперва взяты въ плѣнъ, а потомъ па походѣ отъ Аморія (въ Панкалліи) перебиты. Число 70,000 явилось у Еводія, можетъ быть, потому, что такова именно была въ тѣ времена, какъ свидѣтельствуетъ Кудама, списочная численность регулярныхъ войскъ всѣхъ азіатскихъ провинцій имперіи; по дѣйствительная численность могла быть гораздо меньше. Въ 863 г. въ арміи Петроны, находившейся въ полномъ составѣ (всѣ азіатскія оемы, двѣ клисуры, двѣ оемы европейскія, четыре гвардейскихъ полка), было всего 50,000 человѣкъ».

Въ теченій цілыхъ семи літь (є́тта μεν οὖν δλοις ετεσιν) плінники находились въ тюрьмі, ведя бесіды о религіи съ мусульманами, которыхъ они побідили силою своей діалектики (§ 27). — Извістіе это здісь неточно: съ августа 838 до марта 845 г. прошло только $6^{1}/_{2}$ літь; ниже (§ 41) тоть же агіографъ поправился, сказавъ: σχεδὸν τῶν ἐπτά που ἐτῶν.

Въ это время на престолѣ арабовъ произошла смѣна халифовъ (ὁ κατ ἀξίαν διάδοχος, § 30), то-есть Мутасиму въ 842 г. наслѣдоваль его 30-лѣтній сынъ Гарунъ-аль-Ва́сикъ (842—847).

Вечеромъ 5 марта 845 г. ко дверямъ темницы подошелъ нѣкій Воодъ (Βοώδης), который нѣкогда былъ начальникомъ въ греческомъ войскѣ, но затѣмъ, говорятъ (φασι), сдѣлался предателемъ великаго города Аморія, ренегатомъ и осаракинившимся. Онъ вызвалъ нотарія Константина и наединѣ сказалъ ему, что завтра 6 марта предстоитъ казнь его принципала, патрикія Константина; для предотвращенія ея онъ совѣтовалъ обоимъ Константинамъ потурчиться хотя бы только для вида. Предложеніе было отвергнуто (§§ 28—29).— По арабскимъ извѣстіямъ болѣе точнымъ, нежели греческія, выходитъ, что измѣпъ было двѣ, одна не серьезная, другая рѣшающая. Имена обоихъ измѣнниковъ извѣстны, будучи сохранены хроникою Симеона Логоеета: παρεδόθη γὰρ ὑπό τε τοῦ λεγομένου Βοϊδίτζη καὶ τοῦ Μανιχοφάγου (—άνου). Имя перваго по арабски Венду (=быкъ), (подлинная греческая форма Βοϊδίτζης (Theoph. Contin.) или Βουδίτζης Sym. Мад.), въ передѣлкѣ на древне-греческій ладъ Βοώδης у Еводія.

Разсказъ о третьемъ измѣнникѣ, ученикѣ Льва Философа — басня 1). — Плънпикамъ, горевавшимъ о своихъ семействахъ, мусульмане говорили: потурчтесь, и нашъ великій халифъ повелить вашему жалкому царю (Михаилу III) прислать къ вамъ вашихъ родиыхъ, и женщина (Өеодора), правящая нынъ Романіей, не въ состояніи будеть противиться нашему халифу; подать съ Египта только за одинъ годъ-и та въ состояніи обезпечить вашихъ потомковъ до десятаго кольна (§ 35). Когда и это предложение было отвергнуто, ихъ повлекли на мъсто казни. Сбъжалась масса сарацинъ и христіанъ. Около Евфрата въ великомъ городѣ Самарѣ Өеодору Кратеру было сказано: «ты нъкогда былъ клирикомъ и у христіанъ священникомъ, а теперь ты взяль копье, вооружился и сдёлался человекоубійцею», на что Өеодоръ ответиль, что именно поэтому онъ и обязанъ пролить кровь за Христа, чтобы обръсти искупленіе своихъ прегръщеній (§ 36)2). Въ то время, какъ палачи-эніопы точили мечи и размахивали ими, Өеодоръ, боясь за мужество патрикія (Константина), предложилъ ему первому принять вѣнецъ мученичества, но патрикій эту честь уступиль Өеодору. Святые, соотвётственно своимъ чинамъ, какъ будто за парскою трапезою, уступая одинъ другому очередь, всѣ безъ страха предали себя на смерть (§§ 37-38). Далье Еводій сравниваеть 42 аморійцевъ съ 40 севастійцами, скончавшимися (9 марта 320 г.) также въ четыредесятницу (§ 40). - Заключеніе Еводія не достаточно хорошо подогнано къ житію и кажется болье общимъ, отвлеченнымъ и пустымъ.

Изъ всёхъ житій святыхъ IX вёка ни одно не читалось съ большимъ интересомъ, какъ житіе Өеофана Сигріанскаго. Удивительная жизнь этого человёка въ мірё, величіе литературныхъ трудовъ въ монашестве, обильный даръ чудотвореній по смерти—все привлекало писателей и читателей къ этому имени. Тотчасъ по его смерти Өеодоръ Студитъ сообщилъ въ общихъ чертахъ его біографическія свёдёнія въ письмё къ женё его, инокинё Мегало. Не прошло и 30 лётъ со времени его смерти, какъ взялся за житіе его патр. Меводій († 847), далёе агіографъ Сава, влахернскій скевофилаксъ Никифоръ, протасикритъ Өеодоръ, два анонима, наконецъ Метафрастъ; при этомъ мы не говоримъ уже объ эпитомахъ и памятяхъ святого, которыхъ также значительное количество.

¹⁾ Никитинъ, 191—194.

²⁾ Ср. подобный же доводъ въ ж. Тарасія (стр. 102).

Темъ не мене при чтени этихъ житій невольно поражаешься тъмъ обстоятельствомъ, что біографія Өеофана не достаточно намъ извъстна. Самъ святой, какъ надо думать, не разсказывалъ о себъ своимъ ученикамъ, поэтому кое-что въ его жизни осталось не выясненнымъ, и агіографы IX — X в в ковъ прибъгали въ такихъ случаяхъ къ слухамъ и преданіямъ. Напр. одни говорили, что святой родился въ Константинополѣ и былъ человѣкъ очень богатый; другіе разсказывали, что онъ быль уроженецъ острововъ Эгейскаго моря, третьи, что онъ былъ уроженецъ Скиоіи, человікъ кріпостной, — и такая разноголосица является уже въ IX въкъ. Мы безсильны выйти изъ этой разноголосицы, не можемъ отвергнуть вст извтстія ради одного, главнымъ образомъ потому, что не знаемъ основнаго разсказа -- сочиненія патр. Меоодія и даже не имъсмъ подъ руками его непосредственнаго пересказа (cod. Mosq. № 390). Мы читали только пересказъ пересказа Меоодіевскаго «Житія» въ изданіи г. Гедеона, но заключать изъ него о содержаніи подлиннаго житія положительно пе возможно. Тамъ не менте все таки мы должны коснуться подлинника.

Древибйшимъ житіемъ Өеофана Сигріанскаго должно считаться житіе, написанное патр. Меоодіемъ (842—847)¹). Въ изданіи г. Гедеона оно состоитъ изъ 8 небольшихъ параграфовъ, между тѣмъ по сод. Мояq. № 390 (Владиміръ, 587) оно занимаетъ 114—126 листовъ рукописи листового формата и русскій агіологъ выразился о о немъ, какъ объ очень многословномъ²). Поэтому мы думаемъ, что текстъ у Гедеона очень сокращенъ, что это особая редакція Меоодіевскаго сочиненія. Было бы очень желательно сличить изданіе съ означенною рукописью, но въ настоящее время мы къ сожалѣнію сдѣлать и этого уже не можемъ.

Языкъ Меоодіева житія Өеофана изящный и простой, чуждый риторики. Есть основаніе предполагать, что въ свое непродолжитель-

¹⁾ Έμπρακτον κάλλος καὶ πρσαιρετικήν εὐμορφίαν (Μ. Γεδεών. 'Ο ἐν Κπλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σὺλλογος. 'Αρχαιολογικὸν δελτίον. Παράρτημα τοῦ κδ'—κτ', τόμου. Έν Κπλει 1896 σ. 82—85=id. Βυζαντινὸν ἐορτολόγιον (1899), 290—293 (по Авоно-Кутлумушской рук. XII в.) — анонимное; въ рк. Моск. Синод. Библ. XI в. съ именемъ Меводія. Въ Авоно-Иверскомъ монастырѣ имѣется списокъ съ такимъ же началомъ, но съ приписаніемъ, что авторъ житія патріархъ Михаилъ (?). См. Сергій, «Душеполезное Чтеніе» 1893 № 3; Ктитьасher. Eine neue Vita des Theophanes Confessor, S. 372.

²⁾ Сергій. Избранныя житія святыхъ. Владиміръ 1893 стр. 196.

ное патріаршество Меоодій быль очень занять вопросомь канонизаціи испов'єдниковь, и туть ему было много д'єла: пужно было предварительно сообщить біографическія св'єд'єнія о томь или другомь канонизуемомь, быть можеть составить и службу каждому. Туть было не до риторики, требовалась только фактическая сторона житія. Меоодій торопился. Несомн'єнно сп'єшностью его работы объясняется наличность н'єкоторыхъ неяспостей въ изложеніи, неясностей, которыя посл'єдующіе агіографы разр'єшали въ разныхъ смыслахъ.

«Такъ какъ, говоритъ авторъ, со многими другими нынѣ предлежить и треблаженнъйшій Өеофань..., то нужно и о немь разсказать добролюбцамъ» (§ 1). Родители его были богаты (πολλά τε κεκτημένοι) и сановны (ού μιχρά δυνάμενοι), по имени Исаакій и Оеодота. Черезъ три года послъ рожденія Өеофана (на Эгейскомъ моръ) Исаакій, бывшій начальникомъ острововъ Эгейскаго моря (την άρχην τηνικαύτα διέπων την του Αίγαίου πελάγους), οτκυμα была родомъ и Θεομοτα, умеръ. Вдова дала сыну хорошее воспитаніе. По достиженіи мужескаго возраста (єiς ἀνδρὸς ἡλιχίαν ἥχοντα) 1) мать пріискала ему въ лицѣ Мегало (Μεγαλώ) невѣсту, блиставшую великими преимуществами, знатную родомъ и богатую. Өеофанъ не ослушался воли матери и, не смотря на увъщанія своего друга Прандія (Пр $\acute{\alpha}$ νδιος)²), по смерти матери женился, но отъ брачныхъ дёлъ совершенно воздерживался 3), имъя въ виду удаленіе изъ міра и посвященіе себя подвижничеству. Тесть его противился иночеству Өеофана 4), равно какъ и имп. Левъ (Хазаръ, 775-780), иконоборецъ, который грозилъ святому ослапленіемъ и смертію въ случав ухода его въ монастырь.-Такимъ образомъ отсюда совершенно ясно, что Өеофанъ женился по вол'є матери, понятно и нежеланіе тестя видіть свою замужнюю дочь безъ мужа. Ниже мы увидимъ, какъ эта подробность основного житія въ последующихъ пересказахъ была искажена, — но Өеофанъ укрепился въ своей мысли благодаря одному изъ великихъ старцевъ и аскетовъ Сигріанской горы, престарѣлому Григорію, который предсказаль скорую смерть его тестя и царя Льва, высказавь это одному изъ сверстниковъ Өеофана-юношт Стефану (§ 2).—Здёсь заслужи-

¹⁾ Очень неточно: следовало сказать: возраста отрока.

²⁾ Въ изданіи Гедеона имени нътъ, взято изъ перваго пересказа (Krumbacher, Eine neue Vita, S. 374).

³⁾ τῶν δὲ γαμικῶν ἔργων ὅλως ἀπείχετο.

⁴⁾ ὑπό δὲ τοῦ κηδεστοῦ τῆ καλλίστη ταύτη ἐπιθυμία δοῦναι τέλος εἰργόμενος.

94 отдълъ і.

ваетъ вниманія то обстоятельство, что даже при жизни тестя Өеофанъ уже имѣлъ связи съ Сигріанскою горою; если онъ позже ушелъ для подвиговъ именно сюда, то едва ли это было случайнымъ дѣломъ, какъ то выводится изъ пересказовъ житія. — Өеофанъ уже исполнялъ уставъ монашеской жизни и убѣждалъ и свою жену также идти въ монастырь. Все свое богатство они роздали бѣднымъ, за исключеніемъ немногаго, что у нихъ осталось.

Когда царь Левъ и тесть Өеофановъ умерли, святой остатокъ имущества роздалъ также б'ёднымъ, освободилъ на волю своихъ крёпостныхъ 1), давъ имъ грамоты ($\lambda \epsilon \gamma \acute{\alpha} \tau \alpha$), и велѣлъ имъ идти, куда хотять; жену свою онъ помъстиль въ женской обители на о. Принца (ό ἐν Πριγκήπω παρθενών), гдѣ и облекъ ее въ монашескую рясу; здъсь они разстались и уже болье не видълись другъ съ другомъ.— Въ виду возможности одновременнаго удаленія супруговъ въ монастыри выраженіе то μοναδικόν αυτή σχήμα περιβαλών надобно понимать относительно: не онъ, а игуменія обители облекла Мегало въ рясу.—Новая инокиня осталась въ обители на о. Принца подъ именемъ Ирины, гдв и отошла ко Христу, а Өеофанъ ушелъ къ Сигріанской горь и поселился въ монастырь Полихній (Подіумом «Городокъ», § 3). Зайсь онъ заключился въ своей келіп, занимался каллиграфіей и всегда быль готовъ на помощь другимъ. Несколько леть спустя онъ отправился на одинъ изъ Принцевыхъ острововъ, Калонимъ (Καλώνυμος), и поставиль здёсь монастырь. — Какимъ образомъ инокъ, когда-то богатый, а теперь неимущій, воздвигъ обитель, неясно; ниже мы увидимъ, какъ пересказчики интерпретировали это неясное мъсто. -- По возвращении на Сигріанскую гору Өеофанъ поставиль здісь игуменомъ мужа разумнаго и добродътельнаго, а самъ предпочелъ повиноваться нежели повельвать (§ 4). Онъ присутствоваль на седьмомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ (787 г.), гдѣ особенно отличался передъ отцами, защищавшими правый догматъ 2). — Опять неясно, чѣмъ отличался Өеофанъ; поэтому последующие пересказчики опять приводили разныя соображенія.

Послѣ собора Өеофанъ вернулся въ свой монастырь и приступилъ къ своимъ обычнымъ запятіямъ. Отецъ зла причинялъ ему много искушеній. Когда святой однажды ночью спалъ, демоны схватили его за руку и укусили ему палецъ. Собралась братія, помазала освя-

¹⁾ τὸ οἰκετικόν ἄπαν ἐλευθερίας ἀξιώσας.

²⁾ τοῖς τοὺ ὀρθοῦ λόγου ὑπερμαχοῦσι πατράσι τὰ μέγιστα συναιρόμενος.

щенною водою, и опъ выздоров ть, хотя следы укусовъ много дней виднълись на пальцъ. Съ тъхъ поръ однимъ призываніемъ имени Христова онъ прогонялъ враговъ (§ 5). Однажды окрестную страну постигъ голодъ, грозила людямъ жалкая смерть. Многіе приходили къ монастырю преподобнаго, и Өеофанъ не отказывалъ голоднымъ. Казначей донесъ ему, что хльба у монастыря, разсчитаннаго на годъ, не достанеть и на полгода. Өеофапь заметиль ему: о, маловерный! поди, сосчитай количество оставшагося хліба, и ты увидишь неизмітримость даровъ Божінхъ. Тотъ пошелъ, разсмотрелъ и увиделъ, что изъ амбара не убыло ни модія хліба. Нікій брать въ преддверіи монастыря просиль милостыни. Доложено было объ этомъ Өеофану. Последній сказаль докладчику: иди, открой ларець, возьми столько то монеть и отдай просящему. Посланець пошель и, найдя множество денегъ, снова пришелъ къ Өеофану, съ изумленіемъ говоря, что денегъ тамъ столько, сколько онъ и вообразить себѣ не могъ. Святой вельль ему дать просившему назначенную сумму.

На 50-мъ году своей жизни Өеофанъ заболель нефритомъ, болъзнію почекъ; истеченіе мочи было загруднено; камни такъ мучили святого, что онъ лежалъ безъ движенія. Вступившій на престоль иконоборецъ Левъ Армянинъ со многими другими вызвалъ въ столицу и Өеофана. Хотя последній и быль недвижимь, но онь окрыпь ревностью ко Христу. Царь грозиль ему удушеніемь въ случав неявки. Өеофанъ отвътилъ, что опъ не боится изъ любви ко Христу даже и огня. Тогда царь велълъ нъкоему Янну (Ἰαννής), великому діалектику, магу и еретику, вступить съ нимъ въ споръ. - И имя, и аттрибуты, и современность — все заставляеть думать, что подъ Янномъ здісь по всей вігроятности можеть подразуміваться извістный Янпь Грамматикъ, бывшій потомъ посл'єднимъ иконоборческимъ патріархомъ (832-842), непосредственнымъ предшественникомъ агіографа Менодія. Авторитетность разбираемаго здісь житія ручается за то, что Іоанпъ получилъ въ устахъ православныхъ презрительное названіе Янна задолго до своего патріаршества. Однако Өеофапъ присущею ему мудростью и здравымъ смысломъ обличилъ «діалектика изъ медвѣжьяго угла» 1). Поэтому святой быль осуждень на житье въ мрачномъ и удушливомъ пом'вщеніи, въ которомь прожилъ два

ον καὶ τῷ περιόντι κατεβρόντησε τὴς αὐτοῦ σοφίας τε καὶ συνέσεως, ἀγροῖκον μᾶλλον ἀποφήνος τὸν ἐπὶ λόγοις ἐναβρυνόμενον:

96 отдълъ і.

года среди всяческихъ мученій. Отсюда (изъ столицы) онъ былъ сосланъ на о. Самоораку; по здѣсь онъ прожилъ только 23 дня и умеръ 12 марта, прославившись чудесами (§ 7).

Вскорѣ (εὐ πελὺ τὸ μέσεν) царь Левъ погибъ горькою смертью (820 г.), и для всѣхъ людей восходитъ хотя и не чистѣйшее солнце, но — вмѣсто великой тьмы — осіяніе свѣта. Престолъ перешелъ къ убійцѣ Льва Михаилу. Тогда ученики Өеофана берутъ его многострадальное тѣло изъ мѣста его изгнанія и отвозятъ въ храмъ муч. Прокопія, отстоявшій отъ монастыря его въ 12 миляхъ (8 верстахъ), гдѣ и погребаютъ его. Вслѣдствіе множества чудесъ, когда прикосновеніе ко гробу и помазаніе истекающимъ изъ него миромъ творили чудеса, «благочестивый царь нашъ (Михаилъ III) находитъ по желанію все: трофеи надъ варварами и силу надъ всѣми врагами» (§ 8).

Таково содержаніе житія Өеофана. Мефодій, какъ мы видѣли, коснулся личности Мегало только мимоходомъ: онъ сосредоточенъ мыслію на одномъ Өеофанѣ; поэтому, упомянувъ о его супругѣ, онъ тутъ же сообщилъ и о ея смерти. На самомъ же дѣлѣ Мегало-Ирина пережила Өеофана, о смерти котораго писала Өеодору Студиту. Послѣдній изъ своего изгнанія отвѣтилъ ей и ея родственницѣ Маріи утѣшительнымъ письмомъ.

Вслѣдъ за Меводіевымъ сочиненіемъ мы должны помѣстить старѣйшую редакцію 'О μέγας οὐτος ¹). Она составлена не ранѣе какъ въ царствованіе имп. Михаила III на основаніи болѣе подробнаго житія святого, что Крумбахеръ считаетъ очень вѣроятнымъ. Конечно, извѣстіе въ § 12 (§ 396) о чудесахъ Өеофана отъ времени царицы Ирины до времени Михаила вѣрнаго имѣетъ смыслъ опредѣленный, то есть Өеофанъ чудодѣйствовалъ до 811 г., до временъ имп. Михаила I, православнаго царя; но въ концѣ агіографъ молитъ святого о предстательствѣ его передъ Богомъ за «царя православнаго и во всемъ полезнаго», что, въ связи съ тѣмъ фактомъ, что въ основѣ настоящаго пересказа лежитъ все-таки Меводіевское сочиненіе, говоритъ уже о царѣ Михаилѣ III.

Ничего опредъленнаго нельзя сказать и относительно мъста появленія этого пересказа. Быть можеть, пересказанный здъсь оригиналь, судя по подробностямъ мъстнаго, сигріанскаго происхожденія, и можно

¹⁾ По рук. Моск. Синод. Библ. издана К. Крумбахеромъ: Eine neue Vita des Theophanes Confessor. München 1897 (Sitzgb. d. philos.-philol. Classe d. k. b. A. d. W. 1897, III, S. 389—399).

бы было отпести къ Спгріанской обители, но настоящая $i\pi i \tau o \mu \dot{\eta}$ не даеть уже никакихъ указацій на счетъ мѣста ея появленія; и если бы все-таки необходимо было на чемъ-либо остановиться, мы скорѣе могли бы думать, что она явилась уже въ Константинополѣ, гдѣ повидимому и составлялись эти $\beta i o i è v i \pi i \tau o i \mu o i v i v i m i coi v i m i coi v i v i m i coi v i m i$

Агіографъ — строгій иконопочитатель, особенно сурово относившійся къ иконоборческимъ императорамъ. Напр. Льва Хазара онъ называетъ $\vartheta \dot{\eta} \rho$ хай σὐх ἄνθρωπος (§ 3), не менѣе строго отзывается и о Львѣ Армянинѣ.

Пересказъ этотъ любопытенъ во первыхъ обиліемъ хронологиче скихъ дать. Въ возрастѣ трехъ лѣтъ Өеофанъ потерялъ отца, въ возрастѣ 10 лѣтъ онъ былъ помолвленъ съ 8-ми лѣтнею Мегало, женился 18 лѣтъ отъ роду (§ 2); въ монастырѣ онъ занимался хαλλιγραφῶν шесть лѣтъ (§ 4); заболѣлъ на 50-мъ году жизни, то-есть въ 809 году (§ 12), на 53-мъ году (въ 813 г.) былъ вызванъ царемъ Львомъ въ столицу. Мощи его съ Самоераки перенесены въ Іерію въ праздникъ Рождества Христова и положены въ монастырѣ въ Пасху (§ 13).

Во вторыхъ это анонимное житіе богато точнейшими указаніями для біографіи святого. Менодій точно не обозначиль родину Өеофана, но какъ будто видно, что таковою была Византія. Напротивъ того ατίοτραφω πυιμετω: χώρας μεν εξέφυ τοῦ Αίγαίου Πελάγους, δ καὶ Παρθένιον οί πολλοί λέγουσι Κόλπον. Но Эгейскимъ моремъ 1) или върнъе островами его начальствоваль Өеофановъ отецъ Исаакій, и мать его Өеодота была уроженка этихъ острововъ, а потому извъстіе нашего агіографа о рожденій здісь Өеофана есть только результать осмысленія прежнихъ образцовъ: если родители жили здёсь, значитъ и сынъ ихъ здёсь родился. Курьезное известіе мы читаемъ далее, что Өеофанъ былъ названъ Исаакіемъ-имп. Львомъ Хазаромъ (§ 1). Это свидътельство можно понимать развъ только такъ, что царь былъ воспріемнымъ отцомъ мальчика у своего личнаго друга Исаака и изъ любви къ отпу пожелалъ дать и ребенку его тоже имя Исаакій-Исааку-сыну сосватала невъсту мать Өеодота; другъ его, уговорившій его отказаться отъ міра и названный Менодіемъ Πράνδιος, здісь названь Πραδίων. Исаакъ-сынь женился на Μεγαλώ уже по смерти матери; въ утъщение его по этому случаю царь Левъ назна-

¹⁾ Παρθένιος Κόλπος — классическое названіе моря, поэтому вм. πολλοί быть можеть было бы точнъе сказать; παλαιοί.

чилъ Исаака-сына на должность стратора (§ 2). Левъ не желалъ вид вть Исаака въ монашествъ и будто бы грозиль ему даже ослъпленіемъ въ случат ухода его въ монастырь, того же мнтнія быль и тесть его. Провидецъ Григорій, предсказавшій скорую смерть царя Льва и тестя. передаль постороннимъ лицамъ, что Исаакъ пострадаетъ за Христа (§ 3). Съ воцареніемъ Ирины святой освободиль крізпостныхъ (τους οίχέτας). Монастырь Полихній принадлежаль прежде Исааку-отцу. Разставаясь съ супругою, Исаакъ-сынъ условился съ нею уже болъе не видеться другь съ другомъ. Спустя много летъ Өеофанъ отдалъ Сигріанскій монастырь духовному отцу Стратигію, а самъ перевхаль на о. Калонимъ, где на отповской земле онъ воздвигъ монастырь п населиль его иноками изъ монастыря Өеодора Монохира (Μονόχεις, Однорукій) и гдѣ занимался хаддіграфый шесть лѣтъ. По возвращеній въ Сигріанскую гору онъ поселился въ монастыр Христофора (§ 4). По возвращени съ Никейскаго собора Өеофанъ расширилъ монастырь и увеличиль число братіи, такъ что Сигріанскій монастырь превосходилъ теперь численностью обители Вионніи и Геллеспонта (§ 5). Диспутъ Өеофана съ магомъ Янписомъ происходилъ въ монастырћ Сергія и Вакха; въ отчеть о немъ царю Янъ сказалъ: царь, легче смягчить жельзо, нежели одольть этого человька. Тогда Левъ Армянинъ посадилъ святого єiς τ à 'Eλευ ϑ ερiου ἀνάχτορα 1), Γ д \dot{E} въ мрачномъ помъщении Өеофанъ содержался два года. Инокъ, бывшій при святомъ, говорилъ ему: можетъ быть царь сжалится надъ тобою и отпустить тебя умереть въ своемъ монастырт; но Өеофанъ на это будто бы сказаль: нъть, дитя, онь пошлеть меня на σхдурах хаг апаραμύθητον островъ, гдъ пріютить насъ нькій старець и гдь я и умру. Предсказаніе это сбылось, Өеофанъ былъ сосланъ на о. Самовраку, гдѣ и умеръ 12 марта, проживъ здѣсь только 23 дня. По вступленіп на престоль имп. Михаила II преследование иконопочитателей немного прекратилось, хотя и не совершенно; ученики святого, взявъ тело его съ о. Самоораки, принесли въ монастырскую усадьбу Терейа въ день Рождества Христова, въ самый монастырь положили его въ Пасху; еще позже перенесли остатки его въ созданный имъ монастырь «Село» (Άγρός) и положили ихъ на правую сторону храма въ гробницѣ, которую онъ самъ построилъ.

¹⁾ О немъ свъдънія собраны Рихтеромъ: Quellen der byzant. Kunstgeschichte. Wien 1897. S. 382. Что существовала въ Константинополъ мъстность Елевоеріева, видно изъ чуда св. Николая Мирликійскаго о Димитріи.

ГЛАВА II.

Св. Софія.

Игнатьево Ж. патр. Тарасія. — Ж. патр. Никифора. — Ж. Григорія Декаполита. — Ж. Евдокима Младаго. — Стефаново Ж. Стефана Новаго. — Ж. патр. Антонія Кавлея. — Ж. патр. Евеимія.

Патріаршая школа при Великой Церкви, существовавшая съ давняго времени, при первыхъ иконоборцахъ пережила острый кризисъ. Возродилась она вмѣстѣ съ временнымъ церковнымъ успокоепіемъ и со вступленіемъ на престолъ патр. Тарасія. Во второмъ періодѣ иконоборчества дѣятельность школы снова замерла, пока наконецъ торжество православія 842 г. окончательно не возстановило этой академіи риторико-философскихъ и богословскихъ наукъ. Авторы, вышедшіе изъ этой академіи, прошли прекрасную литературную школу и почти всѣ извѣстны намъ по именамъ. А наблюденіе надъ агіографическою письменностью привело насъ къ заключенію, что произведенія съ именами авторовъ есть обыкновенно сочиненія, отмѣченныя печатью таланта и литературными достоинствами.

Переходимъ къ обзору литературной дѣятельности одного изъ видныхъ писателей IX вѣка, человѣка хотя и мало писавшаго, но усвоившаго себѣ пріемы классиковъ и выражавшагося на изысканно-чистомъ языкѣ съ примѣсью языка стараго времени. И этотъ носитель древнеэллинскаго духа, блестяще образованный, сумѣвшій удачно гармонировать представленія древности съ библейскими, евангельскими и современными ему понятіями, былъ діаконъ и сосудохранитель Софіи.

Отъ Игнатія мы прежде всего имѣемъ Житіе патр. Тарасія ¹). Авторъ имѣлъ близкія связи со вселенскимъ патріархомъ, въ молодости своей подъ его руководствомъ изучая античную поэзію. Заканчивая біографію своего учителя, Игнатій съ благодарностью замѣчаетъ: «не забуду пользы твоего преподаннаго мнѣ ученія и времени моего горячаго тебѣ служенія, когда я въ цвѣтущую пору юности съ наслажденіемъ научался у тебя лучшимъ урокамъ о триметрахъ, тетраметрахъ,

¹⁾ Μεριχή ἐξήγησις εἰς τὸν βίον (Μέλλων ἀπείρω μεγέθη πελάγους ἀρετῶν) πο cod. Paris. 1452, X—XI в. f. 201—223 съ варіантами cod. Vindob. III, X—XI в., и cod. Vindob. 16, XV въка, издано: Ignatii diaconi Vita Tarasii, cd. I. A. Heikel. Helsingforsiae 1889; слав. пер. въ рук. XVII—XVIII в. (л. 131—162) Черниговской Духовной Семинаріи (Лилеєвъ, 45).

100 огдълъ 1.

трохеяхъ, анапестахъ и проическихъ произведеніяхъ, когда я проводилъ время за бестдами, рачительно тобою произносимыми ежедневно къ устроенію душъ и возрастанію всечестной церкви: я записывалъ ихъ скорописною ставкою и чернилами, отдавалъ (для переписки) лучшимъ писцамъ и заботился о томъ, чтобы тщательно возстановить твой образъ въ книгахъ...; если я забуду тебя, да забудетъ меня Богъ» (р. 29). Игнатій находился у смертнаго одра своего учителя (806, р. 25) и написаль его біографію по смерти Льва Армянина (р. 28), около 820 года; въ это время онъ называетъ себя просто монахомъ, но прибавляеть, что онь удручень старостью и бользнію 1). Неть никакого сомнинія, что лицо, находившееся въ столь близкихъ отношеніяхъ къ патріарху, должно знать многое, что не могло быть извѣстно многимъ другимъ; Игнатій зналъ всё тайныя побужденія Тарасія и при своей склонности къ самостоятельному мышленію не могъ не останавливаться на причинахъ того или другого шага своего учителя. Но въ отношеніяхъ патріарха къ современнымъ д'ятелямъ у агіографа коечто опущено, кое-что объяснено пристрастно. Игнатій, очевидно, не даромъ допустилъ легкія уръзыванія, увидъвъ трудность написать похвальное житіе при всёхъ ошибкахъ Тарасія, о которыхъ извёстно изъ самаго достовърнаго источника, изъ переписки студійскаго игумена Өеодора.

Во вступленіи къ жизнеописанію Игнатій ссылается на свой грубый языкъ и на неумѣнье настоящимъ образомъ почтить память патріарха; тѣмъ не менѣе приступаетъ къ написанію изъ боязни какъ бы не зарыть въ землю данный ему талантъ, желаетъ «съ чистою истиною вывести на свѣтъ кое-что немногое о немъ, что я удостоился видѣть глазами, что воспріялъ ушами, что я узналъ и знаю въ своей скромной и убогой памяти...; если бы я сталъ говорить не по достоинству (хат' ἀξίαν), я вслѣдствіе этого пропустилъ бы все». Вслѣдъ затѣмъ предлагаются свѣдѣнія о родителяхъ Тарасія. Отецъ его былъ судьею, и это обстоятельство даетъ поводъ агіографу назвать Георгія болѣе справедливымъ, нежели Солонъ и Ликургъ. Приводимый Игнатіемъ случай изъ судебной практики Георгія какъ пельзя болѣе характеристиченъ и заслуживаетъ вниманія. Нѣсколько бѣдныхъ женщинъ было привлечено къ суду по обвиненію ихъ въ убійствѣ грудныхъ дѣтей, которыхъ онѣ будто бы незамѣтно умертвили, пройдя въ щель

¹⁾ Ρ. 29: γήρα καὶ νόσω καμπτόμενος.

или чрезъ закрытыя двери домовъ. Доносъ быль сдёланъ лицами, которыя еще върили въ басни древнихъ грековъ о женщинь Гелло, невидимой убійць, и которыя перенесли классическія суевьрія и на этотъ случай. Судья оправдалъ обвиняемыхъ, ибо не могъ по здравой логикъ допустить, чтобы тъло, имьющее длину, шприну и высоту, могло перейти въ духъ и совершить убійство; вѣдь и Хрисгосъ сказалъ, что истина, духъ, не имфетъ плоти и костей. Царь, прибавляетъ агіографъ, большой поклонникъ суевтрія, узнавъ объ этомъ, потребоваль къ себъ судію и не смотря на приводимыя послъднимъ основанія правильнаго решенія, жестоко расправился съ пимъ; темъ не мене не-хотя все же согласился съ ръшеніемъ суда и освободиль невиновныхъ женщинъ отъ обвиненій 1). — Если, какъ полагаетъ проф. Васильевскій, действующимъ лицомъ въ этомъ деле является имп. Константинъ Копронимъ, то очевидно, что процессъ долженъ былъ вестись по новому, исаврійскому, законодательству и именно по «закону земледѣльческому», вторая глава котораго обнимаеть уложеніе о наказаніяхъ. Статья 12-я уголовнаго кодекса гласитъ ясно и точно: ό τὸ νήπιον φονεύσας τιμωρία φόνου ὑπόκειται 2). Безъ сомивнія, истцы нивли эту статью въ виду и требовали смерти женщинъ; но они не могли доказать убійства непосредственно, ни фактически, ни строгоюридически, и потому судъ оправдаль обвиняемыхъ. В фроятно, императору не понравилось невнимание представителей закона къ новому его законодательству: еще юстиніановское право обязывало судью оберегать законы 3). Кажущееся уклоненіе отъ точнаго смысла 12-й статьи привело императора въ негодование и побудило его къ истязанію судьи; тімъ пе меніе оправдательный вердикть остался въ силѣ.

Послѣ разсказа о воспитаніи Тарасія, когда онъ сдѣлался ипатомъ и первымъ секретаремъ царскихъ таинъ, подробно излагается бесъда патр. Павла съ царями Ириною и Константиномъ. Здесь мы узнаемъ

¹⁾ Vita Tarasii, 2; разсказъ этотъ въ подлинникъ (по Парижск. и Вънск. кодд.) и переводъ приведенъ еще до появленія изданія, въ замъткъ В. Гр. Васильевскаго «О Гилло» (Ж. М. Н. Пр. 1889, іюнь, 369—371), написанной по поводу изследованія въ той же книжкъ М. И. Соколова о трясавицахъ.

²⁾ А. С. Павловъ. Книги законныя. Спб. 1885 стр. 65. Впрочемъ, и Институтами имп. Юстиніана опредъляется смертная казнь убійцамъ (IV. 18. 5): venefici capite damnantur, qui artibus odiosis, tam venenis quam susurris magicis homines occiderunt.

³⁾ Νον. 82 гл. 13: πᾶς δικαστής, εἴτε ἀρχήν ἔχων, εἴτε ἄλλως δικάζων, τηρείτω τοὺς νόμους, καὶ κατὰ τούτους φερέτω τὰς ψήφους.

следующія подробности: Павель, не въ состояніи остановить иконоборческаго движенія, серьезно заболёль и тайно оставиль свою канедру, затворившись въ монастыр Флора. Ирина и Константинъ, раздраженные своеволіемъ патріарха, прибыли въ монастырь и стали упрекать Павла. Патріархъ успокоиль царей, ссылаясь на свою бользнь, на господство иконоборчества и на потворство ереси на дѣлѣ и на бумагѣ, и указалъ при этомъ на ихъ перваго секретаря Тарасія какъ на своего преемника. Цари нашли удобнымъ такое преемство, пригласили Тарасія и объявили ему свою волю. Секретарь повиновался, но настаиваль на созваніи собора. При громадномъ стеченіи народа онъ вошелъ въ Магнаврскій дворецъ, всенародно объявилъ, что никогда не добивался патріаршаго сана и уступиль только повельнію парей, постригся, перемёниль одежду, приняль помазание и вступиль на канедру. Разсказъ этотъ переплетается разговорами Павла, царей и Тарасія, которые приводятся, судя съ перваго раза, въ подлинникъ. Но стоитъ лишь сличить эти ръчи съ ръчами, записанными Өеофаномъ, чтобы убъдиться, что въ передачь обоихъ авторовъ нътъ никакого, разумъстся буквальнаго, сходства, и стало быть оба вставили рѣчи по своему соображенію, что, конечно, не дозволяеть намъ смотреть на речи, какъ на подлинныя слова царей и патріарха. При дальныйшемъ сличении свидытельствъ двухъ главныхъ современниковъ открываются все новыя и новыя разности, иногда довольно сущещественныя. Правда, Ирина съ Константиномъ посътили Флорскій монастырь, чтобы узнать причину неожиданнаго удаленія патріарха на покой, но сами мало съ нимъ разговаривали, -- посредниками между ними были нъкоторые патрикіи, передававшіе царямъ слова Павла. Поведеніе сего патріарха для насъ непонятно: человікь, подписавшійся при вступленіи своемъ на престоль въ приверженности къ иконоборчеству, вдругъ, пользуясь бользнью, теперь оставляетъ тайно каоедру и оправдываеть свой шагь восклицаніемъ: о, если бы я не патріаршествоваль, видя церковь, раздираемую иконоборчествомъ! И когда царскіе посланцы возразили ему: зачёмъ же ты въ такомъ случат подписывался при хиротоніи? Павель замітиль: потому-то я и плачу, потому-то я и сокрылся въ монастырь, что хочу покаяться въ своихъ грахххъ 1). Отватъ этотъ, впрочемъ, бола остроумный, нежели основательный. Незачимь было тайкомь быть ему, -- онъ могь

¹⁾ Ср. выше, стр. 91.

всенародно разсказать причину оставленія имъ престола и могъ бы съ достоинствомъ уйти на покой 1). Намъ кажется, тутъ дъйствовали иныя побужденія. Несомнѣнно, онъ скрылся безъ вѣдома царей 2), но сомнительно и неясно впечатление Ирины, когда она узнала о такомъ шагъ патріарха: по Иглатію, она пришла въ гнъвъ и негодованіе (θυμοῦ πλησθέντες, άγανάκτησις), — по Өеофану, она опечалилась (λυπουμένη); но въ томъ и другомъ случай она не упрашивала его вернуться снова на каоедру. Современники путаются и далее: Игнатій, что естественно ожидать отъ біографа, утверждаеть, будто Павелъ самъ назначилъ себѣ преемникомъ Тарасія и императрица только дала согласіе на такое избраніе 3); между тѣмъ по Өеофану, царица по смерти Павла созвала народъ въ Магнаврѣ и предложила народу указать на преемника ему; народъ указалъ на протасикрита Тарасія и царица согласилась съ этимъ выборомъ. Но было бы слишкомъ наивно върить, чтобы въ такомъ важномъ дъль, какъ избрание патріарха, могли быть предложенія извит и только согласіе на нихъ такой политически мудрой царицы, какъ Ирина; невфроятно, чтобы авинянкъ совътовали, да при томъ такія лица, какъ иконоборецъ и народъ. Очевидно, что выборъ патріарха въ лиць ея секретаря быль лично ея діломъ, ея иниціативою; и если Павелъ говорилъ въ пользу Тарасія, то подъ давленіемъ императрицы, равно какъ и народъ избраль протасикрита только потому, что онъ избранъ былъ предварительно самимъ правительствомъ, на обязанности котораго должно было лечь-

¹⁾ Не хочется върить, что о немъ именно въ службъ поется: ὀρθοδοζων βάσις ἄσειστε, «бѣжати изволилъ еси отъ царскаго града (sic) иконнаго поклоненія отметающаяся беззаконно» (Минея Мьсячная, Синод. изд. 1876 г. 1 августа, л. 238 об.). Вопросъ о Павлъ († 784) довольно запутанъ. Современникъ его, агіографъ Игнатій, какъ мы видъли, нисколько не очарованъ имъ, но позднъйшіе писатели, напр. Өеофанъ, начинаютъ превозносить его. Это последнее направление оказалось более живучимъ: его усвоила церковная письменность, приняли западные (Болландисты, 20 авг.) и отчасти русскіе ученые. Напр. эрхісп. Сергій (І, 95, 149) видить трудности въ пріуроченіи «св. Павла Новаго» къ патр. Павлу IV, но и онъ въ концъ концовъ въритъ въ его святость. Наличность другихъ святыхъ патріарховъ Павловъ, путаница въ памятныхъ дняхъ «Павла Новаго» и другія соображенія не позволяютъ намъ пока примкнуть къ ублаженію Павла IV, впредь до спеціальнаго разсмотренія этого вопроса.

²⁾ Ignat. V. Tarasii 3: χρυφηδόν... ἐπεὶ δὲ τὸ δρᾶμα εἰς ἀχοὰς τῶν χρατούντων διήχητο. Theoph. Ι 457: χωρίς είδήσεως της βασιλείας.

³⁾ Романистъ Лингъ (Lingg. Byzautinische Novellen. Berlin 1881 S. 79 и сл.) рисуетъ такъ, что заболъвшій Навель находился у себя дома, когда къ нему прибыль Тарасій, а за нимъ царица Ирина, которой онъ и совътовалъ созвать соборъ; а царевичъ Констанцій, воцарившійся вскор'в подъ именемъ Константина VI, въ это время прогудивался верхомъ за городомъ.

104 отдель і.

придать избранію всенародный характерь. Византійское правительство дъйствовало единолично, по всегда подъ формулою закона и обычая, которую едва ли не пропагандировало и которую довърчиво принимали даже современники. Въ дълъ избранія Тарасія едва ли не попала къ писателямъ такая формула чисто правительственная, своего рода «камерфурьерскій журналь», съ тою только разницею, что въ правительственномъ органъ записывалось не такъ, какъ событіе совершалось въ дъйствительности, а какъ оно должно было случиться въ интересахъ государя. Өеофанъ, какъ сказано, отнимаетъ у Павла всякое руководящее вліяніе на церковныя дѣла, Игнатій допускаетъ его; но такъ или иначе, вліяніе это сводилось къ нулю. Наступало новое время для Византіи, ветшали иконоборческіе пламенные идеалы весьма многихъ, на мъсто ихъ вступали въ свои права идеалы православія, недавнее вытёснялось новымъ, вёчнымъ содержаніемъ, и въ такое время руководила этою сміною форми церковной жизни чрезвычайно дальновидная царица — Ирина. Отъ спокойной систематичности ея въ дъль облегченія перехода одной формы въ другую зависълъ и самый успъхъ великаго событія, и надобно отдать справедливость: авинянка оказалась на высотъ своей задачи. Иконоборческій патріархъ, хотя уже и забывшій свои увлеченія, не могъ остаться на прежнемъ мъстъ, какъ оставившій церковь є дурогинф хатасториати (р. 12), какъ потерявшій въ глазахъ народа ореоль святости своею подписью подъ иконоборческими тенденціями. Павелъ понималь, что время его прошло, и могъ со дня на день ожидать царскаго посланца съ предложеніемъ уйти на покой. Тайно сдъланный патріархомъ шагъ быль, какъ намъ кажется, вызванъ размышленіемъ о грядущемъ его безславномъ низведеніи; Павелъ лишь предупредилъ событіе и, воспользовавшись бользнью, оставиль вакантною патріаршую канедру. Но такой крутой шагъ не могъ входить въ расчеты правительства, которое старалось представить событія въ ихъ естественномъ ходъ, обосновать ихъ самымъ законнымъ образомъ. Правительство пошло на встричу патріарху, но не для того, чтобы вызвать его обратно, а лишь соблюсти извъстную форму приличія, дабы подданнымъ не показалась вынужденность удаленія патріарха. Успѣхъ такого дипломатическаго шага оказался обезпеченнымъ, и даже умные писатели первой половины ІХ стольтія не разглядьли въ царскомъ путешествіи во Флорскій монастырь ничего фальшиваго. Когда отставка кн. Бисмарка была решена, имп. Вильгельмъ счелъ нужнымъ съездить къ

нему въ домъ, - зпакомая форма — и въ крутыхъ мърахъ стараться обставить дёло со всевозможною деликатностью.

Въ характеристикъ Тарасія, помимо общихъ сужденій Игнатія, достойны замічанія слідующія свідінія. Патріархъ выстроиль нісколько ксенодохій и строеній для бідныхъ иноковъ, которыя около 820 года еще существовали и живо напоминали всемъ о его заботахъ; кромѣ того Тарасій однимъ бѣднякамъ удѣлялъ отъ своего стола, а другимъ даже выдавалъ ежемѣсячно денежное пособіе, причемъ заносилъ имена пенсіонеровъ въ свою папирусную книжку (ѐу πτυχτίοις βυβλίνοις); а на свой наслъдственный капиталь онъ построиль на лѣвомъ берегу Өракійскаго Воспора Скитъ, вскорѣ населившійся въ 30, 60 и 100 разъ, изъ котораго вышло много предстоятелей церкви. - Любопытно присоединить сюда нѣкоторыя подробности, почерпаемыя изъ житія Георгія Амастридскаго. Оказывается, что Тарасій, будучи еще въ сан'т царскаго секретаря, п'ть на клирост и по окончаніи службы раздаваль плату півцамь (διανεμηθήναι το μίσθωμά), равно какъ и народу (λαούς έχμισθούμενος), и такимъ образомъ позднъйшій обычай его выдавать деньги народу не есть особенность Тарасія какъ патріарха: дізами благотворенія онъ занимался еще и въ светскомъ сане 1).

Въ отношении главнъйшаго события въ жизни Тарасия, присутствованія его на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее. По Игнатію, иниціатива созванія собора принадлежала патріарху, который «старался привести въ исполненіе съ Богомъ задуманное и царями одобренное» (συμφωνηθέντα). По распоряжению правительства, весь архіерейскій чинъ имперіи долженъ былъ собраться въ столицу. Въ храмъ святыхъ Апостоловъ была уже поставлена каоедра, епископы уже собрались, какъ началось брожение въ войскахъ бывшаго имп. Константина, явившихся ко храму Апостоловъ съ воинственными планами. Въ то время, когда святые отцы приготовлялись въ церкви къ великому дёлу, съ паперти доносились до нихъ угрожающіе клики солдать, ломившихся въ церковь: «что р'єшиль Константинъ прежній, то неизмінно (μη φορητόν), не допустимъ уничтоженія его догматовъ и провозглашенія слова въ пользу существованія идоловъ; а если кто начнетъ это слово и мы увидимъ своими глазами упразднение созваннаго имъ собора, мы обагримъ землю кровью

¹⁾ В. Гр. Васильевскій. Русско-византійскія изследованія. Спб. 1893. ІІ, 31.

106 отдълъ 1.

поповъ». Правительство поняло свою ошибку созванія собора именно въ столиць, гдь въ войскахъ все-еще живо чувствовались воспоминанія объ имп. Константинь Копронимь, которому военное сословіе было всецьло предано. Тогда правительство распорядилось, чтобы епископы оставили храмъ, и съ гньвомъ разсуждало о безчинствахъ войска, которое наконецъ удалось обезоружить и раскассировать, и каждый возмутившійся быль отправленъ на мьсто его родины 1). Однако, когда снова поднялся вопросъ о соборь, мьстомъ собранія выбрана была уже не столица, а виоинская Никея, гдь въ день памяти св. Оеклы, т. е. 24 сентября (787 г.), и состоялось первое засьданіе св. отцовъ. По окончаніи дъль весь сонмъ іерарховъ явился въ столицу и въ Магнаврскомъ дворць прочиталь соборный актъ, который цари скрыпли своею подписью.

Следующая затемъ глава біографіи посвящена обзору деятельности Тарасія до громкаго процесса ими. Константина V. Возстановляя иконопочитаніе и находя время для толкованія Псалтири, натріархъ, по словамъ Игнатія, отличался необыкновеннымъ заступничествомъ за угнетаемыхъ; при этомъ біографъ спѣшитъ привести случай изъ жизни своего учителя. Одинъ знатный и богатый человѣкъ, военный (по Өеофану, это былъ протоспаварій Іоаннъ)²), за растрату казенныхъ денегъ быль посаженъ въ тюрьму. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, онъ бъжалъ изъ-подъ ареста и пріютился въ алтаръ храма. Стража, испуганная бъгствомъ его, отыскала бъглеца и ръшила взять его посредствомъ голода. Но тутъ вступился Тарасій за неприкосновенность алгаря церковнаго и дабы удержать преследуемаго во храме, ежедневно самъ посилъ пищу ему чрезъправыя врата и самъ заботился о естественныхъ его нуждахъ. Военный отрядъ придумалъ хитрость, перенеся клозетъ изъ священной двери въ дверь людскую, гдф бфглецъ могъ уже быть взятъ. Хитрость удалась и бъглецъ быль отведенъ въ царскій дворецъ. Тогда патріархъ отправился въ Елеверіевъ дворецъ, гдъ жила тогда ими. Ирина; солдаты пропустили его, но Тарасій ничего не добился. Тогда натріархъ произнесъ епитимію на всёхъ, и это

¹⁾ Р. 10: πρός τὴν ἐνεγχαμένην ἕκαστον ἀποτρέχειν προστάττουσι. Гейкель допускаеть неправильную коньектуру, предлагая читать: ἐνοιχουμένην (πολιν); но рукописное чтеніе ясно: велѣли выслать каждаго въ городъ, его принесшій (родившій, приславшій). Ср. П. В. Никитинъ. О нѣкоторыхъ греческихъ текстахъ житій святыхъ. Спб. 1895 (Зап. И. А. Н., VIII сер., по отд. ист.-Фил., т. І № 1 стр. 8).

²⁾ И. Д. Андреевъ. Германъ и Тарасій патріархи Константинопольскіе. Сергієвъ посадъ 1907, стр. 184.

средство оказалось столь действительнымъ, что пленникъ формальнымъ образомъ былъ признанъ невиновнымъ и освобожденъ.

По дълу Копстантина мы знакомимся со слъдующими подробностями. Сдѣлавшись единодержавнымъ государемъ и сохраняя православіе, Константинъ возмнилъ себя выше и справедливъе всякихъ законовъ и, увъренный въ своей власти, задумаль разводъ съ своею супругою. Сверженная имъ царица первая приняла будто бы участіе въ заговорѣ на его жизнь: ръшено было отравить императора. Но заговоръ былъ открытъ. Константинъ прежде всего велѣлъ разсмотрѣть составъ питія, а затымь разыскать злоумышленниковь. Онъ обращался даже съ рѣчью къ народу 1), однако слова его не убѣдили никого, кромѣ лицъ, угождавшихъ императору. Слухъ объ этомъ скоро достигъ до Тарасія и повергъ его въ крайне затруднительное положение въ смыслъ средствъ борьбы съ Константиномъ. Выручилъ его чиновникъ, посланный царемъ сообщить Тарасію о заговорь (ανεμοσκευωρία). Съ необыкновенною юридическою точностью и авторитетомъ онъ изложиль все дъло патріарху и просилъ его санкціи для вступленія императора во второй бракъ. Патріархъ отклонилъ; если, сказалъ онъ, государь рѣшился на такой шагъ, то какъ онъ перенесетъ позоръ отъ народовъ? какъ онъ устроитъ нравственность подданныхъ, разъ онъ самъ окажется прелюбод вемъ? не уступимъ твоимъ словамъ, скор ве претерпимъ смерть и страшныя муки(!), нежели изъявимъ согласіе на это. Константинъ нашелъ сопротивление Тарасія тверже дуба (στερροτέραν δρυός) и вельлъ придти къ нему, ръшившись склонить патріарха силою своей власти. Тарасій явился во дворецъ не одинъ; съ нимъ прибылъ также старецъ Іоаннъ, замъститель на соборъ восточнаго патріарха. Императоръ, назвавъ Тарасія своимъ отцомъ, началъ прежде всего съ заговора. По точному смыслу закона, сказалъ онъ, супруга должна быть предана смерти или, челов колюбив ве, можетъ жить, но подъ въчнымъ наказаніемъ; она покусилась на мужа и на царя, она лишается всякаго слова и защиты и должна быть удалена. Существенное мъсто въ отв'тной ричи патріарха читается такимъ образомъ: «мы знаемъ (твою) страсть, обращенную отъ хронического воспаленія къ той развратной женщинь; но поставляемъ извыстнымъ предъ лицемъ Бога твоей всечестной порфирь то, что въ священных стывах безкровной трапезы, гдф со страхомъ приносится жертва великаго іерея Христа,

¹⁾ Vita S. Tarasii, 15: πρός ύπηχόους τὸν λόγον ποιούμενος.

108 отдъль т.

мы не попустимъ ступать съ нами вашей власти». Старецъ Іоаниъ говорилъ въ томъ же смыслѣ, но солдаты и патрикіи дворца ударили его и пригрозили еще мечемъ. Царь подалъ знакъ Тарасію и Іоанну удалиться. Отказавшись вѣнчать незаконный бракъ, патріархъ, по словамъ Игнатія, подвергся притѣсненіямъ; окруженъ былъ шпіонами подъ видомъ синкелловъ, весьма далекихъ отъ благочестія, и почти былъ отрѣзанъ отъ сообщепія съ людьми; лица, близкія къ патріарху, преслѣдовались жестоко и были даже истязаемы и ссылаемы.

Затыть слыдуеть риторическая характеристика Тарасія (стр. 19— 23), изъ которой мы знакомимся съ литературнымъ его трудомъ, не сохранившимся теперь въ цёлости: патріархъ написалъ книгу похвальныхъ словъ святымъ и украсилъ церкви ихъ иконами 1). Какъ необходимая часть хріи, идеть затьмъ характеристика при посредствь евангельско-библейскихъ сравненій (стр. 23—25): съ Филиппомъ, Оомою, Зеведеемъ, Андреемъ, Павломъ, Петромъ и Іоанномъ, съ Моисеемъ, Давидомъ, Іаковомъ, Аарономъ, Іовомъ и Авраамомъ. Уже дряхлый и удручаемый бользнію, онъ, говорить Игнатій, не думаль о недугѣ и продолжалъ совершать молитвы, опираясь грудью на деревянный четвероножникъ, стоявшій передъ солеею. Окруженный своими учениками и между прочимъ Игнатіемъ, Тарасій готовился отойти въ иной міръ; языкъ у него отнялся, но онъ могъ еще шевелить губами, владъть рукою и кивать; онъ скончался въ полномъ сознаніи 18 февраля 806 года, оплакиваемый столицею и особенно имп. Никифоромъ, когорый будто бы припаль грудью къ мертвому, покрыль его своею порфирою и рыдая называль Тарасія отцомъ и пособникомъ царства. Погребеніе патріарха состоялось 25 февраля въ построенномъ имъ монастырѣ близь Византійскаго Воспора 2). Съ того времени стали твориться чудеса: масло изъ лампады надъ его гробомъ оказывало помощь женщинамъ при кровотеченій, при бользни глазъ, при параличь руки, когда она безпрерывно тряслась, при сумасшествіяхъ, нъмоть и глухоть. Масло развозилось и исцълялись многіе недужные вдали отъ его гробницы. Иное чудо содъялось съ имп. Львомъ Армяниномъ передъ

¹⁾ p. 20—10: καλῶν εἰς βοήθειαν κατ' ὀφθαλμοὺς πάντων ἐτοίμην γραφήν καὶ βιβλίον αὐτόματον ἐν τοῖς ἱεροῖς ναοῖς τοὺς ἀγῶνας τοὑτων ἐγγράψας σεπτῶς ἀνεστήλωσεν, и p. 23. 16: τοιούτοις Ταράσιος τοὺς μάρτυρας λόγοις ἐγκωμίων ἐπάρας καὶ πίναξι τοὺς ἀθλητικοὺς αὐτῶν ὑπὲρ Χριστοῦ κινδύνων σεπτῶς ἐγχαράξας.

²⁾ p. 27. 15: θάπτεται εν τῷ παρ' αὐτοῦ δομηθέντι πρὸς τῷ Βυζαντίῳ Βοσπόρῳ σεμνείῳ ὑπὸ τὸ σεπτὸν τῶν πάντων μαρτύρων τέμενος φεβρουαρίῳ μηνὶ σύντελουμένῳ πέμπτην φέροντι σὺν πενταπλἢ τετράδι.

его смертью (819): онъ увидёль во снё патр. Тарасія, который повельть некоему при немъ Михаилу произить императора мечемъ. Левъ долго и тщетно отыскиваль въ Тарасіевомъ монастырѣ иноковъ, носящихъ имя Михаила, многихъ сослалъ и заключилъ въ темницы; но чудо совершилось и имп. Левъ былъ убитъ Михаиломъ Травломъ. — Благодарнымъ воспоминаниемъ и въ молитвенномъ настроении заканчиваетъ Игнатій біографію патр. Тарасія.

Въ литературномъ отношеніи большую аналогію съ разсмотрѣннымъ житіемъ представляетъ житіе патр. Никифора, написанное тъмъ же діакономъ Игнатіемъ: тотъ же классическій слиль, теже витіеватые литературные пріемы изложенія, которые въ этомъ житіи какъ будто даже еще болье усилены.

Но житіе Никифора сходно съ житіемъ Тарасія и въ существъ дъла, въ одинаково приподнятомъ тонъ и взглядъ на личность Никифора. Тарасій, какъ мы виділи, въ ділі пресвитера Іосифа не проявилъ строгой определенности, колебался, приспособлялся къ обстоятельствамъ, являлся (говоря современнымъ языкомъ) оппортунистомъи Игнатій умолчаль объ этой слабости патріарха. Патр. Никифоръ проявиль еще больше слабости въ этомъ отношеніи, —и Игнатій опять умолчаль объ этомъ (хотя и могъ бы употребить свой терминъ: άτε ανθρωπος, ήττήθη). Очевидно, оба патріарха смотріли на каноническую строгость относительно и применительно, не такъ, какъ напр. св. Өеодоръ Студитъ, о чемъ скажемъ ниже. .

Но при всемъ томъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ Тарасіи Игнатій видить отца и благод теля, возродившаго его въ области литературы и краснорічія, о которомъ благодарный ученикъ вспоминаетъ горячо и восторженно, между темъ какъ въ Никифорф видить только благочестиваго продолжателя церковной политики Тарасія. Никифоръ и самъ Игнатій почти сверстники и оба одинаково могли быть учениками Тарасія, поэтому особаго какого либо сыновняго пістета не могло быть у агіографа къ патр. Никифору.

Въ житіи Никифора подражаніе Игнатія классическому стилю доведено можно сказать до совершенства. Во введеніи агіографъ обращается не къ богомольцамъ. не къ благочестивому собранію, какъ мы ожидали бы, а къ «мужамь», въ духѣ Ксенофонта: ѽ ἄνδρες. Прибавьте: ώ ανδρες αθηναίοι, и вы получите чтеніе изъ Анабазиса.

Житіе написано было тотчасъ или вскорь посль кончины Ники-

фора († 829) 1). Игнатій не говорить о посмертных чудесахь Никифора, какь онь говорить о чудесахь Тарасія, и это потому, что оба лица отділены были другь отъ друга разстояніемь, и потому, что житіе писалось въ такое время, когда слухь о чудесахь патріарха еще не получиль литературнаго выраженія.

Οί των έξωθεν νόμοι (подъкоторыми разумьются образцы древнихъ грамматиковъ и риторовъ), говоритъ агіографъ, требуютъ отъ него говорить о родь и обстановкы жизни, объ отечествы и достаткы святого. Родиною Никифора былъ царствующій градъ Константинополь. Родители его Өеодоръ и Евдокія. Разсказъ начинается съ царствованія имп. Константина, - разум'єтся Копронима, но Игнатій не называетъ такъ иконоборца: обидное это прозвание явилось лишь во второй половинъ IX столътія, какъ увидимъ ниже. Мы застаемъ Өеодора въ каппадокійской крѣпости Πημόλισσα (на р. Галисѣ), откуда онъ съ женою переведенъ былъ въ висинскую Никею; позже Осодоръ получиль должность протасикрита царскихъ таинъ и перефхаль въ столицу, где у него и родился сынъ Никифоръ. Царь Константинъ любилъ Өеодора и держалъ его въ фаворћ «какъ Филиппъ ритора Пеаніея». Мимоходомъ Игнатій говорить, что этоть царь собраль въ Византій фарисейскій синедріонь, — разум'єтся иконоборческій соборь 754 года. По смерти царя (очевидно Константинова преемника—Льва Хазара) воцарилась царица Ирина съ сыномъ Константиномъ. Говоря въ самыхъ общихъ чертахъ, агіографъ сообщаетъ, что имп. Ирина собрала соборъ изъ православныхъ епископовъ въ виоинской митрополіи Никев для пораженія заразной бользни, то-есть иконоборства, причемъ предсъдательствовалъ Тарасій 2), а отъ папы Адріана, Политіана александрійскаго, Өеодорита антіохійскаго и Иліи і русалимскаго были представители. Въ заседаніяхъ собора, говорить Игнатій, принималъ участіе и Никифоръ, по царскому порученію (р. 146). Ув'єровавъ въ неописуемость Христа по божеству и описуемость его по челов вчеству, Никифоръ однако продолжалъ служить въ придворной должности; и только позже, оставивъ столицу, ушелъ на холмъ противъ Оракійскаго Воспора и, надъвъ вретище, началъ подвижничество. Дал'те агіографъ отдается личнымъ воспоминаніямъ о школь-

¹⁾ AA. SS. Boll. мартъ, II, 704; Nicephori opuscula historica, ed. C. de Boor. Lipsiae 1880 p. 139: θεοφόρου πατρὸς ἀποδημία καὶ στέρητις. Русскій пер. житія въ «Богословскомъ Въстникъ», 1899, октябрь и далье.

²⁾ p. 146: ἡς ἡγεῖτο μὲν Ταράσιος.

ныхъ занятіяхъ, какъ они были поставлены при патр. Тарасіи. «Но такъ какъ я вспоменлъ о наукахъ, то считаю пріятнымъ припоменть о точности и высотъ постановки ихъ»: одни занимались грамматикою и ея составными частями (напр. правописаніемъ), причемъ при занятіяхъ у учениковъ улучшался греческій литературный языкъ и гармонировалось основаніе стиховъ (метровъ); другіе упражнялись въ риторскомъ искусствъ, третьи въ софистикъ; что касается до познанія математическаго квадривіума (ή μαθηματική τετρακτύς), то-есть астрономіи, геометріи, музыки и ариеметики, то Тарасій достигь огромныхъ результатовъ. Всь эти четыре науки есть только служительницы болье высшаго знанія — философіи, объемъ которой Игнатій кстати туть же и приводитъ.

Въ царствование имп. Никифора, по смерти Тарасія, преемникомъ его быль поставлень (однако противь воли) Никифорь. Иконоборство снова подняло голову, начались снова преследованія монаховъ. Въ общемъ разладъ жизни попиралась нравственность, и одинъ изъ таврическихъ намѣстниковъ даже развелся со своею женою 1), --- что для начала ІХ в. было крайнимъ соблазномъ; на это обстоятельство указываль также и св. Өеодоръ Студитъ. — Видя надвигающуюся бъду, патр. Никифоръ счелъ нужнымъ послать римскому пап'т Льву III (795—816) посланіе о въръ и единеніи. Почему онъ снесся съ папою, понятно: папа быль единственнымъ автокефальнымъ епископомъ, который былъ независимъ отъ власти византійскаго императора и который могъ безпристрастно высказаться по поводу начинающейся ереси. Къ нему ранъе обращался патр. Германъ, хотя въ то время зависимость папы отъ Византіи была н'Есколько большею; къ нему же, какъ увидимъ, обращался и Өеодоръ Студить и патр. Игнатій. Такимъ образомъ малопо-малу римскій епископъ пріобрѣталъ значеніе верховнаго судьи соборной церкви.

По поводу воцаренія Льва Армянина агіографъ сообщаєть, что Левъ сначала состояль δημαγωγός перваго разряда военной фаланги «такъ называемыхъ өемъ» (τῶν λεγομένων θεμάτων). — Изъ послѣднихъ словъ позволительно усматривать, что оемы, какъ военныя области, обязаны были своимъ именемъ сравнительно недавнему прошлому, что названіе это появилось не ранте конца VIII или начала IX втка: вт X и XI вв., когда это названіе уже привилось, въ литератур' δέμα

¹⁾ p. 160: όποῖόν τι καὶ καθ' εν τῶν Ταυρικῶν κλιμάτων πεπραχώς ἀναφαίνεται.

112 отдълъ і.

употребляется уже безъ τὸ λεγόμενον. — Царь Михаилъ Рангавей объявиль Болгарамь (εί ἐπὶ Θράκην Οὖννοι) войну, въкоторой Левь, этоть τῆς ήττης πρωτεργάτης, позорно бѣжалъ со всѣмъ войскомъ, подкупиль народь и-облекся въ царское достоинство, и Михаилу съ женою и дътьми ничего не оставалось лучшаго, какъ постричься въ монастырф. Видя, что отъ Льва нечего ждать хорошаго, патр. Никифоръ черезъ архіереевъ вручиль царю «обычное» посланіе о въръ, на которое тоть впрочемъ отвётиль, что займется этимъ вопросомъ послё коронаціи. При коронованіи Льва во св. Софіи, когда нужно было патріарху взять вінець и надіть его на голову царя, Никифорь будто бы ощущаль въ рукъ колючее терніе. На другой день послъ коронованія духовенство должно было подписаться подъ иконоборною бумагою царя. Никифоръ отказался. Произнеся въ собраніи своихъ епископовъ ръчь, онъ со встми отправился во дворецъ. Левъ встрътилъ его холодно. Излагаемый при этомъ разговоръ царя и патріарха не есть однако подлинеый разговоръ, онъ сочиненъ и написанъ въ той Тарасіевой школь, въ которой вопрось о православіи и ереси икопоборства разбирался со всёми тонкостями риторики и витійства и въ которой найдено было изречение св. Василія Великаго: ή τῆς εἰχόνος τιμή έπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει. Въ уста Никифору вложены между прочимъ такія слова: Римъ — первозванное (πρωτόκλητον) съдалище апостоловъ, Александрія-честное святилище евангелиста Марка, Аптіохія — великоименный престоль верховнаго Петра, Іерусалимъ знатное пребывалище Іакова брата Божія. Въ речи къ царю епископовъ сказано: созданіе священныхъ иконъ почитается отъ солнца до Гадиръ и Геркулесовыхъ столповъ, то-есть по всему міру, по всей вселенной, — но любопытно, что здёсь нётъ намека на легенды объ иконахъ — ни ап. Луки, ни Авгаря, пи патр. Германа; между тъмъ вь жити Стефана 807 г., съ которымъ мы вскоръ встрътимся (стр. 122), всв эти легенды имъются. — Не въ состояніи поколебать упорства иконоборца, Никифоръ пробуетъ дъйствовать на царя другимъ путемъ: онъ пишетъ письмо супругѣ Льва (τῆ συνεύνφ ἄτε γυναιχί), казначею, первому секретарю Евтихіану, но все напрасно: отставка патріарха была въ принципъ ръшена. Имп. Левъ сначала лишаетъ Никифора скевофилакій, передавъ завѣдываніе церковною утварью одному изъ патрикіевъ, затімъ посылаетъ родственника царицы Өеофана вызвать Никифора на иконоборное собраніе, которое пишетъ посланіе (τόμον) патріарху. Никифоръ было не хотѣль идти туда, но

быль приведенъ почти насильно. Въ этомъ собраніи онъ произнесь ръчь, въ которой между прочимъ сказалъ: если папа меня зоветъ на судъ, я повинуюсь; если Александрійскій патріархъ, патріархъ Антіохійскій, или Іерусалимскій зоветь меня, я иду; но если волки возстають на пастуха, кто пойдеть видеть ихъ? вы и Тарасія предали анаеем (р. 196). Видя неминуемость своего низведенія съ престола, Нпкифоръ пытался было добровольно уйти на покой. Въ посланіи къ императору опъ писалъ: меня прокляли, что впрочемъ для меня честь: но меня грозять и убить, и потому я должень оставить патріаршество. Однако царь не пожелаль такого исхода конфликта, наобороть, онъ хотълъ ръшительно отстранить Никифора. Фрурархъ-патрикій получиль отъ него приказание выгнать его изъ патріархіи ночью, въроятно для избъжанія огласки. Никифоръ ночью во время молитвы во св. Софіи между прочимъ говорилъ: я вступилъ на престолъ не безъ насилія.

По морю онъ быль перевезень въ созданный имъ монастырь «Благаго Христа», откуда переведенъ въ монастырь великомученика Өеодора, который, какъ оказывается, построенъ былъ также Никифоромъ на о. Проконнисъ, близъ Цареграда. Для конвоя его былъ назначенъ ближайшій родственникъ императора Варда, которому Никифоръ предсказалъ злой конецъ, что и оправдалось черезъ четыре года. - Въ виду того, что патріархъ быль свержень въ 815 г., смерть Варды должна быть отнесена къ 819 году. — Преемникомъ Никифора былъ иконоборческій патріархъ Өсодоръ Касситеръ, но его агіографъ не называеть по имени, замъчая лишь, что онъ говорилъ варварски и съсолецизмами. Өеодотъ созваль собраніе иконоборных вепископовь, на которомь быль утвержденъ Копронимовъ синодъ во Влахернахъ 754 г., на немъ однако не было представителей отъ апостольскихъ престоловъ.

Говоря о мрачныхъ сторонахъ царствованія Льва Армянина, агіографъ счелъ нужнымъ присовокупить: о договорѣ, который онъ заключиль съ сосъдними Болгарами (Ойччог), столь постыдно и безчестно выполненномъ, кто горячо не восплачетъ? Левъ пользовался болгарскими обычаями, а Болгары нашими и такимъ образомъ укрѣпляли взаимное соглашеніе. При этомъ надо было видіть ромейскаго царя, какъ онъ выдивалъ воду изъ бокала на землю, собственноручно выворачивалъ конскія съдла, брался за тройные кожаные ремни, подымалъ на высоту фуражъ и -- гордился всёмъ этимъ; а Болгары касались нашихъ божественныхъ символовъ нечистыми руками и клялись силою 114 отдълъ 1.

ихъ (символовъ). Развѣ это не результатъ грубости? Развѣ не явное бъщенство на Христа? и т. д. — Отмъченный мирный договоръ между Византією и Болгарами им'єль м'єсто въ 817 году 1). — Д'єлая посліднее замѣчаніе объ Армянинѣ-иконоборцѣ, агіографъ говоритъ, что Левъ погибъ не на чужбинъ, а у себя въ столицъ, въ храмъ въ день Рождества Христова (24 декабря 820 года). Когда вступиль на престолъ Михаилъ Травлъ, бывшій до того узникъ, ех-патр. Никифоръ отправиль къ нему посланіе о православін; но царь отв'єтиль посланцамъ: въ какомъ положения мы застали царство, въ такомъ видъ и сохранимъ его; не должны считаться соборы ни Тарасіевъ 788. ии Копронимовъ 754, ни Льва V (Өеодотовъ) 815 года; по вопросу о почитаній иконъ должно быть молчаніе. — Проводя сравненіе Никифора съ ветхозавътными и новозавътными святыми, агіографъ заключаетъ житіе сообщеніемъ, что патр. Никифоръ низведенъ съ престола на девятомъ году своего патріаршества (безъ одного місяца) и пробыль въ изгнаніи четырнадцать лётъ 2).—Если Никифоръ вступиль на престоль въ апръл 806, а свержень въ март 815 г., то дъйствительно онъ патріаршествоваль девять лёть безъ одного місяца; и если опъ изгнанъ въ март 815 и скончался въ іюн 829 г., то дъйствительно онъ пробыль въ изгнанія 14 леть и 3 месяца.

Житіе Григорія Декаполита, приписываемое Игнатію, діакопу Великой Церкви, до насъ, какъ кажется, не сохранилось, хотя въ ніскоторыхъ рукописяхъ и стоитъ его имя в), а то, что издано, есть (вісроятно легкая по обыкновенію) переділка Житія, принадлежащая перу св. Метафраста, о которой во второй части этого сочиненія.

Болѣе или менѣе современное, но анонимпое Житіе св. Евдокима, отысканное нами въ Аоонскомъ монастырѣ Діонисіатѣ 4), очень бѣдпо

¹⁾ Muralt, p. 405.

²⁾ p. 218: ἐνάτῳ δὴ οὖν ἑνὸς δέοντι χρόνῳ μηνὸς τὴς ἰερᾶς αὐτοῦ καὶ ἀλήπτου πατριαρχίας τὴν ὑστάτην ὑπελθών ἀρρωστίαν. Βъ виду испорченности этого мѣста позволяемъ себѣ допустить здѣсь пропускъ и читать: πατριαρχίας [ἐξωστραχίσθη, δεχάτῳ δὲ καὶ τετάρτῳ πρὸς τρεῖς χρόνῳ μῆνας τῆς ἀτίμου αὐτοῦ καὶ ἀδικεστάτης ἐξορίας] τὴν ὑστάτην... Κακία нибудь двѣ строки могли быть пропущены ex homoioteleuto.

³⁾ Cod. Paris. № 505 (Omont I. 63 № 501, XII в.; II. 79 № 1525, XIII в., № 1549): Вίος καὶ θαύματα τοῦ ἀγίου πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου, συγγραφεὶς ὑπὸ Ἰγνατίου, διακόνου καὶ σκευοφύλακος τῆς τοῦ θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας. Копія съ этого списка накодилась въ распоряженіи акад. Васильевскаго. Впрочемъ, умолчаніе Свиды говоритъ противъ принадлежности Житія Игнатію.

Cod. Athon. Dionys. № 228, 1421 r. f. 219^a—240^a (Sp. Lambros. Catalogue, Cambridge 1895, I): Εἶτα εἶ γραφική μοι; cp. B. Васильевскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1897, VI, 393—394; «Виз. Врем.» 1897, IV. 35. При изданіи этого житія мы въ особенности

историческимъ содержаніемъ, изъ котораго невозможно опредѣлить даже времени, когда этотъ святой жилъ; и только изъ минейныхъ памятей, о которыхъ ниже, можно видеть, что Евдокимъ процветалъ при имп. Өеофиль. Агіографъ писаль въ Константинополь 1); «съ дътства быль предань словеснымъ наукамъ, учился у великихъ и многочисленныхъ преподавателей словесныхъ искусствъ, многое претерпълъ при изучении ихъ, перенесъ много очень тяжелаго» 2). Изучивъ науки, онъ приступилъ къ литературф, посвятивъ свою дъятельность Богу и его угодникамъ; первымъ трудомъ его и было, повидимому, Житіе Евдокима³), имѣющее видъ скорѣе Похвальнаго слова, по выраженію акад. Васильевскаго. «Оно написано (повторимъ свои слова) въ духѣ классическихъ традицій, которыя мы привыкли читать въ сочиненіяхъ діакона Великой Церкви Игнатія. Обиліе красисовъ и энклитикъ (у ε , $\pi\eta$, $\pi\omega \varepsilon$), въ томъ числѣ энклитическаго мѣстоименія (οί τω), конечное і въ ούτος (ταυτησί), форма предлога ές, упоминаніе классическихъ именъ (Ахиллесъ, Хиронъ, Платея, Одиссей, Афродита), — все это заставляеть думать, что если мы имбемъ здбсь перо не Игнатія, то, безъ сомнінія, стиль той Тарасіевой школы, которая находилась при храмѣ св. Софіи.

Во введеніи онъ говорить, что если бы онъ быль живописцемъ, онъ сталь бы писать иконы святыхъ; но такъ какъ онъ посвятилъ себя писательству, то намфренъ говорить объ угодникахъ и прежде всего объ Евдокимъ, какъ стражъ и защигникъ столицы, и проситъ другихъ писателей быть снисходительными къ его недостаткамъ (§ 1). Родиною Евдокима была Каппадокія (ήνεγχε Εὐδόχιμον ή τῶν Καππαбохой), мъсто подвиговъ Василія Великаго, Григорія Богослова,

остановились на попыткъ пріуроченія анонима къ какому либо изъ извъстныхъ византійскихъ агіографовъ. Изучивъ языкъ и стиль анонимнаго писателя по сравненію ихъ съ языкомъ и стилемъ другихъ писателей IX-X вв., мы нашли, что arioграфомъ въ данномъ случав могъ быть Никита-Давидъ Пафлагонянинъ; и даже Болландисть Peeters призналь эту догадку возможною. См. «Житіе св. славнаго Евдокима» (Изв. Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь, XIII, отд. отт.: Софія 1908); Anal. Boll. 1909, XXVIII, 497.

¹⁾ f. 2196: τῆς ἡμετέρας ταυτησί τὴς βασιλίδος τῶν πόλεων πολιοὺχος; f. 240a: τὴν βασίλισσαν ταυτηνί πόλιν.

²⁾ f. 2196: νυνὶ δὲ λόγοις παιδόθεν ἐκδοθεὶς καὶ παιδευταῖς λόγων ἐγχειρισθεὶς καὶ τούτοις μεγάλοις τε καὶ συχνοῖς καὶ πολλὰ ἐπὶ τῇ ἀσκήσει αὐτῶν πεπονθώς, ἐῶ γὰρ λέγειν ώς καὶ πλεῖστά τε καὶ βαρύτατα δι' αὐτοὺς ἀνατλάς.

³⁾ ibid.: ἆρά τινος ἐπιβαλέσθαι με ἄλλου τοῖς ἐγχωμίοις χρεών πρό τοῦ θαυμασίου Εύδοχίμου.

Георгія великомученика 1); родители его, патрикін саномъ, Василій и Евдокія были въ чести у императоровь, занимая у нихъ почти первое мѣсто (§ 2). Въ дѣтствѣ опъ отданъ былъ въ ученіе 2), обогатилъ умъ словесными науками и изучиль божественныя техническія словеса (§ 3). Съ ранняго утра и до глубокой ночи онъ проводилъ время въ церквахъ. Затемъ онъ былъ вызванъ царскою властью (еті тоз Васіλείου χράτους μεταπεμφθείς, очевидно въ Константинополь) и идя во дворецъ, читалъ псалмы Давида. Любимый государями, онъ удостоился почестей (§ 4). Соблюдая полное целомудріе, Евдокимъ избегаль женскаго общества и только одной матери быль возможень доступъ къ нему (§ 5). Онъ пользовался большою властью у царей 3) и посвятиль себя на служеніе людямъ: расточалъ милостыню, даваль добрые совъты, облегчаль тяжелое положение обращавшихся къ нему и быль общимъ для всъхъ утъшеніемъ; «но коснемся его мірской и царской службы» (§ 6). Евдокимъ быль назначенъ царемъ на должность стратопедарха не малой области — Каппадокій, въ качествъ правителя двухъ-трехъ, даже десятитысячнаго населенія 4), которымъ управляль въ духѣ справедливостя. - Любопытпо, что агіографъ умолчаль имя императора, назначившаго Евдокима на должность командира Каппадокійскаго баталіона. Это обстоятельство показываеть, что біографь не быль поклонникомъ Өеофила; да и трудно было въ то время сочувствовать императору, иконоборныя увлеченія котораго сділали его пенавистнымъ въ глазахъ подданныхъ. Интересно сравнить съ этимъ Житіе Григорія Декаполита, имінощее какое-то отношеніе къ діакону Игнатію: въ немъ также тщательно скрыты имена царей, при которыхъ жилъ Григорій; но это только говоритъ о школѣ, а не о личности. — Евдокимъ будто бы воевалъ и одержалъ побъды⁵); былъ посредникомъ между Богомъ и людьми и быль вмъстъ какъ бы священникомъ или архіереемъ и военачальникомъ или царемъ; помогаль біднымь, вдовамь, заботился о заблудшихь душахь, — такъ онъ проводилъ время своего стратопедаршества; получилъ у императора власть «предстоятельства» (προστασία, § 7). Онъ скончался на

¹⁾ Подобное же сопоставление приводится въ Житіи Ахиллія Ларисскаго (cod. Athon. Dionys. & 143, XVII в., f. 120 v.).

²⁾ f. 2216: παιδαγωγοίς έγχειρίζεται καὶ ἐκδίδοται παιδευταίς.

³⁾ f. 2256: πάνυ πολλά πλεῖστα δυναμένω παρά τοῖς βασιλεῦσιν.

⁴⁾ f. 2276: τιμάται πρός τοῦ βασιλέως οὐα ἐλαχιστου τοῦ τῆς Καππαδοκίας κλίματος στρατοπεδαρχεῖν—ὡς δυοῖν τινων ἢ τριῶν ἢ πάνυ-χιλιοστύων ἢ μυριοστύων αυβέρνησιν.

⁵⁾ f. 228% εἰρήνην ὢν καὶ πληθος τροπαίων καὶ γενναίους ἄθλους καὶ ταινιώματα.

33 году возраста, и эта цифра даеть поводъ агіографу говорить о ея происхожденіи (сочетаніе совершеннаго десятка съ начальнійшею гройкою); гореваль передъ смертью о томъ, что умпраетъ на чужбин $\dot b$ (ἐπ' ἀλλοδα $\ddot \eta \dot \varsigma$ ἐτελεύτα), вдали отъ родителей, которые были живы. Пригласивъ знакомыхъ, онъ просилъ похоронить его въ оденній; выслаль всёхъ изъ комнаты, заперъ двери и, сотворивъ молитву, которую слышали посторонию черезъ щель, скончался. Изъ сопоставленія разныхъ догадокъ и гипотезъ можно допустить, что Евдокимъ родился ок. 807-го, поступилъ на службу ок. 829-го и скончался ок. 840 года 1). Тъло его Богъ прославиль чудесами. Невъжественно истолковавъ его послъдиюю волю, лица похоронили его въ одъяніи и въ обуви, которыя опъ носиль (§ 8). Но послъднее едва ли не домысель агіографа; в роятно, самъ Евдокимъ пожелаль быть похороненнымъ вийстй съ аттрибутами власги, которою пользовался, то-есть въ красныхъ сапогахъ, съ мечемъ и копьемъ и въ парадныхъ одеждахъ. Трудно понять истинный смыслъ последней воли Евдокима, если только не помнить характеристики каппадокійца, написанной Константиномъ Порфиророднымъ, что жители необыкновенно чувствительны ко всякого рода отличіямъ. Со знаками власти, которою святой пользовался при жизни, онъ не хотель, повидимому, разставаться и по смерти. Біографъ записалъ восемь посмертныхъ чудесъ его, изъ которыхъ пять совершились на мъсть его кончины, а остальныя трипри перенесеніи тіла его въ Константинополь, вітроятно въ Малой же Азін. Нікій Илія, страдавшій сумасшествіемъ (τούτφ ο άργέκακος ένεσχήνωσε), по словамъ одного очевидца, исцелился у гроба Евдокима (§ 9); одна вдова явилась съ ребенкомъ, страдавшимъ параличемъ рукъ (παρελύθη τὰς γείρας), вытерла ему больныя міста масломъ изъ ламиады святого, и ребенокъ выздоровелъ (§ 10); другая женщина принесла ребенка съ параличемъ ногъ (τούς πόδας παρεῖτό τε καὶ ἐζήρθρωτο), и опъ также выздоровиль посли обтиранія ихъ масломь изъ лампады (§ 11); одна сумасшедшая женщина (ὁ πονηρός ἐνοιχίζεται), бросавшаяся въ воду и изнемогавшая до полусмерти, нашла исцыленіе при гроб'ї (§ 12); другая, испытывавшая тёлесную немощь (то σώμα καγεκτούσα), выздоровեла чрезъ прикладываніе къ больному мъсту земли отъ гроба, смоченной ся слезами (§ 13). Въсть объэтомъ

¹⁾ Пам. Др. Письм. 1893, XCVI, стр. VII-VIII; Житіе св. славнаго Евдокима. (офія 1908.

разнеслась повсюду, и земля отъ гроба Евдокича стала разсылаться по разнымъ містамъ (§ 14). Затімь идеть разсказь о перенесеніи мощей изъ Каппадокін въ Константинополь. Тело праведника лежало въ Харсіан в 1). Родители, пережившіе смерть сына, слыша о чудесах в его, желали имъть сокровище у себя (§ 15). Самъ Василій не могъ прівхать въ Канпадокію, ибо быль занять государственными заботами, ради которыхъ онъ, кажется, и перебхалъ въ столицу 2); по Евдокія, пройдя моря, горы и равнины, прибыла ко гробу; увид'явъ чудеса, она заплакала объ утратъ сына (§ 16). Поднявъ камень, она открыла гробъ и увидела нетленность мощей: тело, лежавшее въ земль полтора года (ανυσθέντος ένιαυτοῦ καὶ μεσοῦντος ἤδη τοῦ δευτέρου), не испытало никакой порчи (§ 17).—Отсюда видно, что если Евдокимъ умеръ 31 іюля 840-го, то Евдокія прибыла въ Харсіанъ въ январъ 842 года. — Она пожелала унести мощи въ столицу, но изъ-за тела произошла распря: мъстные жители не хотъли отдавать Евдокимова тыла. Тогда она, поручивъ монаху Іосифу (быть можетъ Пъснописцу) украсть ихъ, убхала въ Константинополь; Іосифъ взялся ночью унести мощи въ столицу и выполнилъ поручение (§ 18). Дорогою встрътилась одна женщина, страдавшая умопомъшательствомъ (συνταραχθείσα τῷ κατέγοντι πνεύματι), и исцілилась у гроба; выздоровіла и другая женщина, которую оставиль демонь (βασανιστής πολέμιος, § 19). Монахиня Мантинейскаго монастыря (Мачтічаюч), когда несли гробъ мимо обители, явилась къ мощамъ и получила исцъление отъ своей болъзни (πάθει δεινῷ κατετρύχετο καὶ τὸ πάθος εἶχεν ἀπόρρητον, § 20).—Γμέ находился Мантинейскій монастырь, съ точностью неизвістно. Преосв. Филаретъ находилъ его въ Элладъ, архим. Сергій ближе къ истинъвъ Пафлагоніи. Мы въ свое время высказали догадку, что онъ стояль около Ликаонскаго озера Татта. По Кедрину (II, 497), опъ находился въ Вукелларіи, то-есть въ области на границѣ Виеиніи и Галатіи³); озеро же Татта принадлежало столько же древней Ликаоніи, сколько и среднев ковой Галатіи, и потому можпо съ н которою опред вленностью теперь сказать, что Мантинейская обитель лежала на границъ Галатіп и Вионніп. — Житіе оканчивается теплымъ молитвеннымъ обращеніемъ агіографа къ святому; здісь между прочимъ говорится

¹⁾ f. 235*: τὰ τῆς ἀναλύσεως ἐπὶ τοῖς ούτω πως τὰ Χαρσιανοῦ καλουμένοις ἐπέστη.

²⁾ f. 235^B: δημοσίαις ἐνισχομένος φροντίσιν, ὧν χάριν οἰμαι καὶ μετανάστης ἐκ τῆς τῶν Καππαδοκῶν εἰς τὴν Κωνσταντίνου γεγένηται.

³⁾ V. S. Nicephori Milesi (Anal. Bolland. XIV. 134).

о пособленій «благочестиво царствующимъ надъ нами», сенату, военачальникамъ и воинамъ при охранѣ столицы (§ 21)1).

Житіе Стефана Новаго († 765), написанное діакономъ Великой Церкви Стефаномъ²) въ 807 году, полпо самого глубокаго интереса, представляя правдивую летопись изъ времени царствованія имп. Константина Копронима, основанную на разсказахъ современниковъ того п другого лагеря — иконопочитателей и иконоборцевъ. Авторъ, повидимому, живаль когда-то на мъстъ подвиговъ святого-на Авксентіевомъ холмъ, который знаетъ во всъхъ подробностяхъ, какъ отчетливо представляетъ и топографію Константинополя, гдфонъжиль по долгу служенія. Поводомъ къ написанію Житія была просьба подвижника упомянутаго холма, Епифанія, преемника Стефанова. Хорошо образованный, усвоившій образцы Кирилла Скинопольскаго и мало посвященный въ тайны риторскаго искусства, діаконъ Стефанъ стоитъ всего более на почве фактовъ, не прибегая къ туманнымъ фразамъ, которыми другіе хотели скрыть б'ёдноту житійнаго содержанія, и въ изложеніи часто прибъгаеть къ датинскимъ словамъ въ византійской Формъ, заимствовавъ эту манеру въроятно изъ современно дъйствовавшаго Юстиніанова законодательства. Онъ естественный врагь иконоборцевъ, которыхъ называетъ иконосжигателями (είхονοχαύσται), видитъ іудейско-сарацинское, вообще восточное, начало въ иконоборчествъ, стратиговъ царя называетъ не безъ злости восточнымъ терминомъ сатраповъ; и если гдъ высказываетъ свои личныя соображенія, то разв'є въ отношеній мыслей д'єйствующихъ лицъ: для оживленія разсказа онъ приводить много річей святого, царя, народа, но онъ очевидно сочинены авторомъ и изръдка какъ будто пересолены.

Въ предисловіи агіографъ разсуждаеть на ту тему, что полезно всегда видъть въ иконныхъ изображеніяхъ подвиги святыхъ, какъ

¹⁾ Вь службъ Евдокиму (Пам. Др. Письм. XCVI, 24-35) канонъ, носящій имя Іосифа, по всей въроятности написанъ Іосифомъ Пъснописцемъ, который едва ли не имъетъ какого отношенія къ монаху Іосифу, привезшему мощи въ Византію. Любопытно, что Гимнографъ писалъ совершенно независимо отъ агіографа и внесъ въ канонъ такія черты, которыхъ въ Житіи нъть и которыя общи каждому святому. Отрывокъ изъ Службы въ рук. 1361 года-въ собраніи преосв. Порфирія (въ Имп. Публ. Библіотекъ): Краткій обзоръ собранія рукописей еп. Порфирія. Спб. 1885, стр. 139, № 328.

²⁾ Analecta graeca, ed. monachi Benedictini. Lut. Paris. 1688, p. 396-531 (Άγαθόν καί δίκαιον, Migne, C. 1067—1186. Содержаніе житія въ «Душепол. Чтеніи» 1860, поябрь, 263-302 и отд.; обстоятельное, прекрасное изследование проф. Васильевскаго: Ж М. Н. Пр. 1877, VI, 283-329.

богоугодное дело, и разсказывать о нихъ въ письменныхъ кингахъ, ибо то и другое поощряеть нась ко рвенію: икона созершается, письменное слово выслушивается. Авторъ, объявляя себя не причастнымъ ни къ тому, ни къ другому, осмъливается однако взяться за перо для прославленія преподобномученика Стефана: не откажусь говорить, насколько могу; восхвалять не по достоинству и не по силамь-предосудительно (§ 1). Писалъ опъ по порученію (προτραπείς) лица, котораго не смълъ ослушаться (т. е. Епифапія), и не зарываль въ землю таланта; писаль съ тою целью, чтобы подвиги святого не были забыты, и писалъ черезъ 42 года послѣ кончины святого 1); онъ намѣрепъ разсказать жизнь его съ пеленокъ до старости, привести достовърные разсказы о немъ его учениковъ, которые онъ собраль разъезжая по разнымъ мъстамъ, уподобляя себя пчель, собирающей медъ съ цвътовъ (§ 2), причемъ приведены цѣлыя фразы, буквально сходныя съ фразами изъжитія Евоимія Палестинскаго, который въ свою очередь могъ пользоваться Лавсанкомъ Палладія 2). Приготовляясь къ разсказу, авторъ проситъ молитвенной помощи у своихъ читателей и вниманія (§ 3).

Стефанъ былъ родомъ изъ Константинополя во времена пми. Артемія или Анастасія въ 6222 (713) г. жилъ въ Цареградѣ нѣкій мужъ въ достаткѣ, жившій трудами рукъ. Онъ жилъ у наклонной части царской улицы (πρὸς τὸ τῆς βασιλικῆς δημοσίας λεωφόρον πρανές), гдѣ стояло зданіе Ставріонъ, названіемъ котораго она обозначалась. Отъ этого мѣста до наклонной части стояли обширные дома, называемые τὰ Κῶνστα. Здѣсь жилъ мужъ съ женою и 2 дочерьип, которыя обучались грамотѣ и благочестію.—Здѣсь проф. Васильевскій говоритъ, что школьное образованіе не умирало и въ иконоборческій періодъ, что существовали и въ это время писшія школы даже для дѣвочекъ, и ссылается при этомъ на греческій женскій монастырь въ Италіи, гдѣ монахини въ половинѣ VIII в. устроили при обители женскую школу.—Мать, по имени Анна, горевала, что не имѣетъ сына, ходила но церквамъ Богородицы и особенно во Влахерны, гдѣ созерцала икону Дѣвы съ Младенцемъ во спѣ ей предстала Богоматерь

^{1) 399:} τεσσαρακοστού δευτέρου έτους παραδεδραμηκότος, ἀφ' οὖπερ τὴν διὰ μαρτυρίου ἱερὰν τελευτὴν ὁ παμμάκαρ ὑπέστη μέχρι τῆς νυνί.

²⁾ Ср. выше, стр. 19-20. Учитель полагалъ, что эти послѣднія слова также оригинальны.

^{3) 401:} ου ξένος Βυζαντίων ουδέ τῶν τὴν βασιλεύουσαν πολιν οἰκούντων ἀλλότριος.

^{4) 402:} πρός ἀντικρὸ ἱσταμένη τοῦ ταύτης ἀγίου χαρακτῆρος, ἐν ῷ ἐτετύπωτο ἐν ἀγκάλλαις τὸν υἱὸν καὶ θεὸν φέρουσα.

п обрадовала Анну, которая и зачала (§ 4).—Годъ 715 следуетъ счптать годомь рожденія святого.

Въ это время (715 г.) на патріаршій престоль быль возведень Кизическій митрополить Германъ. Безчисленное множество народа собралось у св. Софіи видіть интронизацію поваго владыки. Анна, видя страшную давку и помня о своемъ положеніи, хотьла было вернуться домой, но мужъ ея, человекъ сильный, обещаль оградить ее отъ толчковъ, прося ее держаться сзади за его бока. Съ большимъ трудомъ они протискались въ паперть (προαύλια) св. Софіи, а отсюда легко уже достигли портика передъ колониами храма (ἐν τῆ πρὸ τῶν τοῦ νεὼ πυλώνων στοҳ), гдъ ожидали входа Германа со скамын. При появленія патріарха Анна, какъ она сама разсказывала лицамъ, со словъ которыхъ писалъ агіографъ, воскликнула: «благослови, всесвятой, во чревъ сына моего». Германъ взглянулъ на нее и произнесъ: «по въръ твоей, жена, да благословитъ Господь плодъ чрева твоего, молитвами Богородицы и первомученика Стефана». Анна съ благогов'вніемъ приняла имя Стефана, которое ръшилась дать своему будущему сыну (§ 5).--Родители Евоимія, молившіеся о дарованій имъ сыпа, услышали въ виденіи слова: є обоцьєїть, и увидели въ этомъ знаменіе, что надо назвать зачатаго Евоиміемъ. — Черезъ нѣсколько дней сынъ родился, на восьмой день быль принесень въ церковь и крещень подъ именемъ Стефана; на 40-й день Анна съ мужемъ принесла его въ храмъ Влахернской Богоматери и, воздавъ благодареніе передъ ея иконою, протянула руки кверху и приложила младенца къ стопамъ ел избораженія на иконъ (τοῖς ποσὶ τῆς ἀγίας ἐκείνης εἰκόνος), поручивъ и посвятивъ ей своего сына (§ 6). Съ наступленіемъ Пасхи, въ великую субботу, родители принесли ребенка въ крестильницу (σωτιστήριον) св. Софіи, гдъ крестилъ и миропомазалъ его самъ Германъ (§ 7). Вскормленный материнскимъ молокомъ и украшенный душевными качествами (§ 8), Стефанъ по достижении шести лътъ (стало быть ок. 720 г.) быль отданъ въ грамоту 1) или, какъ полагаетъ проф. Васпльевскій, въ обученіе чтенію по псалтири, каковой обычай практиковался въ XI вѣкѣ. Онъ скоро опередилъ своихъ товарищей въ наукахъ и добродътели; съ матерью онъ ходилъ въ церковь и во время положеннаго сидънія стоялъ передъ «священною рѣшеткою» (ίερὰ κιγκλίς), внимательно слушаль чтеца и быстро запоминаль прослушанное, въ особенности

¹⁾ p. 410: είς τὴν τῶν ἱερῶν γραμμάτων μάθησιν προσπαιδείας.

122 отдълъ 1.

слова Златоустаго, которыя любиль всего болье. «Сотранезникъ (обохичес) всехвальнаго Тимооея, онъ следоваль во всемъ руководству общаго учителя» (τῷ χοινῷ διδασχάλω). — Проф. Васильевскій понимаеть это м'всто такъ, что Стефанъ и Тимовей (кстати сказать, совершенно неизвъстная личность) «не только ходили въ школу, повидимому находившуюся при монастырѣ, но и жили при ней»; но хогуо́; не значить общій (какъ для Стефана, такъ и для Тимовея): изъ Житія Өеодора Едесскаго видно, что хогуос διδάσκαλος или παιδευτής было техническимъ терминомъ для обозначенія преподавателя общаго знанія (trivium наукъ); о товариществъ, какъ намъ кажется, здъсь нътъ рьчи; Стефанъ могъ жить вмъсть съ Тимовеемъ или у Тимовея, который могъ быть его руководителемъ. Когод тагбентая были повидимому видными лицами: Тимовей—πανεύφημος, Софроній—σοφιστής.— Изучивъ св. Писаніе, Стефанъ захотьль подражать святымъ мужамъ, о которыхъ оно говорило (§ 9). — Большинство выраженій о школьномъ образовании взято изъ Житія Евеимія.

Въ это время возсталь противъ имп. Өеодосія Левъ ό συρογενής, уроженецъ Востока. Царь, не желая проливать христіанской крови въ борьбъ съ бунтовщикомъ, предоставиль ему пользоваться властью. «Тираннъ» вошелъ во дворецъ «какъ песъ во святая, какъ свинья на бисеръ». Онъ сначала притворился благочестивымъ, но черезъ 10 лѣтъ вздумаль ввести Манихейскую ересь, близкую къ ереси Афтортодокитовъ. Подобно огню и съръ изъ горы Этны онъ (такъ называемымъ селентіемъ) изрыгнулъ собранному подвластному ему народу (о от подвластному сму народу селентіемъ) αὐτοῦ λαός, ἐχκλησιάσας) слѣдующее: «такъ какъ изготовленіе иконъ есть дело идольское, то не следуеть имъ поклоняться». Но заметивъ возмущение народа, онъ тотчасъ перешелъ на другую тему (§ 10). Патріархъ Германъ исповъдалъ передъ царемъ иконопочитаніе, упомянулъ, что со времени жизни Христа на землѣ и апостольскаго ученія до нынѣ (ξως τῆς νυνί) протекло 736 лѣтъ, сослался на Едесскій образъ и на икону Луки, и заключиль свою рѣчь фразою: «кто безчестить икону, тоть безчестить изображеннаго на ней». Раздраженный Левъ послаль въ патріаршій домъ ξιφήρεις σατράπας выгнать оттуда Германа. Патріархъ, провожаемый плачемъ народа, избралъ монастырскую жизнь (§ 11). — О сходномъ отчасти чудѣ при сверженіи иконы разсказывается въ Житіи Симеона Дивногорца (VI в.)1). Мѣсто

¹⁾ Migne. Patr. gr., LXXXVI, p. 2 col. 3144=cod. Synod. Mosqu. № 381 f. 81 v.; въ славянскомъ есть отступленія.

его заняль Анастасій «при помощи военной силы» (στρατιωτικώς), а не θεοῦ ψήφ ϕ , какъ Германъ. Новый патріархъ перенесъ всѣ церковныя имущества во дворецъ. Царь, действуя теперь властно и свободно, «тогчасъ пытается снять и предать огню святую Владычню икону Христа Бога нашего, водруженную надъ царскими вратами (ϋπερθεν των βασιλικών πυλών) и называвшуюся по изображенію ή άγία Χαλκή, что онъ и сдълалъ». Но во время снятія иконы явились честныя жены, отдернули лістницу и спаварій, отбивавшій образь, разбился до смерти. Жены двинулись къ патріаршему дворцу и бросали камни въ Анастасія. Патріархъ бъжаль къ царю и убъдиль его казнить женщинъ, что тотъ и сделалъ (§ 12). — Объ этомъ селентіи 726 г. говорить Өеофанъ (I, 408) и Константинъ Тійскій. «Главная ошибка такого повъствованія, замъчаетъ проф. Васильевскій, заключается въ анахронизмѣ относительно патріарховъ Германа и Анастасія; все, что разсказано нами вследъ за авторомъ житія, действительно совершилось въ десятый годъ царствованія Льва Исавра 726 (свид'ьтельство папы Григорія, Кедрина и Зонары), но только ни патр. Германъ въ этомъ году не былъ низложенъ, ни Анастасій не занималь его мѣста». Разрушеніе Халкопратійской иконы, первый шагъ императора въ его активной иконоборческой деятельности, могло иметь место въ 726 году, но свержение Германа и возведение па его мъсто Анастасія случилось только въ 730 году. Спутанность автора усвоена и въ недошедшемъ до насъ въ подлинникъ Житіи Өеодосіи дъвицы, гдъ также говорится объ изгнаніи Германа, умерщвленіи спаварія и объ оскорбленіи, нанесенномъ Анастасію, — въ выраженіяхъ близкихъ. По словамъ папы Григорія, «когда короли запада узнали и до нихъ дошли слухи, что ты (Левъ) посылалъ Іовина (Ἰουβίνος) спаварокандидата въ Халкопратіи для сокрушенія и уничтоженія (хатаλῦσαι καὶ μετακλάσαι) Спасителя, прозываемаго Антифонитомъ (котораго онъ успълъ три раза ударить съкирою по лицу и зато былъ сброшенъ женами спасарокандидатовъ), — тогда они бросили на землю и потоптали ногами твои изображенія» 1).

Константинополь впадалъ въ ересь. Православные съ горечью покидали отечество и цѣлыми массами переселялись въ православныя селенія (χωμοπόλεις), —ниже увидимь: въ Италію, Тавриду и Ликію.— Родители Стефана, не желая оставлять сына въ столичномъ мона-

¹⁾ Cp. Combefis. Hist. haeres. monoth. Paris. 1648 col. 643.

12± 014646 1.

стырѣ, достигли моремъ до Халкидонской пристапи и отсюда прибыли на гору св. Авксентія (§ 13). — «Это быль, по замьчанію проф. Васильевскаго, одинъ изъ болъе высокихъ холмовъ. возвышавшихся на съверной стороив Никомидійскаго залива, находившійся въ Вионніп, въ 10 миляхъ огь Халкидона, посившій первоначально названіе Остраго» ('Οξεία).—По житію, онъ быль холодный, сухой, достигаль такъ сказать неба и могъ бы быть названъ Горою Божіею, Хоривомъ, Кармиломъ, Синаемъ, Оаворомъ, Ливаномъ, или Святымъ Градомъ. Со временъ Авксентія (V в.) здёсь подвизались: Сергій, ученикъ его, Вендиміанъ, Григорій и, современникъ описываемаго времени, Іоаннъ, отличавшійся даромъ прозорливости. Григорій и Анна привели къ пему своего сына и просили принять его въ монастырь. Старецъ похвалиль Стефана за то, что онь не хотель жить въ городе еретиковъ, преподаль ему монашеское наставленіе, взяль изъ рукъ его ножницы (ψαλίδιον) и постригъ его. Это было на 16-мъ году возраста Стефанова (то-есть въ 730 году). Родители его вернулись въ Византію (τὰ οίχεῖα, § 14).—Іоаннъ сказалъ Стефану совершенно тѣ же слова, что епископъ Отрей Евоимію Палестинскому. Трехлітняго мальчика епископъ назвалъ μειράκιον, — это понятно, но Іоаннъ называетъ 16-тильтняго Стефана иєгражісу, — это уже не удачное подражаніе. — Стефанъ совсёмъ жаромъ предался ипоческимъ подвигамъ и особенно воздержанію отъ пищи, такъ что даже духовный отецъ его Іоаннъ предостерегаль его отъ излишняго увлеченія, ссылаясь на суровость климата, ръзкость вътровъ и на труды его новаго положенія. Стефанъ посиль ему воду издалека, по едва проходимой тропинкъ, изъ-подъ горы съ южной стороны, гдт находилась усыпальница св. Авксентія и построенный последнимъ женскій монастырь Τριγιναρέας, названный такъ по неприступности мѣста (§ 15). Старецъ Іоаннъ былъ такой мудрый, что когда онъ называль четвероногихъ животныхъ по имени, они исполняли его порученія 1). Во время отсутствія Стефана, когда случалось приходили къ нему монахи съ окрестныхъ горъ («а на тъхъ горахъ было много монастырей, которыя тираннически уничтожилъ безбожный новый Вавилоній-Константинъ Копронимъ, изъ страсти къ псовой

¹⁾ р. 421: обте хай тетратоба ζωα τη ανθρωπίνη ςωνή καλείν αὐτόν ἐξ ονόματος, переведенное: ut quadrupedes animantes humana voce ex nomine ipse vocaret, и проф. Васильевскій толковаль: Іоаннъ зваль «по имени» своего пса. Однако агіографъ говорить далье о повиновеніи святому даже στοιχεία животнаго, то-есть языка; собака могла быть выдрессирована настолько, что могла произносить по человьчески І-о-ан-ни.

охотъ»), Іоаннъ зваль по имени собаку, привязываль ей на шею записку (πιττάχιον) и посыдаль ее со словами: «идп впизь въ монастырь п принеси эту грамоту (γραμματεΐον) пгумень в п скор ве возвращайся». Песъ прибъгалъ къ кельъ игуменьи и подымалъ лай; записку брали и передавали настоятельниць, которая и исполняла поручение согласно съ письмомъ (§ 16). Однажды Стефанъ засталъ Іоаниа въ горькихъ слезахъ, съ опущенною головою на дверцы пещеры, и узналъ отъ него, что какъ при Стефанћ мѣсто это возвеличится, такъ при немъ же и будетъ уничтожено отъ современной иконоборческой ереси, причемъ старецъ предсказалъ ему будущую судьбу (§ 17).

Въ это время умеръ отецъ Стефановъ Григорій. Сынъ съёздилъ въ городъ, похоронилъ отца, распродалъ имущество въ Константинополъ и съ матерью и сестрою (другая сестра его постриглась въ Цареградскомъ монастырѣ) удалился на Авксентіеву гору, гдѣ старецъ Іоаннъ постригъ ихъ въ женскомъ монастырѣ (очевидно Τριχιναρέας). Украшенный схимою, сынъ сдёлался духовнымъ отцемъ своей матери и сестры (§ 18). Затъмъ умираетъ старецъ Іоаннъ. Стефанъ удариль въ било (τὸ κροῦμα δέδωκε), и вотъ съ окрестныхъ горъ, холмовъ, полей и лѣсовъ потяпулась на Авксентіеву гору толпа (χορός) монаховъ для погребенія тёла въ усыпальницё отцевъ (§ 19). Стефанъ былъ истиннымъ преемникомъ добродътелей Іоанна и шестымъ посл'в Авксентія знаменитымъ подвижникомъ горы. Подобно тому какъ моряки держатся извъстнаго направленія, руководствуясь положеніемъ звіздъ, и путешественники по суші идуть не безызвістными тропинками, гдф могутъ попасть въ руки разбойниковъ, а торными дорогами (ταῖς λεωφόροις), такъ и Стефанъ въ жизни своей всегда помышляль о вышнемь Іерусалимі и иміль передь собою образы великихъ отцевъ Авксентіевой горы. На тридцать первомъ году жизни (стало быть, около 745 года) онъ заключился въ подземной пещер в подобно пчель въ своемъ ульт и, чтобы не быть никому въ тягость, снискиваль пропитаніе трудами своихъ рукъ: занимался плетеніемъ рыболовныхъ сътей (των δικτύων συρραφήν και σύμπλεξιν της άλιευτ:хης τέχνης) и перепискою книгъ, поо считался каллиграфомъ (§ 20). Прославившись своимъ подвижничествомъ, онъ невольно привлекалъ къ себъ посътителей, которые желали подражать ему въ жизни. Стефанъ охотно припималъ ихъ и вскоръ образоваль около себя кружокъ изъ 12 братьевъ-монаховъ, между которыми были: Маринъ, Іоаннъ, Захарія, Христофоръ, Сергій и Стефань; была построена и киновія

во имя св. Авксентія съ усыпальницею, которая (позже) была разрушена «безбожнымъ тиранномъ» (Константиномъ Копронимомъ) и съ тъхъ поръ стала называться «холмомъ Авксентія» (§ 21). Когда братіп собралось 20 человѣкъ, Стефанъ поставилъ Марина экономомъ и намъстникомъ киновіи, а самъ на 42 году жизни (въ 756 г.) удалился на самый верхъ Авксентіевой горы и поселился въ пещеръ, образовавшейся въ южной ея части, за скалою, защищавшею пещеру отъ холодного съвернаго и западнаго вътра; здъсь опъ построилъ келью въ $1^{1}/_{2}$ локтя ширины и 2 длины; въ восточной части устроилъ мъстечко въ видъ раковины для молитвы, въ которомъ едва можно было пом'єститься согбенному челов'їку и которое походило скор ве на гробъ (§ 22). Удаленіе Стефана совершилось въ тайнъ. Утромъ ученики пришли къ его прежнему жилищу и къ удивленію своему не нашли его. На склонъ холма святой услышаль ихъ слезы и успокоилъ ихъ. И въ зной и въ холодъ онъ носиль одну и ту же одежду-кожаный хитонъ, клобукъ, украшенную крестами опояску и наплечья, подъ которыми носилъ желѣзпыя вериги крестъ-на-крестъ; спалъ подобно старцу Іоанну, своему учителю, на тростниковой ценовке (§ 23). Слава о Стефанъ разнеслась повсюду, имя его стало извъстнымъ и въ Константинополъ. Много людей прівэжало къ нему на холмъ и удостоивалось его благословенія. Между прочимъ прибыла одна знатная вдова, жаловалась на свое вдовство и безд'єтность и желала поступленія въ монастырь. Святой съ радостью поощряль ее къ исполненію этого объта. Черезъ Халкидонскую пристань (ναύσταθμος) она прівхала въ столицу, распродала свое имущество, раздала деньги бъднымъ и, покинувъ родителей, родню и друзей, выбхала изъ Константинополя и черезъ Пропонтиду 1) достигла въроятно той же Халкидонской пристани, откуда прибыла на дивную (но не Дивную) гору (πρός τό θαυμαστόν όρος). Часть оставшихся денегь она принесла святому для раздачи, но Стефанъ препроводилъ ее вифстф съ Мариномъ, чтобы она собственноручно раздала деньги по состдиимъ селеніямъ. Затемъ онъ облекъ ее въ схиму, наименовалъ Анною и поселиль въ подоргномъ женскомъ монастыръ, гдъ игуменьею была его родная мать (§ 24).

Съ этого времени для Стефана наступаетъ особаго рода подвижничество. Приступая къ описанію его, агіографъ снова говоритъ о

¹⁾ р. 437: της Προποντίδος διαπεράσασα τοῦ ἄστεος, но такого города неизвъстно; быть можеть слідуеть читать: ἀπὸ τοῦ ἄστεος: (отъ Халкидона) взошла на гору.

своемъ безсилін достойнымъ образомъ передать разсказъ о мученіяхъ святого и снова напоминаеть, что приступиль къ написанію по порученію 1). Начиная говорить о ереси иконоборческой, авторъ говоритъ сначала о еретикахъ вообще, начиная съ Симона, Менандра и Кердоны, кончая наною Гоноріемъ (625-638) и Магометомъ (§ 25). Дьяволь, не переставая бороться съ созданнымъ по образу Бога челов комъ, нашелъ орудіе для своихъ деяній въ лице сирійскаго мага, соименнаго льву звъря, и возбудилъ его противъ поклоненія иконамъ; и хотя онъ умеръ, но ересь унаследовалъ сынъ его Константинь, для котораго агіографь не находить достаточно бранныхъ словъ. Этотъ царь сталъ портить, уничтожать и сжигать иконы и вооружился противъ монашескаго сословія, называль схиму — схимою мрака, а самихъ монаховъ-недостойными упоминанія (άμνημόνευτοι) и идолопоклонниками. Созвавъ весь подвластный ему народъ 2) (очевидно на селентій), онъ заставиль его поклясться передъ Тѣломъ и Кровью Христовою, передъ честнымъ крестомъ (τῶν ἀγράντων ξύλων, έν οίς Χριστός-γείρας εξέτεινεν) и евангеліемъ, что не будетъ поклоняться иконъ, будетъ называть ее идоломъ, не будетъ имъть общенія съ монахами и говорить имъ «здравствуй»; будетъ при встрѣчь мраколюбца ругать и бросать въ него камнями. Для выполненія своей программы онъ назначиль на патріаршій престоль не избраніемъ ($\psi \eta \varphi \omega$) Божіниъ и і ерейскимъ, но собственною властью (πανουργία), Константина, съкоторымъ онъ восшелъ на амвонъ, вручилъ омофоръ и произнесъ самъ акос этому не патріарху, а скорке фатріарху. Ничего подобпаго, говоритъ авторъ, не случалось и при языческихъ служеніяхъ (§ 26). Затъмъ царь и патріахъ разослали по всъмъ епархіямъ грамоты (προγράμματα) съ приглашеніемъ областныхъ начальниковъ (άργισατράπαι) и епископовъ въ столицу на соборъ противъ иконопочитанія 3). Среди повсемъстнаго плача православныхъ безбожные попирали священное, присваивали себъ сосуды, разрушали и посыпали пепломъ церкви, потому что въ нихъ находились икопы; иконы Христа, Богородицы и святыхъ сжигались, разрушались, заштукатуривались (άναγρίσει παρεδίδοντο); гдъ же находились растенія, деревья, птицы, животныя, верховая ізда, псовая охота, зрівлища и конскія скачки (ίπποδρόμια), тамъ эти картины почитались и тщательно оберегались.

¹⁾ p. 439: ἐμαυτὸν τοῖς προτρέπουσι δέδωκα... τῶν εἰς τοῦτο προτρεψάντων.

²⁾ p. 443: ἄπαντα τὸν ὑπ' αὐτοῦ λαὸν ἐκκλησιόσας.

³⁾ Разумћется соборъ 754 года.

128 отдълъ 1.

Авторъ высказываетъ при этомъ свой взглядъ на почитаніе иконъ п цитируетъ слова Василія Великаго, что честь иконт относится къ прототипу (§ 27). Толпы монаховъ, покинувъ европейскія области Византіи, самую столицу, Өннію и Виеннію, а равно пещерники Прусіадской области собрались на Авксентіевой горів ко св. Стефану, котораго застали въ великой печали. Подвижникъ, изобразивъ весь ужасъ церкви, убъждаль иноковь твердо стоять въ въръ (§ 28). Утышая ихъ, онъ подалъ имъ следующій советь: «есть три области, которыя не приняли участія въ этой нечестивой ереси: тамъ вы должны искать себъ убъжища», и на вопросъ: «гдъ именно находятся эти области?» отвѣтилъ: во-первыхъ сѣверные склоны береговъ Евксинскаго Понта 1), побережныя его области, лежащія по направленію къ Закхійской епархій и пространства отъ Воспора (Керчи), Херсона, Никопсиса по направленію къ Готоіи Низменной 2); во вторыхъ, области, лежащія по Пароенійскому (Средиземному) морю 3), тамъ, гдѣ простирается Южный заливъ (Адріатическое море), именно: митрополія Никопольская, насупротивъ стараго Рима, Неаполь и отсюда пространство до ръки Тибра; въ-третыихъ, нижнія части Ликійской провинціи, отъ Силея (Συλέου) и Сики (Συχής), далье на самомъ морь 4) островъ Кипръ и противоположный берегъ до Триполиса, Тира и Іоппіи. По словамъ св. Стефана, предстоятели церквей Римской, Антіохійской, Іерусалимской и Александрійской анаоематствовали иконоборческую ересь и въ писаніяхъ своихъ (ἐπιστολαῖς στηλιτευτιχαῖς) называли царя отступникомъ и ересіархомъ; «пресвитеръ Іоаннъ Дамаскинъ, котораго этотъ тираннъ 5) пазываль Мансуромь, а мы его называемь преподобнымь и богоноснымъ, не переставалъ писать ему и называть его «ересеустнымъ» (αίρεσγελή) и Мамеоомъ; епископовъ его называлъ мракобѣсами (ἐπισκότους), подлыми рабами (κοιλιοδούλους) и забулдыгами (γαστρόφρονας), особенно (разумъя при этомъ) любителей конскихъ скачекъ и зрълищъ Пастилу и Трикакава, Николанта и друга бъсовскаго Аципія» (Άτζύπιος). Выслушавъ Стефана, иноки последовали его совету: одинъ отплылъ въ Понтъ Евксинскій, другой на Кипръ, третій въ Римъ. По-

¹⁾ p. 451: τὰ πρός τὸ ἄναντες τοὺ Εὐξείνου Πόντου.

²⁾ p. 452: τὰ πρός τὴν Γότθιον (Γοττίαν) κοίλην ἀπαντῶντα.

³⁾ Терминъ Кирилла Скивопольскаго (въ Житіи Евеимія).

⁴⁾ τὰ κατ' αὐτὴν τὴν προποντίδα πλεόμενα. Здѣсь, какъ указалъ проф. Васильевскій. «Пропонтида» употреблено въ общемъ значеніи предморья, а не въ смыслѣ Мраморнаго моря.

⁵⁾ Стефанъ намекаетъ очевидно на имп. Константина, а не на Льва.

кинувъ свои монастыри, они стали странниками (ξένοι) и пресельниками (πάροιχοι); Византія лишалась монашескаго сословія (§ 20) 1). Между тыть имп. Константинь разрушиль Влахернскій храмь, украшенный прежде стѣнами съ изображеніями — начиная отъ пришествія на землю Господа до разныхъ чудесъ Его, до Его вознесенія и до схожденія (не Сошествія) Святого Духа чрезъ иконное изображеніе 2). — Послъдняя фраза нуждается въ поясненіи. Анна Комнина (1120 г.) въ довольно неясныхъ словахъ говоритъ объ «обычномъ чудѣ», соверщавшемся во Влахернской церкви (ІІ, 175); Антоній Новгородскій (1200 г.) пишетъ: «къ Лахернъ Святой Духъ Святый сходитъ» (96 С, 21 Л); Анонимъ 1204 г.: «въ Влахернъ Святый Духъ схожаще на вся пятницѣ» 3); папа въ 1207 г. писалъ (повидимому, объ иконъ Одигитріи): «хотя мы не разделяемъ мивнія некоторыхъ Грековъ, будто на этой иконъ почиваетъ Духъ блаженной Маріи, однако не считаемъ это суевъріемъ» 4); средневъковой писатель Belethi разсказываетъ: «былъ некогда въ Константинополе въ одной церкви образъ Святой Девы, предъ которымъ висълъ покровъ, совершенно закрывающій его; но въ пятницу на вечерић этотъ покровъ безъ всякаго содъйствія ниспадаль самъ собою и божественнымъ чудомъ какъ бы поднимался къ нему, такъ что всё это могли ясно и вполне видеть; а въ субботу покровъ нисходилъ на прежнее мъсто и оставался до слъдующей пятницы» 5). — Уничтоживъ всѣ Христовы тайны, императоръ обратилъ церковь въ овощную лавку (όπωροφυλάχιον) и птичникъ (όρνεοσχοπείον), изобразивъ мозаикою: деревья, разныхъ птицъ, звѣрей, и все это посреди листьевъ плюща, журавлей, вороновъ и павлиновъ; «а если кто вздумаетъ обвинить меня за эту мысль, пишетъ агіографъ, то пусть онъ отправится въ этотъ храмъ, и тогда повъритъ, что это правда». — Отсюда проф. Васильевскій делаеть заключеніе, что все эти арабески и фигуры сохранялись во Влахернскомъ храмъ и послъ Константина и Ирины, когда онъ писалъ свое Житіе, прибавимъ: кажется, сохранялись до второй половины IX стольтія, о чемъ можно

9

¹⁾ p. 453: αίχμαλωτιζόμενον το Βυζάντιον τοῦ μοναχικοῦ καταλόγου.

²⁾ τον-ναόν τῆς-θεοτόχου τον εν Βλαχέρναις κατορύξαντος, τον πρίν κεκοσμημένον τοῖς διατοίχοις ὄντα ἀπό τε τῆς πρὸς ἡμᾶς τοῦ θεοῦ συγκαταβάσεως εως θαυμάτων παντοίων καὶ μέχρι τῆς αὐτοῦ ἀναλήψεως, καὶ τῆς τοῦ άγίου ποεύματος καθόδου διὰ είκονικῆς άναζωγραφήσεως.

³⁾ Новгор. 1, Спб. 1888, стр. 186.

⁴⁾ Riant, Exuviae Cpolitanae, II, 76-77.

⁵⁾ Migne, Patr. lat., CII cap. 51; ср. В. Васильевскій, стр. 290. Византійскій Временникъ.

заключить изъ житія Θеодора Студита. — Въ этомъ храмѣ царь и патріархъ созвали соборъ (σύνοδον) изъ подлыхъ рабовъ своихъ, епископовъ, и назвали иконы идольскими подобіями (ἀγαλματικὰ εἴδωλα); анаематствовали патр. Германа, назвавъ его древопоклонникомъ, и съ воздѣтыми кверху руками произнесли: «нынѣ спасеніе міру, яко ты, царю, свободилъ ны отъ идоловъ». Агіографъ, возставая противъ рѣшенія императора присвоить себѣ наименованіе «тринадцатаго апостола», обращается къ иконоборцамъ съ такими словами: вы креститесь не въ Троицу, но во имя Пастилы, Трикакава и Кавала, наставниковъ его (§ 30).—Въ виду краткихъ и «не совсѣмъ точныхъ свѣдѣній» агіографа о соборѣ 754 года, проф. Васильевскій изложилъ подробно обстановку и дѣянія собора — по Өеофану и нашему Житію. Мѣстомъ засѣданія былъ сначала дворецъ Іерія, между Халкидономъ и Хрисополемъ, а потомъ Влахерны, число участниковъ 338.

Когда деянія этого собора были скреплены подписями, царь узналь о деяніяхъ Стефана. Пригласивъ къ себе образованней шаго изъ вельможъ, способнаго и поговорить и выслушать, патрикія Каллиста, царь поручиль этому еретику отправиться на Авксентіевъ холмъ и убъдить Стефана подписаться подъ актами, именемъ царей Константина и Льва, и въ случат усптха дать монаху финиковъ и миндалю, чёмъ тотъ обыкновенно питался. Однако патрикій потерпель неудачу: Стефанъ назвалъ соборъ лжесобраніемъ (ψευδοσύλλογος), опредъленія его — еретическимъ мнізніемъ, даря — ересіархомъ; сжавъ пальцы въ кулакъ, святой сказалъ, что пока у него течетъ въ жилахъ кровь, она прольется за икону Христову; пища и масло были отвергнуты. Царь сильно разгивался, выслушавъ своего патрикія, и немедленно отправилъ опять его же вмъстъ съ «архисатрапами» и щитоносцами — перевести Стефана изъ кельи въ подгорный монастырь и тамъ стеречь его въ ожиданіи суда; тѣ такъ и сдѣлали. Въ виду того, что святой отъ воздержанія совстить истощаль, ослабтять и не могь ходить, щитоносцы перенесли его на плечахъ въ усыпальницу Авксентія, куда заключили и другихъ, находившихся съ нимъ, монаховъ. Стража, карауля двери заключенія, въ продолженіи шести дней оставалась безъ пищи, дивясь святости узника; на седьмой день явился изъ Константинополя новый начальникъ и именемъ царя велёлъ водворить Стефана въ его прежнемъ жилищѣ: причиною этому была война царя со Скиеами 1) (§ 31). — По митнію проф. Васильевскаго, это

¹⁾ p. 460: πολέμου πρός Σκύθας παρακειμένου.

была война съ Болгарами, 759 года. - Между темъ Каллистъ подкунилъ одного изъ учениковъ святого. Сергія, и объщаль ему и другое кое-что, лишь бы онъ сдёлалъ доносъ на своего учителя. Воины, сторожившіе Стефана, испросивъ его молитвъ, вернулись въ столицу и отправились въ походъ противъ Скиеовъ въ провинцію Европу; а Сергій, оставивъ монастырь, ушелъ къ Авликаламу, сборщику подаτεй въ Ημκομημίκουν βαλιμέ (ὁ άρχιτελωνών κόλπου της Νικομηδείας φορολόγος), и оба они написали доносъ на Стефана, что онъ называетъ царя еретикомъ, сироуроженцемъ (συρογενή) и Виталіемъ (Βιτάλην), что, сидя на горь, онъ копаетъ ему яму, что онъ постригъ одну благородную женщину въ подгорномъ монастыр в и по ночамъ нав вщаетъ ее. Служанку Анны они подкупили объщаниемъ свободы и выдачи замужъ за придворнаго челов ка, лишь бы она показала противъ своей госножи. Записку (γραμματεΐον) свою они послали со скороходомъ (διά ταγυδρόμου) въ собственныя руки царя, находившагося уже среди Скиоовъ. Константинъ, прочтя письмо, немедленно отправилъ съ курьеромъ (βερίδης) посланіе въ Константинополь къ патрикію Анеу (Άνθης), остававшемуся тогда нам'єстникомъ (ὁ ἀντ' αὐτοῦ τὴν πόλιν хратфу), съ требованіемъ схватить въ подгорномъ монастырѣ Авксентіева холма Анну, одну изъ тамошнихъ блудницъ, и прислать ее къ нему съ теми же курьерами. Аноъ съ толпою воиновъ, варварскимъ образомъ, явился въ монастырь (§ 32). Въ это время въ обители шла служба третьяго часа. Воины съ обнаженными мечами бросились внутрь храма. Произопло смятеніе; служба была прервана; монахини въ испугъ то бъжали внутрь алтаря, то скрывались подъ престоломъ, то бъжали на гору. Игуменья, находившаяся у себя въ кельъ, вышла къ воинамъ и усовъщивала ихъ; но тъ требовали именемъ царя выдать имъ подругу (φίλη) Стефанову Анну для доставленія ея въ лагерь (φοσσάτον) императора. Настоятельница вызвала Анну и съ нею другую, именемъ Өеофанію, которымъ и велёла идти къ царю. Надъвъ наплечники ($\epsilon \pi \omega \mu i \delta \alpha \varsigma$) и испросивъ благословенія, эти двѣ монахини были отведены въ лагерь къ царю (§ 33). Первымъдъломъцаря было разлучить монахинь. Затымъ призвавъ духовную дочь Стефанову, Константинъ сказалъ: знаю, что о тебъ передано миъ справедливо, знаю изм'тнчивость женской души; скажи же, какъ тебя этотъ чародъй (γόης) убъдилъ покинуть родныхъ и нарядиться въ эту помраченную одежду? Или онъ желалъ блудить съ тобою? Какою же красотою онъ увлекъ тебя? На это Анна отвътила: «царь, я принад132 отдълъ і.

лежу тебѣ тѣломъ: казни, убивай, дѣлай со мною, что хочешь, но отъ Анны ты ничего другого не услышишь кромѣ правды: я не знаю человѣка, о которомъ ты говоришь, а знаю праведнаго и душенолезнаго учителя, руководителя моего спасенія». Царь не нашелся, что сказать на это, началъ кусать ногти на одной рукѣ, а другою, по своему обыкновенію, махалъ по воздуху, свистѣлъ и хмурился сидя; потомъ распорядился взять ее подъ стражу, а Өеофанію, противъ желанія, отправиль обратно въ монастырь, гдѣ она подробно разсказала о допросѣ Анны игуменьѣ и сестрамъ, а на холмѣ и самому Стефану (§ 34).

Возвратившись изъ похода въ столицу, царь приказалъ заключить Анну въ мрачную тюрьму Фіала (τῆς Φιάλης), со связанными руками, съ намъреніемъ на другой день произвести снова допросъ. Вечеромъ онъ послаль къ ней одного евнуха-кувикуларія для уб'яжденія, пощадить себя, разсказать правду о Стефань, перемынить одежду и жить пышно съ царицею; вотъ, говорить онъ, и твоя служанка обличаеть правду; если ты будешь упорствовать, то на глазахъ твоихъ разстку на части твое тело; въ противномъ случать, сознавшись въ прелюбодъяніи, ты будешь одарена и почестями и подарками. Однако Анна выпроводила отъ себя евнуха (§ 35). На другой день царь, собравъ народъ передъ городскимъ фіаломъ (πρό τοῦ ἄστεος τῆς φιάλης), велълъ вывести Анну нагою, положилъ передъ нею воловыи жилы (βούνευρα) и пригрозиль употребить ихъ въ дёло, если она не сознается въ преступной связи со Стефаномъ. Анна молчала. Царь назваль ее прелюбодъйкою и вельль бить. Восемь человъкъ растянули ее на воздух'в и начали бить по животу и по спин'в. Женщина только приговаривала: «не знаю человъка, о которомъ ты говоришь», да «Господи помилуй». Затѣмъ императоръ велѣлъ привести ея прислугу и разсказать передъ всеми о преступности ея госпожи. Та поклялась и лишь только протянула руки къ Аннъ, какъ послъдняя плюнула ей въ лицо. Видя, что страдалица лишилась языка, царь велёль бросить ее въ одинъ изъ монастырей столицы, а самъ удалился во дворецъ, обдумывая планъ, какъ бы погубить Стефана (§ 36). На другой день онъ призвалъ къ себъ своего молодого любимца Георгія Синклитика (то έπίκλην Συγκλητών) и имѣлъ съ нимъ разговоръ, сообщенный потомъ самимъ Георгіемъ, разсказчикомъ нашего автора: Какъ ты меня любишь? спросиль царь. — Безгранично. — И дегко умерь бы за меня? — Съ полною готовностью, отвътиль тотъ сложивъ руки на своей

груди. - Нътъ, не умирать за меня прошу, ты не потеряешь ни одного изъ своихъ членовъ, но вотъ въ чемъ просьба: пди на Авксентіевъ холмъ, притворно сдёлайся тамъ амнимоневтомъ и потомъ скоре возвращайся ко мнв. Георгій съ радостью согласился исполнить порученіе: отправился на гору, скрылся въ чащѣ, съ наступленіемъ ночи сталъ стучаться въ монастырь: онъ будто бы заблудился, боится попасть въ пасть зверямъ, или свергнуться съ утеса. Стефанъ велель Марину впустить путника и съ удивленіемъ зам'єтиль, что прибывшій имфетъ лицо и бороду, гладко выбритыя. Авторъ замфчаетъ: «Богъ заповъдалъ Моисею сообщить всему народу: не стригите головы вашей и не порти края бороды твоей», а новый Іевусей и Амаликитянинъ (Константинъ) распорядился наоборотъ: начиная отъ старца до молодого, брить свои бороды наголо до самой кожи; «и донынь, замьчаеть біографъ, нікоторые изъ насъ — не наши: по виду наши, а по образу жизни чужіе; они и въ 70 летъ брекотся». Стефанъ спросилъ Георгія: ты в'єдь изъ дворца? На что Синклитикъ отв'єтиль: да, отче; но по беззаконію нечестиваго царя всі мы предались іудейству; я съ трудомъ избёгъ такой жизни и прибылъ сюда съ намёреніемъ облачиться въ рясу. Стефанъ не соглашался постричь его, зная о запрещеній императора, но когда Георгій зам'єтиль: слово воздащь Богу, если не пострижешь меня, — Стефанъ перемѣнилъ на немъ мірскую одежду на монашескую. Новый монахъ оставался въ монастырѣ три дня (§ 37). А царь между тёмъ собраль народъ на цирковое эрёлище (τὸ θέατρον τοῦ ἰπποδρομίου) и поднявшись на ступеньки въ отделеніи Русіевъ (ἀναβαθμούς, ἔνθα ἐπιλέγεται τὰ τοῦ ῥουσίου), провозгласилъ: «нътъ мнъ житья отъ проклятой шайки амнимоневтовъ». Народъ закричаль: «владыко, да неть и следа ихъ одежды во граде твоемъ».--Я не могу перенести ихъ козней: они увлекли у меня моихъ близкихъ и одъли въ помраченныя одежды; вотъ и любезнаго мнѣ Георгія Синклитика они отняли у меня и сдёлали аввою. Народъ сочувственно отнесся къ его положенію (§ 38). Между тімь, черезь три дня Стефанъ облачилъ Георгія въ схиму, но новый инокъ только этого и добивался. Едва прошло еще три дня, какъ онъ бъжалъ съ холма во дворецъ. Царь принялъ его съ распростертыми объятіями, найдя теперь будто-бы предлогъ къ умерщвленію святого. Черезъ нѣкоторое время онъ созвалъ опять весь народъ и даже будто бы новорожденныхъ младенцевъ, на цирковое эрълище, на селентій (σελεντίου άγομένου, царская різчь передъ народомъ). При страшной давкі народа

134 отдълъ і.

царь опять поднялся на тъ же ступени и произнесъ: «наша взяла (èvíκησέν μου ή τύγη); Господь услышаль мои молитвы». Народь воскликнулъ: «когда же тебя Богъ и не послушаетъ»? Царъ повеселълъ, захохоталь и произнесъ: «Господь открыль искомаго мною, и если вы желаете, я открою вамъ его». — «Казни его, убей, сожги, какъ ослушавшагося твоего повеленія». Царь тогда велель вывести Георгія въ монашеской рясь. Увидьвъ царскаго любимца въ рясь, народъ возопилъ: злому и злой конецъ! смерть ему! смерть ему! 1) По повелънію царя съ Георгія сняли наплечники и клобукъ и бросили ихъ въ толпу, которая попрала ихъ ногами. Взявъ въ руки его опояску съ крестами, царь недоум валь, что съ нею делать, но одинъ изъ его вельможъ (άργόντων), «имя которое я охотно пройду молчаніемъ (прозваніе его — драконтово») 2), воскликнулъ: царь, брось подъ ноги и эту веревку съ сатанинскою петлею. Четыре человъка бросили Георгія на землю и потащили (ачахонвойоги) его за одежды, сорвали ихъ и оставили его нагимъ. Принеся кадь съ водою, они облили его съ ногъ до головы въ видъ новаго крещенія, затымъ облачили его въ головной уборъ и въ военныя одежды; царь собственноручно повъсилъ при бедръ ему мечъ, поднялся на ступень и возвелъ его въ должность стратора (конюшаго). Народъ, вооруженный мечами, потребовалъ идти на Авксентіевъ холмъ, явился сюда, разсъялъ учениковъ святого, сжегъ монастырь и церковь до основанія, извлекъ Стефана изъ пещеры и привель его къ морскому склону (§ 39).

Дорогою святого сѣкли по бокамъ розгами (βέργαις), толкали (ἔπρωθον) его въ пропасть, били шиповникомъ по членамъ, плевали ему въ лицо,
били палками по головѣ и надрывались при этомъ отъ смѣха; до самаго моря его ругали отступникомъ, амнимоневтомъ, мракоодѣяннымъ; посадили его на судно (ἐν ἀκατίφ) и, переплывъ море, достигли
Филиппикова монастыря, лежащаго у моря, около города Хрисополя ³),
заключили здѣсь узника и донесли о томъ царю. Константинъ, узнавъ
о разореніи монастыря, издалъ указъ (πρόσταγμα): «если кто будетъ
схваченъ подымающимся на Авксентіевъ холмъ, тотъ подвергается
казни мечемъ». Затѣмъ онъ созвалъ своихъ «ересіарховъ», «помрачен-

¹⁾ p. 474: χαχόν ἰδεῖν χαχὰ τὰ ἔτη· φονευθήτω· φωνευθήτω.

²⁾ Изъ Өеофана (I, 440) мы знаемъ, что это былъ өракійскій преторъ Михаилъ Лаханодраконъ, злъйшій врагъ монаховъ, продававшій церковные сосуды и сжигавшій мощи святыхъ.

³⁾ р. 476: τὸ εὐαγὲς τῶν Φιλιππιχοῦ μοναστήριον τὸ πρὸς θάλασσαν τοῦ ἄστεος Χρισο-πόλεως χείμενον, ниже τὸ προρρηθὲν ἐν Χρισοπόλει μοναστήριον.

ныхъ», Өеодосія епископа Ефесскаго, Константина Никомидійскаго, новатора, Константина Наколійскаго съ Сисинніемъ Пастилою и Василіемъ Трикакавомъ, а также придворныхъ лицъ: Каллиста, статсъсекретаря (ἀντιγραφεύς) Комбоконона (Κομβοχόνων) и сарациномудреннаго Масару (Масарай, Мосарай), и послаль ихъ къ патріарху Константину для того, чтобы всёмь вмёсте отправиться въ Хрисопольскій монастырь. Однако патріархъ отказался ёхатъ къ Стефану, будто бы замѣтивъ: «Константину со Стефаномъ бесѣдовать — большая разница: у меня слово и только, а у него со словомъ и сила божественнаго духа; смотрите, что отъ него услышите» (§ 40). Съ опредъленіемъ собора 754 года, епископы прибыли въ монастырь, вошли въ церковь и крещальню (ὁ λουτήρ) и, поднявшись на ступеньки, вельли позвать Стефана. Не въ силахъ ходить отъ изнеможенія и желъзныхъ кандаловъ на ногахъ, святой былъ приведенъ двумя людьми. Посланцы заплакали. Өеодосій сказаль: «скажи намь, человькь Божій, почему ты возводишь на насъ подозрѣніе въ ереси и относишься съ преэрьніемъ къ царямъ, архипастырямъ, епископамъ и всьмъ христіанамъ? Не можемъ же всь мы хлопотать о погибели душъ нашихъ»! Стефанъ началъ словами прор. Иліи къ Ахаву: «не я развращаю, но ты и домъ отца твоего», не я развратиль, а вы, церковные новаторы; цари земные и князіе вмѣстѣ съ пастырями и «измѣнниками паствы» собрались за одно противъ Христовой церкви, задумавъ пустое и тщетное. Константинъ Никомидійскій, всего 30-ти лѣтъ отъ роду, хотъль было ударить по лицу сидъвшаго на землъ святого; одинъ изъ копьеносцевъ ударилъ ногою Стефана по животу и заставилъ его подняться. Святой не только не уклонился отъ удара, но подставиль и другую щеку. Члены «синклита», находившіеся при Каллистъ и Комбокононъ, укротили Константина, но объявили Стефану: или покориться и подписать соборный акть, или поплатиться жизнію «за возраженіе противъ закона отъ Бога наученныхъ отцевъ и царей». На это Стефанъ отвѣтилъ: «послушай, господинъ патрикій (χυριοπατρίχιος): мнѣ жизнь — Христосъ и смерть за святую его икону-польза и слава»; впрочемъ онъ попросилъ прочесть ему синодальный актъ (§ 41). Константинъ Наколійскій, раскрывъ книгу (την δέλτον), прочелъ заглавіе: «опред'єленіе святаго вселеннаго седьмаго собора». Стефанъ сдёлалъ рукою знакъ къ молчанію и произнесъ длинную рёчь, въ которой между прочимъ говоритъ: почему соборъ названъ святымъ, если онъ осквернилъ все святое: попралъ дискъ божествен-

ныхъ таинъ, иконы Христа, Богородицы и Предтечи, отнялъ наименованіе «святость» у святыхъ, праведныхъ, апостоловъ и мучениковъ? Если на вопросъ: куда идешь? вы постановили говорить: къ Апостоламъ (είς τους Άποστόλους, вмѣсто: въ церковь святыхъ Апостоловъ), а на вопросъ: откуда идешь? — Изъ Сорока мучениковъ (ѐх τῶν Τεσσαράχοντα μαρτύρων, вмѣсто: изъ церкви святыхъ 40 мучениковъ), куда? Къ мученику Өеодору, къ мученику Акакію, п т. д.? «Почему соборъ названъ вселенскимъ, на который не соизволилъ (εὐδόχησεν) ни Римскій папа (ό Γώμης) (хотя канонъ предписываетъ, что церковныя дъла не должны быть утверждаемы безъ папы Римскаго) 1), ни Александрійскій, чтобы сказать правду, ни Антіохійскій, ни Іерусалимскій? Гдѣ книги (λίβελλοι) ихъ, въ которыхъ бы ваше лжесоборище именовалось вселенскимъ соборомъ»? Почему онъ седьмой, если онъ не слѣдуетъ шести соборамъ? Трикакавъ спросилъ: что же мы уничтожили изъ святыхъ шести соборовъ? И получилъ въ отвътъ: а развъ святые шесть соборовъ собирались не въ священныхъ храмахъ (первый во св. Софіи Никейской, второй во св. Ирин'в цареградской, третій въ храм'в св. Іоанна Богослова въ Ефес'в, четвертый въ нашей Халкидонской (Καλγηδοναίων) митрополіи во всехвальномъ храмъ (св. Евфиміи), пятый опять въ Цареградъ и шестой во св. Софіи и во священномъ дворцѣ (¿ Τροῦλλος или 'Ωάτον)? Не стояли ли въ нихъ иконныя изображенія, не поклонялись ли имъ св. отцы? Епископъ сознался, что это правда, и тогда Стефанъ произнесъ: «кто не поклоняется Христу, писанному на икопъ по человъчеству, да будетъ анавема». Посрамлепные епископы, заключивъ снова Стефана, вернулись во дворецъ, но хотъли скрыть свою неудачу; однако свита Каллиста разсказала царю о побъдъ Стефана. Императоръ немедленно подписалъ указъ о ссылкъ (γράφει την έξορίαν) Стефана «на хребетъ (νῶτα) Еллеспонта—въ Приконисъ» (§ 42). Въ теченіи 17 дней, проведенныхъ въ Хрисопольскомъ монастыръ, Стефанъ оставался безъ пищи; хотя царь и посылаль ему провизію, но она отсылалась святымь обратно. Въ это время забольть лихорадкою или тифомъ (τῷ διαχαιεῖ τοῦ πυρετοῦ νοσήματι) игуменъ монастыря настолько серьезно, что врачи отчаялись въ его выздоровленій; тогда онъ отправиль ко святому выдающихся монастырскихъ пословъ съ приглашениемъ навъстить его и помолиться. Силъ его хватило только до 9-го часа. Стефанъ явился, помолился, и

p. 481: κανόνος προκειμένου, μη δεῖν τὰ ἐκκλησιαστικὰ δίχα τοῦ πάπα 'Ρώμης κανονίζεσθαι.

лихорадка (ὁ πυρετός) тотчасъ оставила игумена. Святой спросиль: не хочешь ли чистаго вина? И когда пгуменъ отвътилъ утвердительно, Стефанъ подалъ ему свой бокалъ (βαυχάλιον) съ несмѣщаннымъ впномъ. Больной выпилъ, сильно пропотелъ (ίδρωτι πολοστῷ κατασχεθείς) и выздоровъть. Святой просиль игумена молиться о немъ и въ случав посвщенія имъ холма вспомнить о немъ.

По прибытій на Приконисъ, проходя по пустыннымъ мѣстамъ, Стефанъ пришелъ въ скалистую страшную мѣстность около моря, и поселился на гребнъ скалы въ одной пещеркъ, называвшейся Киссудою (Κισσοῦδα), гдѣ стоялъ храмъ во имя праматери Анны; пищею ему служили травы (§ 43) 1). Разсѣянные изъ Авксентіевой горы монахи-ученики святого, узнавъ о пребываніи его на Приконись, толпами направились на островъ; изъ нихъ не оказалось только двухъ, перемѣнившихъ монашескую одежду на мірскую, именно Сергія, написавшаго доносное письмо (χάρτην) на святого и пославшаго его къ императору въ лагерь, и Стефана, принявшаго отъ святого схиму и бывшаго пресвитеромъ монастыря, но потомъ сдълавшагося служителемъ (λειτουργός) Каллиста; вмѣстѣ съ Сергіемъ онъ снялъ съ себя схиму, быль облачень императоромь въ мірскую одежду, сдёлань служителемъ во дворцѣ Σοφιαναί, въ которомъ исполнялъ гнусныя торжества царя, и названъ былъ «попомъ веселья» ($\tau \tilde{\eta} \zeta \chi \alpha \rho \tilde{\alpha} \zeta \pi \alpha \pi \tilde{\alpha} \nu$). Всѣ остальные монахи собрались на лицо и составили монастырь на Приконисъ. Мать святого съ дочерью, покинувъ монастырь Трихинарейскій, также прибыла на островъ. Стефанъ на 49-мъ году (то-есть въ 763-764 г.) избралъ столпническое житіе (§ 44).

Богъ прославилъ Стефана даромъ чудесъ надъ змѣями, скорпіонами и въ разныхъ бользняхъ. Одинъ совершенно сльпой 2) отъ рожденія явился на островъ ко святому и молиль исцілить его; послів нівкотораго колебанія святой спросиль, в'труеть ли онь въ иконы святыхъ, и, получивъ утвердительный отвътъ, исцълилъ юношу; это было первое чудо святого на Приконисѣ (§ 45). Одна знатная женщина изъ Кизика, имѣя 9-тилѣтняго сумасшедшаго (δαιμονιζόμενον) ребенка, явилась съ нимъ на островъ; при видъ столпа мальчикъ страдалъ страшно: его подбрасывало на воздухъ и снова онъ падалъ на землю. Несчастная мать обратилась съ ходатайствомъ къ матери святого. Стефанъ велѣлъ одному монаху перекрестить ребенка и дать ему по-

¹⁾ Глава 43-я житія случайно пропущена при разбор'є проф. Васильевскимъ. 2) р. 488: δεινώς ὑπὸ τοῦ ζόφου εἰς ἀβλεψίαν ἀμαυρωθείς.

138 отдълъ і.

цъловать икону, послъ чего мальчикъ выздоровълъ (§ 46). Одна знатная женщина, жившая въ Иракліи Өракійской, около моря 1), съ 7-льтняго возраста страдала кровотеченіемъ, чахла и мучилась. Прибывъ на островъ, она была исцелена Стефаномъ черезъ возложение печати во Христъ и поклонение Его иконъ (§ 47). Святой укрощалъ также бурю морскую и въ особенно опасныхъ случаяхъ самъ являлся на суднъ и правилъ рулемъ (§ 48). На второй годъ Приконисскаго изгнанія святого (ок. 765 г.) родная мать его скончалась, а черезъ семь дней умерла и ея дочь Өеодота (§ 49). Въ то время явился на островъ изъ европейскихъ частей некій Стефанъ, солдатъ армянскаго происхожденія 2), страдавшій сухоткою (ກຸ່ມເຊັກຄວຊ) и ходившій совершенно наклоненнымъ къ землъ. Святой поставилъ передъ нимъ иконы Христа и Богородицы, помолился, велель поцеловать образа и исцелиль больного. По возвращении его въ отрядъ товарищи дивились его выздоровленію, и когда Стефанъ сообщиль, что его излічиль Приконисскій монахъ, заставивъ поціловать иконы Христа и Богородицы» 3). солдаты подняли его на смъхъ и назвали идолопоклонникомъ. Архисатрапъ Оракіи, узнавъ о томъ, препроводилъ исціленнаго солдата къ императору. Зная о ненависти царя къ амнимоневтамъ и иконамъ, Стефанъ отрекся отъ святого изгнанника и даже анаоематствовалъ его, за что императоръ возвелъ его въ должность сотника (χεντυρίων). Возвращаясь однажды верхомъ изъ дворца домой, этотъ сотникъ упаль съ лошади, сломаль об'в ноги, сталь жертвою лошади и умеръ. Императоръ видя, что Приконисскій изгнанникъ не перестаетъ учить народъ «идолослуженію», ръшился перевести его (§ 50).

Со связанными руками онъ быль брошень въ мрачную столичную тюрьму Фіала; ноги его были также въ колодкахъ (ἐν τῷ ξύλφ). Черезъ нѣсколько дней, когда царь сидѣлъ на террасѣ Фара ⁴) между двумя сановниками (ἄρχοντες) и творилъ съ ними судъ (ἐποιεῖτο τὴν ἐρώτησιν), къ нему былъ приведенъ узникъ Стефанъ, запасшійся предварительно монетою, которую спряталъ въ клобукѣ. При видѣ монаха Константинъ воскликнулъ: «о, насиліе! и какой амнимоневтъ вооружается (хатаµартυρεῖται) противъ моего царства»? Стефанъ промол-

¹⁾ p. 492: ἐν τἢ τἢς Θράκης Ἡρακλεία πλησίον τοῦ αἰγιαλοῦ.

²⁾ p. 494: στρατιώτης του στίφους τῶν Άρμενίων ἐκ τῶν τῆς Εὐρώπης μερῶν.

³⁾ μίαν ἀνδρὸς γράφουσαν Χριστός, καὶ ἐτέρχν γυναικὸς ὡς ἔλεγον εἶναι αὐτἡν τῆς θεοτόχου!

⁴⁾ p. 496: ἐν τῷ τοῦ Φάρου ἡλιακῷ.

чалъ и стоялъ въ наклонномъ положеніи. Царь вспыхнулъ, глаза его налились кровью, онъ замоталъ рукою по воздуху, зашипёлъ по змённому и воскликнулъ: «мнъ ли не отвъчаешь, препоганая голова»? Святой сказаль: «царь, если ты хочешь осудить меня, то казни меня, а если хочешь спрашивать, то мягкость да умерить твой гневь, ибо законы повельвають судьямь судить именю такимь образомъ». Изъ разговора, въ которомъ постоянно слышались слова «иконы», «идолослуженіе», обнаружилось, что иконоборды называли икону Христа Аполлономъ, икону Богородицы — Артемидою. Разгоряченный Стефанъ вынуль изъ клобука монету съ изображениемъ императоровъ (Константина и Льва) и спросиль: чье это изображение? Свита сказала: образъ и имя непобъдимыхъ царей. Тогда со словами: если попирающіе монету подвергаются суровому наказанію, то какому же наказанію подлежать попирающіе икону?---бросиль монету на поль и началъ топтать ее. Свита бросилась было на святого съ намъреніемъ сбросить его съ иліака внизъ, но самъ царь запретиль имъ это; связаннаго Стефана за шею и по рукамъ сзади царь велълъ отправить въ общественную (δημοσίαν) тюрьму столицы, называвшуюся «священнымъ преторіемъ» (πραιτώριον, § 51). Въ тюрьмѣ Стефанъ нашелъ 342 заключенныхъ иноковъ, набранныхъ изъ разныхъ мѣстъ, кого съ уръзаннымъ носомъ, кого ослъпленнымъ, кого съ отрубленными руками, за отказъ подписаться противъ иконопочитанія, кого безъ ушей, кого съ тяжелыми ранами, кого остриженнымъ и обритымъ иконосжигателями, кого съ обмазанною смолою и выженною бородою. Стефанъ пожальль, что сохраниль всь члены тыла за исповыдание иконопочитанія. Преторій скоро обратился въ монастырь, въ которомъ аккуратно совершалось монашеское правило. Жена тюремнаго надзирателя (καπικλάριος), тайная иконопочитательница, называла святого даже земнымъ ангеломъ; она тайно отъ мужа пришла къ святому, принесла ему провизіи и просила молитвъ. Святой отказался отъ пищи и не благословилъ ее, полагая, что она еретичка; но когда она исповъдала иконопочитаніе, открыла свой кивотъ съ тремя иконами Богородицы, держащей на рукахъ Младенца, Петра и Павла, и поклонилась имъ, святой благословиль ее и приняль отъ нея въ субботу и воскресенье шесть унціевъ (οὐγκίας) хльов и три бокала воды, что ему хватило на всь 11 мьсяцевь, которые онь провель въ преторіи (§ 52).

Однажды въ темницъ между узниками зашла ръчь о мученикахъ, пострадавшихъ въ разныхъ областяхъ отъ правителей царя Констан140 отаблъ і.

тина. Выступиль Антоній съ острова Крита и разсказаль о страданія Критскаго инока Павла. Последній быль схвачень архимандритомъ острова Өеофаномъ Лардотиромъ и приведенъ для следствія въ преторій Ираклія (του 'Ηρακλείου). Передъ нимъ положили на полъ икону Христа и орудія нытки, называвшіяся у древнихъ Грековъ ("Ελληνες) καταπέλται. Стратигъ предложилъ Павлу или попрать икону, или подвергнуться наказанію; но тотъ вм'єсто попранія наклонился и облобызалъ образъ. За это онъ былъ обнаженъ, положенъ на катапелты, пригвожденъ отъ шеи до ногъ къ двумъ доскамъ, поднятъ вверхъ ногами и сожженъ на подложенномъ подъ нимъ костръ (§ 53). Затъмъ пресвитеръ и старецъ Пелекитскаго монастыря Өеостирикть, у котораго иконосжигатели отръзали носъ и опалили бороду, предварительно вымазавъ ее смолою, разсказалъ о жестокости начальника («сусо») Азійской земли Лаханодракона (это уже изв'єстный намъ преторъ Михаиль Лаханодраконь, котораго агіографь сначала не хотель назвать по фамиліи). По прошествіи четыредесятницы, передъ Пасхою, въ пятницу на Страстной недёлё, во время службы, этотъ архисатрапъ по дарскому повельнію напаль на монастырь со множествомъ воиновъ, прервалъ служеніе, схватилъ монаховъ (числомъ 39), заколотиль имъ руки и шеи въ колодки, остальныхъ кого растерзалъ, кого сжегь, у кого, какъ напр. у меня, отрезаль нось и выжегь бороду, обмазавъ ее предварительно смолою, и отослалъ (въ Константинополь); мало того, онъ сжегъ самый монастырь, начиная отъ конюшни (іттофорваточ), кончая церквами. Забравъ всёхъ 38 монаховъ, онъ заключиль ихъ на границахъ Ефеса подъ сводами старой бани, засыпалъ входъ, подкопалъ гору, которая своимъ паденіемъ заживо похоронила иноковъ (§ 54). Самъ Стефанъ разсказалъ братіи о двухъ страдальцахъ: Петръ, затворникъ Влахернскомъ (ό εν Βλαγέρναις εγχεκλεισμέvos), котораго въ присутствии царя били воловьими жилами за почитаніе имъ иконы Христовой и который, назвавъ царя Датіаномъ (Даτιανός)1) и Отступникомъ (Іуліаномъ), скончался со словами «Благодарю тя, Господи», и Іоаннь, игумень монастыря Монагрійскаго (της Μοναγρίας), который, отвергнувъ попраніе иконы Христа и Богородицы, быль зашить въ мешокъ и съ большимъ камнемъ быль бро-

¹⁾ Проф. Васильевскій, им'єя въ виду нижесл'єдующую параллель къ Валенту, выразилъ недоум'єніе на счеть имени Датіана. Но такъ назывался имп. Діоклитіанъ, какъ видно изъ Житія великомуч. Георгія (въ славянскомъ Дадіянъ): А. Поповъ, Опис. рук. Хлудова, стр. 331.

шенъ въ море; «и кто сумъетъ передать происки и жестокія пытки во всёхъ областяхъ со стороны страшныхъ правителей (йруочтес) тиранна и враговъ истины»? (§ 55). — Өеофанъ (I, 432) подъ 761 годомъ разсказываеть не о Петръ, а объ Андреъ, каливитъ Влахернскомъ (χαλυβίτης έν Βλαγέρναις), который назваль царя Валентомъ и Іуліаномъ и былъ мученъ бичами (διά μαστίγων); а о Петрѣ Столпникѣ говорить гораздо позже, послѣ мученія самого Стефана, который такимъ образомъ не могъ знать о его кончинъ. «Въ настоящее время. говорить проф. Васильевскій, можно считать вполнѣ доказаннымъ, что не діаконъ Стефанъ, писатель Житія, а именно авторъ хроники допустиль ошибку, которая, впрочемъ состоитъ только въ томъ, что онъ перемъщаль имена двухъ святыхъ: то, что у Өеофана говорится объ Андрев, должно быть относимо къ Петру, и то, что (подъ 767 годомъ) говорится о Петрѣ, должно быть относимо къ Андрею Стилиту, то-есть, къ тому святому, который въ греческихъ Прологахъ называется св. Андреемъ иже въ Крись (по мьсту погребенія), а въ славянскихъ — иже въ Критъ (по мъсту происхожденія)». Мученичество Павла Критскаго, иноковъ Пелекитскихъ, Петра Влахернскаго († 16 мая 761 г.) и Іоанна Монагрійскаго относится, по мижнію этого ученаго, къ періоду 761 — 765 годовъ, по Болландистамъ 761 - 767.

Приступая къ разсказу о последнихъ дняхъ святого, авторъ еще разъ говоритъ о своемъ недостоинствъ и слабости ръчи. Стефанъ предсказаль время своей кончины за 40 дней. Пригласивъ жену тюремнаго надзирателя, онъ просилъ ее болье не приносить ему пищи и питія; онъ готовился къ смерти, постился и облачаль въ монашескую рясу приходившихъ къ нему въ темницу мірянъ. Черезъ 38 дней онъ опять пригласиль надзирательницу, благодариль ее за оказанныя услуги, взяль икону Спаса и Петра и Павла и возвратиль ее собственниць, прибавивь, что на другой день онъ отойдеть въ иной міръ. Жена взяла иконы и спрятала ихъ въ полотенце (έγχειρίδιον). Святой всю ночь провель съ братіею въ пъснопъніи (§ 56). Царь, совершая языческія возліянія (έλληνικήν σπονδήν), праздноваль въ то время дедемоническій праздникъ Брумалій (Βρουμάλιον, на которомъ чествовались Діонисъ и Брумъ, какъ покровители съмянъ и вина 1). — На осно-

¹⁾ Еще 62-е правило VI вселенскаго собора говоритъ (Ράλλη καὶ Πότλη· Σύνταγμα τῶν θείων κανόνων. Άθήν. 1852, ΙΙ, 448): τὰς οῦτω λεγομένας καλάνδας καὶ τὰ λεγόμενα Βοτά καὶ τὰ καλούμενα Βρουμάλια καὶ τὴν ἐν τῆ πρώτη τοῦ μαρτίου μηνός ἡμέρα ἐπὶ τελουμένην πανήγυριν καθάπαζ έκ της των πιστών πολιτείας περιαιρεθήναι βουλόμεθα.

ваній Пасхальной Хроники проф. Васильевскій описаль это празднество, состоявшее въ угощени царемъ вельможъ, вельможами — простого народа, но не всъхъ одновременно, а въ алфавитномъ порядкъ ихъ именъ: сначала угощались лица, имена которыхъ начинались съ А. потомъ шла буква В, Г и т. д. — Сидя утромъ съ приглашенными въ портикѣ гвардейскихъ отрядовъ (ἐπὶ τὰς τῶν σχολῶν στοάς), царь совершаль возліяніе, на которое пришлась 5-я буква алфавита, соотвътствовавшая начальной буквъ имени его третьей жены Евдокіи. Въ это время ему донесли, что глава амнимоневтовъ «Стефанъ Авксентіевъ» (о той Аύξεντίου) обратиль преторій въ монастырь и всё горожане (πάντες οί ἐν τῆ πόλει) идуть къ нему въ темницу. Константинъ призвалъ меченосца, состоявшаго въ должности «ближняго человѣка» (τῆ τοῦ προξίμου ἀξία καταλεγόμενος), и велѣлъ ему вывести Стефана за городъ, гдѣ стояла церковь св. Мавры 1), имъ разрушенная до основанія и обращенная въ місто казни (φονευτήριον) съ наименованіемъ его «Мавринымъ» (Майра). Здёсь, говорить авторъ, царь заключиль договоръ съ демонами, о чемъ свидетельствуетъ принесеніе въ жертву Суфламіева дітеныша (τοῦ Σουφλαμίου παιδάριον): по словамъ проф. Васильевскаго, «намекъ на какую-то темную исторію, распущенную, конечно, врагами императора». — Вмёстё съ предписаніемъ объ умерщвленій Стефана сдёлано было распоряженіе о производствъ розысковъ въ столицъ; и кто имълъ въ числъ знакомыхъ монаха или просто человека въ темныхъ одеждахъ, подвергался изгнанію; враги радовались, выдавая своихъ недруговъ, рабы доносили на своихъ господъ (§ 57). «Ближній человѣкъ», заколотивъ шею и руки Стефана въ колодки, повелъ его на мъсто казни. Между тъмъ императоръ вышелъ изъ дворца и по главной общественной улиць (ἐπὶ τὸ της λεωφόρου δημόσιον) направился на площадь Милій (τὸ Μήλιον). Здёсь на мильномъ столбё съ давнихъ временъ изображены были шесть вселенскихъ соборовъ, напоминавшіе неграмотнымъ, пришельцамъ, да и самимъ гражданамъ о православной въръ; но Константинъ замазаль эти изображенія, а на місто ихь веліть нарисовать конскій быть и своего любимаго возницу, котораго прозваль «ураніакомъ» («небеснымъ»). Когда народъ восторженно встретилъ императора на площади, царь произнесь: «нътъ утъшенія душь моей отъ зачумленныхъ амнимоневтовъ». На это одинъ ему замътилъ: какъ, владыко?

¹⁾ p, 551: πέραν τοῦ ἄστεος, ἔνθα ἦν ὁ ναὸς τῆς ἀγίας Μαύρας.

и следа ихъ не видно ни въ городе, ни въ другихъ областяхъ, все они погублены, и главный врагъ «Стефанъ Авксентіевъ», котораго мы сегодня встрътили, и тотъ уведенъ на казнь. Но царь сказалъ: Стефанъ не боится смерти, онъ только ее и ждетъ; такъ нѣтъ же, онъ умретъ не такою смертью, а более жестокою; кроме того и царица пожалеть, что сегодняшній день празднества ея Брумалія омрачится убійствомъ. И съ этими словами онъ велёлъ вернуть Стефана обратно въ тюрьму (§ 58). Вечеромъ среди пиршества онъ призвалъ двухъ родныхъ братьевъ-чиновниковъ, красавцевъ (которыхъ потомъ изъ зависти умертвиль), и вельль имъ идти въ преторій и передать Стефану, что царь спасъ его отъ смерти, чтобы онъ покорился императору; въ противномъ случав велель бить его по рту и по спинв до смерти. Братья, тайно почитая страдальца, не только не били его, но лобызали его ноги, и вернувшись донесли царю, что въ виду упорства Стефана, они били его до того, что онъ лишился языка и едва ли доживетъ до завтра (§ 59). Утромъ Стефанъ снялъ съ себя наплечники, опояску и ремень, сняль и клобукъ; братія не совътовала ему снимать клобука, но святой не хотёль, чтобы разъяренная толпа народа попирала ногами эту схиму; онъ оставался въ одномъ мѣховомъ хитонъ (§ 60). Ночью, будто бы отъ демоновъ, царь узналъ, что братья его обманули. Вставъ около второго часа (по нашему около восьми часовъ), онъ вышелъ въ передніе покои дворца (та васіліка προαύλια) и закричаль: «насиліе! нѣть у меня помощниковъ! что мнѣ и амнимоневтамъ!» и обратившись къ собравшимся къ нему на пиршество, спросиль: «куда вы? чего хотите»? Тѣ отвѣтили, что явились къ нему, дарю своему, на праздникъ царицы. «Я вамъ не дарь», воскликнуль Константинъ, «у васъ другой царь, у ногъ котораго вы ползаете, следы котораго вы пелуете, молитвъ котораго вы просите; ньтъ у меня единомысленника, который бы убиль его и даль покой моей жизни». — Генрихъ II Плантагенетъ очевидно находился въ такомъ же положеніи въ 1170 году, когда, выведенный изъ себя архіепискономъ Оомою Бекетомъ, воскликнулъ: «какъ! человѣкъ оскорбляетъ весь королевскій домъ, и ни одинъ изъ этихъ малодушныхъ слугъ, которыхъ я кормлю за своимъ столомъ, не отомститъ тому, кто наноситъмнѣ такую обиду»! 1). — На вопросъ гостей, кто этотъ врагъ импе-

¹⁾ Aug. Thierry. Hist. de la conquête de l'Angleterre. Paris 1868, II, 111; русскій пер. Спб. 1868, II, 308-309.

ратора, царь назвалъ Стефана Авксентіева. Гости заволновались, бросились въ преторій и потребовали у тюремныхъ надзирателей «Стефана Авксентіева». Святой самъ вышель къ нимъ. Толпа вытащила его на улицу (ἐπὶ τὴν δημοσίαν) и била его по головѣ и по всему тълу камнями и палками. Когда онъ былъ вытащенъ за первыя ворота преторія (την πρώτην πύλην τοῦ πραιτορίου) къ предверью (είς τὰ πρόθυρα) тамошняго храма (εὐκτήριον) св. великомуч. Өеодора и въ последній разъ помолился здесь, одинъ изътолпы, по имени Филомать (Φιλομάτιος), выхватиль у одного изъ пожарныхъ (ύδροστάτης των έμπρησμων), иначе «сифоновъ» (σίφονες), большую дубину, называемую сутісу, и ударивъ ею по головь, прекратиль мученія Стефана; туть же онь самъ сошель съ ума и остался въ такомъ положени до самой смерти (§ 61). И бездыханный трупъ страдальца не быль оставленъ въ покоћ: въ него бросали камни, тащили по камнямъ, отрубили руки, отсъкали пальцы съ ногтями, разсъкали по частямъ его члены; кровь лилась по дорогѣ. Одинъ камнемъ разсѣкъ животъ его на двв части; такой смерти, замвчаетъ авторъ, не бывало и у Еллиновъ. Тутъ, оставивъ свои занятія, «по повельнію тиранна», одинаково усердно упражнялись мужчины, женщины и дети, поражая трупъ камнями и палками. На Воловьей площади (ὁ τοῦ Βοὸς τόπος) произошла новая сцена. Мастеровой (χάπηλος), жарившій на сковородь (τήүсиои) рыбу, видя тёло, влекомое по улицё, выхватиль изъ огня головню, удариль ею по голов'в покойника и отсадиль ему поль черепа 1), такъ что мозгъ вывалился на землю. Одинъ изъ почитателей святого, Өеодоръ, следовавшій за трупомъ, подбираль его части, которыя пряталъ въ полотенцъ и подъ одеждою. Трупъ притащили къ монастырю Монокіонія (τοῦ Μονοκιονίου), гдѣ жила сестра Стефана; хотѣли, чтобы и она бросила камень въ тело, но та скрылась въ мрачномъ гробъ и избъгла черни. Наконецъ трупъ бросили въ яму «язычниковъ и осужденныхъ», гдъ прежде стоялъ храмъ мученика Пелагія, обращенный Константиномъ со времени его паденія въ кладбище осужденныхъ, τὰ Πελαγίου. Τοлпа вернулась и донесла царю объ убіеніи Стефана; царь будто бы расхохотался при этой въсти (§ 62). — Описывая кончину св. Стефана, мы невольно припоминаемъ кончину св. Андрея въ Судъ (стр. 45 — 46) и казнь имп. Андроника Комнина. Прошло 420 л'єть, а толна все такъ же, если не болье, какъ прежде благоговьла, такъ теперь издъвалась надъ страдальцемъ. На шею Андроника нало-

¹⁾ p. 520: τὸ ὄπισθεν μέρος τῆς χάρας, δ λέγεται ἡμίκρανον, μερίσας ἀπέρρηξεν.

жили двѣ цѣпи, ноги заковали въ кандалы, осыпали его руганью, били по щекамъ, толкали пинками, выщипывали бороду и волосы, вырывали зубы, били кулаками по лицу даже женщины; отрубили ему правую руку, выкололи лѣвый глазъ; колбасники, кожевники и мастеровые (οί ἐν τοῖς καπηλείοις), проводившіе цѣлый день ра улицѣ, сбѣжались на это зрѣлище, били недавняго царя по головѣ палками, пачкали ему ноздри пометомъ и выжимали на лицо скотскія и человѣческія изверженія, кололи рожнами въ бока, лили на ляцо ему горячую воду, «словомъ не было никого, кто бы не злодѣйствовалъ надъ Андроникомъ»; вѣшали его за ноги и рвали его дѣтородные члены; одинъ злодѣй вонзилъ ему длинный мечъ въ горло до самыхъ внутренностей, другіе пробовали на немъ остроту своихъ мечей; наконецъ тѣло его бросили въ одномъ изъ сводовъ на ипподромѣ, откуда оно было перенесено къ Ефорову монастырю ¹).

Стефанъ скончался на 50-мъ или 53-емъ году возраста (то-есть въ 765 г.) ноября 28-го (у Васильевскаго по опечаткъ: 22-го), когда праздновалась брумалистами буква є. — Изъ двухъ рукописныхъ датъ упомянутый ученый принимаеть первую, такъ какъ и Өеофанъ помѣщаетъ кончину святого подъ 2527 годомъ 4-мъ индиктомъ (=765). — Изъ чудесъ, совершившихся послѣ кончины святого, авторъ упоминаетъ следующія: когда трупъ влекли на смерть, заблистали солнечные лучи и облако въ восточной части Константинополя надъ вершиною горы, откуда святой приходиль, сдёлалось огненнымъ, потомъ оно перешло на крайнія части города и потемніло; поднялась буря надъ городомъ и многіе боялись быть ею увлеченными; не мало пострадали въ городъ зеленъющія пашни; благочестивый народъ молилъ Бога о минованіи опасности, и Онъ вняль ихъ моленію (§ 63). Благочестивый Өеодоръ, взявъ часть главы Стефана, спряталъ ее подъ пазухою, пришель въ монастырь Дія (μονή τοῦ ὀσίου πατρὸς ἡμῶν Δίου) и тайно сообщиль его игумену о событіи дня. Игумень привель Өеодора въ правый придёль (εὐχτήριον) монастыря, посвященный имени первомученика Стефана, и, открывъ раку, положилъ въ нее мощи св. мученика, въ присутствіи н'екоего «монастырскаго д'єтеныща» Стефанита 2), и потомъ перенесъ ихъ въ алтарь (τ ой ϑ υσιαστηρίου ξ σω τ αὶ τ ῶν ίερων περιβόλων). Скоро Өеодоръ былъ оклеветанъ передъ царемъ въ подпланій иконъ и сослань съ женою и детьми на островъ Сицилію:

¹⁾ Nicet. Chon. p. 455 sq. ed. Bonn.

²⁾ p. 523: συμπαρόντος καί τινος Στεφανίτου παιδαρίου μικροῦ τῆς παρούσης μονῆς. Византійскій Временникъ.

вернулся на родину лишь спустя много льть (§ 64). Именно, «монастырскій дітенышъ» Стефанить, выросши, просиль поставленія у своего игумена во діакона; но настоятель зам'єтиль, что онъ еще молодъ и воспитанъ съ молодыхъ летъ на его рукахъ; тогда Стефанитъ, грозя игумену, укралъ ковчежецъ (λαρναχίδιον) съ мощами, принесъ во дворецъ и сообщилъ царю, что игуменъ Діева монастыря чтитъ кости враговъ императора и называетъ последняго Іуліаномъ, подобно изгнанному въ Сицилію Өеодору изъ Далмата 1). Игуменъ былъ арестованъ, Оеодоръ привезенъ изъ Сициліи. Царь съ тремя судьями обвинили обоихъ, но тъ отвергли обвинение. Тогда Константинъ велель Стефаниту принести ковчежець, который онъ должень быль стеречь, но ковчежецъ исчезъ безъ следа, «не обретается и нынев», замѣчаетъ авторъ. Боясь, какъ бы чудо не распространилось среди византійцевъ, царь наказалъ плетьми Стефанита и сослалъего въ другую область; игуменъ же и Өеодоръ были освобождены отъ обвиненія (§ 65). — Съ любопытнымъ явленіемъ монастырской жизни — монастырскими детенышами-мы встречаемся также въ Житіи Николая Студита (§ 10); но къ сожальнію, этихъ данныхъ все-таки очень недостаточно для составленія себь надлежащаго понятія объ этомъ институть. Дътеныши жили внь монастырей, въ монастырскихъ домахъ (для того, чтобы не безпокоить самихъ монаховъ); они посъщали церковь, сызмала привыкали къ порядку богослуженія, исполняли при этомъ мелкія порученія игумена и вообще готовились съ юности къ монашеской жизни; дътскія игры имъ не возбранялись; они жили на счеть своихъ монастырей, изучали грамоту и различныя науки и съ достиженіемъ возраста могли быть поставляемы въ діаконовъ; молодые люди могли приходить изъ другихъ частей имперіи и поступать въ монастырские дома въ качествъ дътенышей въ ожидани совершеннольтія, когда имъ будеть позволено вступить въ обитель монахами. Для лучшаго уразумѣнія этой группы монастырскаго населенія не безынтересно будетъ привести параллель изъ старой русской жизни. Памятники XVI и XVII вв. говорять намъ, что монастырскіе «дітеныши» (детины, дети) жили въ монастырскихъ особыхъ дворахъ и занимались главнымъ образомъ монастырской пашней и сънокосомъ; они также могли быть кожевниками, конюхами, пастухами, мельниками, мукомолами, поварами, трапезными служками и т. д.; это были, по-

¹⁾ р. 524: Θεοδώρω τῆς Δαλμάτου, вѣроятно изъ мѣстности, гдѣ стоялъ монастырь Далмата.

видимому, круглые сироты, дѣти умершихъ или погибшихъ монастырскихъ крестьянъ-трудниковъ (старинные), которые сохраняли свое названіе и по достиженіи совершеннольтія, даже будучи отцами семейства; дѣтенышами могли быть обѣднѣвшіе крестьяне и бобыли, иноземцы, выходцы изъ «польскихъ» городовъ; они получали кормъ отъ монастырей, но иногда были нанимаемы обителями за деньги для помощи стариннымъ дѣтенышамъ (наймиты)¹). Тогда какъ въ Византіи домы дѣтенышей были разсадниками монашества, на Руси они были скорѣе пріютомъ для монастырскихъ трудниковъ; тамъ болѣе заботились о духовно-религіозномъ воспитаніи юношей, здѣсь преобладала практическая сторона жизни.

Служанка, оклеветавшая свою госпожу Анну, по смерти уже последней, равно какъ и св. Стефана, не получивъ ничего изъ обещаннаго, то-есть ни свободы, ни замужества за придворнаго, явилась къ Каллисту и сборщику податей Авликаламу и будто бы пригрозила, что если они не исполнятъ обещанія, она посреди города обличитъ ихъ деянія. Те выдали ее замужъ за секретаря (νοτάριος) никомидійскаго сборщика, то-есть за секретаря Авликаламова. Отъ него она родила близнецовъ, овдовела и, кормя однажды ночью грудями, погибла: близнецы откусили сосцы у матери и вместе съ нею умерли и сами (§ 66).

Авторъ заявляетъ, что повъсти (δ і $\eta \gamma \dot{\eta}$ ματα) его — правдивы, ибо основаны на разсказахъ близкихъ ко святому лицъ, его знакомыхъ, его сподвижниковъ и учениковъ, а также приспъшниковъ «тиранна». Обращаясь къ Епифанію, наслъднику Авксентіева холма и Стефановой пещеры, побудившему автора написать житіе святого 2), агіографъ просить его принять отъ многаго немногое (\S 67) и заканчиваетъ свой трудъ молитвеннымъ обращеніемъ ко святому (\S 68).

Патр. Игнатій быль послѣднимь лицомь въ 1X вѣкѣ, житіе котораго носило названіе β іоς τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν. И это не даромъ. Преемникь Игнатіевъ св. Фотій, мужъ, украшенный разнообразными добродѣтелями, необычайной ученостью и стойкостью въ вѣрѣ, не смотря на то, что имя его не рѣдко встрѣчается въ памятной литературѣ и мимоходомъ въ нѣсколькихъ житіяхъ святыхъ въ качествѣ преподобнаго, блаженнаго и святого Фотія, однако не былъ почтенъ

¹⁾ М. А. Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствъ. Спб. 1898, стр. 295 и сл.

²⁾ p. 527: ό καὶ πρὸς τὸ τοιόνδε ἐγχείρημα ἐπιτάξας καὶ προτρεψάμενος.

особымъ житіемъ: надъ нямъ тяготѣло проклятіе Рима и отчужденность многихъ византійцевъ. Преемникъ его св. Стефанъ, братъ имп. Льва Мудраго, признаваемый святымъ какъ греческою, такъ и римскою церквами, опять не былъ похваленъ составленіемъ житія его: жизнь его, какъ святого мальчика, не укладывалась въ рамки агіографической схемы. Да и Стефановъ преемникъ св. Антоній Кавлей (893 — 901)¹) имѣетъ не βίον τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν, какъ напр. въ отношеніп Θеофана Сигріанскаго, а βίον εἰς τὸν μέγαν ἐν ἀρχιερεῦσιν θεοῦ καὶ θαυμαστὸν ἐν πατριάρχαις. Разница судя по заглавію огромная: тамъ опредѣленная святость, здѣсь — только приближеніе къ ней, нерѣшительность въ опредѣленіи. Отчужденность между Константинополемъ и Римомъ наложила извѣстный отпечатокъ на агіографическое дѣло Византіи и, чтобы быть въ согласіи съ Римомъ, заставила агіографовъ на первыхъ порахъ быть крайне осторожными въ употребленіи словъ ὁ ἐν ἀγίοις πατὴρ ἡμῶν.

Авторомъ житія Антонія былъ риторъ и философъ Никифоръ, ученикъ Фотія, поклонникъ царя Льва Мудраго, прошедшій высшую патріаршую школу, защитившій тамъ одну диссертацію на степень ритора и другую на степень философа византійской словесности. Изъ писемъ Фотія видно, что патріархъ поправлялъ ученическія сочиненія своего ученика, что Никифоръ по окончаніи патріаршей школы ревностно занимался риторикою и философією 2). Жизнь и патріаршество Антонія были не богаты событіями, поэтому для написанія его житія требовался особый риторическій талантъ. Удачно справившись со своею задачею, Никифоръ тѣмъ не менѣе обнаружилъ и въ этомъ періодѣ своей жизни недостатки средняго образованія, хромая грамматикою 3).

Судя по заглавію (ἐπιτάφιος ἤτοι βίος) 4) можно бы думать, что это житіє было прочитано или сказано въ видѣ надгробнаго слова сейчасъ

¹⁾ Архіеп. Сергій пріурочиваль Антонія къ 893—895 гг., но уже Крумбахерь даль болье точное обозначеніе его патріаршества. Обычное написаніе его ὁ Καυλέας, Καλεύς, Καλέας (по Boor'y Vita Euthymii, S. 97 Anm. 1 болье правильное), иногда Βλαχέας, въ одномъ изъ славянскихъ прологовъ (О. Л. Др. П. Q. XXXIII, XIV в., л. 448) встръчается названіе «Ваклея», то-есть одно названіе только съ перестановкою буквъ ради осмысленія имени.

²⁾ Φωτίου ἐπιστολαί, ὑπὸ Βαλέττα. Ἐν Λονδίνω 1864 σ. 435-441, 550-553.

³⁾ C. von Boor (Vita Euthymii, S. 99, 106) полагалъ, что авторомъ былъ Никифоръ Григора.

⁴⁾ Оὐх ἦν ἄρα τῶν προλαβόντων καλῶν (А. Пападопуло-Керамевсъ, Сборн. греч. и лат. памятниковъ, касающихся Фотія патріарха. Спб. 1899, І, 1—25).

послѣ смерти патріарха, стало быть въ срединѣ февраля 901 года. Къ этой мысли приходилъ Ламбекъ 1), затъмъ Керамевсъ, который впрочемъ почему-то думалъ, что жигіе написано «спустя годъ» по кончинъ Антонія. Едва ли не первымъ, усумнившимся въ современности житія, быль англійскій критикь XVII в. Кевь 2), и дійствительно подозрѣніе вполиѣ основательное: агіографъ не знаетъ опредѣленно ни родины Антонія, ни именъ его родителей, ни подробностей его жизни до патріаршества; не даетъ никакого указанія на свою современность къ патріарху или по крайней мѣрѣ ко времени его смерти; и если бы не связь его съ Фотіемъ, мы могли бы даже думать, что жизнеописатель жиль гораздо позже. Отсюда видно, что самое слово ἐπιτάфю очевидно уже теряло свое первоначальное значение надгробнаго слова, а употреблялось, какъ теперь и у насъ употребляется въ литературѣ выраженіе «эпитафія», въ смыслѣ характеристики дѣятеля, хотя бы уже и не современнаго. Подобную эпитафію мы встрітимъ и при разборъ житія св. Аванасія Мевонскаго.

Въ предисловіи Никифоръ рисуется передъ нами практическимъ философомъ, искавшимъ реализаціи знанія и достиженія его путемъ практическимъ; онъ сторонникъ активной философіи, выражающейся на самомъ дълъ и на фактахъ; основное положение его: слова по самой природъ незначительнъе, нежели дъла (§ 1)3). Послъ такихъ выспреннихъ разсужденій авторъ переходить къ самой біографіи Антонія, но сообщаеть мало біографическихъ свідіній о немъ. О родині патріарха онъ не можеть определенно сказать, была ли это Азія (Фригія), Европа (Оракія), или Византія; онъ знаетъ только, что отецъ Антонія быль родомь изъ Фригіи, гдё состояль на военной службе, но потомъ перебхалъ на житье въ столицу, гдб женился; отъ этого брака и родился Антоній (§ 2). Съ матерью последній жиль въ ея имъніи не далеко отъ столицы. На пятомъ году возраста онъ сталъ учиться; подражаль священнослужителямь, совершающимь службу: говориль, пель, предлагаль хлебь (артось), держаль кадило. По смерти матери онъ изучалъ псалтирь подъ руководствомъ отца. На 12-мъ году возраста Антоній возгорѣлся желаніемъ отшельнической жизни (§ 3). Приведенный къ настоятелю монастыря, онъ приступилъ къ изученію την έγχύκλιον παίδευσιν (§ 4). Дойдя въ разсказъ до выс-

¹⁾ Bibl. Vindob. cod. Histor. III, No XX cf. 95, p. 2.

²⁾ Caveus, Histor. litterar. I, 569; II, 284.

³⁾ φύσει γὰρ οἱ λόγοι τῶν πραγμάτων ἐλαττοῦσθαι πεφύκασιν.

шаго знанія, Никифоръ снова пускается въ философію, говоря, что Антоній не занимался ни Демосфеномъ, ни Гермогеномъ; авторъ не прочь осудить и ученіе Сократа, и Платоновскіе законы, и законодательство Солона, и жречество Епименида, какъ отвлеченныя теоріи, облеченныя въ вымышленную форму: Антоній будто бы искалъ реальнаго знанія (§ 5), — но мы уже видѣли, что такого направленія держался самъ агіографъ, который вѣроятно приписалъ это направленіе и своему герою.

По достиженіи мужескаго возраста (τοῦ χρόνου προβάντος εἰς ἄν-δρας) 1) онъ приступиль къ практической философіи и получиль санъ пресвитера (§ 6), послѣ чего отецъ его по плоти ушель въ монастырь (§ 7). Благодѣянія Антонія простирались не на одну столицу, но также и на скивовъ, вракійцевъ, мисійцевъ и аскетовъ Олимпа 2), которымъ онъ раздаваль деньги на нужды. И вотъ однажды совершилось чудо: невидимая рука дала ему много денегъ со словами: «возьми на расходы тѣмъ, о которыхъ ты заботишься», и исчезла». Съ этимъ, замѣчаетъ Никифоръ, не можетъ сравниться ни сказаніе о лидійцѣ Крезѣ и золотыхъ кирпичахъ, ни мивъ о Мидасѣ 3), — но можетъ сравниться чудо въ житіи Іоанна Милостиваго: «и внезапно встрѣтилъ меня нѣкій въ бѣлыхъ ризахъ, далъ мнѣ въ узлѣ 100 монетъ, говоря: «возьми это, братъ, и устрой такъ, какъ хочешь» 4). — Щедроты Антонія воспѣвались во многихъ городахъ, въ селахъ, на горахъ, въ пещерахъ, въ языкахъ (§ 8).

Когда наступило время, онъ былъ возведенъ на патріаршій престолъ. «Видя это, великій царь, всюду обращая мысленный взоръ, способный изм'єрить прошедшее, разсмотр'єть настоящее и при посредств'є того и другого нав'єрняка предвид'єть будущее» 5), вызвалъ Антонія съ Олимпа и поставилъ его патріархомъ столицы (§ 9).—Итакъ Антоній проходилъ иноческое житіе на Олимп'є.—Видя

¹⁾ Въ пересказъ житія Өеофана Сигріанскаго это выраженіе значить: совершеннольтіє, время женитьбы.

²⁾ τῆς τὸν ἔλεον βλυζούσης χειρὸς μετεῖχον Σκύθαι καὶ Θρᾶκες ναὶ δἡ σὐν ἄλλοις καὶ οἱ πρὸς τῆ ᾿Ασία Μυσοὶ καὶ δἡ πρὸς τοὺς ἐν ᾿Ολύμπῳ ἀσκουμένους (школьная непослѣдовательность въ рѣчи).

³⁾ Μίδα вм. Μίδου.

⁴⁾ Gelzer, Leben Joannes des Barmherzigen, S. 16; cod. graec. Petropolit. № 213 f. 210 r.

⁵⁾ καὶ τοῦτο βασιλεὺς ὁ μέγας ὁρῶν, πανταχοῦ τῆς διανοίας περιφέρων τὸ βλέμμα, καὶ πρός τὸ κατεπεῖγον ἀεὶ τὴν θεραπείαν ποιούμενος, δεινὸς ὧν μετρῆσαι τὸ παρελθὸν καὶ τὸ παρὸν σκοπῆσαι καὶ δι' ἀμροῖν ἀσφαλῶς τὸ μέλλον τεκμήρασθαι.

его добродѣтели, великій царь радовался. Дѣйствительно, Антоній «имѣль въ виду заживить старую церковную рану, то-есть схизму, сводиль воедино восточное и западное, радостнымь лицемъ и смѣющимися глазами разрѣшаль соблазны и соединяль разности» ($\S~10$)¹). Царь, этоть человѣкъ Божій, еще въ юности (èξ ἕτι παιδός) кормился молокомъ справедливости и предпочиталь философію всему прекрасному ($\S~11$).

Антоній захвораль лихорадкою (? πυρετόν), которая разслабила его крѣпкія силы. Одна бѣдная женщина, доставлявшая 2) ему ежедневно пищу, забольла ногами и не могла ходить; чудомъ Антонія она стала ходить безпрепятственно (§ 12). Другая женщина, страдавшая кровотеченіемъ, также исцілилась; «какой Асклипій, какой Хиронъ, восклицаеть Никифоръ, смёшаль такое лекарство»? (§ 13). Заведующій царскимъ шелковымъ производствомъ 3) заболёлъ плевритомъ. Жена и дъти его плакали. Больной прибъгъ къ Антонію, помазалъ масломъ и, взявъ его немного съ собою, исцелился, явился къ раке его и исповедаль чудо (§ 14). На восьмой день после блаженной кончины Антонія (20 февраля), когда могилу его исправляли, разнеслось благоуханіе (§ 15); на девятый день совершилось чудо въ благод'яніе бедныхъ, имъ питаемыхъ (§ 16). Патрикій Левъ, инспекторъ воинскихъ полковъ 4), страдавшій астмою и съ трудомъ дышавшій, исцілился (§ 17). Таковы чудеса послѣ смерти. А вотъ что извѣстно изъ временъ юности Антонія. Въ монастыр'в мученика Өеодора, стоящемъ надъ кладбищемъ (πολυάνδριον), куда бросались тъла осужденныхъ и казненныхъ⁵), Антоній увиділь двухь безобразныхъ людей, которые говорили: уйдемъ отсюда: намъ не вынести настоящаго юноши, и мгновенно скрылись (§ 18). Одна знатная женщина, фхавшая верхомъ на конъ въ сопровождении женской свиты, упала съ лошади, чуть не была раздавлена и ругалась; спутницы ея (оі συμπορευόμενοι!) были не въ состояніи подать ей помощь; но юноша Антоній, неожиданно выскочившій изъ воротъ, сказаль: не ругайся, madame: при посредствъ моихъ рукъ ты очутищься въ прежнемъ положеніи, и съ этими

¹⁾ δι' αὐτοῦ τὸ παλαιὸν τῆς ἐκκλησίας ἔλκος, ἤτοι σχίσμα, εἰς συνούλωσιν προθέμενος ἀγαγεῖν, εἰς εν συνάγει τὰ έῷα καὶ τὰ ἐσπέρια, ... χαρίεντι προσώπῳ καὶ μεδιῶσιν ὀφθαλμοῖς λύει τὰ σκάνδαλα καὶ συνάπτει τὰ διεστῶτα.

²⁾ γύναιον . . . ποριζομένη . . . πυθόμενον . . . συσχεθέν . . .

³⁾ τῶν τις τῆς βασιλείου τῶν σηρῶν ἱστουργίας ἐπιστατούντων.

⁴⁾ ό τῶν στρατιωτιχῶν χαταλόγων τὴν ἐφορείαν διέπων.

⁵⁾ Быть можетъ, здъсь имъется въ виду Пелагіево кладбище.

словами снова посадилъ ее на лошадь. Антоній потомъ забылъ объ этомъ случать, но женщина разсказывала о немъ (§ 19).—Остальные §§ 20—22 представляютъ личный σύγχρισιν и моленіе агіографа.

Το, что сказано объ Антоніи, вполнѣ примѣнимо и къ одному изъ его преемниковъ, св. патр. Евенмію; и Евенмій не называется ὁ ἐν ἀγ(οις πατὴρ ἡμῶν, а только ὁ μέγας ἐν ἀρχιερεῦσι θεοῦ.

Что патр. Евоимій (907—912), сойдя со сцены, оставиль хорошую память среди современниковъ за свою политику умиротворенія церкви какъ внутри, такъ и по отношенію къ Риму, доказывается темъ обстоятельствомъ, что ученикъ Фотія, архіепископъ Кесаріи Каппадокійской Арева, образованный человыкь Х стольтія, также почтиль Евоимія «надгробіемъ» (т. е. надгробнымъ словомъ) въ буквальномъ смыслѣ этого слова 1). Какъ кажется, Арева зналъ Vitam Euthymii 2), но не пользовался ею, ибо ему и не для чего было извлекать нужныя свъдънія: архіепископъ, какъ современникъ, самъ зналъ фактическую сторону біографіи ни чуть не менье анонимнаго писателя. Во время кончины Евоимія (5 августа 917 г.), архіепископъ Ареоа находился въ Византіи и при погребеніи патріарха произнесъ вдохновенное слово въ похвалу и честь Евеимія 3), въ которомъ не трудно замѣтить литературные пріемы и стиль сочиненій Фотія. «Что это, священное сословіе, освященный клиръ, божественный народъ? Зачъмъ общее ваше стечение и неожиданный сей праздникъ? Что за ударъ? Эту скорбь возбудиль въ васъ великій архіерей Божій Евоимій, отторгнутый отъ престола, нынь (тахой) подлежащій смерти, преданный видимому (ὁρωμένω) гробу» (§ 1). — Такъ началъ Арева свое надгробное слово. - Родиною Евеимія была Селевкія (Σελεύχεια), именно Исаврійскій Декаполь, родина Григорія Декаполита, котораго незадолго передъ нашимъ поколение ублажило какъ другого чудотворца⁴). Сначала Евоимій подвизался на виеинскомъ Олимп'є, этомъ лучшемъ

¹⁾ Τί τοῦτο, σύνταγμα ἰερόν (Α. Пападопуло-Керамевсъ, Сборникъ греч. и лат. памятн., касающ. Фотія, І, 26—35).

^{2) § 2:} ἀλλ' ὅσα μὲν οὖτος κατὰ τοῦ ἀντιπάλου πάντων ἡμῶν ἵστησι τρόπαια . . αὐτοῖς ἐκείνοις ἐκδιηγεῖσθαι παραχωρῶμεν, οῖ καὶ παρῆσαν τῷ ἀηττήτῳ τούτῳ ἀνδρὶ καὶ τῆ αὐτοψία μάρτυρες ἀπαράγραπτοι.

³⁾ Старый Oudin и современный ученый Ad. Нагласк авторомъ этого слова считали Ареоу, кесаре-каппадокійскаго пресвитера XI вѣка; но это странное заблужденіе разсѣяно Н. П. Поповымъ. См. его «Имп. Левъ VI Мудрый», стр. XXXVIII—XXXIX.

⁴⁾ εἰς Γρηγορίου τοῦ θείου τὸ γένος ἀνάπτουσα, ὂν ἄλλον θαυματουργόν ἡ μικρῷ πρὸ ἡμῶν ηὐμοίρησε γενεά.

прибѣжищѣ философіп по Богу, потомъ въ монастырѣ Астакинскаго залива (τῷ ᾿Ασταχηνῷ χόλπῳ, § 2), — то-есть въ той же Виеипіи. «И сей (αΰτη) царствующій градъ считалъ его прекраснымъ и отличнымъ дѣятелемъ». Царь любилъ Евеимія, патріархъ (Стефанъ, или Антоній?) сдѣлалъ его своимъ σύσχηνος (т. е. синкелломъ)... Дальнѣйшее содержаніе Арееина надгробія Евеимію уже входитъ въ Х столѣтіе, поэтому мы и ограничиваемся только этими данными, прибавивъ однако, что въ заключеніе Арееа въ личномъ σύγχρισις ఉ сравниваетъ Евеимія какъ съ Іоанномъ Златоустомъ, такъ и: μετὰ Νιχηφόρου χαὶ Φωτίου τῶν ἀοιδίμων τοῖς διωγμοῖς χαὶ δανάτοις συνδοξαζόμενε.

ГЛАВА III.

Студійскій монастырь.

Ж. Платона. — Ж. Өеодора Студита. — Ж. Өеофана Сигріанскаго. — Ж. Николая Студита.

Однимъ изъ знаменитъйшихъ монастырей Константинополя былъ Студійскій (нынъ мечеть Имрахоръ-джамиси), построенный въ V в. патрикіемъ Студіемъ во имя св. Іоанна Предтечи. Въ лучшую пору своего существованія онъ имѣль до 1000 монаховъ. Иконоборческіе императоры разогнали иноковъ, доведя численность ихъ всего до 10 челов вкъ. Наибол ве подробно изв встна эпоха Студія въ VIII—IX в., въ игуменство св. Өеодора Студита. Кром в грековъ въ монастыр в жили выходцы изъ разныхъ странъ, напр. изъ Скиоін (Оаддей), и въ свою очередь, въ санъ іеромонаховъ, иноки расходились отсюда по всей имперіи игуменами или епископами. Каноническая строгость безъ всякаго оппортунизма (οίχονομία) была основнымъ лозунгомъ студитовъ, столь ярко провозглашеннымъ св. Өеодоромъ. Въ ІХ и следующихъ столътіяхъ монастырь ударился въ церковную политику и принесь не мало хлопоть патріархамь, которые принимали противь нихъ иногда крутыя міры 1). Доживи Өеодоръ до патріаршества Фотія, онъ несомнънно быль бы на сторонъ его враговъ; по крайней мъръ одинъ изъ преемниковъ его, Николай, вполнъ напоминавшій Осодора своею монашескою строгостью, сдёлался на всю жизнь врагомъ Фотія.

Память Платона, игумена Саккудійскаго, стала праздноваться уже при его племянникѣ Өеодорѣ, о чемъ студійскій игуменъ пишеть:

¹⁾ Cp. Dobschütz, въ «Byz. Zeitschr.». 1909, XVIII, 41 ff.

«вчера мы совершали память блаженнаго отца Платона, причемъ пъли въ честь его духовныя пъсни и имъли тълесное утъшение» (праздничную трапезу) 1). За обличение противозаконнаго брака имп. Константина съ Өеодотою Өеодоръ сравниваль его съ Предтечею 2). «Такимъ образомъ, говоритъ г. Мансветовъ, ежегодное празднованіе памяти Платона исповъдника началось вскорт послт его смерти, и при Өеодорѣ Студитѣ память его вошла въ Студійскій Мѣсяцесловъ» 3). Въ надгробномъ, дурномъ по языку и стилю, словъ ему Өеодоръ Студитъ даль полную біографію святого, не лишенную однако интереса и послѣ знакомства съ житіемъ самого оратора 4). Онъ сначала говорить о томъ, что занятіе риторовъ и софистовъ состоить въ украшеніи рѣчи и въ возвышении разсказа для доставления приятности слушателямъ; они не заботятся о достовърности сообщеній; но кто стремится къ истинь, тотъ желаетъ говорить, какъ дыла происходили, хотя бы у него и не доставало изящества рѣчи; вотъ, говоритъ, и я, слабый умомъ, ръчью и духомъ, восхвалю моего (духовнаго) отда, о которомъ не могу молчать: это значило бы скрыть светильникъ подъ спудомъ (§ 1—2). — Въ виду того, что Платонъ умеръ въ 814 г. на 79 году жизни, онъ родился въ 735 году. — Родители его, Сергій и Евфимія, имѣли еще двухъ дочерей, изъ которыхъ одна была матерью Өеодора, и скончались въ годину бъдствія «въ царствующей Византіи» (§ 3). Тогда на одеждъ каждаго видълось изображение креста. Заболъвшій умираль и оплакивался; хоронившій сегодня, сегодня же самь быль схороняемъ; по двое мертвыхъ клали на носилки; животныя везли заразъ по четыремъ трупамъ; носильщики изнемогали, гробовщики порѣдѣли, дома запирались на замокъ, кварталы (ρεγεώνες) пустѣли, кладбища (πολυάνδρια) наполнямись; въ два мѣсяца многолюдный городъ поръдълъ. Это было во дни иконоборца Константина (§ 4). -- Муральть пріурочиваеть это событіє къ 747 году. Повальная бользнь, сопровождавшаяся опухолями, по словамъ Өеофана (І, 422), началась въ Сициліи, перешла въ Калабрію, перенесена была въ Монемвасію и Елладу, на острова и наконецъ въ Константинополь. Константинъ Порфирородный, говоря о ней въ Елладь, замьтиль: ἐσθλαβώθη (осла-

¹⁾ Migne, XCIX, 553.

²⁾ Migne, XCIX, 602: ὁ μέγας Πρόδρομος, οὖ μιμητὴς ἡξιώθη γενέσθαι ἐν τῷ ἐλεγμῷ τοῦ μοιχεύσαντος βασιλέως Πλάτων. Ср. ниже, col. 323.

³⁾ Мансветовъ, Церковный уставъ. М. 1885, стр. 102.

^{4) &#}x27;Ρήτορσι μὲν καὶ σοφισταῖς ἡ πᾶσα σπουδή: Migne, XCIX, 804—849. Ср. также письмо его о кончинѣ Платона. II, 29: XCIX, 1197.

вянилась) δέ πάσα ή γώρα καὶ γέγονε βάρβαρος 1). — Лишившись родителей и родни, Платонъ нашелъ пріютъ у одного изъ родственниковъ п занялся письмоводствомъ (την παιδείαν της νοταρικης μεθόδου), потомъ дядъ помогалъ управлять доходами императорской казны и на этой службъ выдвинулся передъ начальниками и сталъ извъстенъ самому императору (§ 5). Онъ не водилъ знакомства ни съ собутыльниками, ни со трапезниками, не тратился ни на шары (χύβοις), ни на вино, но предавался изученію государственныхъ въсовъ и скопиль такое богатство, что оно превзошло его отцовское наследство (§ 6). Ему навязывали невъстъ, но онъ отказался отъ брака, вмъсто игоръ занимался чтеніемъ, витсто театровъ постіщаль церкви и одному изъ каоигуменовъ поверяль тайныя движенія ума (§ 7). Поступая подобно св. Антонію, онъ наконецъ продаль отцовскій домъ и все свое имущество, роздаль деньги бъднымъ, освободиль кръпостныхъ (τους οίκέтас), кое-что оставилъ двумъ своимъ сестрамъ и (въ 759 году) удалился въ область Олимпа, по указанію одного столичнаго архимандрита, именно въ Символьскій монастырь, гдф жиль Өеоктистъ. Онъ вы ва столицы съ однимъ слугою и, прибывъ въ мъстечко Василисъ (Ваσιλείς, Цари), вошелъ въ одну пещеру и постригъ себѣ волосы при посредствъ провожатаго, отослалъ слугу съ одеждою въ столицу и остался одинъ-одинешенекъ (§ 8). Учитель (παιδοτρίβης), къ которому онъ явился, задаль ему вопросы: кто? откуда? зачёмъ? Когда Платонъ отвътилъ на каждый изъ этихъ вопросовъ-о родинъ, родъ и воспитаніи, учитель сказаль: ты не можешь перенести монашескаго труда въ этой суровой мъстности. Платонъ отдавалъ себя въ полное распоряжение наставника. По этому поводу Өеодоръ замъчаетъ: забывая о заповъди Господней (Лук. XIV, 33; XVIII, 22), люди строять себъ монастыри и храмы, идуть въ нихъ, делаются начальниками и владътелями своего имущества, приводятъ сюда слугъ (δούλοι), приносять различные матеріалы; вчера были новичками сегодня они делаются канигуменами, вчера не способные къ подчиненію — сегодня дёлаются руководителями другихъ (§ 9). Высказавъ свой взглядь на подвижничество (§ 10), агіографь разсказываеть затъмъ о пребываніи Платона въ киновіи, именно въ кельи Өеоктиста; онъ исполнялъ даже низменныя службы, нося на плечахъ калъ, орошалъ мъстность (уброч), мъсилъ хльбъ и занимался перепискою съ

¹⁾ De them. II, 6.

большимъ стараніемъ (§ 11). Дёлая все правильно, онъ подвергался выговорамъ со стороны настоятеля въ присутствіи пришельцевъ: когда его хвалили, онъ былъ неподвиженъ, когда его по повеленію игумена били, онъ съ благодарностью принималъ побои (§ 12). За смиреніе его очень и любили. Когда онъ по дёламъ уходилъ изъ монастыря, Өеоктистъ чувствоваль его отсутствіе; быль совершеннымъ нестяжателемъ и не имълъ даже и овола (§ 13). По смерти своего наставника (χαθηγεμών) Платонъ занялъ его мъсто и предался уединенію (§ 14). Онъ сділался преемникомъ Өеоктиста и наставникомъ двухъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ, Антоній, по словамъ Өеодора, «быль съ нами до старости» и разсказываль, что Платонъ питался хльбомь, бобами, овощами и древесными плодами, но безъ масла; по воскресеньямъ и праздникамъ онъ вкушалъ пищу вмѣстѣ съ братіею; вина не пиль (§ 15); носиль скромную одежду, спаль на жесткой постели, много писалъ, и «кто перечислитъ лицъ, въ рукахъ которыхъ находятся его книжные труды, собранные изъ разныхъ отцевъ? Откуда въ нашихъ монастыряхъ такое богатство книгъ? не его ли рукъ и трудовъ?» (§ 16). Въ то время царствовалъ иконоборецъ Константинъ; «какого скрывающагося онъ еще не приводилъ къ допросу»? спрашиваетъ Өеодоръ. Однако Платонъ не попадался въ руки царю. Однажды святой ради необходимости отправился въ Византію (§ 17); о немъ не было сведеній, хотя брать моей матери и быль живъ; онъ скоро сталь известень по всей столице: обходиль дома, наводиль людей на путь доброд тели, мирилъ семейные раздоры, увъщеваль рабовъ слушаться своихъ господъ (§ 18). Ему предлагали настоятельство въ одномъ изъ столичныхъ монастырей, но онъ отказался; никомидійскій епископъ предлагаль ему занять его мѣсто 1), но Платонъ стремился въ свое уединеніе (§ 19). Помогая бѣднымъ, заступаясь за сирыхъ, онъ считался «отцемъ», покровителемъ и попечителемъ (§ 20).

Но вотъ вступила на престолъ царица Ирина; дверь монашества открылась всякому. Платонъ противъ воли сдёлался игуменомъ (§ 21). Онъ сталъ изучать житія блаженныхъ мужей (§ 22), изучилъ каноническія постановленія Василія Великаго. Замѣтивъ человѣческій обычай, противный монашескому житію, употреблять въ киновіяхъ на службу животныхъ женскаго пола, онъ уничтожилъ его, удалилъ изъ

¹⁾ col. 821: ἄρχειν της Νικομηδέων ἐκκλησίας ὑπὸ τοῦ τηνικαῦτα προέδρου προτρέπεται.

монастыря своего слугь (δοῦλοι), животныхъ женскаго пола и всякій видъ торговли (δίχα ἐμπορικῆς ἄλλης προσόδου); ему послѣдовали и другіе монастыри (§ 23). Онъ обособился отъ городскихъ работъ, отъ городскихъ властей и сообщества съ ними. Еще до собора онъ передъ многими высказывалъ мысль о необходимости утвержденія иконопочитанія и по мѣрѣ возможности боролся съ иконоборцами—не догматически, а простою рѣчью. Соборъ созванъ былъ сначала въ Константинополѣ въ храмѣ св. Апостоловъ; но когда военное сословіе ринулось на храмъ съ угрозами по адресу патріарха и съ прославленіемъ собора 754 года, тогда соборъ собрался въ Никеѣ (§ 24). По возстановленіи православія Платонъ вернулся въ свой монастырь и заболѣвъ, «передалъ намъ начальство, хотя мы были и не достойны того» (§ 25).

Константинъ, сынъ Ирины, былъ человѣкъ безиравственный (о βίος σχαμβός), пользовавшійся своею безнаказанностью какъ императоръ; онъ противузаконно отвергъ свою супругу и вступилъ на путь прелюбодъний, подобно Ироду. Въ лицъ Платона явился новый Предтеча; почти вск согласились съ несправедливостью 1), онъ одинъ возсталъ за истину со своими дътьми, и испыталъ на себъ бичевание и ссылки (§ 26). По приказу императора явились къ нему два стратига и удалили его отъ паствы; одни были биты, другіе изгнаны, третьи подверглись преслѣдованію и, по царскому указу, не должны были быть нигдѣ принимаемы (§ 27). Платонъ былъ приведенъ къ императору, какъ Іоаннъ Предтеча. Но Константинъ не хотелъ сделать Платона мученикомъ и ограничился тъмъ, что посадилъ его въ заключеніе (§ 28) — въ жалкій монастырь дворца Έχέκολλα ('Ενεκόλλα?), стражемъ котораго быль повенчавшій прелюбодевь (то-есть пресвитеръ и экономъ Іосифъ, § 29). Но скоро прелюбодъйное царствованіе кончилось. Платонъ получилъ свободу и былъ у всёхъ на устахъ; вступила на престолъ снова Ирина (798 г., § 30). Тогда и мы вернулись изъ изгнанія, пишетъ Өеодоръ; вѣнчавшій былъ изверженъ (§ 31). «Но что потомъ? Отъ перваго монастыря переходъ нашъ, вследствіе нашествія варваровь (διά τὸ ἔθνος), въ Византію, где Платонъ, чтобы не держать бразды настоятельства, возлюбилъ жизнь затворническую», чтобы братство не было подъ двумя начальствами, онъ самъ сталъ подъ начало (§ 32), заключившись въ совершенно ма-

¹⁾ col. 829: πάντων σχεδόν συνελθόντων τἢ παρανομία.

ленькомъ помфщеніи и надфвши на ноги довольно тяжелыя желфзиыя вериги, въ которыхъ онъ работалъ и въ которыхъ спалъ подобно Хирону въ его Оессалійской пещерь (§ 33). По смерти тогдашняго патріарха (очевидно Тарасія, 805 г.) стали искать преемника ему. Многіе подавали голоса за многихъ, каждый руководствовался или дружбою, или истиною. Мибнія Платона спрашивали какъ выдающіяся духовныя лица, такъ и самъ царь (Никифоръ). Платонъ послалъ свой голосъ, но за кого, Өеодоръ умалчиваетъ; нѣкоторые, узнавъ какимъто образомъ его руку, поддержали его; но царь, которому очевидно быль непріятень ихъ кандидать, получивь голоса, перемішаль ихъ какъ въ игрѣ жребій (ἐν κύβω, § 34). Платонъ ночью отправился къ одному монаху, царскому родственнику, и переговоривъ съ нимъ объ общей пользѣ, вернулся домой. Императоръ, узнавъ о томъ, посадилъ Платона и Өеодора подъ арестъ на 24 дня, а потомъ отпустиль ихъ снова въ монастырь; онъ сталъ смещенъ за свои преследованія. Причиною смятенія церкви быль все-тоть же Іосифъ; «мы какъ эмѣинаго яда избъгали общенія съ нимъ, а со стороны кесаря шли угрозы, и мы оказывались въ критическомъ положеніи» (§ 35). Военная рота (φάλαγξ) окружила монастырь, нельзя стало ни говорить, ни высунуть головы, слышались угрозы и такое, о чемъ монаху не прилично и говорить. Кончилось темъ, что Платонъ ночью былъ взятъ изъ монастыря и посаженъ въ тюрьму, а въ день собора быль приведенъ подъ конвоемъ вмёстё съ тремя монахами какъ злодей (§ 36). Осмёнваемый Өеодоромъ соборъ осудилъ Платона на изгнаніе на одинъ изъ острововъ около столицы (πρός τῷ ἄστει), равно какъ и брата Өеодорова Іосифа. Императоръ вельль военной роть собрать все монастырское братство и каждаго въ отдельности старался склонить на свою сторону, но ошибся въ своихъ планахъ; «не говорю уже о заточеніяхъ въ монастыряхъ и стражахъ-игуменахъ, причинявшихъ болѣе зла заключеннымъ, чемъ сколько требовалось по указу». Происходили постоянные переводы, преследованія, допросы, угрозы; по городу ходили объявленія, нътъ ли кого еще изъ монаховъ? (§ 37). И ради кого? Ради вънчавшаго противозаконный бракъ Іосифа, который, «совершивъ будто бы спасительное приспособление къ обстоятельствамъ (оіхоуоціа) для пользы церкви, безнаказанно совершаль таинства» (§ 38). Страданія Платона были необычайны; пусть свидетельствуеть объ этомъ страна знаменитаго мученика Маманта, пусть напишетъ объ этомъ и островъ Оксія (ὀξεῖα, abrupta), въ которомъ онъ содержался въ заточеніи. Отсюда Платонъ быль переведенъ въ Византію. Заточеніе его, какъ видно изъ дальнѣйшаго, продолжалось 4 года. Но сильная рука Бога прогнала царя къ Скивамъ и тамъ погубила его со всѣмъ войскомъ (811 г., § 39). Изъ-за соблазна явилось иное отношеніе къ патріарху; цари просили, святѣйшій патріархъ (Никифоръ) извинялся, что все случилось по злобѣ (ἐξ ἐπηρείας) 1) бывшаго царя, и тогда Платонъ (и Өеодоръ) помирился съ патріархомъ (§ 40).

Наконецъ Платонъ захвораль (въ 811 году). Лежа въ постели, онъ вспоминалъ о своихъ страданіяхъ, утёшаясь наградою въ будущемъ; сидя въ креслъ, онъ еще читалъ псалтирь, молился, или наставляль братію; потомь онь не могь уже ничего делать, ни творить поклоновъ; для чтенія при немъ находился инокъ. Если, случалось, онъ принималь пищу и ванну, благодариль Бога. «Онъ провель въ каждомъ подвигъ кругъ лътъ равный 12-ти, дневному періоду часовъ», послѣ чего скончался; «сочти подвиги, и ты найдешь 48 лѣтъ; прибавь 24 года (δισδυοκαίδεκα), проведенныхъ имъ до отреченія отъ міра, къ другимъ четыремъ, прожитымъ въ изгнаніи, и тремъ годамъ болѣзни, и ты найдешь, что достопочтенный скончался на 79 году» (τῷ ὀγδοηκοστῷ ἔτει πλην ένός, § 41). Онъ упокоплся среди молящейся братіи бралось на его погребеніе; самъ святьйшій патріархъ (очевидно Никифоръ) присутствовалъ при этомъ (§ 42). Платонъ не оставилъ послъ себя даже и наплечниковъ (ἐπωμίς); Θеодоръ спросилъ его, не хочетъ ли онъ сдёлать какое нибудь порученіе, — больной коснулся рукою одежды, потрясъ ее и слабо отвътиль отрицательно, «передавъ все моему смиренію». Передъ смертію онъ самъ сочиниль себѣ надгробную надпись; умеръ на память св. Лазаря (§ 43), — очевидно въ Лазареву субботу. Изъ анонимовъ житія Өеодора Студита видно, что Платонъ умеръ въ царствованіе имп. Михаила І (811 — 813), но въ эти годы Лазарева суббота не сообразуется съ днемъ его памяти (5 апръля). Поэтому, архим. Сергій и г. Мансветовъ пріурочили кончину его къ 5 апръля 814 года; хотя Лазарева суббота приходилась въ 814 году на 8-е апръля, но можно предположить, что кончина святого последовала 5-го, а похороны его состоялись 8 апреля. Не болъе правдоподобно мнъніе Сирмонда, полагавшаго, что Платонъ умеръ 19 марта 812 года, на 97 (?) году жизни. Если онъ умеръ дъй-

¹⁾ Въ рук. ἐπιρείας, по конъектуръ Болландистовъ: ἐξ ἐπιειχείας: ex quodam epikia.

160 отдълъ і.

ствительно 19 марта, то этотъ день приходился на Лазареву субботу не въ 812, а въ 813 году. — Платонъ скончался и душа его унесена ангелами къ солнцу правды. Сообразно съ хрією, Өеодоръ пишетъ: съ подначальными онъ былъ подначаленъ, съ исихастами исихастъ, съ учителями учитель, съ затворниками затворникъ (§ 44). Слово заканчивается молитвеннымъ обращеніемъ ко святому (§ 45).

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кончины Өеодора Студита записана была память его (ἐπίγραμμα) въ книгѣ его словъ въ пользу иконъ и писемъ, которая была составлена будто бы на 12 (?) году его третьяго изгнанія на островѣ св. Трифона, близъ гавани Акрита въ Виеинской епархіи. По этой памяти 1), Өеодоръ скончался 11 ноября въ первый день (понедѣльникъ) въ шестомъ часу, пятаго индикта 6335 (826) года, на 67 году жизни, πρεσβύτης καὶ πλήρης ἡμερῶν; взялъ крестъ на 22-мъ году жизни (въ 780 г.), подвизался 13 лѣтъ (до 793 г.), принялъ игуменство, которое держалъ 32 года, πλεῖστα μοναστήρια συστησάμενος; подвергался изгнаніямъ.

Окружное посланіе Навкратія о смерти Өеодора²), своего учителя, вылившееся прямо изъ сердца, однако не содержитъ въ себъ историческаго матеріала. Почившій сравнивается съ Авраамомъ, Предтечею, Иліею, Финеесомъ, Самуиломъ-по общей хріи. Бользнь его, по словамъ Навкратія, была старая, желудочная, пріобретенная имъ среди заточеній и изгнаній; передъ смертью онъ почти ничего не вкушаль и представлялся мертвецомъ. Пролежавь четыре дня на постели, онъ въ началъ ноября поправился и произнесъ слово братіи. Въ воскресенье онъ ходилъ во храмъ и отслужилъ литургію, послъ которой пріобщиль присутствующихь; затімь снова слегь. Навкратія онъ спросилъ: не забыли ли мы сказать что-либо изъ необходимаго? Въ третій изъ дней, на память св. Павла, онъ совершилъ литургію. Вечеромъ онъ много бестдовалъ и въ келіи своей совершиль обычныя молитвы, послѣ чего легъ въ постель. Около четвертаго часа съ нимъ случился обычный припадокъ бользни; онъ призваль инока, спавшаго передъ его келліей, и просиль собрать братію. Произнеся краткое слово, онъ просиль поклониться отъ него патріарху (разум'ьется Никифору) и другимъ отцамъ. Навкратій спросиль его, какъ поступить съ лицами, находящимися подъ епитиміею, на что Өеодоръ отвѣтилъ:

¹⁾ Έτελειώθη: Migne, XCIX, 105-108.

²⁾ Εως μεν τοῦ παρόντος, ἀδελφοί μου: Combefis. Auct. nov. II. 855; Migne, XCIX. 1825—1849; «Χρист. Чтеніе» 1837, V. 217.

«Господь простить всёхъ», и благословиль собравшійся къ нему народъ. Въ воскресенье, на намять св. Мины (11 ноября 826 года) онъ исполниль обычныя пъснопънія, пріобщился, помазаль елеемь свои члены; около 6-го часа ослабиль и тихо велиль зажечь свичи. Братія запъла «Блаженни непорочніи» и когда дошла до стиха: «во въкъ не забуду оправданій твоихъ, яко въ нихъ оживилъ мя еси» (Псал. CXVIII. 93), Өеодоръ испустиль духъ. Ко гробу его собралось мпожество монаховъ и мірянъ, зажгли свічи, покрыли гробъ порфировымъ покровомъ, другіе принесли сосуды серебряные, златосерсбряные и янтарные, третьи ладанъ и ароматы. Въ ту ночь была большая буря, «какъ нъкогда при похоронахъ Петра Александрійскаго». Презрѣвъ море, непогоду, наводненіе рѣкъ и пытку царей, монахи перевезли тъло святого и около пятаго часа предали его гробу. Онъ быль положень вь томъ жилищь, гдь писаль священныя свои книги и служиль Богу. Согласно хріи, Навкратій пишеть, что отець приложился къ отцамъ, јерей къ јерархамъ, исповедникъ къ исповедникамъ, мученикъ къ мученикамъ, учитель къ учителямъ, труба къ проповѣдникамъ.

Житіе Өеодора Студита, написанное Студійскимъ монахомъ Михаиломъ во второй половинѣ IX столѣтія 1), представляетъ богатый источникъ для политической и церковной исторіи Византіи въ VIII—IX въкъ. Михаилъ пользовался сочиненіями самого Өеодора, хотя и не вполнъ исчерпалъ его ръчи и переписку, въ которыхъ заключена масса біографических в подробностей о святомь; онъ пользовался также разсказами монаховъ (Өеодора, Софронія и пр.), бывшихъ современниками и знакомыми игумена, такъ что въ частностяхъ сочинение это имфетъ значеніе первоисточника, въ которомъ событія изложены къ тому же строго последовательно. Страннымъ образомъ пропущено здесь лишь извъстіе о времени кончины Платона и о сношеніяхъ Өеодора съ Олимпійскимъ аскетомъ Іоанникіемъ. Авторъ обходитъ молчаніемъ темныя стороны своихъ героевъ (патр. Тарасія, имп. Ирины): ихъ

¹⁾ Πολλοί μέν των άγίων: Migne XCIX. 233—328; русскій переводъ въ «Твореніяхъ св. Өеодора Студита». Спб. 1867, І. 3-97. По Cave II. 281. Михаилъ-пресвитеръ Великой Церкви, жившій ок. 878 года. По распреділенію С. Thomas'a (Theodor von Studion und sein Zeitalter, 1892 S. 23 ff.), это - vita B, въ противоположность vita A, связываемой въ рукописяхъ съ именами то Іоанна, то Өеодора Дафнопата, το πρός Μιχαήλου μοναχού, ο которой рачь будеть ниже. Менье критическая работа о Осодоръ-В. Преображенскаго (Преподобный Осодоръ Студитъ и его время. М. 1896).

иконопочитаніе было для него достаточнымъ оправданіемъ этого. Въ литературномъ отношеніи біографія хорошо написана. Михаилъ любитъ игру словъ, иногда даже прибѣгая къ натяжкамъ (Тарасій—ѐхтара́ $\xi\alpha$;); его филологическія познанія также иногда грѣшатъ неосновательностью; но, какъ кажется, это былъ общій недостатокъ тогдашней школы.

Въ предисловіи Михаиль говорить, что многіе святые примфрами своей жизни побуждали къ соревпованію людей хорошихъ и людей безпечныхъ; не меньше ихъ прославился въ этомъ отношеніи пастыреначальникъ нашей общины (τοῦ καθ' ἡμᾶς συλλόγου) Θεοдоръ, сіявшій въ нашихъ мѣстахъ и въ наши времена (ἐν τοῖς ἡμετέροις τόποις καί γρόνοις), вѣщанія ученія котораго распространились до востока и юга, запада и съверныхъ странъ (той фоктикой церой), куда достигли и вътви его духовнаго насажденія — учениковъ его; нътъ ни одной страны, куда бы не достигала слава его жизни и имени. Накоторые изъ учениковъ его, тотчасъ послѣ его кончины, изложили жизнь его стихами, сокративъ многочисленные подвиги въ немногихъ стихотворныхъ изреченіяхъ; послѣ нихъ и другіе изъ священнослужителей церкви изящно составили обстоятельную запись (ὑπόμνημα) въ родѣ исторіи (συγγραφή) и въ видѣ похвальныхъ рѣчей. Но такъ какъ общество братства и умъ многихъ, по большей части недальновидный, охотно предпочитаетъ прозаическую и простайшую рачь, то, «повинуясь вашимъ повельніямъ, достопочтенныйшіе отцы, и мы, смиренные и ничего не значущіе, по возможности составимъ сказаніе, хотя далеко не соотв' тстующее его достоинству, но, сколько возможно для нашей немощи, не лишенное удобопонятности и ясности» (τὸ εὔληπτόν τε καὶ καταφανές, § 1). Өеодоръ родился въ Константинополь въ царствование Константина Копронима (ό κοπρώνυμος). — Въ виду того, что онъ умерь въ 826 въ возрасть 67 льть, о чемь ниже, заключаемъ, что святой родился въ 759 году. — Огецъ его, «свътлый (φωτεινός) и по нравамъ и по названію», очевидно называвшійся Фотиномъ), получилъ отъ царя не малую власть, такъ какъ былъ казначеемъ царскихъ доходовъ 1); но онъ отказался отъ удовольствій жизни, отъ сообщенія со своею женою, и черезъ пять літь послі того со всъмъ своимъ домомъ ушелъ въ монастырь (около 764 года). Мать Өеодора была и называлась богозданною (θεοκτίστη, Θеоктистою); она

¹⁾ col. 236: τὴν γὰρ οὺ πολλοστὴν ἀπὸ βασιλέως διέπων ἀρχήν, καθ' ὅτι ταμιείας ἐχρημάτιζε τῶν βασιλικῶν φόρων.

умћла хорошо управлять своими дътьми и домомъ; качества ея описаны Өеодоромъ въ «надгробномъ словѣ своей матери» 1), куда авторъ и отсылаеть читателей (§ 2). Семи льть (въ 766 г.) Өеодорь началь учиться вступительнымъ и первоначальнымъ предметамъ наукъ2); когда же подросъ, то научился и грамматикт, потомъ и діалектикт, которую свёдущіе въ ней обыкновенно называють философіею 3); кромѣ того, сколько могъ, усвоилъ себѣ красоты риторскаго краснорвчія 4). Дарованіемъ и добродьтелями опъ выдвинулся передъ товарищами, непрестанно посъщаль молитвенные храмы и собранія, любилъ читать Житія святыхъ; шелъ правымъ и царскимъ путемъ и быль далекь отъ стезей безумія (§ 3).

Между тымъ имп. Константинъ умеръ (775). Непосредственно послѣ него, по родовому преемству (έх προγόνων διαδογῆς), воцарился сынъ его Левъ Младшій (775-780), но онъ царствоваль не долго и умеръ, «не хотъвъ поиять Давидова пророчества, что отъ Давида произошель крѣпчайшій рогь 5), который сокрушиль роги грѣшииковъ, бъсовъ и людей нечестивыхъ». За нимъ Христосъ воздвигъ рогъ спасенія и мира (εἰρήνης) для церкви въ лицѣ царицы Ирипы (780-802). На 22-мъ году жизни (то-есть въ 781 г.) Өеодоръ отказался отъ мірской суеты. Новая императрица вызвала изъ отдаленныхъ пред вловъ, изъ ссылокъ и темницъ, представителей монашеской жизни; тогда-то, оставивъ Олимпійскую рощу (ή κατά τὸν "Ολυμπον λόγμη), прибыль въ столицу и родной брать Өеоктисты Платонъ, въ честь котораго Өеодоръ составилъ блестящее похвальное слово «($\lambda \alpha \mu \pi \mathfrak{p} \mathfrak{c} \zeta \xi \pi \alpha \mathfrak{t} \mathfrak{v} \mathfrak{c} \zeta$), достойнымъ образомъ описавъ жизнь его» \mathfrak{s}); онъ явился въ Константинополь для совмъстной жизни съ отцами и для нязложенія ереси и возстановленія иконопочитанія на седьмомъ соборь, въ Никев, состоявщемъ изъ 350 лидъ. Соединившись съ Тарасіемъ, онъ быль ему совітникомъ во всемъ и правымъ помощникомъ (§ 4). Въ столицѣ Платонъ убъдиль свою сестру Өеоктисту и племянника Осодора идти въ монастырь, чрезь нихъ онь подъйствовалъ и на Фолина и его трехъ братьевъ; еще ранъе того онъ скло-

¹⁾ Migne, XCIX 851-902.

²⁾ col. 237; τα 'ς ε. εργωγικαίς κοί στοιχειώδεσι τῶν μαθημάτων τέχναις.

³⁾ διαλεντικής, ην οή φ λοσοφίον κολείν οί τουτο δεινοί γινώσκουσιν.

⁴⁾ της εν έητορσι φρασεώς το καλλος.

⁵⁾ Псал. 131, 17; Лук. І. 69.

⁶⁾ Migne, XCIX. 803-849.

ниль къ монашеству двухъ своихъ родныхъ братьевъ и одиу сестру при посредствъ своей матери. Вся семья продала свой домъ и обстановку, раздала деньги бъднымъ, «даровала служивщимъ въ домѣ ихъ рабамъ свободную жизпь, удѣливъ имъ еще части изъ имущества», и удалилась въ Саккудіонское мѣсто (τοῦ Σαχχουδίωνος χῶρον), составлявшее ихъ собственность и весьма удобное для обители и жизни монашеской; ибо «это мѣсто — лѣсистое, округленное въ видѣ луны и имѣющее входъ только съ одной стороны; средина же его составляетъ равиину, на которой растутъ различныя деревья, плодоносныя и безплодныя, стоитъ прекрасный храмъ во имя Іоанна Богослова, есть и вода въ достаточномъ количествъ, и для развлеченія взоровъ жителей не представляется ничего другого, кромѣ неба и сѣвернаго (ἀρχτιχή) моря; это мѣсто съ того времени и донынѣ процвѣтаетъ и изобилуетъ множествомъ живущихъ въ немъ братій» (§ 5).

Өеодоръ во всемъ следовалъ Платону, казался человекомъ безъ своей воли или бездушною статуею (ἀνδριάς ἄψυγος); онъ бѣгалъ туда и сюда къ каждому изъ братіи, чтобы замінить немощныхъ отъ болъзни или отъ лъности, не отказываясь носить дрова, работать заступомъ, чистить садъ, подавать надлежащую пищу больному; и даже часто видбли, какъ онъ выносилъ навозъ животныхъ тайно, когда братія спала въ ночные или полуденные часы, чёмъ удивляль и работавшихъ вмёстё съ нимъ (§ 6). Повинуясь Платону, онъ построилъ храмъ во имя Іоанна Богослова, имфвини видъ небеснаго свода, съ разноцвътными украшеніями, искусно отдълавъ не только верхнюю часть его и доставивъ живущимъ тамъ дивное и прекрасное мъсто собранія, но и самый поль покрывь различными и позолоченными камнями (§ 7). Предавшись подвижничеству, Өеодоръ имъль подражателя себь въ лиць родного брата Іосифа, бывшаго какъ бы вторымъ Өсодоромъ, въ свое время принявшаго канедру Солуни и претерпъвшаго за иконопочитание много изгнаний и заключений. Съ нимъ подвизались также иноки: Антоній, Тимовей, Аванасій и Навкратій и многочисленный (плаготос) сонмъ другихъ (§ 8). Читая Жигія святыхъ, Өеодоръ особенно изучалъ творенія Василія Великаго и старался уподобиться ему. «Увидівь, что начертаніе его подвижническихъ правилъ въ то время нарушалось киновигами, именно тфиъ, что были пріобрѣтаемы рабы, стада скотовъ и животныя женскаго пола», онъ сильно сокрушался сердцемъ отъ такого нарушенія заповедей и представиль престарелому Платопу, что пеобходимо собственнымъ примфромъ истребить пововведение. Платонъ согласился, и вотъ они отпустили слугъ на свободу, снабдивъ ихъ увольшительными письмами (έλευθερίαις έγγράφοις), а прочія вещи роздали біднымъ. Такой поступокъ поощрилъ и другихъ къ подобному соревнованію (§ 9). — Весьма замѣчательно, что самъ Өеодоръ приписывалъ все это Платону.

Затьмъ Платонъ съ Өеодоромъ повхали въ Константинополь къ патр. Тарасію (784-805), и посл'єдній поставиль Өеодора въ иподіакона, діакона, іерея и пресвитера. Съ того времени Өеодоръ предался еще большему подвижничеству, будто-бы въ сутки не спалъ и одного целаго часа, прочіе же часы употребляль на добрыя дела (§ 10). Платонъ желалъ передать ему и настоятельство братства, умножившагося до цёлой сотни человёкъ, но не могъ убёдить святого. Но когда онъ забольть и нъсколько дней страдаль внутрение отъ сильной горячки (λάβρφ πυρετφ), такъ что многіе отчаивались въ его жизни, и такъ какъ его преемнику-настоятелю надлежало быть избраннымъ въ это званіе голосомъ братства, онъ составляетъ соборъ изъ вськъ своихъ духовныхъ сыновъ и, разсказавъ имъ кратко о видимой бользни своей, предлагаетъ разсудить и сказать, кого они изберутъ, чтобы поставить его пастыремъ надъ ними. Когда избранъ былъ единогласно Өеодоръ, Платонъ пригласилъ его въ собраніе, сообщилъ ему о смертельности своей бользни и объ избраніи его на его мысто. Өеодоръ съ трудомъ наконецъ согласился принять настоятельство. Это было на 13-мъ году его служенія и на 35-мъ году его жизни (то-есть въ 794 году, § 11). Въ общей его характеристикѣ интересно лишь сведеніе, что Өеодоръ поучаль братію какъ наедине, такъ и въ церкви, по окончаніи утреннихъ п'єснопівній, произнося бесізды трижды въ недѣлю (§ 12-13).

«Въ то время, говоритъ Михаилъ, единодержавно царствовалъ (μονοχρατορήσας) Константинъ, сынъ Ирины, который проводилъ юность свою невоздержно и необузданно и предавался пламеннымъ плотскимъ пожеланіямъ 1); онъ, отвергнувъ прежнюю, соединенную съ нимъ законнымъ бракомъ, супругу и насильно заставивъ ее постричься, безстыдно взяль другую, по имени Өеодотію, и произвель соблазнь не только для церкви, но и для всъхъ предводителей народовъ и намъстниковъ 2). Патр. Тарасій отказался возложить на нихъ брачные

¹⁾ col. 252: τοῖς τῆς σαρχος διαπύροις ἡττηθεὶς σχιρτήμασιν.

²⁾ πᾶσι τοῖς τῶν ἐθνῶν ἐρχηγοῖς καὶ τοπάρχαις.

вънцы; но одниъ пресвитеръ и экономъ Великой Церкви, Іоспфъ, бывшій близкимъ къ прелюбодітямь, дерзновенно принялъ на себя это дело и повенчаль беззаконниковъ. Это зло сделалось известнымъ не только въ столицъ, но и въ отдаленнъйшихъ странахъ; такъ король . Лонгобардскій, король Готоскій и пам'єстникъ Воспорскій і), основываясь на этомъ нарушеній устава, предались прелюбод ійнымъ связямъ и невоздержнымъ пожеланіямъ, находя благовиднымъ оправданіе въ поступкъ Ромейскаго императора, какъ будто бы, когда онъ поступилъ такъ, последовало одобрение и отъ натріарха и находящихся при немъ архіереевъ» (§ 14).—Изъ житія Филарета изв'єстно, что ими, Константинъ былъ жепатъ на внучки Филарета Милостиваго Маріи, что Беиевентскій герцогъ Аригизъ II («Царь» Лонгобардскій) быль женать на сестръ жены Констацина; быть можеть на него и дълается намекъ Михапломъ; а изъ житія натр. Никифора видно, что правитель народа въ одномъ изъ Таврическихъ округовъ (εν των Ταυρικών κλιμάτων) развелся со своею женою и вступиль въ связь съ другою женщиною. — Өеодоръ опасался, чтобы безуміе властителя, бывъ принято неразумными въ законъ, не сдълалось неисцъльнымъ образомъ дъйствій у послъдующихъ покольній; онъ не оставиль этого зла безъ обличенія и вмысты съ Платономъ прервалъ общение съ ними. Константинъ сначала не обратиль вниманія на это, но затёмь, видя ихъ вліяніе въ монашеской жизни, пожелаль склонить ихъ къ одобренію брака, особенно надъясь на то, что Өеодота приходилась имъ родственницею-двоюродною сестрою Өеодора. Царь вельль ей послать имъ золота, но тъ не приняли подарка; онъ собрадся въ Прусу для купанья въ тамошнихъ теплыхъ ваннахъ²), полагая, что Платонъ и Өеодоръ явятся къ нему для изъявленія обычнаго (ѐ ёвоос) почтенія, но ті не явились; Константинъ вернулся въ столицу озлобленнымъ (§ 15). Онъ призвалъ къ себі начальника придворной стражи (τὸν ἐπὶ τῶν σγολῶν δομέστιхэу) и послаль его со стратигомъ Опсикійскимъ (тох στρατηγόν του 'Οψικίου) 3) для наказанія и ссылки дяди съ племянникомъ. Прибывъ въ монастырь, посланцы били Өеодора ремнями (βουνεύροις), наказали и трехъ другихъ изъ первенствующихъ братій; потомъ сослали его съ десятью видными монахами въ Солупь (полагаютъ: въ 796 году),

^{1) &#}x27;Ο της Λογγιβαρδίας ἡήξ, ούτως ὁ της Γοτθίας, ούτως ὁ της Βοσπόρου τοπάρχης.

²⁾ col. 253: τὴν τῶν αὐτομάτως γἢθεν ἀναδιδομένην θερμῶν ἀπόλαυσιν. Ο Πиθιйскихъ баняхъ говоритъ и Житіе Николая Студита.

³⁾ Въ русскомъ переводъ неточно (стр 24): «съ предводителемъ конвоя».

приказавъ стеречь ихъ дачь на в аго въ оплальности, а Платона отправили въ обитель св. Сергія і ή του άγιον Σεργίου μονή), не допуская къ нему никого. Жившіе въ страчахъ области Херсонской и Воспорской 1) епископы и пресвитеры, равно какъ и благочестив в шие изъ монаховъ стали подражать дерзновенію Өеодора и тогда же перестали принимать дары для церквей отъ тёхъ, которые совершали одинаковыя дъла съ Младшимъ Константиномъ, отлучали ихъ отъ Таинъ Христовыхъ и говорили: «не позволительно вамъ имъть женъ вопреки постановленнымъ отъ Христа законамъ»; но наконецъ и они были изгоняемы изъ своихъ церквей и обителей, подвергались и другимъ страданіямъ (§ 16). Тымъ не менье случам разводовь уменьшились. Өеодоръ, оставаясь подъ стражею въ Солуни во все время царствованія Константина (780-797), прославился въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. «Писаль онъ и къ пап'в древняго Рима, изв'вщая его о событіяхъ чрезъ своихъ учениковъ, и тотъ приняль это съ великимъ уваженіемъ», и самъ Өеодоръ получиль отъ него отвътныя письма, въ которыхъ восхвалялась его ревность и твердость въ добр (§ 17).

Между тычь Константинь, противь котораго будто бы возмутилось собственное его войско²), быль лишень обоихь глазь и низложенъ съ престола; возвысилась опять «христолюбивая» Ирина, которую прежде онъ, предавшись «разврату», удалилъ изъ царскаго дворца. Ирина тогчасъ вызвала изъ ссылки Өеодора и ввела его въ общеніе съ патр. Тарасіемъ, между тымъ какъ Іоспфъ по низложеніи Константина быль лишенъ священнаго сана. По словамъ императрицы, и Өеодоръ и Тарасій поступили хорошо и богоугодно: первый — какъ страдалецъ за евангельскіе догматы, второй-какъ дёйствовавшій примёнительно къ обстоятельствамъ (οίκονομήσας) съ пользою, предотвративъ бѣдствіе для церкви. Это подтвердиль и самъ Тарасій, вступившій въ общеніе съ Өеодоромъ. Михаилъ соглашается съ этимъ, но замѣчаетъ, что то, что дѣластся примѣнительно (τὰ οἰχονομικῶς γενόμενα), не есть законъ и не все отличается безукоризненностью, и при этомъ ссылается на обрѣзаніе ап. Павломъ Тимовея, которое однако не вошло въ законъ (§ 18). Изъ Константинополя Өеодоръ вернулся въ свой монастырь, сюда же вернулся изъ заключенія и строитель обители Платонъ, а также многіе монахи, разсівнимие въ ихъ отсут-

ἐν τοῖς κλίμασι τῆς κατὰ Χερσῶνα καὶ Βόσπορον παροικίας.
 col. 256: ἐπανάστασιν πρὸς τοῦ ἰδίου ὑποστὰς στρατεύματος.

168 отдаль 1.

ствіе. Мпого людей приходило посмотрѣть на этихъ подвижниковъ; имя Саккудіона еще болѣе прославилось. Өеодоръ училъ народъ, чтобы мужъ былъ господиномъ одной жены, равно и жена была бы сожительницею одного мужа и притомъ законнымъ образомъ. Его навѣщали даже жители Константинополя, монахи и міряне (§ 19)1).

Но такъ какъ въ то время (полагають въ 798 году) Агаряне опустошнии верхнія области (την καθύπερθεν παροικίαν), Платонъ и Өеодоръ пересслились въ столицу, были радушно приняты патр. Тарасіемъ и имп. Ириною, которые предложили имъ занять Студійскій монастырь. Обитель славилась въ прежнее время, «по Константинъ Копронимъ не позволялъ оставаться въ ней даже десяти человъкамъ, а между тымь она могла вмыстить вы себы многочисленный сонмы Назореевъ». Здёсь въ храм'в Предтечи Өеодоръ охотпо постригалъ желающихъ монашества, «не предпочитая постриженнаго имъ самимъ постриженному къмъ-нибудь другимъ», но всъмъ равно оказывая любовь; число учениковъ въ этомъ новомъ Іерусалимъ достигло почти до тысячи человѣкъ (§ 20). «Онъ учредиль отдѣльные роды службы и назначиль служащимь собственныя названія, наименовавь ихъ судьями (ἐπιστημονάργαι), наставниками (παιδευταί) и блюстителями (ἐπιτηρηταί); поставиль и подъ другими названіями болье преимуществующихъ между всеми братіями, какъ-то: занимающаго второе (послѣ игумена) мѣсто, эконома, подъэконома и другихъ, иначе названныхъ; и всёмъ имъ предписалъ правила, изложивъ ихъ ямбическими стихами, или яси ве сказать, начавъ съ главивищей и первой, то-есть службы игумсна, и окончивъ последнею службою повара, сообщилъ свъдънія по предмету каждаго о томъ, что должно ділать и чего не должно; определиль вийсти съ темъ и наказанія отступающимъ отъ должнаго прилежанія и поздно приходящимъ по какой-либо неуважительной причинъ въ собраніе для божественныхъ пъснопьній; также и во всякой братской служов не соблюдающимъ установленнаго часа, или разбивающимъ сосудъ, или наносящимъ какую-либо обиду и оскорбленіе ближнему, назначиль соответственное наказаніе» (§ 21). Онь учредиль, чтобы одежды употреблялись не отдъльныя и не выбирались по волъ каждаго; назначиль для нихъ пом'ьщеніе, въ которомъ монахи, складывая вмість одежды поношенныя, въ каждую субботу получали другія изъ рукъ поставленныхъ на эту службу братій; опъ не отдёляль и

¹⁾ col. 257: οἱ ἡμέτεροι и οἱ τὴς ἀπὸ τῶν ἔζωθεν ὁρμωμόνων παιδείας ἐπισημότατοι.

своихъ одеждъ изъ общаго помѣщенія: отдавая недѣльную одежду, получалъ вийсто нея другую, не отличную отъ прочихъ, но одинаково грубую и даже худшую. Онъ не терпълъ праздности и самъ трудился, переписывая книги собственными руками и прилагая ихъ къ трудамъ братій; «изъ этихъ книгъ нікоторыя сохраняются у насъ и досель, какъ драгоцънныя и достойныя всякаго уваженія» (§ 22). Онъ составилъ весьма много книгъ и самъ отъ себя, и первую ту, которая называется книгою Малыхъ Огласительныхъ Поученій (тюх Міхрюх Κατηχήσεων), числомъ до 134, сказанныхъ имъ безъ приготовленія по обычному собестдованію съ братіями; вторую, третью и четвертую книгу Великихъ Огласительныхъ Поученій, которыя не безъ приготовленія, но обдуманно онъ сочиниль и издаль. Имъ составлена и книга Похвальныхъ Словъ (Πανηγυρική), въ которой онъ нѣкоторые изъ праздниковъ Христа и Богоматери и всѣ праздники великаго Крестителя и накоторых других знаменитайших святых прославиль не хуже важнъйшихъ писателей похвальныхъ словъ. Сочинилъ онъ еще другую, ямбическими стихами, весьма полезную книгу, въ которой описалъ сотворение и падение прародителя; также оплакалъ по достоинству грахъ и тланіе; потомъ особо изобразиль зависть Каина къ Авелю и убійство его; затёмъ Еноха и Ноя и его трехъ сыновей-праотцевъ, равно какъ и приснопамятныхъ женъ ихъ прославилъ по справедливости. Кром'в того онъ исчислиль все ереси и подвергъ ихъ проклятію трехм'єрными и чистыми стихами, а нікоторыя изъ нихъ и опровергъ совершенно (§ 23). «Еще пять книгъ Писемъ его сохраняются у насъ до настоящаго времени; по важности мыслей и чистот высокою красотою и свойственное письмамъ достоинство представляютъ съ такою върностью, что ни одного изъ нихъ не можетъ читать безъ слезъ имѣющій не совершено каменное сердце». «Кром' того еще и другое догматическое его сочинение, написанное прозою, въ которомъ онъ тремя состязательными рѣчами рѣшительно низложилъ чуждую истинѣ ересь иконоборцевъ, а обоихъ императоровъ, Константина Копронима и Льва, высоко поднявъ обличительными словами, какъ бы какими коньями, ниспровергъ и предалъ позору и нечестивыя дёла ихъ раздёльно и ясно изобразилъ для потомковъ» (§ 24).

Дьяволь не могь вынести, чтобы аскетическая жизнь отличалась среди многолюднаго города. Въ то время царствоваль Никифоръ (802—811), который «повидимому быль не хуже прежнихъ благо-

честивыхъ царей, а на самомъ дёлё далеко отступалъ отъ нихъ». Онъ рѣшился объявить невиннымъ эконома Іосифа и возвратить ему священническій санъ, какъ бывшему виновникомъ мпра, говорилъ онъ, и заботившемуся о полезномъ. Онъ склонилъ патр. Никифора (806-815), объщая ему, что царскими мърами онъ склонитъ всъхъ согласиться на это распоряжение. «Тогда опять происходить разногласие и смішеніе мніній и разділеніе лиць между еписконами и монахами, такъ какъ одни думали, что хорошо было бы не оскорблять царя ради такого дела, а окружавшіе Өеодора напротивъ говорили, что несправедливо нарушать приговоръ, произнесенный на Іосифа патр. Тарасіемъ и состоявшійся тогда для пользы всёхъ». Оставшись несогласными въ сужденіяхъ, они отділились другь отъ друга (§ 25).—Туть агіографъ обходить молчаніемъ весьма важный фактъ изъ жизни Өеодора: по Өеофану (І, 481), Өеодоръ съ Платономъ отказались признавать новаго патріарха Никифора и ввели раздітленіе (σχίσμα), «имья причину благословную, что нельзя возноситься отъ мірянъ заразъ (αθεέως) на епископство»; имп. Никифоръ хотълъ удалить ихъ изъ столицы, но ему посовътовали оставить ихъ въ поков, ибо иначе съ запуствніемъ Студійскаго монастыря съ его 700 монахами избраніе патріарха было бы діломъ не похвальнымъ. По милиню Михаила, оба патріарха поступили хорошо: Тарасій ослабиль бразды строгости, чтобы царь Константинь не сделаль чего-нибудь худшаго противъ церкви, Никифоръ поступилъ примѣнительно къ обстоятельствамъ, не желая, но бывъ принужденъ царемъ Никифоромъ; а Өеодоръ соблюдалъ точное исполнение божественныхъ заповедей. «Подлинно, что дъла церковнаго управленія въ этомъ случать шли не хорошо во дни тъхъ двухъ императоровъ, о томъ и сами патріархи хорошо знали; ибо и предводитель православія Тарасій не сказаль бы о Өеодор'ь, возвратившемся изъ Солуни, что онъ хорошо поступалъ, и Никифоръ также не приняль бы его и не превознесь бы похвалами, какъ поборника истины, если бы не признаваль его правособлюдающимъ слово въры. Михаилъ предлагаетъ не осуждать ни той, ни другой стороны, ни Тарасія, ни Никифора (§ 26).—Но тогда зачёмъ же было подымать бурю противъ Іосифа? Вѣдь и онъ, какъ справедливо указалъ имп. Никифоръ, действовалъ применительно къ обстоятельствамъ? Не повенчай онъ Константина съ Өеодотою, царь (выразимся языкомъ Ирины и агіографа) могъ бы причинить церкви много вреда. Въ этомъ интереспомъ вопросъ, по нашему мньнію, не были правы всь трое: Та-

расій, какъ справедливо говорилъ Студійскій пгуменъ, долженъ былъ воспретить Іосифу служеніс, но онъ этого при Константин'й не сділалъ, то есть, не благословивъ новый бракъ, онъ молчаливо призналъ его, а при Иринѣ онъ низложилъ Іоспфа, ибо того требовала царица (οίχονομία); Никифоръ въ угоду царю возстановиль разстриженнаго Тарасіемъ эконома и тімь самымь опять призналь законность его вінчанія (οίχονομία); Θеодоръ, помирившійся съ Тарасіемъ и Нипифоромъ на почвъ этой οίχονομία, не хотъль оправдать Іосифа, когорый однако могъ руководствоваться темъ же «приспособленіемъ къ обстоятельствамъ». Константинъ развелся съ Маріею едва ли изъ похотливато желанія; онъ им'влъ двухъ дочерей и ни одного сына, а между т імъ вопросъ о наследнике престола напрашивался самъ собою. Въ видахъ государственныхъ онъ поступилъ быть можетъ точно такъ же, какъ у насъ великій князь Василій III. Митр. Варлаамъ, не угодившій ему (это уже не οίκονομία), быль заточень; Василій развелся съ неплодною Соломонидою Сабуровою и съ согласія новаго митр. Даніпла (опять оίχονομία) обвѣнчался съ Еленою Глинскою; русскимъ Платономъ и Өеодоромъ Студитомъ явились Вассіанъ Косой и кн. Семенъ Курбскій, поддержанные Максимомъ Грекомъ; они были заточены, сынъ Елены вступиль на престоль и заставиль забыть о какомъ-то нарушеній церковнаго постановленія...

Имп. Никифоръ, видя, что его рѣшеніе не уважается Студитами, вельть отправить Өеодора съ братомъ его Іосифомъ и дядею Платономъ «на острова, лежащіе близь города», и держать ихъ тамъ въ разныхъ пом'вщеніяхъ, а монастырское братство стеречь въ Студійской обители отрядомъ воиновъ. - По словамъ Павла Діакона, изгнаніе Өеодора произошло въ январъ мъсяцъ 2-го индикта, то-есть 809 года.— Самъ же императоръ, прибывъ чрезъ нъсколько дней въ Елевоеріевъ царскій дворецъ (ἐν τοῖς τοῦ Ἐλευθερίου βασιλιχοῖς μελάθροις), пригласиль къ себъ всъхъ для совъщанія и предложиль тымь изъ нихъ, которые согласны съ нимъ и патріархомъ, стать на правую сторону, а несогласнымъ на л'ввую. Монахи единодушно вст стали на л'ввую сторону. Разгивванный императоръ велвль разсвять ихъ и держать подъ стражею въ близкихъ къ столицѣ монастыряхъ (§ 27). «Но не долго онъ безумствовалъ, ибо скоро божественный судъ, постигнувъ его со всемъ войскомъ, низложилъ и его въ чужой стране. Предпринявъ походъ противъ скиновъ (т. е. Болгаръ), Никифоръ сдёлался тамъ жертвою руки непріятельской. Такъ паль несчастный царь, сділавшись

предметомъ великаго позора (τραγωδία), а Ромейскую пиперію подвергнувъ большему посрамленію (хюдобіх)». «Не излишие прибавить къ сказанному, что это (будто бы) предсказаль ему и великій Өеодоръ». Никифоръ, возымъвъ неудержимое желаніе идти противъ Скибовъ, пригласиль къ себъ Өеодора въ одно изъ пригородныхъ мъстъ и при посредствъ вельможъ принуждалъ его согласиться на сдъланное имъ распоряженіе; но Өеодоръ будто-бы отвітиль ему словами писанія: «не возвратишися путемъ, имже шелъ еси» 1). «И дъйствительно, замечаеть авторь, этоть непослушный царь лишился жизни въ Болгарской странь; сынь его Ставракій, едва возвратившись оттуда раненнымъ въ столицу, царствовалъ всего два мѣсяца и умеръ. — Самъ Өеодоръ Студитъ писалъ: «говорятъ, что когда сталъ умирать знаменитый оный Ставракій, то при самомъ последнемъ издыханіи сильно томился, трепеталъ, скрежеталъ зубами и весьма страшно вопилъ, говоря: «помогите, помилуй меня, Господи, помилуй! О, сколько людей выходить изъ моря черные, безобразные, точно бѣсы, и идуть ко мнѣ». А лежаль онь на берегу моря. Многіе тамъ же были, но ничего не видѣли, а онъ видѣлъ и понималъ, — онъ, который судплъ многихъ» 2). — Наследоваль престоль зять его по сестре, бывшій въ сане куропалата, Михаилъ (811 — 813). Последній немедленно вызваль изъ ссылки Өеодора и бывшихъ съ нимъ, велълъ освободить и учениковъ его, содержавшихся подъ стражею въ монастыряхъ и вмъстъ съ напою древняго Рима быль ходатаемъ между разногласными въ Іосифовскомъ дёлё: одинъ увёщательными письмами, другой личнымъ убёжденіемъ помирили патр. Никифора съ Өеодоромъ Студитомъ; Іосифъ снова быль отлучень оть священнослуженія (§ 28).

По возвращеніи монаховъ въ Студійскую обитель общество учениковъ весьма умножилось. Иноки, съ благочестіемъ и любомудріємъ, «не оставались не свѣдущими и въ словесныхъ наукахъ (λογικαὶ τέχναι), но занимались изученіемъ грамматики, при посредствѣ которой научаются правильно писать и пріобрѣтаютъ навыкъ къ чтенію, также философскими упражненіями и заучиваніемъ наизусть отеческихъ мыслей, при помощи которыхъ они могли опровергать пустословныя нелѣпости всякой ереси, составляя истинныя сужденія и умозаключенія. Изъ нихъ выходили очень умные писцы и пѣвцы, составители конда-

^{1) 3} Hap. XIII. 9. 17.

²⁾ Өсөдөра Студита Огласительныя поученія и Зав'ящаніе. М. 1872, поуч. 21.

ковъ и другихъ и всноивній, стихотворцы и отличный шіе чтецы, знатоки нап'євовъ и писатели стихиръ о Христі. Равнымъ образомъ они занимались и простонародными ремеслами (αί τῶν βαναύσων τέχναι), почти всёми; посему и ткачи и портные, сапожники и дёлатели палатокъ, художники мелкихъ вещей и строители, сплетатели корзинъ и производители изящныхъ работъ, и дѣлатели утвари посредствомъ огня и жельза, находились въ этомъ земномъ небь; и всь они благочинно и стройно сидёли на мёстахъ въ своихъ мастерскихъ, соединяя съ деломъ рукъ пеніе божественныхъ песенъ Давида. Некоторые изъ нихъ, предпринявъ путешествіе по поводу вышесказаннаго смятенія, послъ освобожденія своего изъ заключенія, или еще прежде того разсъялись по разпымъ странамъ, основали прекрасные монастыри, которые донын (μέγρι τοῦ νῦν) носять названіе Студійских (τοῦ Στουδιώτου, § 29).

Но вотъ внезапно явился «свирѣпѣйшій кабанъ изъ лѣса, изъ племени Армянъ, и сталъ опустошать паству Христову какъ дикій вепрь. Именно, Левъ, стратигъ востока, подкупивъ (δωροδοχήσας) бывшее подъ его начальствомъ войско и привлекши предводителей (ἀρχηγούς) его на свою сторону объщаніями высшихъ почестей, производить возмущение противъ царя Михаила, и, прибывъ въ области Өракійскія, недалеко отъ столицы, провозглашается Августомъ отъ Македонскаго охраннаго войска; отправившись оттуда, вступаеть въ столицу, не встречая никакого противодействія, и иконоборецъ открыто провозглашается императоромъ (813-820) отъ своихъ тёлохранителей» (δορυφόρων). При этомъ авторъ припоминаетъ изреченіе Григорія Богослова «Армянъ я считаю не простыми людьми, но весьма скрытными и коварными» 1). Сначала Левъ притворился благочестивымъ, но овладъвъ государственными дълами, сталъ преемникомъ Константина Копронима, утверждая, что не должно принимать иконъ Христа, Богородицы и святыхъ, какъ будто эти изобрѣтенія уподобляются идоламъ (§ 30). Зд'всь Михаилъ высказываетъ свой личный взглядъ на идола и на икону п, обнаруживая недостаточное знакомство съ филологіею, полагаетъ, что идолъ (είδωλον) названъ такъ потому, что онъ-видъ обмана (είδος δόλου), а икона (είκών) названа такъ по сходству (τὸ ἐοικέναι) съ первообразомъ. «Часто, говоритъ онъ, видя изображенія написанныхъ на стінт деревъ или птицъ, мы не

¹⁾ Migne XXXVI, 517; ср. Житіе Евеимія Солунскаго.

говоримъ, что это - изображение пальмы или изображение журавля, а говоримъ просто: это—пальма и журавль 1); изображение креста называемъ крестомъ, икону Христа называемъ Христомъ, икону св. Георгія называемъ св. Георгіемъ, изображеніе царя называется царемъ» (§ 31). Среди порочныхъ сверстниковъ царя находился Іоаннъ, новый Іанній (2 Тим. III, 8), происходившій изъ Ассиріи, говорившій басни, а не истину; новый шутъ ихъ, сведущій более другихъ въ грамматик в справедливо назывался Леканомантомъ (Лехачоначть). Царь призвалъ патріарха Никифора и повелъ рѣчь о томъ, что служители истины и учители божественныхъ предметовъ погрѣшили въ въръ и надобно теперь разсудить о догматахъ, чтобы лучшее было отдълено отъ худшаго большинствомъ голосовъ и получило утвержденіе. Всв монахи высказались въ пользу иконопочитанія; но когда императоръ устроиль диспуть, они отказались состизаться съ иконоборцами (§ 32). Одинъ Өеодоръ въ ръчи ко Льву говорить вообще о безуміи еретиковъ (§ 33). Тогда императоръ отвѣтилъ: «итакъ, господинъ Өеодорь, тебѣ кажется, что я дълаю лишнее? Ты едва не вынуждаещь меня сказать тебъ дъйствительно лишнее, чтобы ты уже не могъ возвратиться въ свой монастырь; но ты не вынудишь меня действовать неосмотрительно по твоему желанію, и отъ меня не сдулаенься мученикомъ». На требованіе принять участіе въ диспуть собраніе еписконовъ отвьтило отказомъ; Өеодоръ даже замътилъ, что царю не слъдуеть ставить себя самого судьею и рішителемь въ церковных в ділахъ, ибо и ап. Павелъ не упомянулъ (1 Кор. XII, 28), что царь распоряжается дълами церкви. Левъ спросилъ: «Итакъ ты, Өеодоръ, сегодня извергаешь меня изъ церкви»? - «Не я, отвытиль Студить, а ап. Павель», и, указавъ на патр. Никифора, произнесъ: слушайся во всемъ твоего духовнаго отца. — «Убирайтесь отсюда!» закричаль въ бъщенствъ императоръ. Епископы собрались въ патріаршемъ дом'є и окруживъ Өеодора превозносили его похвалами за мужество и твердость (§ 34). Въ это время епархъ (υπαρχος, έπαργος) города прислалъ сказать собравшимся епископамъ, чтобы они шли по домамъ, а въ патріархіи не оставались. Өеодоръ и тутъ не выдержаль: «если, сказаль онъ, патріархъ не пригласить насъ, то и безъ вашего приказанія мы не

¹⁾ Любопытно сравнить это мъсто съ Житіемъ Стефана Новаго, въ которомъ изображенія деревьевъ и птицъ, въ томъ числъ и журавлей, на стънахъ Влахернскаго храма, отнесены ко времени иконоборца Константина; въроятно они сохранялись тамъ и во времена монаха Михаила.

станемъ дёлать этого, а въ противномъ случай ваше приказаніе никакъ не будетъ исполнено мною; но я пойду п буду говорить, что слѣдуетъ». Вернувшись въ Студій, онъ увъщаль учениковъ къ предстоящему подвигу. Черезъ нъсколько дней онъ опять отправился къ патр. Никифору: послѣдній въ виду разстройства въ церкви впалъ въ уныніе и нуждался въ утішеніи именно Өеодора, безъ котораго патріархъ ничего не дълалъ, ничего не говорилъ, и который въ соборъ епископовъ занималь второе послѣ патріарха мѣсто. Между тѣмъ, спустя не много времени, Никифоръ ночью 20 марта (815 года) былъ низведенъ съ престола и отправленъ въ собственную обитель, которую самъ онъ построиль «въ одномъ изъ гористыхъ мёсть Азіи, близь пролива» 1); и другіе священнослужители были разосланы по разнымъ странамъ и городамъ; иконоборцы овладели церквами, писпровергали (хатаотрефегу) иконы и вновь поставляли (священниковъ?, § 35).

«Въ недълю Ваій (1 апръля 815 года) Өеодоръ, совершая обычное срътение Христа съ собравшимся къ нему народомъ, приказалъ братіямъ, несшимъ честныя иконы, высоко поднять эти изображенія и такимъ образомъ обойти принадлежащій къ обители виноградникъ. Такое д'ытствіе, происходившее предъ глазами нечестивыхъ сосідей и торжественно совершавшееся среди города, дошло и до слуха царя». Левъ чрезъ одного изъ вельможъ (μ εγιστάνες) объявилъ θ еодору: «ты не успоканваещься, не сидишь въ молчаніи, но выдумываещь то и другое къ моему оскорбленію? Знай же, что ссли ты не обуздаешь своего мудрованія и не перестанешь учить о вірів, то я тебя весьма скоро, подвергнувъ смертной казни (μόρφ καθυποβαλών), отправлю къ жителямъ ада». Өеодоръ не смутился. Посль Пасхи (8 апрыля) онъ принималъ у себя и давалъ совъты собравшимся къ нему городскимъ игуменамъ «касательно предстоявшей имъ надобности идти въ патріаршій домъ». - Здъсь имъется въ виду приглашение православнаго духовенства иконоборцами въ палаты новаго патр. Өеодота для состязанія. Өеодоръ снабдилъ игуменовъ и своимъ письмомъ, въ которомь отказывался явиться въ собраніе безъ согласія своего епискона, то-есть патр. Никифора. Письмо это сохранилось въ перепискъ Өеодора цъликомъ (II, 1) 2): Михаилъ привелъ изъ него дословную выписку. — Иконоборцы встрѣтили игуменовъ свирѣпо: осыпали ихъ пощечинами,

¹⁾ col. 285: εν τοίς της Ασίας όρινοίς του στενού μέρεσιν. Изъ Житія Никифора видно, что монастырь быль во имя «Благого» (стр. 113); ср. И. Соколовъ, Монашество, 1894, стр. 71, 337.

²⁾ Migne, XCIX, 1116.

съ оскорбленіями и безчестіемъ выгнали ихъ изъ зала собранія (§ 36). Өеодоръ и послъ того не переставалъ писать письма и возбуждать мужество въ близкихъ и дальнихъ. Узнавъ о томъ, что императоръ осудилъ его на изгнаніе, Студійскій пгуменъ собраль общество учениковъ и поставилъ надъ ними 72 предводителя (архичоі), предложивъ братству раздёлиться подъ ихъ власть по добровольному избранію. Онъ былъ взятъ посланнымъ отъ царя и отведенъ (ок. 816 г.) въ крѣпость, лежащую близь Аполлоніева озера и называемую Метопа 1); но въ виду того, что и отсюда пересылалъ свои посланія по всей земль, быль переведень (ок. 817 г.) придворнымь (βασιλικός) Никитою Алексіевымъ (τοῦ Άλεξίου) въ другую крыпость, въ восточной вемы (εν τῷ των άνατολων θέματι), Вонить (ή Βόνητα); ему было предписано отнюдь ни съ къмъ не видъться и не писать писемъ о въръ; онъ на это отвътилъ, что надо повиноваться больше Богу, нежели людямъ (Дъян. IV, 19, V, 29, § 37). Никита промолчалъ и по возвращении въ столицу донесъ царю о словахъ игумена. Левъ сдёлалъ выговоръ Никить, какъ не совершившему тогда же возмездія за царскую власть, и послаль его вторично дать Өеодору сто ударовь ремпями; Никита явился, но не могъ исполнить приказа, ибо былъ тайнымъ иконопочитателемъ; онъ положилъ на плечи игумена овечью кожу и по ней нанесъ сто ударовъ, потомъ проткнувъ иглою руку свою до крови, окрасилъ кровью конецъ бича, затъмъ вышелъ изъ келіи запыхавшись, бросиль бичь и усълся. Сцена была разыграна мастерски; «отецъ нашъ весьма удивлялся въръ и благоразумію этого мужа». И отсюда Өеодоръ укрѣплялъ содержимыхъ въ разныхъ мѣстахъ епархій отцевъ и братій и духовныхъ чадъ своихъ; и многихъ, которые отъ долговременной ссылки допустили вину отступничества, онъ письмами своими убъдиль смыть такой позорь; «писаль онь и къ четыремь патріархамъ²), съ одной стороны изображая насильственныя д'єйствія ереси, съ другой прося оказать возможное покровительство совершавшимъ путь (§ 38).

Одинъ знатный клирикъ, происходившій изъ области Өракисійской ³), изъ города Маставръ (Μασταϊρα), отправился повидаться по обычаю

¹⁾ col. 288: φρουρίφ κατα τὴν Άπολλωνιάδα λίμνην, καλουμένφ Μέτωπα («Затылки»).

²⁾ Папѣ Римскому: Migne: XCIX, 1152; папѣ Александрійскому соl. 1156, патр. Іерусалимскому соl. 1160; посланіе его къ Антіохійскому патріарху повидимому не со-хранилось.

³⁾ col. 289: ἀπὸ τῆς τῶν Θρακισίων χώρας, въ русскомъ переводѣ ошибочно: «Өракійской».

со своими родственниками въ страны состднія съ епархіею, въ которой тогда жилъ Өеодоръ. Онъ посѣтилъ Өеодора, исповъдалъ ему свое иконопочитаніе, выслушаль наставленія святого и по возвращеніи на свое місто поділился съ однимъ клирикомъ вістью, что виділь Өеодора и слушаль его бесёду о догматахъ истинной вёры. Затёмъ оба клирика отделились отъ церковнаго общенія своего, очевидно иконоборческаго, епископа. Последній немедленно отправился къ стратигу Ораве ('Οραβέ), получившему должность за хуленіе иконъ; этотъ написалъ письма стратигу Восточныхъ частей, давая понять, что не слъдуеть оставлять безъ вниманія презрініе законовъ императора, и самому царю съ донесеніемъ о епископъ и клирикахъ. Стратигъ Востока послалъ одного чиновника (Өеофана) дать Өеодору 50 ударовъ ремнями, но посланный припаль къ ногамъ святого и просиль у него благословенія (§ 39). Къ тому же стратигу явился скоро и царскій посланецъ Анастасій Мартинакій (του γένους των Μαρτινακίων), ярый иконоборецъ, съ выговоромъ о нерадѣніи къ своимъ обязанностямъ. Стратигъ замѣтилъ, что онъ наказалъ игумена; Анастасій отправился къ Өеодору, раздёлъ его и не нашелъ на тёлё его никакихъ знаковъ ударовъ, захохоталъ и сказалъ: «гдъ же недавне слъды ремней? Опъ нанесъ игумену 100 ударовъ, заперъ его въ тесное помещение съ небольшимъ отверстіемъ. Вмѣстѣ съ игуменомъ заключенъ былъ и ученикъ его Николай, страдавшій «до насъ смиренныхъ» (μέχρις ήμῶν τῶν тапенчымь человфкомь «въ нашемъ поколфніи» (ἐν τῆ καθ' ἡμᾶς γενεᾶ, \S 40). Анастасій вернулся къ стратигу Востока съ двумя учениками Өеодора и укорялъ его въ обманъ; тогда стратигъ призвалъ Өеофана и велёлъ дать ему 100 ударовъ за неисполнение его приказанія; утьшившись этимь, вельможа сыль на общественных в коней (той бирьобіоіс в'и тойс) и вернулся въ столицу. Өеодоръ и другіе заключенные зимою цепенели отъ холода, летомъ сгорали отъ жара; зарождающіяся отъ пыли блохи (ψύλλαι) также причиняли имъ много страданій, ибо перемѣны одеждъ у нихъ не было; скудная пища была у нихъ сокращена, и то, что прежде полагалось на каждаго, теперь выдавалось на всёхъ. Өеодоръ отдавалъ свою порцію Николаю, а самъ довольствовался божественнымъ причастіемъ и просиль своего ученика въ случав его смерти отъ голода сообщить о томъ эконому и братіи Студійскаго монастыря. Впрочемъ, одинъ могущественнъйшій вельможа (ήγεμονικώτερος σατράπης), проъзжавшій въ тъхъ краяхъ и узнавшій о голодовкъ заключенныхъ, съ

178 отдълъ і.

сильною укоризною приказалъ доставлять имъ пищу въ достаточномъ количествъ (§ 41).

Три цілыхъ года (816—818) содержались въ заточеніи Өеодоръ и Николай. Кром' разныхъ страданій у игумена было еще спльное разстройство желудка (τὸν στόμαγον ἰσγυρῶς ἀνορεκτοῦντα). Однажды, неизвъстно какъ, попало въ руки царя Огласительное посланіе Өеодора, раскрывавшее козни иконосожигателей. Онъ отправиль грамоту къ стратигу Востока (ὁ τῆς ἑώας στρατηγός) съ приложеніемъ посланія и потребоваль наказать автора письма сотнею ударовь. Восточный стратопедархъ (ὁ τῆς ἀνατολῆς στρατοπεδάργης), по имени Кратеръ (Κρατερός), явился въ заключеніе, вывель обоихъ узниковъ, показалъ Өеодору посланіе, которое тотъ призналъ своимъ, наказалъ бичами сначала Николая, потомъ нанесъ 100 ударовъ игумену, затъмъ снова до крови избилъ Николая и оставилъ ихъ страдать на холодъ: это происходило 23 февраля (819 года, § 42). Въ это время одна женщина въ Опсикійской оемѣ, одержимая прорицательными духами, въ слухъ стала говорить: «элой Левъ мой теперь опять послаль связку бичей къ Өеодору, чтобы терзать ими плоть его; поспишите же, посмотрите, что будетъ, и скоро принесите мнь отвыть; впрочемъ не входите въ его келію, чтобы онъ не обжогъ васъ, но оставаясь внѣ, посмотрите, что будетъ». Часа черезъ два или три она опять стала болтать сама съ собою: «что это? Ничего не случилось, чего мы хотели? Я знала, что стрый плащъ опять прикроетъ плеча его и не дастъ ему почувствовать боль отъ ударовъ». Однако, замѣчаетъ агіографъ, Өеодоръ, говорять, едва не умеръ отъ этого бичеванія: раны, воспалившіяся и обратившіяся въ язвы, и загнившіе куски тыла почти не давали ему возможности перевести духъ, погрузиться въ сонъ, который бы облегчиль боль, или получить аппетить къ събстному. Николай, доставши ячменнаго отвара (χυλάριον), подавалъ ему не больше одной чашки (χαυχάλιον) въ каждый день; за неим вніемъ врачей Өеодоръ позволилъ ему обръзывать ножемъ сгнившія части виствшей кожи его. Въ такомъ страданіи святой провель всю Четыредесятницу (17 апрыля — 26 мая 819) и только въ последние дни Пятидесятницы (ок. 1 іюня 819 г.) въ тълъ его возстановилось полное здоровье (§ 43). Но еще раны его не зажили, какъ явился отъ царя новый посланецъ для перевода узинковъ въ Смирнскую епархію; съ толпою приспешниковъ онъ напаль на жилище, выломаль двери и требоваль богатства, котораго ть не имъли, перешариль всь стьны и щели кельи, но ничего не

нашелъ. Ихъ повлекли, не смотря на то, что Өеодоръ отъ изнуренія едва могъ двигаться, и на ночь забивали имъ ноги въ колодки. Черезъ немного дней они достигли Смирны и были переданы смирнскому митрополиту-иконоборцу, который заключиль ихъ въ оградъ митрополіи на хльбъ и воду съ лишеніемъ имьть сообщеніе съ людьми. Имп. Левъ еще разъ прислалъ сюда Анастасія Мартинаки (τὸν Μαρτινάχιν) бичевать Өеодора ремнями (§ 44). Между тымь тамошній (Смирнскій) стратигъ Варда, своякъ и единомысленникъ царя, заболълъ, прибылъ въ митрополію и лежаль въ постели. Одинъ изъ чиновниковъ его, благородный иконопочитатель Діогенъ, пожелаль видеть Өеодора и бесъдовалъ съ нимъ черезъ отверстіе заключенія; на замъчаніе его о больтым Варды Өеодоръ сказаль: «скажи господину своему сльдующее: посмотри, что ты долженъ дёлать, когда, можетъ быть, находишься при концѣ жизни, и помощника или избавителя нѣтъ; вспомни о томъ, что дълалъ ты въ благополучное время власти своей съ исповъдниками Христовыми и особенно съ моею обителью; и приснопамятнаго Өаддея ты самъ, жестоко избивъ ремнями, предалъ смерти» (§ 45). Діогенъ сталъ молить Өеодора о помилованів, и узникъ послалъ больному икону Богоматери, заповедавъ поклониться ей, просить молитвъ Өаддея и затъмъ надъяться, что ему будетъ лучше; а самъ онъ всю ночь молился о немъ Богу. Варда выздоровѣлъ, но онъ какъ бы для возстановленія совершеннаго здоровья сталъ пользоваться елеемъ, благословеннымъ иконоборческимъ епископомъ. Өеодоръ предсказалъ ему возвращение бользни, Варда расхворался п умеръ. Въ Смирит Феодоръ пробылъ 20 мтсяцевъ (май 819 — декабрь 821 г.); среди учениковъ его здёсь были Навкратій, пресвитеръ Доровей, Виссаріонъ, Іаковъ, Домитіанъ, Тивой (Тідоєїс), Тимовей и Евоимій, которые также испытали па себ'в бичи (§ 46).

Богъ вспомнилъ о воздыханіяхъ узниковъ и наказаль виновника бъдъ за преступленія, опредъливъ такъ, что онъ лишился жизни отъ убійственнаго меча въ томъ самомъ м'єсть, гдь унижаль божественное Воплощение Еммануила (§ 47). Когда такимъ образомъ этотъ властитель былъ убитъ ночью въ одной изъ церквей дворца (24 декабря 820 года), то умертвившій его Михаилъ прянялъ скипетръ царствг. Онъ, «хотя издавна былъ весь проникнутъ еретическою заразою, по по нравамъ былъ человъкъ снисходительный». Онъ издалъ повеление освободить всехъ, изгнанныхъ Львомъ и содержимыхъ подъ стражею; Өеодоръ вернулся изъ Смирны въ отечествен180 отдълъ і.

ную область (Саккудіонъ?), быль радушно принимаемъ въ разныхъ мъстахъ и селеніяхъ, особенно же жителями Ксиролофовъ (то хеуоμένων Ξηρολόφων), —мѣстности, повидимому, въ Азіи, а не въ Константинополь, гдь находился Епродофос. — Вскорь потомъ, перешедши въ сосъднюю мъстность при такъ называемомъ озеръ Митата (τὰ λεγόμενα λάχχου Μιτάτα), онъ прожиль здёсь не мало дней; сюда стеклись почти всв высшіе члены братства, бывшаго подъ его началомъ; равно и Іосифъ прибылъ для встречи своего брата изъ крепости Елпизопъ (Έλπίζων), гдв онъ содержался подъ стражею. Тамъ Өеодоръ, говорять, совершаль и чудеса. Принимавшій его состояль въ должности ипата и носиль имя Льва, потомъ монахъ Өеодоръ; онъ ежегодно приходиль поклониться рак мощей Өеодора Студита и однажды разсказалъ братіи слідующее (§ 48). Когда Левъ принималь у себя Өеодора, девица, избранная имъ для своего сына Діонисія и уже повенчанная съ нимъ, внезапно впала въ сильную горячку; брачныя пъсни смънились плачевными. Узнавъ о томъ, Өеодоръ благословилъ елей и, приславъ его изъ селенія Птелеи (Πτελέα), въ которомъ онъ находился, приказалъ помазать имъ лобъ больной, также ладони объихъ рукъ и подошвы ногъ; дъвица тотчасъ выздоровъла (§ 49). Тотъ же старецъ продолжалъ: нѣкій Левъ изъ села Ахирая (Άγιραώ-οῦς) имѣлъ жену сумасшедшую (ἐχούση πνεῦμα ἀκάθαρτον), кусавшую свое тѣло и не чувствовавшую боли. Левъ, увидъвъ тхавшаго на ослъ Оеодора, подошель къ нему съ женою и просиль его благословенія. Святой возложилъ правую руку на голову жены, произнесъ молитву, и демопъ ее оставиль, только у женщины выпали ногти изъ рукъ и ногъ (§ 50). Третій разсказъ старца следующій: «одна река протекаеть близь нашихъ мѣстъ, называемая Оноптиктисъ ('Ονοπτίχτης), которая самымъ названіемъ своимъ, я думаю, выражаетъ вредъ, причиняемый ея наводненіемъ, такъ что и неразумныя животныя не избъгали гибели отъ ея разливовъ. Однажды она, поднявшись и выступивъ изъ береговъ своихъ, не мало опустошала Птелейскую мѣстность». Левъ увъдомилъ святого, тотъ явился съ нимъ на мъсто разлива въ позднее время того же дня и, вознесши славословіе Господу, водрузиль кресть; съ того времени ръка и донынъ отступаетъ передъ Господнимъ знаменіемъ (§ 51). Въ то время, продолжаль старецъ, когда Өеодоръ жилъ еще въ нашемъ домѣ въ Птелеяхъ (ἐν Πτελέαις), мнъ случилось по одной надобности отправиться въ другое селеніе (γωρίον)-Метеорій (Μετεώριν). На возвратномъ пути около горы встр'єтился ми'є

тигръ: я вскрикнулъ: «не приближайся ко мнѣ, я спѣшу къ служителю Христову Өеодору»; тигръ новернулся и отправился проложенною дорогою. Затымь агіографь передаеть разсказы Студійскаго пнока Софронія (§ 52). Однажды Өеодоръ въ обители Студійской пошель навъстить больныхъ. Одинъ изъ нихъ уже отчаялся въ жизни. стеналъ и умолялъ брата милосердія Симеона попросить Өеодора о молить и о разрышени его отъ узъ. Симеонъ такъ и сдълалъ. Өеодоръ обратился къ востоку, разгорёлся въ лице, воздёвъ руки горё, прослезился, помолился, и Господь послалъ смерть больному (§ 53). Следующій разсказъ-Софронія, одного изъ преемниковъ Өеодора на игуменствѣ Студійской обители, о пожарѣ. Въ иконоборческую эпоху Софроній шель однажды въ өемѣ Пафлагонской вмѣстѣ съ Анатоліемъ, ученикомъ и письмоводителемъ (νοτάριος) Θеодора, терпівшимъ бичеванія и заключенія отъ иконоборцевъ. Вечеромъ они остановились близъ склада свна въ копнахъ, гдв расположился и воинскій ромейскій отрядъ (νούμερον στρατού). Когда для нагръванія воды были зажжены костры, огонь коснулся свна и сталь опустошать копны. Между солдатами произошло смятение и возмущение, всъ искали виновника пожара. Анатолій, боясь подвергнуться народной ярости, помолился Богу, призвалъ имя Өеодора, и пламя немедленно погасло, какъ бы отъ сильнъйшаго дождя (§ 54). По словамъ Софронія, чудо о пожарѣ имѣло мѣсто и въ Константинополѣ, въ домѣ одного изъ вельможъ, жившаго въ Равдѣ (εἰς τὴν ዮάβδον). Сама хозяйка дома разсказывала Софронію, что пожаръ у нихъ на сёновалё начался въ полдень; имущество находилось въ опасности; побъжали за водой и насосами (ύδροστάτης); хозяйка, получившая письмецо отъ Өеодора и хранившая его въ одной изъ корзинъ, сдѣланныхъ изъ пальмовыхъ вътвей, поспъшно взяла и бросила его съ возвышеннаго мъста на встрѣчу пламени. Огонь быстро сталъ утихать и наконецъ уменьшился до того, что оказалось излишнимъ стечение народа и расположение по мъстамъ насосовъ (§ 55). О другомъ чудъ Өеодора дошелъ до Михапла-автора слухъ съ острова Сардиніи (ή Σαρδωνική νῆσος). Студиты выслушали въ Сардиніи отъ тамошняго правителя (ὑπάρχων) такой разсказъ. Правитель издавна пріобрѣлъ Өеодоровы трипѣсицы на Четыредесятницу и ежегодно итль ихъ, «какъ и теперь делаю это». Въ то время у него остановились монахи, называвшіе себя учениками Григорія, бывшаго (τοῦ γεγονότος) архіепископа Спракузскаго, и получали не малое утвшение. Въ Четыредесятницу опъ распорядился,

182 отдель і.

чтобы были птты тринтсицы Өеодора. Монахи удивились, что и сюда достигла слава Студійскаго пгумена, и стали осмінвать святого и порицать его пъснопънія, какъ будто составленныя не по правпламъ искусства. Правитель было поддался имъ и запретиль петь эти трипъснцы; но ночью онъ увидълъ Өеодора, высокаго ростомъ, сухощаваго, съ бледнымъ лицемъ, полуседыми волосами и плешиваго; а за ними шли жезлоносцы, которымъ онъ приказалъ бить правителя и самъ приговаривалъ: «ты, невърный, презираешь мои произведенія»? Правитель проснулся съ трепетомъ сердца и со знаками сильнъйшаго бичеванія тела, немедленно выгналь изъ своего дома монаховь и снова ввель въ употребление трипъснцы Өеодора (§ 56). Изъ другихъ чудесь при жизни и по смерти святого агіографь отм'ьчаетъ сл'єдующія: одинь изъ сумасшедшихъ (πνευματιώντων) говориль, что выздоровьль чрезъ Өеодора; болевшій телесными болезнями выздоровель; заболевшій желудкомъ только взглянуль на икону Өеодора, написанную на столбъ, и призвалъ его имя, какъ выздоровълъ; одинъ, принявшій вредную и весьма землянистую пищу, подобно яду, и почувствовавшій боль во внутренностяхъ, выпилъ елея изъ лампады, висящей надъ гробницею его, и после небольшой рвоты исцелился отъ заразы; одинъ, вышивъ цълительнаго елея съ ладони своей, освободился отъ бользни мочеваго камня (уефрітης λίθος); страдавшій боязнію пространства, боявшійся спать въ отдівльномъ помітшенім и даже не смітвшій выходить ночью за нуждою, выпиль немного елея изъ упомянутой лампады, изобразиль знаменіе креста на сердць и на лбу и сталь небоязливымь (§ 57).

Итакъ Өеодоръ, проживъ много дней въ Птелеяхъ, прибылъ въ окрестности Прусы. Слава о пемъ распространилась по всей Олимпійской области (ή 'Ολύμπιος παροιχία); къ нему потянулись подвижники и всѣ удостоились его благословенія. Затѣмъ игуменъ прибылъ въ Халкидонъ, гдѣ посѣтилъ монаха Өеоктиста, бывшаго ранѣе, въ мірѣ, магистромъ, потомъ постриженнаго Өеодоромъ и теперь подвизавшагося въ собственномъ монастырѣ; отсюда онъ прибылъ къ патріарху Никифору; встрѣча ихъ была самая трогательная (§ 58). Черезъ нѣсколько дней Өеодоръ отправился въ заливъ Никомидійскій и поселился въ такъ называемыхъ Крискентіевыхъ мѣстахъ (εἰς τὰ λεγόμενα Κρησκεντίου). Сюда собралось множество монаховъ и общежительныхъ братій, между прочимъ Петръ, великій аскетъ, справедливо прозванный Авукисомъ ('Аβούχις, не вкушающій и куска хлѣба), прибывшій нзъ своего жилища близъ горы Олимпа для собесѣдованія съ

Өеодоромъ о порицавшихъ его жизнь и называвшихъ его волшебникомъ (γέης) за совершаемыя имъ чудеса. Өеодоръ совътовалъ ему вкушать иногда хліба, вина и прочихъ яствъ и употреблять обувь вь зимнее время (§ 59).

Между тымь избранные изъ митрополитовь на соборь своемь согласились идти къ пиператору всемъ вместе, за исключениемъ патр. Нпкифора, чтобы снять тѣ клеветы, которыя пконоборцы взвели на в вру и церковь Христову. При посредств в одного в врнаго вельможи они вошли во дворецъ и тамъ каждый изъ нихъ, какъ могъ, сказалъ привътствие кесарю; потомъ просили его не забывать человъколюбія Божія и милости, по которой онъ избавился отъ рукъ своего предшественника (Льва Армянина), но представить Христу, какъ непремънный долгъ, воздаяние за это особенно возстановлениемъ въ церквахъ иконъ. «Онъ же, какъ человъкъ необразованный, грубый нравомъ и вовсе несвѣдущій въ библейской исторіи, съ неудовольствіемъ выслушавъ это, предложилъ и Өеодору Студиту высказать свое мнфніе». Этогь высказался въ томъ же духф. Тогда императоръ сказалъ: «хороши и прекрасны ваши слова, но такъ какъ я никогда досегодня не поклонялся никакой иконт, то, какою я нашелъ церковь, такою и оставлю ее; вамъ же я предоставляю власть свободно держаться догматовъ, какъ вы говорите, православной въры, впрочемъ вић этого города, гдћ каждый изъ васъ захочетъ жить, не опасаясь и не ожидая себь никакой опасности отъ нашей власти». Съ этими словами онъ отпустиль ихъ изъ дворца (§ 60). Өеодоръ, покинувъ столицу, опять отправился въ Крискентіевы міста и тамъ продолжаль труды монашескаго общежитія до возмущенія бунтовщика Өомы. Когда последній сталь опустошать азіатскую страну (την ασιατίδα γθόνα), царскимъ указомъ (κέλευσις) повелено было приверженцамъ патр. Никифора прибыть въ Константинополь. Это сдёлано было кесаремъ «не изъ попечительности о нихъ, а изъ боязни, чтобы нъкоторые изъ нихъ не пристали къ сторонъ Оомы, такъ какъ говорили, что онъ принимаетъ иконы и поклоняется имъ». Вследствіе этого Өеодоръ опять прибыль въ Константинополь (полагаютъ: въ 822 году). Но какъ только Оома перешелъ въ Европу и былъ взятъ императоромъ, Студійскій игуменъ отплыль въ сосідній съ Акритомъ полуостровъ св. Трифона (полагаютъ: въ 823 году) 1). Отсюда онъ въ одинъ изъ

¹⁾ col. 320: πρός τὴν πελάζουσαν τῷ Άκρίτα χερσόνησον τὴν ἐπιλεγομένην τοῦ ἁγίου Τρύφωνος.

торжественныхъ дней отправился съ митрополитами къ патр, Ники-Фору, который удостоиль его преимущества чести: восхваляль его подвиги въ иконоборческій пятил'єтній періодъ царствованія Льва и за транезою предоставилъ ему одному сидъть на одномъ возвышенія вмъсть съ собою (§ 61). Говоря о доблестяхъ Өеодора, агіографъ замьчаеть: «если кто изъ противниковь не вырить написанному нами здъсь въ пользу невъдущихъ, тотъ пусть внимательно прочитаеть свитки писемъ отца нашего, и будетъ върующимъ, узнавъ изъ нихъ истину словъ нашихъ объ этомъ» (§ 62). Өеодоръ до самаго конца жизни не переставалъ посылать по всемъ странамъ и городамъ письма, присоединяя многихъ къ православной въръ. Къ нему приходили изъ столицы и отдаленныхъ острововъ и городовъ митрополиты, прумены и монахи и удостоивались его благословенія (§ 63). Итакъ, по прошествіи почти 67 летъ всей его жизни и 12 леть третьяго изгнанія его Өсодоръ около начала ноября місяца (826 года) подвергся бользни, скрывавшейся въ немъ и издавна постигшей его отъ заключеній подъ стражею и происшедшаго отсюда небреженія о здоровьт, именно бользни желудка: онъ совершенно лишился аппетита. Въ дальнъйшемъ Михаилъ слъдуетъ разсказу Навкратія (§ 64-67)... Тело его тогда же было перенесено съ упомянутаго полуострова на островъ Принцевъ (πρός την Πρίγκιπον), гдѣ и погребено. Почивавши на этомъ островъ около 18 лътъ и сохранившись нетльннымъ, оно было торжественно перенесено къ собственной его паствъ Студійской въ началь седмицы нашего православія (26 января 844 года), при служеніи патр. Меводія, и положено въ гробниць Платона, игумена его, виъстъ съ Іосифомъ, архіен, Солунскимъ, роднымъ братомъ его (§ 68).

Существуетъ, повидимому, современное слово на перенесеніе мощей Өеодора (въ рукописи Авоно-Иверскаго монастыря), но оно осталось намъ недоступнымъ 1).

Первымъ сохранившимся біографическимъ извѣстіемъ о Өеофанѣ Сигріанскомъ должно считаться посланіе Өеодора Студига ко вдовѣ его Мегало-Иринѣ, написанное тотчасъ по полученіи извѣстія о кончинѣ Өеофана. «Возненавидѣвъ міръ, писалъ изгнанникъ Өеодоръ, онъ отдалъ въ даръ Христу свое многоцѣнное имущество; потомъ, разлу-

¹⁾ Εἰχότως ἄν τις ἡμῖν ἐγκαλέσειεν. Любопытно, что съ такимъ же началомъ имѣется неизданное слово на перенесеніе мощей Іосифа Солунскаго и Θ еофава Начертаннаго (cod. Paris. MCDLVI, n^0 10).

чившись съ знаменитой супругою, родными, друзьями и знакомыми оставивъ земное достоинство, домъ, городъ, отечество и притомъ въ цвътущемъ возрастъ, благообразный лидемъ и высокій возрастомъ, кръпкій тъломъ и одарешный прекрасными качествами обоихъ родовъ, и умственными и видимыми... Бывъ насильно отлученъ отъ паствы по тяжкой бользен, въ другіе два года слишкомъ бывъ заключенъ подъ стражею, потомъ сосланъ на нікоторый островъ и тамъ довершилъ исповъдинческие подвиги за Христа» 1). Изъ этого письма къ «Мегало и Маріи (родственниць ея) инокинямъ» видно, что Өеофанъ быль воспріемнымь отцомь при принятіи Өеодоромь иночества, что Өеодоръ очень почиталъ святого, не смотря на нѣкоторыя тренія между ними. «Отошель отецъ мой, писаль игумень Студійскій, исповёдникъ Христовъ, всёми любимый мужъ, много плакавшее око, любознательный умъ, обогащенный божественнымъ вѣдѣніемъ; ...памятуй о паств твоей и о мпь, сын твоемъ».

Житіе Николая Студита, написанное анопимнымъ студійскимъ инокомъ около 924 года, драгоценно во многихъ отношеніяхъ. Агіографъ постригся въ Студіи, какъ кажется, въ 70-хъ годахъ IX в. отъ руки игумена Анатолія и былъ прекрасно образованъ и начитанъ. Житіе составлено по опредъленной схемъ съ витіеватымъ предисловіемъ 2); въ немъ классическая реминисценція занимаеть умѣренное мъсто, преобладаютъ цитаты изъ св. Писанія, замъчается любовь къ игръ словами (Никифоръ, Өеодоръ, Еварестъ, Иларіонъ) и слъдуетъ обычное сравнение святого съ ветхозавѣтными мужами. Стиль изященъ, изложение почти вездъ строго послъдовательное, но безпристрастіе, вопреки заявленію автора, недостаточное: такъ, напр., невъроятно, чтобы Фогій «гонялся за славою» удаленнаго изъ монастыря Николая. Авторъ знаетъ житія Өеодора Студита, изръдка совъщается съ ними, но вообще держитъ себя виолит независимо, предпочитая переписку самого Өеодора. О дальпъйшей жизни Николая (по смерти Өеодора) онъ могъ узнать отъ того же игумена Анатолія, которому онъ обязанъ и однимъ анекдотомъ. Житіе рисуетъ

¹⁾ Сергій. Избранныя житія святыхъ. Владиміръ 1893, стр. 213-215.

²⁾ Οι τοὺς όλυμπίους ἀγῶνας χρατοῦντες: Combefis. Historia haeresis monothelitarum. Paris. 1648, p. 889-953 и Migne Patr. gr., CV. 864-925; цитируемъ по изданію Комоєфиса; въ AA. SS. Boll. февраль I. 539-552 одинъ латинскій переводъ. Греческій текстъ напечатанъ по cod. Regius (antiquus), т. е. по № 1450, XI в., или по № 1452, X B. (Omont. Inventaire, II. 45, 46).

186 отдель і.

намъ въ лицъ Николая строгаго послъдователя Өеодоровой доктрины, основанной на буквъ каноновъ, осуждавшей возведение мірянъ заразъ (άθρόως) на епископство. Өеодоръ отказался имъть общение съ патр. Никифоромъ, ибо последній быль поставлень прямо изъ мірянь; впрочемъ, позже Өеодоръ примирился съ нимъ, да и римская церковь признала патріарха святымъ. Ученикъ Өеодора, Николай, оказался въ такомъ же положеній, когда на патріаршій престоль быль возведень изъ мірянъ Фотій: онъ прекратилъ съ нимъ общеніе, но о примиреніи когда либо съ нимъ едва ли думалъ, ибо тутъ встрътилось одно обстоятельство очень существенное: Фотій вступиль на престоль не по смерти предшественника, какъ патр. Никифоръ (въ такомъ случав не могло бы произойти и разділенія церквей), а по сверженіи его съ престола. Каноническія постановленія были нарушены болье, нежели при возведеніи Никифора. Ригористы, защищая діло Игнатія, съ тыть большею силою обрушились на Фотія, хотя онъ-то туть быль виновенъ столько же, какъ и Никифоръ, — вся отвътственность за нарушеніе церковныхъ правиль лежала на правительств Михаила и Варды. Фотій вступиль на престоль подъ давленіемъ императора, онъ очевидно воспользовался прецедентомъ — тою знаменитою οίχονομία, къ которой прибъгали натріархи Тарасій и Никифоръ. Послъднимъ это «приспособленіе къ обстоятельствамъ» простили и студиты и римскій папа, а сіхоусція Фотія, что съ ихъ стороны очень непоследовательно, осталась предметомъ ненависти. Біографъ Николая, разумъется, стоить на точкъ зрънія его преданія и вооружень противь Фотія; но для Х въка Византіи это было явленіе, уже отживающее свое время. Жптіе очень важно своими именами студійскихъ игуменовъ, сообщая последовательный рядь по крайней мере десяти настоятелей. Правда, новыхъ историческихъ данныхъ мы въ немъ почти не найдемъ, но встрётимъ нёсколько небезъпитересныхъ топографическихъ именъ.

Въ предисловіи авторъ говорить, что побѣдители на Олимпійскихъ играхъ добиваются похвалы риторическими рѣчами ¹); но долженъ восхваляться болѣе законъ воспитанія, нежели истинный законъ обстоятельствъ, ибо природою установлено, что желаемое выше всего другого; дивящіеся подвигамъ великихъ мужей и желающіе украсить ихъ ими восхваляютъ ихъ не риторскимъ талантомъ или философ-

¹⁾ Παιμαμίκ βτο ΣΚ. Ι. Βιατογετατο (Migne, XLVII. 3) ώσπερ καὶ ἐν Ὁλυμπιακοῖς ἀγῶσι καλεῖ μὲν ὁ κήρυξ τὸν βουλόμενον, στεφανοῖ δὲ τὸν νικήσαντα.

скими аргументами, но раскрываютъ величіе подвиговъ, выясняя одну истину, соединяя съ ней дёло и описывая добродетель (§ 1). Вотъ и мы, говорить біографь, нам'треваемся сказать о великомъ св'тиль благочестія и общемъ отцѣ нашемъ Николаѣ; опишемъ для пользы, хотя и не искусно, однако съ любовію къ истин \S^1), кое-что немногое о немъ, что отъ долгаго времени покрывается молчаніемъ и затемняется въ бездит забвенія; разъ разсказъ написанъ ясно, похвала прозвучить среди многихъ людей (§ 2); да откроются уста наши, да подвигнется рука къ написанію разсказовъ о немъ (§ 3).

Николай происходиль изъ «славнёйшаго» острова Крита (какъ видно изъ нижеследующаго, онъ родился въ 793 г.), пользовавшагося τοгда (τότε) Христовою свободою, славившагося силою и величиною построекъ (ῥώμη τε λοιπόν καὶ μεγέθει κτισμάτων), хотя теперь (νῦν) въ немъ обитаетъ жалкій народъ — потомки Агари, поработившій насъ за гръхи наши (§ 4). На Крить проповъдываль сначала ап. Титъ. О жителяхъ сложилось убъждение, что «они всегда лжецы, злые звъри, лънивыя брюха» (§ 5); но Николай быль исключеніемъ изъ этого правила прорицателя Эпименида критянина (§ 6). Отечествомъ Николая было мъстечко Кидонія (Κυδωνία, нынъ Канея), орошаемое стовсюду потоками, обильное хлёбомъ, виномъ и разными плодами; отсюда происходиль родомъ и одинъ изъ 10 мучениковъ Василидъ (§ 7): — здёсь разумёются 10 мучениковъ Критскихъ полов. III в. (память ихъ 23 декабря); преданіе о родинѣ Василида заимствовано, повидимому, изъ житія ихъ 2). —Родители воспитали Николая духовно, пріучили его къ церкви и паучили грамоть (§ 8). Десяти льть (въ 803 г.) онъ прошель предварительное образование (προπαιδεία των μαθημάτων) и приступиль къ высшей степени: нищенствовать духомъ и смиренствовать тёломъ. Онъ прибыль въ первый между всёми городами — въ Византію, гдъ поступиль въ домъ для изученія добродътели — въ киновію Студійскую къ дядъ своему Өеофану. Въ то время въ Студіи сіяль добродътелями и подвигами Өеодоръ (§ 9). Өеофанъ принялъ Николая и привель его къ Өеодору, который, проэръвъ, благословилъ его, а затъмъ по молодости еще возраста велёлъ ему жить около монастыря въ монастырскомъ домё для дётей (χαταγώγιον των παίδων), вмѣстѣ съ другими ровестниками, и изучать

¹⁾ εί καὶ ἀτέχνως, πλην φιλαλήθως.

^{2) &#}x27;Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. 'Ανάλεκτα ίεροσολυμιτικής σταχυολογίας, ΙΥ. 226: ἐκ δὲ τῆς Κυδωνίας Βασιλείδης.

науки. — Очевидно, Николай поступиль въ монастырские дътеныши, о которыхъ мы говорили при разборф житія Стефана новаго (стр. 146). Дъти жили вмъстъ внъ монастыря, дабы не безпоконть монаховъ. Николай уклонялся отъ дътскихъ игръ и былъ трезвенцикомъ (§ 10). Придя въ возрасть, онъ изучиль вступительныя науки (τὰς είσαγωγικάς μαθήσεις), потомъ грамматику для того, чтобы писать правильно; онъ сдёлался даже скорописцемъ, чёмъ обратилъ на себя вниманіе многихъ. У «преподавателя общаго знанія» (τῷ κοινῷ καθηγητή) онъ ежедневно упражнялся въ заповедяхъ и пожиналь плоды благочестія. Входя въ храмъ первымъ и выходя последнимъ, онъ внимательно слушаль повъствованія объ отцахь и самь перечитываль ихъ житія (§ 11). Достигши совершеннольтія, онъ быль облачень Өеодоромъ въ монашескую рясу (§ 12), отдался святому вполнъ и поработилъ ему свою волю, такъ что казался бездушною статуею (§ 13). Соединяя добродътель съ мужествомъ, онъ, выражаясь поэтически, «бъжалъ на лидійской колесниць» (§ 14)1), отличался воздержаніемь, молитвами и слезами (§ 15); таковъ былъ совершенный человъкъ въ нашемъ покольній (тү хав' ήμας γενεά). По приказу «отца» и по просьбь общаго братства опъ быль поставлень во пресвитера (§ 16); занимался рукодѣліемъ, переписывая книги (δέλτους ἄριστα συρμεογραφών) съ такою быстротою, съ какою бѣгалъ Асаилъ (§ 17). Родной братъ Николая, Титъ, явившійся странникомъ по взятіи его отечества и по задержаніи тамъ его родителей, разсказаль трагическую пов'єсть о занятіи острова Измаильтянами²), прибавляя: горе вамъ, критяне, населяющіе концы моря (Софон. ІІ. 5); блещеть мечь, лукъ наказанія натянутъ на насъ (§ 18). — Агіографъ ограничивается краткимъ упоминаніемъ этого событія; онъ упустиль изъ вида, что тогда мученически скончался архіепископъ Гортинскій Кириллъ 3). И вообще разсказъ о занятіи острова Крита Арабамп (826 г.) здёсь не на мѣстѣ: онъ долженъ былъ бы находиться въ § 47. Въ такомъ случаѣ Тить увъдомиль брата о несчастій не въ Студій, гдь Николая уже не было, а, въроятно, въ Виеннін, гдъ последній находился съ Өеодоромъ Студитомъ.

¹⁾ Γρигорій Богословъ въ похваль Василію Великому (Migne, XXXVI. 525): πεζοί παρά Λύδιον άρμα εθέομεν; απίστραφъ: διά Λύδιον άρμα θέειν, ποιητικώς είπεῖν.

²⁾ col. 901: τραγωδίας ύπο των άγρίων συών γενομένης σφαγής των άθέων 'Ισμαηλιτών μετά πολλών των δακρύων εκδιηγούμενος.

³⁾ Cedr. II. 94.

«Общій нашъ отецъ» Николай отличался безмолвіемъ; брать его (Тить) быль образцемь добродьтелей; у всьхь было общее свышловеликій Өеодоръ; брать последняго Іосифъ, позже архіепископъ Солунскій, Тимовей, Аванасій, Навкратій и много другихъ подвижниковъ — вст они жили въ земномъ семъ (τούτω) небт (§ 19). Но среди покоя пеожиданно появилась туча съ восточныхъ частей и затемнила все: явился Левъ Армянинъ, человъкъ вредный и совсъмъ дурной, притворявшійся благочестивымъ. Въ царствованіе имп. Михаила, когда «Гунны» опустошали греческія страны до самаго Лива 1), онъ былъ назначенъ стратигомъ и со многими другими посланъ противъ этого народа. — Здъсь имъется въ виду греко-болгарская война 813 года. Въ отношеніп опредёленія м'єстности Лива мы дальше ушли отъ Комбефисова «haud satis intelligo» и можемъ сказать, что Ливъ была мъстность или городъ во Оракіи, въ означенное время принадлежавшая Впзантій, но позже, какъ видно изъ житія Іоанникія (р. 346), населенная Болгарами. Съ подобнымъ названіемъ мы встрівтимся, впрочемъ, и ниже. - Содержа тайно ересь отца Константина Копронима, тоже Льва, и его львинаго сына (λεοντίδου του τούтоо оісб), Левъ Армянинъ возсталь противъ имперіи (§ 20). Подкунивъ многими дарами подчиненные ему полки, онъ во Оракійскихъ областяхъ, внъ городовъ, былъ провозглашенъ царемъ, и входить во дворецъ въ качествъ императора-иконоборца²). — Извъстіе о подкупъ впервые сообщено въ Михаиловомъ житіи Өеодора Студита; оно повторено въ разбираемомъ здёсь житіи Николая, а также у Кедрина⁸), но его не знаетъ ни самый ранній хронографъ — Өеофанъ, ни анонимово житіе Өеодора. — Левъ Армянинъ не долго хранилъ молчаніе, пока не обезопасилъ за собою власти; потомъ онъ разверзъ свои хульныя уста словами, что нельзя ставить иконы, ибо онъ -- идольскія изображенія (§ 21). Здёсь агіографъ проводить разницу между εїдюхоч, которое есть нъчто такое, что представляеть подобіе экземпляра въ ложномъ видѣ (δολιοῦν), и είκών, которое названо такъ потому, что ему подобно (соіхоїа). — Красивое, по замъчанію Комбефиса, различение этихъ словъ однако не убъдительно съ корневой точки

¹⁾ col. 904: τῶν Οὔννων ἤδη κατὰ τὸν Λίβα ληιζομένων τὰς χώρας.

²⁾ τὰς ὑπ'αὐτὸν τελούσας, στρατιωτικὰς φάλαγγας δώροις πολλοῖς φαινακίσας ὁ μάταιος, καὶ πρὸς τὰ Θρακῷα μέρη γεγονώς, τῶν ἄστεων θύραθεν ἀναγορεύεται ἄναξ, καὶ εἴσεισιν εἰς τὰ βασίλεια.

³⁾ Cedr. II. 45: τὰ ὑπ'αὐτὸν διαφθείρας τάγματα.

190 отделъ і.

зрвнія. — Левь подыскаль несколько лиць, умственно испорченныхъ, и хотвль съ помощію ихъ обратить благочестіе въ посмішище, но это ему не удалось (§ 22). Однажды онъ въ одномъ пзъ срященныхъ дворцовъ (των ανακτορικών έν τινι των θείων) собраль сонмъ јереевъ и «нашихъ» (студійскихъ) отцовъ, оцібниль ихъ кругомъ войсками, самъ сѣлъ посредицъ и снова началъ ръчь объ иконахъ, направляя ее противъ патріарха (μέγαν ιεράργην) и его сторонниковъ; но видя, что духовенство отметаетъ его вздорныя мысли, а смёлость Өеодора приводить его въ столбнякъ, раздраженный царь приказалъ выгнать ихъ изъ дворца и каждому изъ нихъ назначилъ ссылку (§ 23). Изгнанъ быль патріархъ Никифоръ (άργιερεύς και τῆς νίκης ἐπώνυμος) п всь другіе, а равно Өеодоръ съ ученикомъ своимъ, исповъдникомъ Николаемъ, который переносиль съ учителемъ всѣ испытанія, какъ видно изъ писемъ Өеодора (§ 24). — Очевидно, здёсь авторъ ссылается на письма студійскаго игумена къ Евдокіи, къ брату Іосифу, къ разнымъ братствамъ, къ студитамъ, къ Навкратію и пр., въ которыхъ Өеодоръ говорить о своемь сострадальца Николав. — Императоръ сослаль ихъ въ крыпость у Аполлоніадскаго озера Метопу (το Μέτωπα), гдь оба они содержались цёлый годъ. Молва о нихъ распространилась повсюду, и многіе пожелали также претерп'євать за віру. Тогда царь перевель ихъ въ восточную оему — въ другую крипость, Вонитъ (Вочта), гдв вельль стеречь ихъ такъ, чтобы ихъ никто не видьль и никто не разсуждаль съ ними о въръ (§ 25). Но Өеодоръ посредствомъ писемъ убъждалъ не только сосъдей, но и отдаленныхъ жителей уклоняться отъ ереси. Одно изъ его писемъ въ защиту иконопочитанія попало въ руки императора, который послаль немедленно наказать святого. Посланный вывель узниковь, велёль дать сто ударовь Николаю, обоихъ, почти бездыханныхъ, заключить снова въ тюрьму и не давать имъ пищи (§ 26). Ихъ кормили черезъ два и черезъ четыре дня, а иногда и разъ въ недълю, причемъ лишали ихъ и воды (§ 27). Затемъ явился къ нимъ посланецъ съ книгою и вынуждалъ ихъ сказать, когда и къ кому она была написана противъ императора (§ 28). Когда они сказали, посланецъ велълъ раздъть Николая и нещадно бить его ремнями и почти бездыханнаго оставить подъ открытымъ небомъ, между темъ это было зимою — третьяго числа текущаго місяца (февраля, § 29).— Какъ видно изъ житія Өеодора, здісь ошибка, виъсто 23 февраля (819 года). — Өеодоръ быль также бичеванъ. Отъ него палачъ перешелъ снова къ Николаю, пытался отвлечь

его отъ Өеодора, но потерпълъ пеудачу (§ 30). Тогда Николая снова начали бичевать по губамъ, по рукамъ (των βραγιένων) и по локтямъ (των ώλενων), вообще по αί ξέκαι; потомъ привязали веревку за объ руки и долго таскали его, вынуждая отказаться отъ иконопочитанія; но когда и это оказалось безполезнымъ, посланецъ заключилъ его съ Өеодоромъ въ темницу и удалился. Николай лежалъ подобно трупу, и только по просьбѣ Өеодора стража принесла ему сала съ теплой водой. Игуменъ промывалъ раны п обмазывалъ ихъ саломъ; чрезъ нѣсколько дней онъ заживилъ больныя мъста рукъ своего соузника. Однако и Николай заботился о Өеодоръ: опытною рукою онъ отръзываль висъвшія части тъла и заживляль раны Өеодора (§ 31). Много горя перенесли страдальцы въ теченіи трехъ льть; они противились какъ императору, его чиновникамъ, такъ и самому закону природы, изнуряемые голодомъ и жаждою, холодомъ и наготою (§ 32). Много лътъ спустя, царь отправился въ Смирнскую митрополію. Өеодоръ и Николай сидёли тогда въ заточеніи и въ колодкахъ воть уже 20 мёсяцевъ (§ 33). Затыть нечестиваго царя постигь судь Божій: Михаиль экскувить (δ έχσχούβιτος), принявь ромейскій скипетрь, хотя и быль насыщенъ еретическою закваскою, однако освободилъ исповъдниковъ (§ 34). Өеодоръ и Николай, отправившись изъ Смирны, пѣшкомъ прибыли въ мъстности Прусы, отсюда въ Халкидонъ, гдъ видълись съ изгнаннымъ патріархомъ Никифоромъ, которымъ были приняты очень радушно (§ 35). Патріархъ съ сонмомъ митрополитовъ рѣшились идти къ царю и искоренить ересь. — Агіографъ забылъ упомянуть, что Никифоръ въ последнюю минуту отказался отъ личнаго посещения столицы. — При помощи одного чиновника они проникли во дворецъ и прежде всего поздравили Михаила съ восшествіемъ на престолъ; затыть Өеодорь произнесь рычь о догматахъ церкви, согласно съ порученіемъ Никифора. Царь — иконоборецъ, обратившись къ Өеодору, сказаль: «ты обыкновенно противишься скипетру», намекая на сопротивленіе Өеодора при имп. Константин'є и Никифоріє. Посліднему Студійскій игуменъ пророчески предсказаль жалкую смерть въ Болгаріи за прелюбод віный союзъ 1). Императоръ однако обощелся съ духовенствомъ милостиво п, давъ клятву въ ихъ безопасности, выслалъ ихъ изъ дворца (§ 36).

¹⁾ Col. 917: τῷ ἄνακτι Νικηφόρφ διά τὴν μοιχοζευζίας ἀλόγιστον ἔνστασιν ἐν Βουλγαρία προφητευθέντα οϊκτιστον θάνατον.

Здёсь агіографъ пользуется случаемъ передать одинъ разсказъ, имѣвшій мѣсто въ Болгарін во времена имп. Никифора, разсказъ, который просило автора внести въ житіе то духовное лицо, которое постригло его во иноческій санъ и долго правило «нашимъ» монастыремъ; «знаю, что всѣ вы знаете нашего пастыря Анатолія», который такимъ образомъ началъ устраивать духовную трапезу (§ 37). По словамъ Анатолія, одинъ изъ учениковъ Николая, Кипріанъ, по обыкновенію ежегодно навінцаль одного благочестиваго старца на службі въ Атров 1). Старецъ дивился любви его къ себв съ самаго еще двтства и разсказалъ юношъ повъсть, которая черезъ Кипріана сдълалась полезною для всёхъ (§ 38). Будучи юношею, говорилъ старецъ, я быль зачислень въ полкъ схоларіевъ 2). И когда царь Никифоръ со всёмъ войскомъ отправился противъ Скиновъ, я по некоторымъ обстоятельствамъ остался позади войска, которое долженъ былъ нагнать. Прибывъ вечеромъ въ одно мъстечко въ Оракійскомъ районъ (πρός τὰ θραχῷα μέρη) и собираясь поставить палатку (την μονήν), я быль приглашень одною богатою женщиною, которая угостила меня обильною трапезою и занимала меня среди ужина пріятнымъ разговоромъ, а послъ стола позаботилась уложить меня на высокой постели, чтобы дать мев отдыхъ съ дороги (§ 39). Но дьяволъ вселиль въ сердце женщины злую страсть, побуждая ее къ смѣшенію со мною. Вставъ со своей постели, она направилась ко мнѣ и стала склонять меня къ блуду. Я, какъ могъ, оттолкнулъ ее и сказалъ: женщина! если бы не было войны въ землъ варваровъ (έπὶ ξυροῦ τῶν βαρβάρων), то соблюдать целомудріе следовало бы по закону Божію; а если уже блещуть орудія войны, то хранить ціломудріе — прямая справедливость: пораженный мечемъ страсти, я несчастный погубиль бы свою душу и какъ отправился бы на войну съ врагами, будучи мертвымъ до сраженія? Выслушавъ меня и немного помедливъ, женщина снова подошла ко мит съ прежними ртчами, но я снова выпроводилъ ее; она появилась въ третій разъ, тогда я пригрозиль ей муками ада и своимъ мечомъ. После того я всталь, сель на коня и быстро отправился въ дальнейтий путь (§ 40). Женщина послала за мною своихъ рабовъ, чтобы убить меня, но Богъ смилосердился, избавилъ меня отъ вреда и направилъ меня неожиданно на другой путь (§ 41). Когда я

¹⁾ Col. 920: κατὰ τὴν τῆς ᾿Ατρώας ὑπουργίαν, περεвοдъ Κομδεφиса неточенъ: pro exilii ratione.

²⁾ ἐν τἢ τῶν σχολαρίων στρατεία κατεληλεγμένος (sic).

достигъ границы Болгаріи и очутился внутри болгарской страны, я ъхаль одиноко, быль очень несчастень, плакаль и хотъль подняться на гору. Вдругъ я услышалъ съ горы голосъ, звавшій меня; я оглянулся и увидълъ престарълаго мужа въ блестящихъ ризахъ, гигантскаго роста. Онъ протянуль руку и зваль меня къ себъ. Я поднялся, увидълъ его сидящимъ на землъ и поклонился ему до земли. Онъ вел'ёлъ мнё подняться и встать по правую руку отъ него; а сидёлъ онъ со сложенными ногами и рукою указывалъ на поле подъ горою, переполненное телами, и на массу войскъ, стоящихъ вместе съ императоромъ. Онъ спросидъ, могу ли я отличить отдёльно нашъ лагерь отъ дагеря враждебнаго (§ 42), и я отвътиль утвердительно. Но вотъ онъ переложилъ правую ногу на лѣвую, и я вижу, что наше войско съ силою нападаетъ и разбиваетъ враговъ. Когда Скиоы стали гибнуть и обращать тыль передъ поражавшими ихъ, мужъ тотчасъ переложилъ лъвую ногу на правую-и вдругъ варвары поднялись и стали безжалостно избивать нашихъ. Я былъ пораженъ гибелью ромейскихъ войскъ, избіеніе которыхъ продолжалось до заката солнца. Мужъ перемѣнялъ положеніе ногъ и побѣда снова переходила на другую сторону. Наконецъ онъ выпрямиль ноги, и войска прекратили битву (§ 43). Тогда мужъ поднялся и спросиль меня, могу ли я сосчитать количество павшихъ, и неужели осталось хоть одно свободное мъсто на полъ, не покрытое трупомъ? Я признался въ невозможности отвътить на эти вопросы. Тогда онъ сказалъ, что осталось еще немного мъста, какъ бы для помъщенія одного вола, и указавъ на это мъсто, сказалъ: видишь ли мъстечко, свободное отъ трупа? оно-твое, а не кого либо другого: на немъ съ остальными долженъ былъ бы лежать ты въ качествъ пищи для птицъ, но такъ какъ ты сохранилъ свое тіло непорочнымъ, то Богъ освободиль тебя отъ смерти. И съ этими словами мужъ исчезъ изъ моихъ глазъ. Со страхомъ я наклонилъ голову, попедоваль мёсто, на которомь онъ стояль, спустился съ горы и всю ночь шель обратно назадъ. Черезъ несколько дней я прибылъ сюда (та сучайва, въ Атрою?) и решился служить Богу, меня спасшему, въ этой одеждѣ (§ 44). И ты, дитя Кипріанъ, закончилъ старецъ, не унывай, когда посътятъ тебя искушенія, но мужественно удерживайся отъ нихъ (§ 45). — Повъть эта объ анонимномъ воинъ, а потомъ аскетъ, неудачно вставленная въ житіе по просьбъ игумена Анатолія, рисуеть намъ несчастную войну имп. Никифора съ Болгарами, кончившуюся гибелью всей византійской арміи и смертью

194 отдель і.

самого царя въ 811 году. Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ сповъ (особаго литературпаго пріема), путемъ которыхъ сообщались исходы различныхъ сраженій 1). Позже повѣсть эта была выдѣлена въ особое сказаніе о Николѣ воинѣ, о чемъ сказано будетъ ниже. Игуменъ Анатолій, ученикъ Өеодора Студита, долженъ былъ править монастыремъ въ позднее время, ибо послѣдовательный рядъ игуменовъ Студійскаго монастыря безъ его имени намъ извѣстенъ съ 842-го по 868-й по крайней мѣрѣ годъ.

Довольно равнодушный къ церковнымъ вопросамъ, но болъе всетаки иконоборецъ, царь Михаилъ «по своему невѣжеству» предоставиль каждому мыслить такъ, какъ кто хочетъ; однако запретилъ иконопочитателямъ оставаться въ столицъ. Остдоръ и Николай, переговоривши со сторонниками патріарха (Никифора), переселились въ заливъ Прусы (παρακόλπιον τόπον τῆς Προύσης, § 46). Но когда народный бунтовщикъ (λαοπλάνης) Өома сталь опустошать ромейскую территорію, испов'єдники, по повел'єнію царя, поневол'є прибыли въ Византію; но скоро они снова покинули столицу и поселились на полуостровъ св. Трифона, смежномъ съ Акритомъ. — Здъсь надобно замътить, что въ это время (въ 826 г.) Критъ былъ занятъ Арабами, и Тить, избъгшій смерти и плъна, явился къ своему брату Николаю. Агіографъ, какъ сказано, отнесъ это событіе къ раннимъ годамъ пребыванія Николая въ Студійскомъ монастырѣ, но очевидно ошибочно. — На полуостровъ Трифона Өеодоръ и умеръ — 11 ноября (826 г.). Тело его было перевезено на соседній островъ Принкипо, гдѣ и погребено; «но объ этомъ писали нѣкоторые изъ церковныхъ священнослужителей, описавъ его доблести какъ бы нъкій общеполезный даръ» (§ 47). — Несомнънно здъсь дълается намекъ на житіе Өеодора, но стоитъ сравнить §§ 23—47 настоящаго житія съ §§ 32—68 житія Өеодора, чтобы видіть, какъ мало повліяло на нашего анонима сочинение инока Михаила.

Осиротъвъ по смерти Θ еодора, Николай приходить къ его гробу и съ новою силою предается подвигамъ. «Многіе изъ Византіи и особенно изъ сената (ἐх τῆς συγκλήτου), а также изъ окрестныхъ мѣстностей стекались къ нему», какъ къ человѣку добродѣтельному, и онъ помогалъ въ ихъ душевныхъ недугахъ (§ 48). Между тѣмъ по смерти имп. Михаила (829 г.) вступилъ на престолъ сынъ его Θ еофилъ.

¹⁾ См. «Визант. Врем.» 1897, IV. 389.

Война противъ иконопочитателей снова возгорълась, ремни снова были пущены въ дёло. Тогда пострадали братья Өеодоръ и Өеофанъ, которымъ царь за упорство въ иконопочитании велълъ начертать лица, представивъ міру странное зрівлище (§ 49). Бізгая ереси, Николай переходилъ изъ одного м'єста въ другое, пока одна женщина не отдала ему пріюта близь столицы во оракійскомъ районь, гдь у ней было тихое предмістье; именемъ Ирина, она дійствительно даровала миръ (εἰρήνη) святому. Отсюда Николай наблюдаль за иконоборческимъ движеніемъ. Позже онъ присоединилъ къ своему (Студійскому) монастырю и это пом'єстье подъ именемъ «Фирмополь» (§ 50). По смерти Өеофила (842 г.) ересь была погребена въ могилу: супруга его Өеодора съ малолетнимъ сыномъ Михаиломъ заняла престолъ, смъстила Янна и посадила на его мъсто Менодія. При содъйствіи богоносныхъ отцовъ настало празднество православія (§ 51). Тогда же «общій отецъ нашъ» Навкратій, вернувшись изъ изгнанія, прибыль въ Византію и былъ принятъ царицею и патріархомъ съ честію. По убъжденію ихъ, онъ приняль начальство надъ Студійскимъ монастыремъ, который Өеодоръ Студитъ увеличилъ почти до 1.000 человъкъ братін. Паства снова расцвівла, какъ нікій рай (§ 52). Николай, привыкшій въ темницахъ къ уединенной жизни, и теперь предпочиталь киновій жизнь одинокую (§ 53). Въ это время, по усмотрѣнію августы, патріарха и съ помощью всего церковнаго собранія, 26 января (844 г.) были перенесены мощи Өеодора Студита съ о. Принкипо «въ нашъ монастырь» и положены рядомъ съ дядею его Платономъ и братомъархіереемъ Іоспфомъ въ Предтечевомъ храмъ, справа къ востоку (§ 54). По смерти Меоодія патріаршій престоль заняль Игнатій (847 г.). Навкратій скончался 18 апр'ыл (846 г.?), оставивъ преемникомъ своимъ Николая; последній уступиль только многимъ убежденіямъ отцовъ и принялъ начальство (§ 55). Однако черезъ три года управленія монастыремъ (въ 849 г.) онъ возлюбилъ уединеніе, повъдалъ о томъ братіи и рукоположилъ имъ вмъсто себя игуменомъ пресвитера Софронія, который со дия вступленія въ мопастырь не вкушалъ ни хлеба, ни вина, ни тучной пищи (§ 56). Оставивъ ему паству въ присутствіи архіерея (πρὸς τοῦ ἀρχιερέως, разумѣется, патріарха Игнатія), Николай удалился въ Фирмопольскую обитель, которая доставляла ему истинное наслаждение. Между темъ Софроній посл'є четырехл'єтняго управленія Студіемъ скончался 3 ноября (853 г.). Братія снова послала за Николаемъ и почти насильно извлекла его въ

столичный монастырь (§ 57). Между тёмъ по достиженія совершеннольтія имп. Михаиль выгналь изъ дворца свою благочестивую мать (856 г.) и подпалъ подъ дурное вліяніе своего дяди по матери—Варды. Одинъ изъ нихъ сталъ самодержцемъ, другой получилъ гитулъ кесаря. Подданные были смущены такимъ оборотомъ дёлъ, «видя предъ собою попраніе законовъ Божімхъ» (§ 58). Царь высоком рно отнесся къ матери, а его дядя кромѣ того погрѣшилъ противъ природы: беззаконно возлюбилъ ложе своего сына, явившись чужимъ мужемъ его жень (§ 59).—Изъ другихъ источниковъ, перечисленныхъ Гергенретеромъ 1), видно, что Варда находился въ любовной связи со вдовою своего сына, Евдокіею. Патріархъ Игнатій вздумаль исправить Варду и началь его убъждать, побуждать, напоминать; но видя безполезность этого, воспретиль ему входъ въ церковь (είργει τῶν τῆς ἐκκλησίας οὐ_ రియా). Разсерженный Варда въ сопровождения громадной толпы народа (πανδημί) прибыль въ храмъ, вошель въ алтарь (των τε άδύτων ἔνδον γενόμενος) и потребовалъ у патріарха пріобщенія Св. Таинъ (§ 60). Игнатій публично обличиль Варду въ противозаконіи и выгналь (ἀπήλασεν) его изъ церкви со стыдомъ. Тогда кесарь убедилъ царя сместить съ престола Игнатія, чего добился впрочемъ не скоро²). Патріархъ быль тираннически изгнанъ (именно 23 ноября 857) г.), и они (Михаиль и Варда) выбирають (προβάλλονται) и έκο στιя, бывшаго тогда протасикритомъ и славившагося благочестіемъ (єт' εύλαβεία) и обширностью знаній. Они тотчась вельли ностричь его и вручили ему прерогативы (πρέσβεια) архіерейства. «И зачімь перечислять возникшіе отсюда плевелы, каждый въ отдільности, извістные всемъ питомцамъ церкви? Но следуетъ приноровить это дело къ пастырю нашему Николаю» (§ 61). Пришлецъ (πάροικος) и странникъ (παρεπίδημος) со временъ юности, сохранившій иконопочитаніе и незапятнанную въ общинь строгость (την ακρίβειαν), Николай отделился отъ незаконнаго смысла несоединимаго и, выйдя изъ монастыря со своимъ братомъ (очевидно, Титомъ), переселился въ обитель Пренетскую (εν Πραινέτω), --- которая, замѣтимъ, находилась въ гавани Виоинской. - Когда слухъ объ этомъ разнесся и, распространяемый народомъ, подтвердился, кесарь, знавшій издавна о высокой доброд тели Николая, быль раздражень; онъ велёль отыскать игумена и уб'ёдить его

¹⁾ Hergenröther. Photius . Regensburg. 1867, I, 369.

²⁾ col. 936: ὅπες οὐ μετ' οὐ πολύ καὶ συνέβαινεν, y Κομδεφμια неточно: quod etiam and diu post accidit.

въ пользу кесаря, какъ онъ убъдиль царя Михаила «въ баняхъ Пиоійскихъ» (τὰ τῶν Πυθίων θερμά). — Этимъ именемъ назывались горячіе источники Виеиніи, служившіе курортомъ для царственныхъ особъ. Мы видёли, что сюда ёздиль для леченія имп. Константинь V; сюда прівзжаль, какъ теперь оказывается, имп. Михапль III съ Вардою; сюда же пріфажаль для купанія и имп. Алексей Ангель. — Посланные на кораблѣ прибыли къ Николаю въ Пренетъ и думали склонить его льстивыми словами (§ 62); но игуменъ отъ лица Духа Святого сказалъ имъ, что они погрѣшили противъ законовъ Божіихъ, что судъ для предстоятелей будеть строгь, что они не пожелали прибъгнуть къ врачамъ — раскаянію для излеченія язвъ нравственныхъ, и грозиль имъ дурными послъдствіями (§ 63). Посланные вернулись ни съ чёмъ и послали къ святому сказать: «тебе не слёдуеть жить ни въ одномъ изъ твоихъ монастырскихъ домовъ», и поставили на его мѣсто каопгуменомъ нѣкоего Ахиллу (ок. 857 г.), человѣка вполнѣ нравственнаго, а сами всячески старались схватить святого (§ 64). — Замѣтимъ здёсь, что папа Николай желалъ имёть Николая представителемъ у себя по дѣлу Игнатія: конечно, это былъ бы ярый защитникъ Игнатія и врагъ Фотія; но поездка его въ Римъ не состоялась. Почему агіографъ умолчалъ объ этомъ, неизвѣстно. — Изгнанный Николай переходиль изъ одного мъста въ другое подъ бременемъ нужды и старости. Некій Самуиль, видя его страданія, купиль въ столиць, въ мѣстности Лива, удобное для покоя мѣсто·1) и предложилъ его святому, который поставиль туть монастырь (§ 65). Потомъ онъ пригласиль сюда одного изъ своихъ учениковъ Евареста, и мъстность, называвшаяся нізкогда Кокоровійскою (той Кохоровію), теперь прославилась.—Итакъ названіе столичной м'єстности было \circ $\Lambda \psi$ или иначе τὰ Κοχοροβίου. Николай поставиль обитель ок. 857 г. въ Кокоровіи: мы знаемъ, что Еварестъ погребенъ ок. 890 г. именно въ Кокоровійскомъ монастыръ. Вполнъ возможно, что названіе Кокоровія держалось до Х въка; но когда (если это не выдумка) при имп. Львъ Мудромъ патрикій Ливъ построилъ здісь свой монастырь, старое названіе стало отходить на второй планъ, выт'єсняясь новымъ той Лиβός. Одии ученые (Мордгманнъ) полагаютъ, что монастырь τοῦ Λιβός лежаль къ югу, другіе (патр. Констанцій и Паспати) — къ сѣверо-

¹⁾ col. 937: ἔνδον τῆς πόλεως πρὸς τὰ τοῦ Λίβα μέρη τόπον ἀπωχισμένον καὶ ήσυχον έχπριάμενος.

198 отдель і.

востоку отъ храма Апостоловъ (нынѣ мечеть Темирджеларъ). Связь этой мѣстности Лива съ упомянутой выше $\Lambda \iota \psi$, $\Lambda \iota \beta \acute{\varepsilon} \xi$, $\Lambda \acute{\iota} \beta \alpha$, $\Lambda \acute{\iota} \mu \alpha$ во Өракіи. а равно съ приморскою мѣстностью $\Lambda \iota \beta \acute{\varepsilon} \xi$ въ Виеиніи, упоминаемой Өеофаномъ, пока не ясна; но возможно, что всѣ они названы такъ потому, что были открыты со стороны югозападнаго вѣтра ($\acute{\varepsilon}$ $\lambda \acute{\iota} \psi$). Въ столичномъ монастырѣ Лива ($\tau \acute{\varepsilon} \eth \Lambda \iota \beta \acute{\varepsilon} \xi$, у нашего Зосимы: Липеси) были погребены: первая супруга Іоанна Палеолога Анна Васильевна и супруга Андроника Младшаго Ирина; поэтому-то онъ, вѣроятно, и назывался «Царицынымъ» монастыремъ.

Между тімь архіерей Фотій съ правителями (σύν τοῖς κρατούσιν) всячески старался привлечь Николая на свою сторону и посътить его: онъ «гонялся за его славою» (ἐθήρα γὰρ αὐτοῦ τὴν δόξαν). Однако Николай, не желая попасть въ ихъ съти, бъжалъ въ Приконисъ (островъ около Кизика), въ Митилину (одинъ изъ городовъ Лесбоса), гдв жилъ довольно долго, далбе въ Херронисъ, гдб желалъ поселиться со своимъ братомъ (то-есть Титомъ) въ Ксамиліи (ἐν τῷ Ξαμηλίω, § 66).—Херронисомъ или Херсонисомъ Оракійскимъ назывался, какъ изв'єстно, длинпый мысь между Геллеспонтомъ и Оракійскимъ моремъ, съ Калиполемъ, Мадитомъ и другими городами. Существование здёсь местности или города Ксамилія упоминается только въ разбираемомъ житіи и возбуждаетъ некоторое подозрение въ своей правильности: мы ожидали бы чтенія Έξαμήλιον, подобно тому, какъ называлась одна изъ мѣстностей Цареграда («Шестимильная»). Повидимому, Николай изъ Лесбоса новернуль обратно по направленію къ столиць. — Между тымъ Ахилла, послѣ иятилътняго управленія Студіемъ, (въ 862 г.) былъ избранъ архіепископомъ въ восточной области-въ Наколіи. Преемникомъ его въ монастыръ былъ Өеодосій въ теченій года (862-863); по смерти Өеодосія игуменомъ быль Евгеній, правившій всего 4 мізсяца (863 г.); за нимъ слъдовалъ Өеодоръ Сантаваринъ (ек у сос τοῦ Σανταβάρεως, Σανταβαρινός) 1), правившій цільій годъ (863—864); далье слыдоваль Савва изъ Каллистрата (ек Каллистратои)²), ученикъ тогдашняго патріарха (то-есть Фотія, § 67). Послѣ семилѣтняго пребыванія своего въ Кокоровійскомъ монастыр (858—865) Николай, и безъ того больной и старый, былъ связанъ кесаремъ (Вардою) и отведенъ въ Студійскій монастырь подъ надзоръ Саввы. Здёсь онъ

¹⁾ Zandapa-городъ Мизіи.

²⁾ Каллистратія-городъ Галатіи, у Чернаго моря.

содержался въ крѣикомъ заключеній два года (865-867), предсказавъ кончину обоимъ кесарямъ (хат' ἄμφω τοῖν δυοῖν καισάροιν). И дъйствительно: царь Михаилъ съ кесаремъ отправился въ походъ противъ Измаильтянъ, дорогою между ними возгорѣлась злоба и кесарь жалкимъ образомъ былъ изрубленъ мечемъ (21 апреля 866 г.); царь вернулся въ столицу и вскорѣ (οὐ μετὰ πολύ) самъ испиль ту же чашу (23 сентября 867 г., § 68). Престоль заняль кесарь Василій, правильнье было бы сказать: соимператоръ. — Онъ созваль священный соборъ и послъ передачи патріаршаго престола богоносному Игнатію (867 г.) самъ разыскалъ «общаго нашего отца» Николая и вмёстё съ архіереемъ (очевидно патр. Игнатіемъ) просилъ его занять свой монастырь (Студійскій). Аскеть сначала отвергь такое предложеніе, ссылаясь на старческую немощь и бремя тамошняго игумена; я въ твоей воль, царь, замьтиль святой, но требую для себя свободы и считаю великою выгодою находиться подъ защитою твоего преподобства (της σης όσιότητος). Царь однако убедиль его принять власть (867 г.), съ благоволеніемъ отпустиль его изъ дворца (τῶν βασιλείων) и очень часто приглашалъ его къ себъ, находя удовольствіе въ его προστοτή (άπλότης, § 69).

Затьмъ авторъ собирается вкратць говорить о чудесахъ Николая, которыя, по апостолу (1 Корине. XIV, 22), суть знаменія нев'єрующимъ (§ 70). — Такая мотивировка звучитъ какъ-то странно, точно были люди, которые не върили въ правоту дъла Николая и которыхъ необходимо было убъдить въ томъ, что всь дъйствія его были святы.— Въ то время Евдокія, супруга имп. Василія, страдала какою-то бользнію (πάθει δεινώ); помощь врачей оказалась безсильною, и больной угрожала смерть. Василій гореваль и стональ; но когда Евдокія увидъла сонъ, онъ ободрился. Именно она увидъла одного старца-монаха, который сказаль ей: дерзай, ибо ты не умрешь нынь, но получишь отсел' радость желаннаго выздоровленія. Евдокія разсказала этотъ сонъ мужу, и императоръ приказалъ явиться къ ней всемъ столичнымъ настоятелямъ церквей и монастырей. Явился и Николай, знакомый цариць. Его она и видьла во снь, отъ него и исцылилась; всь и прежде всего императоръ почтили его особенною честію. Николай, подобно св. Николаю Мирликійскому, явился однажды царю въ сновидени и освободиль людей отъ неправеднаго наказанія (§ 71). Елена, жена патрикія Мануила, подобно августь, находилась у вороть ада, и уже ея родные готовились къ исходной. Узнавъ объ этомъ, Нико-

лай коснудся рукой головы больной, начерталь крестное знамение надъ нею и избавиль ее отъ смерти (§ 72). Тоже случилось и съ мужемъ ея Мануиломъ: онъ лежалъ на одрѣ и уже выслушалъ окончательный приговоръ врачей о неминуемости смерти. Тогда онъ пригласилъ къ себъ святого и просиль облечь его въ схиму 1). Нътъ, сказалъ ему Николай, это для тебя, дитя, будеть безполезно: ты выздоров вешь и получишь великую власть; а когда это исполнится, я возьму тебя постриженнаго въ лучшій удёль. Пророчество сбылось: патрикій выздоровълъ, достигъ разныхъ отличій, немного побольль, постригся и умеръ (§ 73). — Мы очень склонны отожествить этого патрикія Мануила во первыхъ съ темъ патрикіемъ Мануиломъ, къ которому извъстно два письма патр. Фотія. Это быль врагь патріарха, не перестававшій поносить его посл'є его сверженія, производившій жестокости и гнавшій его безъ меча и крови, что называется, въ могилу; Фотій грозиль ему неумолимостью небеснаго суда²), и во вторыхь съ тыть патрикіемъ Мануиломъ, начальникомъ почть, которому писалъ Митрофанъ Смирнскій и который по приказанію имп. Василія присутствоваль на Константинопольскомъ соборъ 869 года. Въроятно вскоръ послѣ того онъ и умеръ. Съ одной стороны Николай спасаетъ его отъ смерти, но заявляетъ: только не надолго; съ другой Фотій грозитъ ему Судомъ Божінмъ, и патрикій умираетъ. Слова обоихъ, хотя и враждебныхъ другь другу, оправдались на Мануиль. — Өеофиль Лидіать (Λυδιάτης), приходившійся зятемь Мелиссинымь и носившій свою фамилію подобно последнимъ, состояль въ должности протоспаварія. Дъти его умерли, и родители находились въ неутъшномъ горъ: такъ ихъ трогаль дътскій неумълый лепеть! Съ дъвочкой-младенцемъ они явились къ Николаю, выражали свою скорбь по поводу неимѣнія сына п просили его помолиться о дарованіи имъ младенца мужескаго пола. Однако святой на это не согласился: коснувшись левою рукою головы ребенка, котораго держали родители, а правую поднявъ кверху, онъ послѣ молитвы отпустиль ихъ со словами: «се же глаголеть Духъ Святый, яко будеть жива дщерь, и узрите глазами вашими сыновъ ея сыновъ, и переселитесь отсель съ радостію». Пророчество сбылось, и родители, не им'єя сына, увид'єли сыновей своей дочери (§ 74).— Въроятно, и этотъ протоспаварій Өеофиль тожествень съ темь прото-

¹⁾ col. 944: τῷ ἀγγελικῷ τῶν μοναχῶν κατακοσμῆσαι τοῦτον ἐπιβοώμενος σχήματι. Этотъ византійскій обычай перешелъ и къ намъ на Русь.

²⁾ Φωτίου ἐπιστολαί, ed. Montacut. p. 203, 334 № 146, 226.

спаваріемъ Өеофиломъ, которому писалъ Фотій и который быль въ числь его недруговь. Въ прежнее время ими. Михаилъ поставилъ его въ шутовскаго патріарха, да и вообще Өеофиль, по выраженію Никиты Пафлагонянина, быль γελωτοποιός καὶ μίμος καὶ πάντων εναγέотатос. На соборѣ 869 года онъ присутствовалъ въ санѣ проконсула и патрикія.

О другихъ чудесахъ Николая, замъчаетъ авторъ, забыто, и переходитъ къ характеристикъ святого (§ 75). Онъ сравниваетъ его съ Авелемъ по прямотъ сердца и съ Енохомъ (§ 76), съ Ноемъ по избъжанію потопа, съ Авраамомъ и Исаакомъ (§ 77), съ Іаковомъ (§ 78), съ Іовомъ по страданіямъ (§ 79), съ Моисеемъ, Давидомъ и Иліею (§ 80) и съ Іосифомъ, ибо и онъ, лежа на смертномъ одрѣ, спращивалъ, нетъ ли нужды въ чемъ необходимомъ? и когда братія заметила, что существуетъ недостатокъ въ припасахъ (§ 81), онъ сказалъ: вотъ я ухожу къ моимъ отцамъ, но Богъ вамъ дастъ припасы черезъ три дня послѣ моей смерти. Передъ кончиною онъ собралъ всѣхъ монаховъ и выбралъ имъ игумена въ лицъ эконома Климента (§ 82). Затемъ онъ потерялъ разсудокъ, протянулъ ноги, скрестилъ руки и предаль душу относящимъ ее ангеламъ. Смерть святого последовала 4 периттія (февраля) 6376 (868) г., перваго индикта, на 75 году жизни (§ 83). Гробъ его былъ помъщенъ рядомъ съ гробомъ Навкратія, въ Предтечевомъ храмѣ, по правую руку къ востоку, въ предѣлѣ Мучениковъ (τῶν μαρτύρων σηκῷ), гдѣ покоится гробница и Өеодора (§ 84). Д'єйствительно, на третій день его кончины отъ имп. Василія прибыль одинь изь царскихь кораблей, нагруженный хлівбомъ, которымъ и были пополнены монастырскія житницы. Игуменъ Климентъ былъ пораженъ этимъ (§ 85). Онъ правилъ монастыремъ довольно летъ (868-?) и умеръ 17 іюля; ему наследоваль Иларіонъ. Ученикъ Николая Антоній Мавръ (Майрос) много л'єть страдаль кровотеченіемъ; когда врачи отчаялись въ его выздоровленіи, Иларіонъ вельть ему лечь въ той келліи, гдь быль прежде заключень Николай. Последній явился больному во сне и обещаль выздоровленіе. Съ того времени прошло 40 лътъ, и Антоній не чувствуетъ никакой бользни (§ 86). — Замътимъ здъсь, что въроятно преемникомъ Иларіона быль Анатолій, который постригь агіографа въ монашество и сообщилъ ему вышеприведенную повъсть. Онъ правилъ монастыремъ долго (напр. въ 80-90-хъ годахъ). Очевидно, послѣ него смѣнилось уже нъсколько игуменовъ въ Студіи, если агіографъ говоритъ монахамъ:

«знаю, что всѣ вы знаете нашего пастыря Анатолія». Многое, говорить авторь, слѣдуеть предать забвенію, чтобы быть краткимъ, ибо рѣчь слаба для передачи чудесъ святого (§ 87). Житіе оканчивается молитвеннымъ воззваніемъ агіографа, который между прочимъ заявляетъ, что онъ пожелаль сдѣлать извѣстнымъ то, что покрыто бездной молчанія много лѣтъ (ἐν μαχρῷ τῷ χρόνῳ), проситъ святого даровать миръ церковному сонму и ниспровергнуть дерзкій натискъ дикихъ народовъ 1) и ихъ надменную гордость; «виждь, на что они нынѣ дерзаютъ» (cla νῦν τὰ τολμώμενα): сжигаютъ церкви и проливаютъ кровь! убѣди молитвами твоими, чтобы они пришли чрезъ вѣру къ древнему благородству славы, или всецѣло были истреблены» (§ 88).

Время написанія Житія не можеть быть опредёлено съ точностію. Біографъ говорить о Крите, находившемся въ его время подъвластью мусульмань, а извёстно, что этоть островь оставался въ ихъ рукахъ съ 826 по 961 годъ. Въ виду того, что Николай умеръ въ 868 г., разстояніе можеть быть сокращено до одного столетія (868 — 961). Далее, приниман во вниманіе, что выздоровевшій отъ посмертнаго чуда Николая Антоній Мавръ жиль 40 леть въ полномъ здоровье, заключаемъ, что Житіе могло быть написано лишь после 915 года; неопредёленное указаніе, что Житіе составлено много леть спустя после кончины святого, оправдывая последнее соображеніе, можеть дать основаніе къ еще большему суженію предёла 915—961. Сообразно съ этимъ, заключительныя моленія агіографа могуть относиться къ борьбе партій евенміанъ и николаитовъ, сторонниковъ двухъ патріарховъ цареградскихъ (921 г.), и къ нашествію на Византію Болгарскаго царя Симеона (924 г.).

ГЛАВА ІУ.

Псамавійскій монастырь.

Жизнь патр. Евеимія.

Псамавійскій монастырь св. безсребренниковъ Космы и Даміана (около Студія), основанный Евенміемъ, позже патріархомъ Константинопольскимъ (907—912), извѣстенъ между прочимъ пребываніемъ въ немъ его основателя. Среди братіи нашелся одинъ инокъ, который

¹⁾ col. 953: καταβάλλοις έθνων ἀτιθάσσων θρασείαν όρμήν.

написалъ мемуары изъ своего времени, въ которыхъ центральнымъ лицемъ изображенъ Евоимій. Какъ назывались эти мемуары, мы не знаемъ, ибо единственный списокъ ихъ сохранился безъ начала, безъ нъсколькихъ листовъ въ срединъ и безъ конца. Издатель K. von Boor озаглавиль ихъ Vita Euthymii (Berlin, 1888), и благодаря этому обстоятельству мемуары отнесены были въ агіографическую литературу. Но если это и Vita, то уже отнюдь не βίος τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ήμων, такъ какъ она написана въ послъ-Фотіевскій періодъ и не по правиламъ агіографической схемы. Правильнье она могла бы быть озаглавлена: Historia contemporanea или Ίστορία ή καθ' ἡμᾶς.

Драгоцінные мемуары, изданные и прекрасно разобранные и оціненные Бооромъ (S. 79—203) и довольно подробно разсмотрѣнные Н. П. Поповымъ 1), не нуждаются здъсь къ новой оцънкъ во первыхъ потому, что они, повторяемъ, не есть житіе св. патр. Евоимія и вовторыхъ потому, что говорять о діятелі уже начала Х віка. Ограничимся здёсь перечнемъ біографическихъ данныхъ до вступленія Евеимія на патріаршій престолъ.

Евоимій жиль въ монастыр'є св. Өеодора. — Бооръ поясняеть: въ Пиги (П $\eta\gamma\dot{\eta}$), но такого опредѣленія нѣтъ въ Vita: можетъ быть обитель эта находилась и въ другомъ мъсть столицы, напр. надъ кладбибищемъ Пелагіевымъ (ср. ж. Антонія). — Къ нему прежде всего спъшилъ нововоцарившійся имп. Левъ Мудрый (въ 886 г.). Евоимій, пользуясь своимъ вліяніемъ на царя, ходатайствоваль о смягченій участи своихъ противниковъ, но самъ онъ былъ ярымъ противникомъ всемогущаго министра Стиліана и предсказаль ему кончину. Высоко цѣнимый имп. Львомъ, Евоямій прибыль въ столицу (откуда?) на средства императрицы Өеофаніи и назначенъ быль патріаршимъ синкелломъ (Стефана, или Антонія?); следствіемъ отказа его исполнять эту должность быль новый разрывь его со дворомъ. Евоимій основаль монастырь Псамавійскій, снискалъ расположеніе у Льва Катакилы, жиль въ своемъ монастырћ и напрасно старался о разрывћ между имп. Львомъ и его супругою Өеофаніею, которой онъ предсказаль скорый конецъ. — Опять не агіографическій пріемъ. Святые предсказывали скорую кончину своимъ нечестивымъ недругамъ; но здёсь пророчество относилось къ святой царицѣ. — Ярый противникъ брака царя Льва съ Зоею, Евенмій былъ сосланъ въ Константинопольскій

¹⁾ Имп. Левъ VI Мудрый и его царствованіе. М. 1892 стр. XLVII-LIV.

же монастырь Діомидовъ. Но предсказавъ заговоръ родственниковъ Зои и по обнаруженіи ихъ, онъ снова былъ приглашенъ ко двору. Вслідствіе его попытки явиться посредникомъ между царемъ Львомъ и Александромъ явплась новая натянутость отношеній между нимъ и Львомъ. Евений посвящалъ время и литературнымъ занятіямъ и имѣлъ общеніе съ выдающимися духовными особами. Патріаршество ему было предсказано. — Не смотря на современность писателя, онъ все-таки кое-что и забыль изъ біографіи Евениія, напр. о подвижничествѣ его въ монастырѣ Астакинскаго залива, о чемъ упомянуль Арева (ср. стр. 153).

ГЛАВА V.

Влахерны.

Никифорово ж. Өеофана Сигріанскаго. — Ж. царицы Өеофаніи.

Знаменитѣйшимъ, послѣ св. Софіи, храмомъ въ Константинополѣ былъ Влахернскій, въ сѣверо-западномъ углу столицы, воздвигнутый въ V вѣкѣ и прославленный своею чудотворною иконою Богоматери. Уже въ VII в. Влахернскій храмъ соперничалъ по богатству украшеній со св. Софіею. Въ иконоборческій періодъ онъ былъ лишенъ благолѣпія, иконы были или убраны, или заштукатурены и вмѣсто ихъ появились изображенія птицъ, растеній и т. д. Съ половины ІХ в. храмъ снова приведенъ былъ въ прежній видъ и установлена ежегодная церковная процессія изъ св. Софіи во Влахерны въ воспоминаніе торжества православія. Надобно думать, что и здѣсь находилась хорошая школа для образованія духовенства, пбо изъ нея вышло нѣсколько литературно образованныхъ лицъ, извѣстныхъ своею агіографическою дѣятельностью.

«Житіе съ похвалою Өеофана-Исаакія» Сигріанскаго, написанное Никифоромъ, скевофилаксомъ Влахернской церкви 1), составляетъ слѣдующій пересказъ Меоодіева сочиненія. Біографъ, повидимому, не имѣлъ ничего общаго ни со святымъ, ни съ его монастыремъ, но вотъ его постигло какое-то несчастіе, и Никифоръ по чьему-то порученію

¹⁾ Обо та паходости об тру хооцикую: Theophanes. Chronographia, ed. de Boor, II 13—27. Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ спискахъ имени автора не дано, Бароній впервые приписаль это житіе перу Феодора Студита, за нимъ повторили Болландисты, архим. Сергій и проф. Васильевскій. (Одинъ изъ греческихъ сборниковъ, Спб. 1886, стр. 22).

рѣшился написать житіе съ похвалою этому скорому помощнику въ бедахъ, о чемъ онъ говоритъ въ начале и въ конце своего труда. Архіен. Сергій полагаль, что до сего времени не существовало еще житій Өеофана, что Никифоръ первый взялся за его біографію, но уже Крумбахеръ отвергъ это заключение 1). Блестящій языкъ съ нѣсколькими излюбленными оборотами, риторическая, описательная рачь, доходящая иногда до темноты, и сравнительная скудость біографическихъ данныхъ, — таковы особенности разбираемаго житія. Крумбахеръ, довольно строго отнесшійся къ этому сочиненію, зам'вчаетъ, что Никифоръ пишетъ какъ юноша, обрабатывающій школьную тему по опредъленнымъ правиламъ. Но ученикъ не могъ бы быть скевофилаксомъ знаменитейшаго после св. Софіи храма (пе дворца, какъ полагаетъ нѣмецкій ученый); ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ хорошо образованнымъ челов комъ, къ которому люди бол в высокаго положенія обращаются съ литературнымъ заказомъ. Отожествлять его съ тъмъ философомъ и монахомъ Никифоромъ, съ которымъ до 867 года переписывался патр. Фотій по вопросамъ литературнымъ, однако нътъ достаточно основаній. Подобно Аннъ Комниной и Киннаму, Никифоръ не охотно вносить въ сочинение имена прозаическия, какъ бы боясь, что появление этихъ именъ внесетъ разладъ въ его поэтическую прозу. Болландисты возстають противъ двуименности автора, полагая, что вм'єсто той хаі Ідаахіой следуеть почему-то читать віой Ідаахіой. Въ общемъ, этотъ пересказъ всетаки прибавляетъ кое-что такое, чего мы не находимъ въ текстахъ Меоодіевской группы²).

Въ предисловій авторъ превосходно сравниваеть жизнь съ моремъ: какъ купцы, переплывая море, подвергаются бурямъ, непогодѣ и мраку, съ радостью устремляють взоры на звѣзды и держатъ путь прямо, — тоже испытываютъ и люди, желающіе переплыть море жизни: они подвергаются бурямъ искушеній, съ упованіемъ останавливаются на людяхъ святыхъ и прогоняютъ мракъ ихъ лучезарностью. Одни изъ нихъ прославились одними подвигами, другіе — другими: тотъ воздержаніемъ, этотъ цѣломудріемъ, третій добродѣтелями, четвертый презрѣніемъ жизни, пятый презрѣніемъ тщетной славы. Въ дѣлахъ Өеофана ты увидѣлъ бы идею прекраснаго, какъ бы насажденную въ цвѣтущемъ саду (§ 1). Приглашенный описать эти

¹⁾ Ein Dithyrambus auf den Chronisten Theophanes. München 1897, S. 589.

²⁾ K. Krumbacher. Eine neue Vita des Theophanes Confessor. München 1897, S. 383.

дѣянія по закону похваль (ἐγκωμίων νόμοις), я охотно уступиль просьбъ, будучи увъренъ, что получу помощь въ молитвахъ его. Никифоръ заявляетъ, что пишетъ не для славы святого, ибо рѣчь его слишкомъ недостойна для главныхъ его подвиговъ, а для того, чтобы читатели и слушатели получили пользу, подражая святому. Къ прославленію его взываетъ и родина, и родъ, и природа, и его добродътель. По закону похваль, отечество ради его вооружается, желаеть удержать за собою первенство передъ всеми и умоляетъ съ клятвою, что оно не перенесетъ лишенія собственной красоты; родители, украшаясь его воспитаніемъ, образують бухту въ виду отечества; добродътели подымаютъ выю и громко взываютъ: «смотрите на его одно стремленіе и легко познайте пораженіе»; но будучи судьею діль, не могущихъ противостоять, зачёмъ я устрою поражение? (§ 2). — Любопытно, что и въ XV в. имп. Мануилъ Палеологъ, описывая жизнь своего брата, деспота Өеодора, все еще ссылается на тотъ же «законъ похвальнаго слова»; «законъ похвалъ (ὁ νόμος τῶν ἐγκωμίων), говорить онь, требуеть, прежде укращенія восхваляемаго, объявить всѣмъ родину и его, и родителей» 1).

Родиною Өеофана былъ Константинополь, который въ житіи названъ очень образно. — Изъ «служебной» редакціи памяти, о которой ръчь ниже, видно, что въ годъ смерти Льва Хазара (780) Оеофану быль 21 годъ отъ роду, стало быть онъ родился въ 759 году. Болландисты, имъя въ виду, что святой передъ смертью (ок. 818 г.) жаловался на свою старость, полагають, что въ «памяти» ошибка, что витьсто ха следуеть читать да, что Өеофань родился въ 749 году. Однако это рискованно. Положимъ, что 58-милътній не очень старъ, но въдь все зависить отъ состоянія организма, а организмъ Өеофана изнуренъ былъ нефритомъ и каменною бользнію; поэтому онъ могъ чувствовать свою старость и въ 58 лътъ. — Родители его Исаакій и Өеодота были знатны и богаты, состояли въ санъ стратиговъ (отраτηγία λαμπόμενοι) и при тираннахъ и царяхъ отличались добродѣтелями.—Не упомянуто, что Исаакій быль стратигомь острововь Эгейскаго моря, изъ чего можно пожалуй заключить, что извёстіе въ Меоодіевомъ житій не точно. — Наследникомъ ихъ имущества быль Өеофанъ, эта звёзда материнской утробы, соединявшій красоту души съ благольніемъ тыла. «Надлежало, повторяеть агіографъ вслыдь за Го-

¹⁾ Combefis. Hist. haeres. monoth. col. 1049.

меромъ, чтобы не у мужа-родителя, а у бога былъ сынъ» 1), «отъ пеленъ освященный», по выраженію прор. Іеремін (§ 3). Отепъ его. поживъ немного въ странъ золъ, покинулъ ее среди заботъ, въ должности стратига, и умеръ, когда Өеофану исполнилось три года (въ 762 г.). — Здъсь подобно тому, какъ и въ Мсоодіевомъ Житіи, недостаетъ многихъ подробностей біографіи, которыя могутъ быть возстановлены изъ пересказа Симеона Метафраста. — Отпраздновавъ свою свадьбу, Өеофанъ былъ всецьло занять божественнымъ. — Хотя въ «служебной» редакцій памяти и сказано, что онъ женился 12 льть отъ рода, но Болландисты, находя, что по римскимъ законамъ нельзя было вступать въ бракъ такъ рано, полагають, что 12 летъ Өеофанъ былъ только помолвленъ, а свадьба его состоялась въ 766 г., т. е. когда ему было 17 летъ. - Ночью онъ подошелъ къ постели своей супруги, сълъ и началъ говорить: Жена! настоящая жизнь коротка, какъ всемъ извъстно, и обдержима неизвъстностью будущаго; никто не знаетъ, когда придеть смерть и позоветь на общій судь; неготовому человѣку, исполненному грѣховъ, грозитъ вѣчный огнь; напротивъ, благія дъла уготовляютъ кончину лучшею; богатство, дурно управляемое, болье слуга зла, нежели добродьтели; красота тыла не вычна и погибаетъ отъ времени и болъзни; слава человъческая преходяща по сравненію ея съ в'яною славою; поэтому, если хочешь, мы немного послужимъ законамъ природы, а потомъ сдёлаемся выше самихъ себя (§ 4). Жена, превзотедшая любовію ко Христу супругу мученика Мардарія²), отв'єтила ему: Милый! насколько справедлив'є навсегда сохранить красоту девства! кто поручится, что для служащихъ жизни и призванныхъ къ дъторожденію надежды не оправдаются? — Само собою разумъется, что эти ръчи сочинены агіографомъ; несомнънно, что если бы онъ были у Меоодія, онъ читались бы иначе, какъ онъ читаются опять иначе у Метафраста. Прототиномъ этого разсказа можетъ служить повъсть Палладія (IV в.) о св. Амунъ, который сказалъ своей новобрачной: «приди сюда, госпожа и сестра моя, я поговорю съ тобою; въ бракт нашемъ особенно хорошаго ничего нътъ; такъ хорошо мы сделаемъ, ежели съ нынешпяго же дня станемъ спать порознь; сохраняя такимъ образомъ дъвство свое неприкосновеннымъ, мы угодимъ и Христу... Молодая ему ответила: «и я, господинъ мой, ръшилась съ радостью проводить святую жизнь, и буду дълать все,

¹⁾ p. 15: οὐ γὰρ ἐψίχει ἀνδρός γεννητοῦ παῖς ἔμμεναι, ἀλλὰ θεοῖο.

²⁾ Мардарій-мученикъ при Діоклитіанъ въ Арменіи; память его 13 декабря.

что повелишь мнѣ», и т. д. 1). Өеофанъ быль пораженъ словами жены: онъ палъ на землю, возблагодарилъ Бога и затъмъ заключилъ съ нею условіе, что будеть им'ть ее во всю жизнь сообщинцею всякаго добра. Оба они сдёлались монашествующими, хотя жили и въ мірѣ (§ 5). Ночь провели въ псалмопѣніи. Богъ приняль ихъ рѣшеніе и украсиль ихъ своимъ присутствіемъ. Супруги, повергшись на полъ, молили его о милости. Когда знаменіе скрылось, они роздали богатство беднымъ. Однако въ тестя водворилась зависть дьявола, и онъ подвигъ царя на гибвъ. Тогда царствовалъ Левъ, сынъ Копронима, больвшій о молодых в и цьнившій своего друга; онь съ клятвою грозиль, что лишить зрвнія молодого человека, если онь не прекратить задуманнаго дёла (вёроятно полной раздачи денегъ и намёренія уйти въ монастырь). Онъ отправиль его въ Кизикъ, вручивъ ему управление (тамошними) дёлами, какъ будто бы онъ занимался, по замёчанію агіографа, тщетнымъ и преходящимъ и забывалъ красоту вѣчно сущаго. Өеофанъ по пути въ Сигріану (ἐπὶ Σιγριανήν) прибыль къ дивному старцу Григорію, обладавшему даромъ пророчества, который освободиль его сердце отъ страстей и замѣтиль: тебѣ нѣтъ надобности въ бътствъ: скоро твое отшествіе (въ пустыню) сдълается безпрепятственнымъ, ибо твой тесть и царь умрутъ (§ 6).—По Болландистамъ, Өеофанъ явился къ Григорію въ 776 г.; этого Григорія они отожествляють съ темъ игуменомъ Агаврскаго монастыря, о которомъ разсказывается въ житіи Іоанникія. — Өеофанъ боле служиль подъ началомъ старца, нежели отправлялъ царскую службу по части коней. Онъ опоздалъ возвращениемъ домой и остановился со свитою въ случайно попавшемъ мъстечкъ, гдъ принужденъ былъ переносить зной и жажду въ виду отсутствія воды. Вознеся обычныя молитвы къ Богу, онъ легъ на свой коверъ, заснулъ и былъ удостоенъ чудотворенія: источникъ, находившійся около его ковра, неожиданно забилъ; водою его святой утолиль жажду народа и возблагодариль Бога-подателя. Ночью источникъ скрылся, къ утру не осталось отъ него и следа (§ 7).

Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ тесть Өеофановъ и царь Левъ умерли (780 г.). На престолъ вступила Ирина. Иконоборчество кончилось и заблистало солнце православія. Өеофанъ съ женою роздали свое богатство. Она ушла въ монастырь на о. Принкипо²) (въ 30

¹⁾ Migne. Patr. gr, XXXIV, 1025-Палладія Лавсанкъ. Сиб. 18733, стр. 29 и сл.

²⁾ τῷ κατὰ Πρίγκιπον σεμνείφ.

или 40,000 шагахъ отъ Византіи), а онъ-къ «великому» Стратигію въ Сигріанскомъ предм'єстьи, гд в и быль имъ постриженъ. — Одни помѣщали Сигріанскую гору въ Мидіи, другіе въ Митилинѣ, близь Мидін, гдів, по словамъ святогорца Никодима, есть Σίγρι и гора съ монастыремъ Іоанна Богослова, въ которомъ будто бы находился Өеофанъ. Однако съ большею увъренностью мы должны присоединиться къ мнѣнію Болландистовъ, что Сигріанская гора лежала недалеко отъ Кизика (въ 22,000 шагахъ), реки Великой (Риндака) и отъ моря (тоже въ 22,000 шагахъ). —Здесь святой пожертвовалъ много денегъ на монастырь, по совъту Стратигія переправился на о. Калонимъ (или по Никодиму, Калолимнъ, древній Бесбикъ) и здёсь поставилъ на отцовскія средства монастырь, собраль въ него монаховъ изъ обители Өеодора Монохерарія, добродьтели котораго «вошли въ народную поговорку», надёлиль монастырь владёніями, поставиль игумена и предался подвигамъ: ежедневно занимался св. писаніемъ, ночью молился, получилъ власть надъ демонами и страстьми; мягкостью походиль на Моисея; о мужествъ, силь воли и презръніи къ бъдамъ свидътельствують особенно послъдніе его годы (§ 8). — Что касается Стратигія, то Болландисты насчитывають трехъ лицъ этого имени, страдавшихъ за иконопочитаніе: доместика экскувитовъ (765 г.), двоюроднаго его внука и узника Преторія (780 г.); повидимому, здісь новое лицо, которое Метафрастъ называетъ Христофоромъ. Объ основатель монастыря Өеодорь Монахераріи (Монохирь), а равно о мъстоположеній этой обители не имбется свідіній въ других в источниках в.— По смерти игумена братія просила Өеофана принять настоятельство, но онъ отказался, взялъ посохъ и отправился въ Сигріанскую гору. Здёсь онъ купилъ у одного земледёльца мёстечко, по имени Село (Άγρός, Поле), гдѣ и поселился, занимаясь трудами рукъ; черезъ нѣсколько времени онъ уже уплатиль долгъ (§ 9). Далъе слъдуетъ риторическая характеристика святого (§ 10). Өеофанъ отправился по монастырямъ Виеиніи и другихъ странъ, собиралъ, какъ розы, подвиги тамошнихъ братій и приносиль къ себъ. «Едва не позабыль сказать о самомъ главномъ»: когда состоялся вторично въ Никеи соборъ, съ другими отцами быль приглашень и Өеофань. Всё являлись на изрядныхъ коняхъ, блистали великолепными одеждами, а онъ украшался обычною власяницею и охотно (άσμένως) прибыль на вьючномъ животномъ женскаго пола. Увидъвъ его въ такомъ нарядъ, всъ исполнились всяческаго добродушія; а онъ, прикрываясь истиною и поразивъ

заблужденіе, вернулся во свояси (§ 11). Демоны въ вид' дикой свиньи искусали ему руку; онъ помазалъ ес муромъ Древъ Честныхъ, п больное мъсто зажило. «Если я стапу говорить обо всемъ, что даровала ему божественная милость, замічаеть авторь, я нарушу законы похвальнаго слова»: разръшенное слово пойдетъ какъ судно въ великомъ морѣ; а если я многое опущу и вспомпю только немногое, то рѣчь, какъ бы опирающаяся на базисъ, пріобрететь крепость п остальное изъ сказаннаго получитъ точнъйшую ясность (§ 12). Одинъ, одержимый злымь духомь, сталь пожирать свое тёло, какь чужое, и сдёлался страшнымъ для всёхъ посётителей. Онъ былъ связанъ и заключенъ подъ стражу; но однажды вечеромъ послѣ молитвы у него спали съ тела оковы, и онь пришелъ въ церковь здоровымъ. Некая нужда требовала присутствія святого въ предмість і. Дорогою настала зима. море сильно бушевало и мѣшало ѣхать далье. Тогда Өеофань обратился къ корабельнику со словами: скажи сорабынъ, что буря свирыпствуеть, а намъ нужно, чтобы море было тихо, дабы мы могли ъхать домой спокойно, — и море тотчасъ утихло. Өеофанъ особенно заботился о бъдныхъ, любилъ братію, всегда подавалъ спасительную руку и однажды въ теченіи четырехъ місяцевъ раздаваль безъ разбора монастырскій хлібоь, хотя его и для себя было недостаточно. Экономъ былъ недоволенъ этимъ и принялся считать его; но іг послѣ раздачи изъ общаго количества не убыло и медимна (§ 13).

До сихъ поръ церковь наслаждалась спокойствіемъ: цари были благочестивы, патріархи сіяли добродітелями, архіереи примірно пасли свою паству, настоятели монастырей учили братію пути, ведущему къ небу. Но врагъ-дьяволъ позавидовалъ церковной красот в и воздвигъ Льва, родомъ армянина и ассирійца, какъ нікоего звіря. Способный быть обманутымъ, довърчивый къ обманутымъ, считая обманъ добродътелью и пользуясь имъ въ отношени къ своимъ приближеннымъ, онъ возсталъ противъ имперіи, изгналъ изъ церкви патріарха и почти всёхъ архіереевъ, возсталь противъ подобія божественной илоти Христовой, Богоматери и всёхъ святыхъ; по беззаконію онъ превзошель древняго Рапсака и вооружился на градъ Божій — святую церковь. Одни умерли въ борьб съ нимъ, другіе страдали отъ голода, третьи отъ ремней, а были и такіе, которые были брошены ночью въ море (§ 14). Тогда быль вызванъ и Өеофанъ—«не насильственною рукою, но лестью»; царь писаль ему: «ми предстоить походъ на враговъ, и необходимо сначала вооружиться твоими молит-

вами и такимъ образомъ сразиться съ врагами». Өеофанъ, страдавшій застарѣлымъ нефритомъ (νεφεφ πολυχεονίφ) и задержаніемъ мочи (δυσ-ငυဥ(၁), прівхаль въ столицу. Царь черезъ посланнаго вельль ему передать, что желаеть его видеть: если, говориль онъ, ты послушаешься моей просьбы и придешь, я тебя награжу всёми благами, одарю твой монастырь, возвышу твоихъ родственниковъ, и самъ ты будешь у меня первымъ другомъ; въ противномъ случат ты будень повиненъ въ великомъ стыдѣ (§ 15). Өеофанъ отвѣтилъ черезъ посланнаго: я не нуждаюсь въ деньгахъ и имфніяхъ, отъ которыхъ я отказался еще въ юности; о монастыръ и родственникахъ позаботится Богъ, который надежнье царей и князей; если же ты хочешь дёйствовать угрозами противъ больнаго старика, какъ учителя неблагородно д \dot{a} йствують палкою противь д \dot{b} тей \dot{a}), то готовь огни и пытки, я самъ пойду на костеръ (§ 16). —Умолчаніе здёсь объ иконопочитаніи дало поводъ проф. Крумбахеру заключить, что житіе это написано вскорѣ послѣ окончанія иконоборчества (S. 592). Но неубѣдительность этого соображенія видна хотя бы изъ того, что Никифоръ и безътого три раза говорить объэтомъ движеніи. — Царь быль пораженъ отвътомъ Өеофана; затъя его не удалась: «оселъ былъ пойманъ за пѣніемъ на лирѣ». Святой былъ заключенъ въ крѣпчайшую тюрьму Елевоеріева дворца (τοῖς τῶν Ἐλευθερίου ἀνακτόροις); его морили голодомъ; онъ страдалъ отъ своихъ бользней, но былъ непреклоненъ; ангелы радовались его мужеству, а демоны были въ страхъ (§ 17). Черезъ два года онъ былъ переведенъ въ тюрьму на о. Самоораки, гдв предсказаль кончину царя и гдв черезь 23 дня скончался. — Бароній пріурочиваль его кончину къ 816-му, Гоаръ къ 818 году. Болландисты послѣ сложныхъ, но недостаточно обоснованныхъ соображеній нашли, что святой могъ жить до марта 820 года. Фактъ тотъ, что Өеофанъ умеръ въ царствованіе имп. Льва Армянина (813 — 820), черезъ 2 года и 1 месяцъ после того, какъ былъ вызванъ въ Константинополь. Но въстолицу онъ былъ вызванъ вскорѣ послѣ бесѣды царя во дворцѣ съ иконопочитателями (около февраля 815 г.); стало быть кончина Өеофана можетъ быть отнесена къ 12 марта 817 или 818 года. — Тъло его руками боголюбивыхъ людей было положено въ деревянный гробъ и съ пъснопъніями предано земль. Когда язва распространилась на островномъ скоть и животныя стали гибнуть, владъльцы ихъ брали воду отъ гроба его, кропили

¹⁾ p. 24: σκοτάλη τὰ ἀγεννῆ τῶν μειρακίων οι παιδευταί.

скотъ и такимъ образомъ спасали его (§ 18). Наконецъ дикій звърь погибъ въ священномъ мѣстѣ, и заблистало солнце свободы. Почитатели святого явились въ лодк' на островъ, взяли раку съ его тъломъ и перевезли въ мѣсто Іерію ('Ιέρεια), отстоящее отъ монастыря (по Болландистамъ: отъ Кизика) въ 12 стадіяхъ (§ 19). Богъ прославиль своего угодника чудесами: бользни испылялись, буря морская утихала, сумасшедшіе (бациононтьс) получали исцеленіе у его гроба, паралитики, приносимые на носилкахъ, возвращались назадъ съ благодареніемъ; выздоравливали слепые, хромые и немые, а также кровоточивыя жены; «рукописаніе, полное тяжелых случаевь, оказалось припечатаннымъ къ гробницъ, и никто не зналъ, къмъ оно написано»; но всего, зам'вчаетъ авторъ, пересказать не возможно (§ 20). Целый годъ народъ посъщалъ храмъ св. Прокопія (гдь очевидно лежали мощи святого), съ трудомъ шли по прямому пути монастыря его и становились около раки на четыре группы. Избранные изъ отцовъ, поднявъ кивотъ на плечи, понесли его (здёсь въ рукописи новый пропускъ, § 21). Житіе оканчивается общею характеристикою святого, въ которой Никифоръ молитъ Өеофана даровать ему освобождение отъ приключившихся обстояній, дабы можно было приступить къ описанію его подвиговъ (§ 22).

Похвальное слово царицѣ Θ еофаніи, написанное современникомъ ея, живописцемъ Михаиломъ Влахернитомъ, какъ видно изъ Ватиканскаго Минолога 1), до насъ не сохранилось, но, какъ кажется, имъ еще пользовался въ XIV вѣкѣ Никифоръ Григора. Въ Обрядникѣ византійскаго двора сказано, что первая супруга имп. Льва погребена въ ἡρῷον Константина Великаго вмѣстѣ съ дочерью Евдокіею: λάρναξ πράσινος ϑ ετταλός, ἐν ἡ ἀπόκειται Θεοφανὼ ἡ πρώτη γυνὴ τοῦ μακαρίου Λέοντος 2).

ГЛАВА VI.

Хорскій монастырь.

Ж. Михаила Синкелла. — Ж. Өеодора Начертаннаго.

Хорскій монастырь, подобно Студійскому, въ иконоборческое время представляль печальное зрѣлище: монахи были разорены и проживали въ самомъ ограниченномъ числѣ въ усадьбѣ Καστώρεον,

¹⁾ Ср. Pitra. Anecdota sacra, I, 648—649, гдѣ приведенъ отрывокъ изъ службы ей; см. также «Визант. Времен.» 1895, II, 464.

²⁾ Migne, CXII, 1196.

земли его были конфискованы и самъ монастырь былъ почти разрушенъ и обращенъ въ гостиницу для прівзжающихъ мірянъ. При такихъ условіяхъ не могло быть и рвчи о книжной двятельности хорцевъ. Нвкоторая населенность, образованіе и литературная двятельность въ монастырв начинается лишь со времени окончательнаго возстановленія иконопочитанія, когда игуменомъ Хоры сдвлался образованнвйшій человвкътого времени—св. Михаилъ Синкеллъ. Но иноки, вышедшіе изъ его школы и выступившіе на поприщв писательства не ранве конца ІХ ввка, были люди недостаточно подготовленные и не отличались литературными дарованіями. Однако если они изъ школы своего учителя могли вынести любовь къ историческому прошлому своей обители, то уже и эта черта ихъ достаточно характеризовала хорскаго игумена Михаила.

Во второй половинѣ IX в. одинъ изъ хорцевъ составилъ житіе основателя обители, св. Өеодора; другой (если не онъ же) составилъ житіе игумена Михаила Синкелла. Полная несамостоятельность авторства, заимствованіе почти всего содержавія изъ чужихъ книгъ, самое простое, незамысловатое изложеніе, съ синтаксическими неправильностями,—таковъ общій характеръ хорской школы агіографіи. Житіе Өеодора издано было пами въ 1903-мъ, житіе Михаила—Ө. И. Шмитомъ въ 1906 году. Въ первомъ больше неправильностей въ построеніи рѣчи, нежели во второмъ, почему (если агіографомъ было одно лицо) можно предположить, что житіе Өеодора было вѣроятно его первымъ дебютомъ на литературномъ поприщѣ; во второмъ житіи уже менѣе синтаксическихъ неправильностей: агіографъ видимо уже сдѣлалъ успѣхи въ писательствѣ.

При разсмотрѣніи житія Михаила Синкелла мы видимъ уже проторенный учеными путь; напр. ассомпсіонистъ S. Vailhé хронологически уже опредѣлилъ главнѣйшіе моменты его біографіи 1).

Житіе это²) по всёмъ видимостямъ написано было инокомъ Хорскаго монастыря во второй половинё IX столётія. Агіографъ не былъ

¹⁾ Saint Michel le Syncelle et les deux frères Grapti Saint Théodore et Saint Théophane (Revue de l'Orient Chrétien, 1901). О другомъ, позднъйшемъ, Михаилъ Синкеллъ ръчь будетъ во второй части этого сочиненія.

²⁾ Τὰς τῶν ἀγαθῶν ἀνδρῶν (θ. И. Шмитъ: Кахріэ-джами, въ «Извѣст. русск. археол. Института въ Константинополѣ». Софія. 1906, XI, 227—259, ср. стр. 23—27 и пр.). Ср. еще наши замѣчанія въ De S. Theodoro monacho hegumenoque Chorensi. Petropoli 1903, стр.. XXI—XXIII, съ нѣкоторыми ошибками въ цифрахъ, тамъ исправленными.

челов комъ лично хорошо осв комленнымъ въ д к но жилъ въ такое время, когда еще можно было спросить живыхъ свид телей д к ятельности игумена и сподвижниковъ имп. Ософила. Разсказы этихъ лицъ нашъ авторъ обильно снабдилъ выписками изъ житій другихъ святыхъ, отчасти изъ хроникъ и будто бы изъ писемъ самого игумена; отъ себя онъ не привнесъ ни одной сколько нибудь новой черты для біографіи, съ ч в въ общемъ согласны в с в изследователи. Говорить о немъ, какъ о современник описываемыхъ событій и какъ о писател в правдивомъ, о чемъ говоритъ г. Шмитъ, едва ли приходится, потому что онъ самъ въ сущности ничего не даетъ: контролировать пришлось бы пе агіографа, а его источники.

Несамостоятельность его, какъ автора, сказывается уже съ первыхъ строкъ житія: коротенькое предисловіе ц'яликомъ взято агіографомъ изъ житія св. Іоанна Милостиваго, патр. александрійскаго (VII в.), паписаннаго Леонтіемъ неапольскимъ 1) (въ житіи Өеодора предисловіе взято изъ хроники Өеофана). Персіянинъ по крови (перосγενής), Михаилъ родился въ Іерусалимѣ въ 761 году²). Трехлѣтнимъ ребенкомъ (въ 764 г.) онъ быль посвящень Богу іерусалимскимъ патріархомъ, не названнымъ по имени: —быль ли это Илія, неизвъстно. — По достижении возраста родители отдали его учителю, ὅπως προπαιδεύση αὐτὸν τὰ τῆς προπαιδείας γράμματα, a κογда οнъ изучиль это, по приказанію патріарха быль отдань είς τὰ τῆς γραμματικῆς καὶ ἡητορικής και φιλοσοφίας διδάγματα. Ко всему этому Михаилъ присоединиль еще καὶ ποιητικών καὶ ἀστρονομίας ὅσον τὸ κάλλιστον. По смерти отца онъ остался на попеченія у своей матери (матери многихъ дочерей и одного сына). Послъ постриженія послъдней съ дочерьми Михаиломъ въ. одномъ изъ Ісрусалимскихъ монастырей около св. Сіона (της μητρός πασών των έκκλησιών) οπь οτдаль въ этоть монастырь много богатствъ и въ возрасть 26 льтъ (то-есть въ 787 г.) удалился въ лавру св. Савы Освященнаго, внесъ сюда имъвшіяся при немъ средства и быль пострижень во иночество. Здёсь въ течении 18 лёть (до 805 г.) онъ велъ аскетическую жизнь, питаясь по цёлымъ неделямъ одними овощами и то безъ соли, принимая пищу только по субботамъ и воскресеніямъ. Игуменъ убѣждалъ его довольствоваться только служеніемъ Богу и службою въ лаврѣ, но Михаилъ предпо-

¹⁾ См. Шмитъ, стр. 25.

²⁾ Эта дата извлекается съ одной стороны изъ года смерти Михаила (846), а съ другой изъ числа лътъ его жизни (85).

читаль строжайшее подвижничество. Проживь въ лавра 12 латъ, онъ (въ 799 г.) былъ поставленъ въ сапъ пресвитера отъ руки патр. Өомы въ храмъ Воскресенія. — Посль Иліп († ок. 791 г.) въ каталогъ арх. Сергія значатся: Өеодоръ, антипатріархъ его Георгій п наконецъ Өома I въ 807, † послѣ 820 года. Въ виду того, что Палама не знаетъ Георгія, на основаніи житія Михаила можно, кажется, установить преемство въ такомъ видѣ: Илія (787—797), Оома (797—820). — Черезъ два года послѣ того (въ 800 г.) онъ выпросиль себѣ у настоятеля особую келью для безмолвія и жиль здісь, имін только одинь хитонъ, который носилъ, небольшой матрацъ, на которомъ спалъ, и сосудъ (βαυχάλιον), на которомъ тъ хлтбъ.

Когда прибыли въ лавру два уроженца востока, Өеодоръ въ возрасть 25 льть (родился около 775 г.) и Өеофань въ возрасть 22 льть (родился ок. 778 г.), пгуменъ поручилъ Михаилу принять ихъ. Михаиль постригь ихъ, быль ихъ руководителемь и училь грамматикь, философія и поэзія. Братья оказались способными и даровитыми учениками; патр. Оома приглашалъ ихъ въ патріархію и слушалъ ихъ бесъды. На 50-мъ году жизни Михапла (въ 811 г.) патр. Оома сдълалъ его своимъ спикелломъ, послъ чего святой поселился въ патріархіи, а братьевъ Өеодора и Өеофана поселилъ въ монастыр в Спудеевъ (той Σπουδαίων), построенномъ патр. Ильею близь храма Воскресенія. Вскоръ они были рукоположены Өомою во пресвитеровъ. Отношенія между патріархомъ и его синкелломъ были самыя близкія: оба они былп перазлучны.

Михаиль денно и нощио мечталь посътить Римъ и облобызать мощи св. ан. Петра и Павла. Въ то время нѣкіе священники и монахи изъ франковъ стали употреблять въ Символѣ Вѣры Filioque, чёмъ очень смутили Римъ. Папа писаль въ этомъ смысле посланіе къ патр. Өомъ, съ просьбою послать къ нему ученыхъ людей для борьбы съ ересью. Это пзвъстіе, по словамъ агіографа, почерпнуто изъ писемъ самого Михаила къ православнымъ пнокамъ о. Сициліи, но эти письма, къ сожальнію, пе сохранились. Патр. Оома рышиль послать въ Римъ своего синкелла. Въ это время Агаряне напали на Герусалимъ, и Өома ръшилъ послать письмо къ имп. Льву Армянину и патр. Өеодоту иконосжигателю. Это было, по словамъ агіографа, въ началь царствованія Льва, сл'єдовательно около 814 года.—Подобный прецеденть быль уже во времена имп. Никифора, когда Өеодоръ Студитъ, находившійся въ изгнаціи, писаль патр. Оом в о еретикахъ-иконоборцахъ. Оома и

теперь убѣждалъ царя и патріарха отступиться отъ иконосжигательной ереси. Михаилъ съ Өеодоромъ и Өеофаномъ, а равно съ однимъ инокомъ Спудейскаго монастыря Іовомъ отправились съ упомянутымъ письмомъ патріарха въ Константинополь черезъ Діосполь (Διόσπολις) и Лидду (Λύδδα). Въ селевкійскомъ городѣ Михаилъ встрѣтилъ нѣкихъ монаховъ, которые не признавали VII, Никейскаго, собора и не считали въ диптихахъ патр. Тарасія,—и убѣдилъ ихъ вѣровать въ святость собора. Посланцы прибыли въ Византію въ маѣ VII индикта (814 г.) и, по опредѣленію царя и патріарха, поселились въ монастырѣ Хоры на коштъ царской казны.

Мы и θ. И. Шмить уже указали на то интересное обстоятельство, что Хорскій монастырь во все византійское время быль подворьемь іерусалимскихъ церквей, почему прибывавшіе изъ Іерусалима иноки останавливались всегда въ Хорѣ. Происхожденіе этого обычая относится къ самому началу возникновенія обители и довольно неопредѣленно. Уже въ концѣ ІХ в. существовало два преданія на этотъ счеть: по одному (vita S. Theodori), св. Сава Освященный, прибывъ въ Византію, первый остановился въ новопостроенной Хорѣ у своего знакомаго — игумена Θеодора (συνδιαιτώμενος) 1), и съ этого времени и всѣ іерусалимскіе иноки стали останавливаться здѣсь же; по другому преданію (vita S. Michaelis), имп. Юстиніанъ, воздвигнувъ Хору, населилъ ее іерусалимскими иноками, — два разныхъ преданія, но довольно близкихъ между собою, чтобы не могъ сообщить ихъ и одинъ инокъ въ разныхъ сочиненіяхъ.

Царь Левъ будто бы пригласилъ Михаила и его свиту во дворецъ Хрисогриклинъ и спросилъ о причинѣ ихъ прибытія въ столицу. Михаилъ отвѣтилъ, что онъ присланъ іерусалимскимъ патріархомъ для напоминанія о томъ, что надобно имѣть въ церквахъ иконы святыхъ и поклоняться имъ. При этомъ онъ подалъ царю подлинное посланіе, которое тутъ же и было прочитано.—Агіографъ приводитъ этотъ якобы подлинный текстъ, но это такъ кажется только съ перваго раза; въ дъйствительности же текстъ письма выдуманъ, какъ вымышлены всѣ вставочные якобы подлинные тексты въ византійской литературѣ. Самъ Михаилъ еще могъ знать содержаніе патріаршаго посланія, но агіографъ Хорскій уже рѣшительно не имѣлъ возможности ни видѣть, ни переписать его для своего труда. Здѣсь говорится о томъ, что Богъ

¹⁾ Chr. Loparev, De S. Theodoro monacho hegumenoque Chorensi. Petropoli 1903, p. 11.

являлся Моисею на Синайской горь и повельлъ сдылать два херувима, п о томъ, что скинія завѣта (р. 235: той μαρτυρίου?) имѣла икону Богородицы и Приснодъвы Маріи (!), и о томъ, что пророки Исаія, Іеремія, Іезеківль и вствидти на самомъ дтит иконы и изображенія (?), и о томъ, что апостолы дёлали иконы и поклонялись имъ, и о томъ, что ап. Петръ далъ своему ученику Панкратію дв'в иконы-Христа и Богородицы, и о томъ, что ап. Лука первый написаль икону Христа и Богоматери, «которая и до нынъ хранится въ великомъ Римъ и во святомъ Божіемъ градъ нашемъ» (Іерусалимъ?!), и о томъ, что самъ Христосъ послалъ едесскому монарху Авгарю свой нерукотворенный образъ, «который и донын' хранится въ томъ же город (Едес в), и т. д. Не исторію мы здёсь видимъ, а одну легенду второй половины IX вёка. Какъ легенда, посланіе это им'єть свое значеніе въ смыслі опреділенія terminus'a post quem.—Царь Левъ Армянинъ заключилъ іерусалимское посольство въ столичную тюрьму Фіала (της Φιάλης). Здісь исповідники, несмотря на приносимую имъ пищу, рёшились голодать. Царь прибътъ къ лести; онъ объщалъ поставить ихъ епископами на выдающихся канедрахъ; но они посланному заявили рѣшительный отказъ и готовность пострадать за иконопочитание до самой смерти, такъ что посланный, вернувшись ко Льву, будто бы воскликнулъ: «мы побъждены, царь, мы побъждены: мужи — выше угрозъ». Тогда Левъ, оставивъ Михаила съ Іовомъ въ Фіаль, Өеодора и Өеофана перевелъ на островъ Αφусію (Άφουσία). Послідніе прибыли въ новую тюрьму въ августъ VII индикта (814 г.) и поручены надзору начальника (архич, άρχηγός) острова. Но и въ Афусійской тюрьм в братья находили возможность писать увъщательныя посланія къ православнымъ.

Черезъ шесть лѣтъ, по смерти Льва Армянина († 820) вступилъ на престолъ царь Михаилъ, также иконоборецъ. Послѣдній велѣлъ перевести Михаила съ Іовомъ въ оковахъ изъ Фіалы въ одинъ изъ олимпійскихъ монастырей близъ города Прусіады 1). Михаилъ (подобно братьямъ) не переставалъ укрѣплять православныхъ посланіями.

По смерти царя Михаила († 829) на престолъ вступилъ сынъ его Өеофилъ, «злѣйшій изъ всѣхъ, до него царствовавшихъ».—Подъ вліяніемъ этого извѣстія Ө. И. Шмитъ также считалъ Өеофила «наиболье ярымъ врагомъ монаховъ» (стр. 32), однако все-таки по сравне-

¹⁾ τῶν τοῦ 'Ολύμπου μοναστηρίων τῆς πόλεως Παρουσιάδος.

218 отдыль 1.

нію напр. съ Константиномъ Копронимомъ Ософиль быль куда болже снисходительный. И вообще надо признать за несомитиное, что первый періодъ иконоборчества (VIII в.) быль наиболье жестокимъ; во второмъ періодѣ (IX в.) императоры какъ будто задумываются, основательно ли преследование ими иконопочитания. Самъ Ософилъ подъ конецъ своей жизии, извърившись въ преследовании, послалъ къ Іоанникію, виоинскому аскету, спросить мибнія, надо ли продолжать гоненіе.—На 5-мъ году своего царствованія (въ 834 г.) онъ вызваль Михаила синкелла изъ темницы Прусіадскаго монастыря и заключиль въ столичный Преторій (Πραιτώριον), разлучивь съ Іовомъ. Два года узникъ страдалъ слабостію и отъ старости и страданій очень ослабъль эръніемъ. Одна върная монахиня Евфросинія приняла въ немъ живое участіе и заботилась даже въ его тілесныхъ нуждахъ. Черезъ два года (въ 836 г.) Өеофилъ велелъ перевести Михаила изъ одного каземата Преторія въ другой. Черезъ четыре мъсяца посль того Өеофилъ вспомпилъ о братьяхъ Өеодорѣ и Өеофанѣ—по слѣдующему поводу. Η кій протасикрить (άσηκρητις), знакомый св. Михаила и его учениковъ, подъ давленіемъ правительства подписался подъ иконоборческою сресью. Синкеллъ, узнавъ о томъ, писалъ ему увъщательныя письма и вернулъ его спова въ лоно православія. Тогда имп. Өеофилъ осудилъ Стефана на изгнаніе, а имущество его конфисковалъ. Михаиль украниль въ православіи также своего знакомаго спасарія Каллону (Καλλοναν), чьмъ привелъ царя въ изступление. По этому поводу царскіе присп'єшники наномнили Өеофилу: изъ Іерусалима де при царѣ Львѣ прибыли сюда четыре монаха, съ намъреніемъ ѣхать въ Римъ; они — иконопочитатели и, не смотря на угрозы царя, не отстали отъ идолослуженія, не смотря на ссылки и заточенія они продолжають разсылать письма для украпленія «православныхь». Өеофиль велёль вызвать всёхъ ихъ къ себе. Всё четверо собрались 8 іюля XIV пидикта (836 г.) и были заключены въ Преторій. На 9-е іюля быль назначень допрось ихъ въ присутствій царя въ Хрисотриклинь. Иноки были введены къ царю епархомъ (ётарусь), вошли съ веселыми лицами, какъ бы на бракъ, а не на подвигъ. Тутъ житіе принимаетъ тонъ мучешичества. — Откуда вы? спросилъ Өеофилъ. — Изъ Моавитиды, последоваль ответь. — Зачемъ прибыли сюда? Не дождавшись еще отвъта, царскіе слуги набросились на иноковъ и били ихъ до потери ими сознанія. Когда иноки пришли въ себя и встали на ноги, Өеофиль повториль свой прежній вопрось. Тѣ молчали. Обратившись къ епарху (υπαργος) 1), Өеофиль велёль начертать братьямъ на лицахъ стихи и въ такомъ видѣ отправить ихъ на родину. Христодуль, державшій въ рукахъ готовые уже стихи, стояль туть же, прибавивъ: «хотя они и не хороши, но не безпокойся», а одинъ изъ слугъ зам'єтиль: «да они (братья) и не достойны, владыко, чтобы ямбы были лучше». И воть въ Преторіи Өеодору и Өеофану были начертаны на лицахъ слъдующіе 12 стиховъ:

> «Изъ всъхъ, любящихъ приходить ко граду, гдѣ всечистые ноги Бога Слова стояли для созиданія вселенной, сін явились къ поклопяемому м'єсту негодными сосудами суевърнаго заблужденія; впрочемъ, много тамъ по невърію безбожномысленно сдълавъ постыднаго, страшнаго, оттуда они были выгнаны какъ отступники; ко граду же царства прибъгши, они не оставили беззаконныхъ глупостей; посему, какъ преступники, съ написанными лицами, они осуждаются и преслѣдуются снова» 2).

Негодованіе агіографа по поводу этого начертанія выражено сильно и искренне, но и тутъ съ синтаксическими ошибками. По прибытіп въ Преторій, въ такъ называемую Өермастру (θερμάστραν), онп снова были приведены къ Өеофилу, который сказаль имъ: «можетъ быть вы, придя въ свою землю, будете говорить, что вотъ де мы посмітялись надъ царемъ Ромеевъ; но я раніве осміню васъ и, жестоко наказавъ, отошлю васъ домой». Братьевъ начали бичевать воловьими жилами; при истязаніи Начертанных солдаты см'внялись четыре раза; а царь подбадриваль истязателей, приговаривая: «если любишь меня, прибавь еще» 3). Окровавленныхъ и безгласныхъ, ихъ снова отвели въ тюрьму, такъ какъ они едва могли идти. Но вотъ является новый посланецъ отъ царя съ приказаніемъ опять идти во дворецъ. Но идти братья уже были не въ состоянии. Логооетъ дрома спросилъ ихъ: для

¹⁾ Чередованіе є παρχος и υπαρχος встрівчается и въ боліве древних в агіографическихъ памятникахъ, см. напр. М. Krascheninnikov, Vita S. Basilii Ancyrani, Jurievi 1906; cp. H. Usener, Der heilige Theodosios, Leipzig 1890, S. 129.

²⁾ Иной переводъ стиховъ у Ф. А. Терновскаго, Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Кіевъ 1883, стр. 492.

³⁾ Cτp. 244, § 43: εἰ ἔχεις ἐμέ, δὸς καλά.

чего вы радовались смерти царя Льва? и зачёмъ, прибъжавъ къ нему. не навязали ему той же въры, какую исповъдуете сами? На это братья отвътили: смерти царя Льва мы не радовались, въру или лучше ересь его мы не принимали. — Черезъ четыре дня допрашивать ихъ сталъ епархъ съ упомянутымъ Христодуломъ и его отцомъ. Онъ грозилъ мучить ихъ снова, отправить къ Агарянамъ и телько потомъ на родину. Отецъ Христодуловъ невольно спросилъ епарха: не кланяясь иконъ, зачъмъ они страдаютъ? Өеофанъ на это сказалъ ему: отступи отъ насъ, врагъ истины! мы поклоняемся иконамъ, зная, что אָ דַּהָּ בּנֹχόνος τιμή ἐπὶ τὸ πρωτότυπον ἀνάγει τὴν τιμήν. Тогда епархъ 18 іюля XIV индикта (836 г.) велёль написать имъ лица. — Двойное извёстіе о написаніи лиць безъ сомнінія говорить въ пользу того, что агіографъ заимствовалъ сведеніе изъ разныхъ агіографическихъ памятниковъ; въ одномъ говорилось о написании до 18 іюля, въ другомъ — именно 18 іюля; нашъ агіографъ, не въ состояніи проверить дату, включиль об'є въ свой разсказъ. — Народъ сходился и биль братьевъ по лицу. Когда епархъ сообщиль царю отвътъ братьевъ, Өеофилъ сказалъ ему: «если бы я зналъ, что это върно. то я бы начерталь такъ на всемъ моемъ народѣ». По распоряженію императора Начертанные были заключены въ темницу рядомъ съ Михаиломъ Спикелломъ. Последній написаль имъ утешительное письмо (которое и приводится), радуясь, что они такъ мужественно пострадали за иконы Христовы, и обадривая ихъ, что и великій боецъ за благочестіе Меоодій выражаеть имь свое удивленіе. Письмо это было передано имъ черезъ Іова. Меоодій, по словамъ агіографа, писалъ много писемъ Михаилу, называя его владыкою и отцомъ, писалъ и братьямъ на о. Афусію. Онъ и самъ находился въ заключеніи, въ томъ же Преторіи, много лѣтъ. Узники переписывались между собою.

По смерти имп. Өеофила († 842 г.) престоль перешель къ Өеодорѣ и ея сыну Михаилу. Өеодора задумала вернуться къ иконопочитанію и вернуть изъ ссылки и тюремъ всѣхъ исповѣдниковъ. Полетѣли повюду указы о возвращеніи. И когда всѣ собрались въ столицу, царица собрала ихъ во дворцѣ въ присутствіи сената и народа
для обсужденія вопроса о возстановленіи иконопочитанія. Иконоборцевъ предали аначемѣ, патріархъ Іоаннъ былъ проклятъ и изгнанъ
съ престола и изъ столицы. Когда поднялся вопросъ о преемникѣ патріарха, взоры всѣхъ будто бы остановились на Михаилѣ Синкеллѣ.—
Это невѣроятно. Кромѣ этого житія нигдѣ болѣе не говорится о кан-

дидатур'в Михаила на патріаршій престоль. Михаиль быль совствиь дряхлый и къ тому же полусленой. Главнымъ основаниемъ при выборѣ должна была быть все-таки наличность страдальчества. За Михаила могло быть подано нъсколько голосовъ, но они потерялись среди другихъ кандидатовъ. Михаилъ, говоритъ агіографъ, изъ скромности и смиренія отказался отъ патріаршества и подаль мысль спросить совета у Іоанникія Великаго, подвизавшагося на Олимп'є вм'єсть съ игуменомъ Агаврскаго монастыря Евстратіемъ. Синодъ и царица согласились съ этимъ и послали туда двухъ епископовъ и одного мірянина — спаварія. Посланные нашли Іоанникія въ лаврѣ прор. Иліи. Послѣ семидневнаго моленія Іоанникій вручиль посланнымъ посохъ и сказалъ: «идите, дъти, и передайте посохъ сей Менодію, монаху и пресвитеру, изгнаннику въ монастыр έ των Έλεοβωμητων. Соборъ и цари немедленно велёли Меоодію явиться и поставили его въ патріархи. Менодій прокляль еретиковь и освободиль церковь отъ иконоборческихъ священниковъ; Михаила онъ сделалъ своимъ синкелломъ и рукоположиль во игумена Хорскаго монастыря.

При описаніи Хоры агіографъ пользовался житіемъ Өеодора Хорскаго или повторилъ изъ него свои прежнія свѣдѣнія. Царь Юстиніанъ Великій населилъ Хорскій монастырь монахами изъ Іерусалима и дазалъ имъ харчи изъ средствъ государственной казны 1). Поэтому, когда преп. Сава прибылъ въ Константинополь, онъ построилъ Хору и черезъ годъ по порученію царя освятилъ монастырь, съ тѣхъ поръ прибывающее изъ Іерусалима духовенство посылалось царями въ Хору 2). Посему-то и настоящіе исповѣдники «звѣроименитымъ» царсмъ (Львомъ Армяниномъ) были отправлены въ Хору—какъ выходцы изъ Іерусалима 3). Царь Левъ Исавріянинъ, изгнавъ патр. Германа, поселилъ его въ Хорѣ. Константинъ Копронимъ обнажилъ, уничтожилъ и почти сравнялъ съ землею Хору, сослалъ сюда мужа своей сестры Анны, православнаго царя Артавасда съ женою и девятью сыновьями, устроивъ здѣсь гостинницу для мірянъ. — О ссылкѣ царя Артавасда именпо въ Хору извѣстно только изъ одного этого житія. Безъ сомнѣ-

¹⁾ Ctp. 250 § 57: τοὺς ἀπὸ Ἱεροσολύμων παραγινομένους ἱερεῖς τε καὶ μονάζοντας ἐκέλευσεν ἐν αὐτῆ ἀναπαύεσθαι, τὰς δὲ αὐτῶν χρείας ἐκ τῶν βασιλικῶν ταμιείων τούτοις δίδοσθαι.

²⁾ Ctp. 251 § 59: ἔχτοτε οἱ ἀπὸ Ἱεροσολύμων παραγινόμενοι ἐν τἢ Κωνσταντινουτόλει ἐν ταύτη παρὰ τῶν εὐσεβῶν βασιλέων ἀπεστέλλοντο.

³⁾ Ibid.: ἐν τῆ αὐτῆ ἀπεστάλησαν μονῆ ἀπό Ἱεροσολύμων παραγενόμενοι.

нія свідівніе это откуда-то заимствовано агіографомъ, но оно не заключаеть въ себт ничего невтроятнаго. — Здтсь и лежатъ православныя мощи этихъ изгнанииковъ, равно какъ и патр. Германа. Патр. Меоодій поставиль Михаила игуменомь Хоры, а Өеофана Начертаннаго митрополитомъ въ Никею. Епископы говорили Менодію: пе надо де епископовъ изъ чужой земли, мы де ничего не знаемъ ни о немъ, ни о его житін; но Менодій ответиль: Өенфанъ много страдаль, на лице его письмена, и я невольно поставиль его въ Никею. Но Михаилъ сказаль патріарху: если ты что делаешь Өеофану, — мне делаешь, ибо я-онъ и онъ-я. Өеофановъ братъ Өеодоръ Начертанный скончался 27 декабря въ возрасть 70 льть (ок. 844 г.). Отъ пего осталось сочинение «Κυνόλυχος», свидетельствующее о высоте его мудрости, заграждающее уста еретикамъ и иконосжигателямъ, впрочемъ до насъ не сохранившееся. Өеофанъ и Михаилъ Синкеллъ почтили кончину Өеодора похвалами и положили его тело въ раке до него умершихъ святыхъ отцевъ, — но гдѣ именно, не сказано; какъ увидимъ (стр. 224), онъ погребенъ быль въ Апаміи (фригійской?). — Өеофанъ правиль Никейской канедрою четыре года (842-845). Однажды опъ, прибывъ въ Константинополь, имель разговоръ съ патр. Меоодіемъ и остановился въ Хоръ у своего «отца» Михаила, гдъ прожилъ долго (γρόνον σύχ όλίγον), впалъ въ бользнь и умеръ. Передъ смертію онъ пригласиль Михаила и сказаль: помолись, отче, о сынъ своемъ, ибо жизнь моя кончается; похорони тёло мое въ землё отцовъ моихъ. Онъ скончался 11 октября IX индикта (846 г.), въ возрастъ 67 льтъ. Өеофанъ оставилъ много сочиненій церковнаго характера. Это былъ μελωδός подобно Давиду, составившій слова въ честь Христа, Богородицы, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, блаженныхъ, праведныхъ и архангеловъ, и всемъ имъ составилъ каноны. Михаилъ Синкеллъ почтилъ кончину Өеофана надгробными словами (?) и положилъ его рядомъ съ ракою патр. Германа.

Михаилъ Синкеллъ при вступленіи въ Хору нашелъ монастырь почти разрушеннымъ. Монахи его жили въ монастырской усадьбѣ (ἀγρῷ) Касторей (Καστώρεον) съ храмомъ во имя св. Трифона. Михаилъ вызвалъ ихъ къ себѣ, выстроилъ монастырь за-ново. Монашество увеличилось при немъ до 100 человѣкъ. Находя монастырь безъ средствъ, онъ отправился къ Мефодію съ ходатайствомъ, и патріархъ выпросилъ у Михаила и Феодоры земли, отнятыя у монастыря иконоборцами. Слава Михаила была такъ велика, что къ нему

приходили почти весь дворецъ и церковь. Самъ Меоодій почти не разлучался съ Хорскимъ игуменомъ.

Последнему было уже почти 85 леть. Опъ молился о кончине. п ангель возвъстиль ему ея приближение. Въ Рожественскомъ посту (845 г.) явившійся ему ангель сказаль: «Михаиль, Михаиль! возстань и готовься: черезъ десять дней придетъ къ теб в смерть. Проснувшись, Михаилъ молился со слезами, прося Бога о прекращеніи соблазновъ въ церкви; затемъ велель бить въ било. Когда собралась братія, онъ совершилъ утреннія пъснопьнія и объявиль о близости своей кончины. Братія заплакала, и святой ут шаль ее, прося не забывать его наставленій. Утромъ онъ отправился къ Меоодію съ радостнымъ лицемъ, чыть даже поразиль патріарха.- Что ты такъ весель? никогда я не видъль тебя такимъ, замътилъ онъ. Михаилъ шепнулъ ему на ухо: пужно радоваться, что Господь призваль меня недостойнаго въ его царствіе. Опечалился Менодій, ибо очень любиль Хорскаго игумена, и предложиль ему посътить царей. Разсказавь послъднимь о близости кончины Михаила, патріархъ оставиль ихъ, его місто заняль Хорскій игуменъ. Цари будто бы припали къ ногамъ его и просили молитвы. А игуменъ просилъ ихъ хранить церковь въ чистоть, объщая имъ за это мъсто рядомъ съ Константиномъ Великимъ, Өеодосіемъ и Елесвоа, православными царями. Изъ дворца Менодій съ Михаиломъ прибыли въ патріархію. Патріархъ просиль игумена жить вифстф съ нимъ въ келліи до самой кончины. Михаилъ сначала согласился и имъль съ Меоодіемъ постоянныя сношенія. Однако за пять дней до кончины (30 декабря 845 г.) онъ отпросился у патріарха вернуться въ свой монастырь и умереть здісь въ своей келліи. Патріархъ съ неохотою отпустиль игумена. Войдя въ монастырь, последній посетилъ храмъ св. Аноима и усыпальницу съ мощами мучениковъ Вавилы и съ нимъ 84 отроковъ. Выйдя изъ монастыря, онъ благословилъ всъхъ. Когда всъ разошлись, къ Михаилу явились его ученики со свёчами. Съними онъ отправился въ храмъ 40 мучениковъ и, припавъ къ гробницамъ св. Германа и Өеофана, молился со слезами: «се, я буду лежать съ вами тёлесно», и при этомъ указалъмёсто для своей могилы. Вернувшись въ келью, онъ въ субботу 19 декабря (845 г.), на память св. Игнатія 1), веліль служить панихиду въ его молитвенномъ дом' - въ храм св. Аноима, затымъ собралъ своихъ учениковъ и

¹⁾ Память св. Игнатія Богоносца празднуется 20-го декабря; поэтому агіографъ в'вроятно ошибся.

объявиль имъ о своей скорой кончинь, чымъ привель всыхъ въ слезы; просиль ихъ слушаться своихъ, слыдующихъ за нимъ, игуменовъ. Произнеся слова «въ руки Твои предаю духъ мой», Михаилъ скончался 4-го января (846 года). — Уже Ө. И. Шмитъ, вслыдъ за S. Vailhé, останавливался на ныкоторой нескладности хронологическихъ датъ житія. Если Михаилъ умеръ 4 января, то ангелъ возвыстилъ ему о кончины (черезъ 10 дней, значитъ) 26 декабря, но это былъ уже не Рожественскій постъ. — Изъ чудесъ св. Михаила агіографомъ отмычено только одно: ныкій монахъ Хорскаго монастыря много лыть страдаль сумасшествіемъ (πνευμα ἀχάθαρτον) — и исцылился въ моментъ смерти игумена.

Житіе Өеодора Начертаннаго, написанное во второй половинь ІХ стольтія, остается неизданнымь і); имъ, какъ кажется, пользовалась въ ХІІІ въкъ Өеодора Раулена, не говоря уже о Метафрасть. Равнымъ образомъ не издано и слово о перенесеніи его мощей изъ Апаміи въ Халкидонъ 2).

(Продолжение слидуеть).

Хр. Лопаревъ.

¹⁾ Cod. Paris. № 921, XII—XI B., f. 67—75 (Colb. 958) и № 501, XII B., f. 61 v.—74 (Omont, I. 62, 176); cod. Vatic. № 3, XI B., f. 114—124 (Pitra, 3).

²⁾ Еїхо́тως αν τις ἡμῖν (cod. Paris. MCDLVI n^0 10). Ср. стр. 184. Боимся, что неясное указаніе Фабриція вводить нась въ заблужденіе: перенесеніе мощей св. Өеодора (Студита, или Начертаннаго?).